

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

一、二、三、四、五、六、七、八、九、十

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2024. Т. 17. № 1

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar,
Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design: *Dz. Tatminov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Кулаков В. О.</i> Русско-персидские школы как элемент реализации политики «мягкой силы» Российской империи в Северной Персии в конце XIX – начале XX в.	8
	<i>Каманджаев Н. А.</i> «Важное проявление заботы и внимания». Из истории учреждения Международной геологической экспедиции в МНР	18
Отечественная история	<i>Шершнева Е. А.</i> Роль имперских органов власти в процессе выборов мусульманского духовенства в общинах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	29
	<i>Гунаев Е. А.</i> Предложения Комиссии Министерства внутренних дел под руководством Ф. К. Гирса о переводе Киргизской Внутренней орды в управление Астраханской губернии: административно-территориальное и судебное устройство (1873 г.)	43
	<i>Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.</i> Восьмой Халха-Джебцзун-дамба-хутухта и Пандито Хамбо-лама Даши-Доржо Итигэлов (1911–1915 гг.) . .	56
	<i>Белоусов С. С.</i> Формирование новых этнических групп в Калмыкии в 1957–1991 гг.	64
	<i>Бадугинова М. В.</i> Вспышка ВИЧ-инфекции в конце 1980-х гг. на юго-востоке РСФСР: политика советского государства в борьбе с эпидемией (на материалах Калмыцкой АССР)	75
Археология	<i>Королев А. И., Шалапинин А. А.</i> Результаты раскопок грунтового могильника Максимовка I в лесостепном Поволжье в 2019 г.	93
	<i>Выборнов А. А., Дога Н. С.</i> Новые данные о стоянке Комбак-тэ в Северном Прикаспии	110
	<i>Байтлеу Д. А., Ержанова А. Е., Кальгаро И.</i> О литейной форме из поселения эпохи бронзы Тарангул в Актюбинском Приуралье	123
Источниковедение	<i>Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К.</i> О некоторых особенностях конструкции и покроя хулагуидских, чагатайских и тимуридских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных доспехов XIV–XV вв.	141
	<i>Митруев Б. Л.</i> Сведения из тибетских источников о титуле Дайчин Аюки-хана	158
	<i>Винокурова Л. И., Сулейманов А. А., Федоров С. И.</i> «Печально зимой в Булуне»: А. В. Боголепов о повседневности заполярной Якутии в 1913–1916 гг.	190
Этнология и антропология	<i>Эрендженнова Ю. Ю.</i> Астрология как сакральное экологическое знание в тибетской буддийской традиции	213
Языкознание	<i>Мазарчук А. В.</i> Монгольская лексика сферы просвещения, образования и науки	224

CONTENTS

General History	<i>Kulakov V. O.</i> Russian-Persian Schools as an Element of Imperial Russia's Soft Power Policy in Northern Persia: Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries	8
	<i>Kamandzhaev N. A.</i> 'An Important Exercise of Care and Attention': How the International Geological Expedition Was Established in Mongolia	18
National History	<i>Shershneva E. A.</i> The Role of Imperial Authorities in Electing Muslim Clerics across Yenisei Governorate, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries	29
	<i>Gunaev E. A.</i> Proposals by the Ministry of Internal Affairs Commission Headed by F. K. Girs to Subordinate the Kirghiz Inner Horde under Astrakhan Governorate: Administrative Structure and Judicial System, 1873	43
	<i>Kuras L. V., Tsybenov B. D.</i> Eight Khalkha Jebtsun-Damba Khutukhtu and Pandito Khambo-Lama Dashi-Dorzho Itigelov, 1911–1915 . . .	56
	<i>Belousov S. S.</i> The Shaping of New Ethnic Clusters in Kalmykia, 1957–1991	64
	<i>Baduginova M. V.</i> The Late 1980s HIV Outbreak in the Southeast of Soviet Russia: Soviet Government and Its Policy against the Epidemic (The Case of Kalmykia)	75
Archaeology	<i>Korolev A. I., Shalapinin A. A.</i> Maksimovka I Grave Field (Forest-Steppe Volga Region): Results of the 2019 Excavations	93
	<i>Vybornov A. A., Doga N. S.</i> The Site of Kombak-te (Northern Caspian): Some New Data	110
	<i>Baitleu D. A., Erzhanova A. E., Calgaro I.</i> The Bronze Age Site of Tarangul (Aktobe Cis-Urals): Examining One Casting Mold	123
Sources Studies	<i>Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K.</i> Hulaguid, Chagatai and Timurid Armor Garments with Internally Sewn-and-Riveted Plates, Fourteenth–Fifteenth Centuries: On Some Features of Design and Cut	141
	<i>Mitruev B. L.</i> Ayuka's Title of <i>Daichin</i> Khan: Examining Tibetan-Language Sources	158
	<i>Vinokurova L. I., Suleymanov A. A., Fedorov S. I.</i> 'Bulun in Winter Is So Sad': A. Bogolepov about Everyday Life in Polar Yakutia, 1913–1916	190
Ethnology & Anthropology	<i>Erendzhenova Yu. Yu.</i> Astrology as Sacred Ecological Knowledge in the Tibetan Buddhist Tradition	213
Linguistics	<i>Mazarchuk A. V.</i> Mongolian Education and Science Vocabulary	224

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 1, Pp. 8–17, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-8-17

Русско-персидские школы как элемент реализации политики «мягкой силы» Российской империи в Северной Персии в конце XIX – начале XX в.

Владимир Олегович Кулаков¹

¹ Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева (д. 20а, ул. Татищева, 414056
 Астрахань, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент

 0009-0007-2188-5660. E-mail: jahondor[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Кулаков В. О., 2024

Аннотация. *Введение.* В конце XIX – начале XX в. усилилось противостояние России и Великобритании в Персии, сопровождавшееся проникновением других великих держав (Франции, Германии, США) в регион Ближнего и Среднего Востока. В этих условиях традиционные экономические методы распространения своего влияния в Персии, применявшиеся Россией, оказались недостаточными. *Целью* настоящего исследования стало обоснование факта открытия российских образовательных учреждений в Северной Персии как нового способа реализации политических целей России в этой стране. Задачей работы стало подтверждение с помощью архивных документов положения о том, что деятельность русско-персидских школ в указанный период должна была способствовать формированию у персидского населения положительного образа России. *Материалы и методы.* Важнейшими источниками, характеризующими процесс открытия русско-персидских школ в Северной Персии (их цели и задачи, постановку учебного процесса, конкретные результаты), стали обнаруженные в фондах Российского государственного исторического архива документы как центральных органов власти, так и дипломатических, экономических и военных учреждений Российской империи в Персии. Достичь поставленной цели исследования удалось с помощью использования аналитического и обобщающего методов с применением сопоставительного сравнения историографических сведений с архивными материалами. В *результате* были выявлены предпосылки возникновения русско-персидских школ в Северной Персии, определена обоснованность их деятельности именно в этом регионе страны, четко прослежен контекст конкуренции России с другими государствами в этом деле и сделаны выводы следующего характера: российское правительство ясно осознавало необходимость открытия школ, которые бы распространяли среди населения Персии русский язык и представления о России; контингент выпускников этих учебных заведений стал бы важным элементом реализации интересов России как в торгово-экономической сфере, так и в политической, несмотря на разные сложности, в первую очередь финансового характера; школы пользовались популярностью у персов как в Тегеране, так и в других городах Северной Персии.

Ключевые слова: образование, школы, Общество востоковедения, Северная Персия, история, Россия, политика, Учетно-ссудный банк, влияние

Для цитирования: Кулаков В. О. Русско-персидские школы как элемент реализации политики «мягкой силы» Российской империи в Северной Персии в конце XIX – начале XX в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 8–17. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-8-17

Russian-Persian Schools as an Element of Imperial Russia's Soft Power Policy in Northern Persia: Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries

Vladimir O. Kulakov¹

¹ Astrakhan Tatishchev State University (20A, Tatishchev St., 414056 Astrakhan, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0007-2188-5660. E-mail: jahondor[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Kulakov V. O., 2024

Abstract. *Introduction.* The late nineteenth and early twentieth centuries witnessed an intensified Russia–UK confrontation in Persia, which was paralleled by penetrations of other great powers (France, Germany, USA) into the Near and Middle East. Under those conditions, Russia's traditional economic methods of influence in Persia became insufficient. *Goals.* The study seeks to examine the phenomenon of Russian educational institutions in Northern Persia as another way of pursuing own national political goals in the designated country. The work aims at confirming — with evidence from archival documents — the activities of Russian-Persian schools during the specified period were to shape a positive image of Russia in Persian society. *Materials and methods.* The most important sources characterizing the process of opening Russian-Persian schools in Northern Persia (their goals and objectives, training agenda, certain results) are documents of both central authorities and diplomatic, economic and military institutions of the Russian Empire to Persia discovered at the Russian State Historical Archive. Analytical and generalization methods — with comparative into historiographic and archival materials — have proved most instrumental therein. *Results.* The article identifies some prerequisites for the emergence of Russian-Persian schools in Northern Persia, determines the validity of their activities in this particular region of the country, clearly outlines the context of Russia's competition with other governments in this matter to conclude as follows: the Russian government was perfectly aware of the need to open such schools that would disseminate the Russian language and Russia-related ideas among Persia's population; graduates of those educational institutions would serve an important element in pursuing Russia's interests both in trade, economy, and politics; despite various difficulties — primarily financial ones — the schools were popular enough among ethnic Persians both in Tehran and in other cities of Northern Persia.

Keywords: education, schools, Oriental Studies Society, Northern Persia, history, Russia, politics, Loan and Discount Bank, influence

For citation: Kulakov V. O. Russian-Persian Schools as an Element of Imperial Russia's Soft Power Policy in Northern Persia: Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 8–17. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-8-17

1. Введение

Распространение политического влияния через развитие образования в той или иной стране прочно вошло во внешнеполитический арсенал разных государств с момента появления в Азии первых европейских миссионеров. В настоящее время образование является неотъемлемой состав-

ляющей политики «мягкой силы» ведущих мировых держав [Антюхова 2018: 197]. Геополитическое противостояние Российской и Британской империй на Среднем Востоке и в частности в Персии в конце XIX – начале XX в. имело различные проявления, которые тщательно были изучены несколькими поколениями отечественных и зарубежных

историков. Гонка за экономическое влияние в регионе была одним из самых зримых проявлений этого противостояния, поэтому неудивительно, что именно она в первую очередь являлась объектом многочисленных исследований, посвященных распространению российского торгово-промышленного капитала в Персии. Однако вводимые в оборот архивные документы раскрывают другой аспект российской политики в Персии, ранее не подвергавшийся научному анализу. Экономическая составляющая была хоть и важна, но совершенно недостаточна для превращения Персии в исключительно дружественную России страну, самостоятельную в своей политике, не допускавшую бы проникновение третьих сил в Каспийский регион, что, собственно, и являлось целью России в Прикаспии со времен Петра I. Попытки Российской империи в начале XX в. организовать целую сеть образовательных учреждений в Северной Персии — регионе, имевшем с ней наиболее тесные связи, ярко демонстрируют то внимание, которое уделялось Россией этому аспекту ее политики в Персии.

2. Материалы и методы

В основу исследования легли материалы фондов «Императорское общество Востоковедения», «Учетно-ссудный банк Персии», «Общая канцелярия министра финансов» Российского государственного исторического архива. В них содержится подробная переписка между различными ведомствами Российской империи по поводу необходимости открытия и финансирования русских школ в Персии. Представлены отчеты и докладные записки непосредственных исполнителей и ответственных лиц из российской дипломатической миссии в Тегеране, отделений Учетно-ссудного банка Персии, персидской Казачьей бригады о результатах деятельности этих учебных заведений. Аналитический метод работы с архивными документами позволил, с одной стороны, выявить глубокую заинтересованность высшего руководства страны в деятельности русско-персидских школ, а с другой — показать, что инициатива к их открытию и аргументация их значения во многом исходили от российских представителей разного уровня в Персии. Сравнение многих документов позволило определить общую

мотивацию к открытию и поддержке этих школ — не отдать инициативу англичанам, французам, немцам в склонении персидского населения в свою сторону.

3. Русский язык в персидских школах к началу XX в.

Немаловажную роль в деле открытия русских школ в Персии сыграло образованное в 1900 г. в Петербурге Общество востоковедения, впоследствии получившее название Императорского и имевшее отделения в разных городах России. Целью его провозглашалось «распространение среди восточных народов точных и правильных сведений о России, а также взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. В его структуру входило три отдела: торгово-промышленный, образовательный и научно-культурный. Одной из задач образовательного отдела была подготовка в России учителей для стран Востока и организация коммерческих школ в них с преподаванием русского языка, «чтобы дать возможность восточным народам вступать в непосредственные торговые сношения с русскими» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 1].

В первый же год деятельности Общества перед ним был поставлен вопрос о необходимости содействия в открытии и содержании российских учебных заведений в первую очередь в городах Северной Персии. На имя председателя Общества востоковедения Н. К. Шведова поступили подробные доклады от помощника контролера Учетно-ссудного банка Персии Л. Н. Дмитриева о неудовлетворительном состоянии дел с преподаванием русского языка в этой стране, хотя «в Персии, по крайней мере в северной ее части, существует сильное стремление к изучению русского языка» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 5]. Это стремление объяснялось постоянно развивающимися торговыми отношениями Персии с Россией. Инициатива в деле преподавания русского языка в Персии принадлежала самим персам, которые открыли курсы русского языка в первом в Иране высшем учебном заведении университетского типа Дар ул-Фунун и одну частную школу. Однако, как сообщает автор докладов, обучение русскому языку в этих учреждениях было поставлено плохо, и при таком состоянии дел достичь своих

целей они не могли. После посещения этих заведений он делает вывод о том, что «ученики, занимающиеся 3–4 года, не умеют связать двух-трех фраз по-русски и совершенно не могут излагать свою мысль письменно» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 1].

Организация подобных учебных заведений была необходима в том числе и исходя из геополитических интересов России, которая конкурировала с Британией в Персии. В то время как сами персы пытались наладить изучение русского языка без всякой помощи из России, англичане всячески поддерживали школы, где преподавался их язык. Французы открыли в Тегеране две школы с преподаванием французского языка. В этом контексте европейцы находились в более выгодном положении, так как найти в Персии человека, владевшего английским или французским, было намного легче, чем говорившего по-русски для найма его на работу учителем. Персов, знавших английский и французский языки, было достаточно много, особенно в Тегеране. Они-то и составляли основной контингент преподавателей, работавших в школах, и, будучи сами учениками англичан и французов, «старались знакомить своих учеников с этими государствами, рисуя их естественно в розовых красках» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 5].

Примером того, насколько трудно было найти учителя русского языка в Персии, стало открытие в Тегеране школы «Ифтитахие» по инициативе видного иранского государственного и политического деятеля Мирзы Риза-хана. С 1895 г. по 1901 г. он был персидским посланником в Санкт-Петербурге, а в Персии широко известен своей просветительской и литературной деятельностью, в том числе перепиской со Львом Толстым. В программу этой школы вошли французский и русский языки. И если первый довольно успешно преподавался учителем-персом, то второй за неимением учителя русского языка так и не начал преподаваться, несмотря на усиленные поиски руководства учебного заведения, в котором, между прочим, обучалось 300 учеников [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 5].

Что касается тех учителей русского языка, которые все-таки работали в открытых персами школах на севере Ирана, то, по наблюдениям Л. Н. Дмитриева, ими являлись полуграмотные татары и армяне, сами пло-

хо говорившие по-русски. «Интересно, что в одной из школ г. Решт я встретил учителя русского языка, татарина, который прежде служил лакеем у одного моего знакомого в Тегеране» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 6].

В Реште в начале XX в. действовало несколько школ с преподаванием русского языка, и по сравнению с другими городами северных провинций Ирана организация обучения здесь находилась на более высоком уровне. Этот город находился на острие русско-персидской торговли, и купечество здесь особенно было заинтересовано в изучении русского языка. Но все эти школы имели тот же общий для всех недостаток — отсутствие грамотных преподавателей.

В Тавризе (совр. Тебриз) существовало три школы, в которых преподавался русский язык: одна персидская и две армянские. Первая была открыта в конце 90-х гг. XIX в. на средства Зейн-Аль-Абедина Адхама Логмана — личного врача наследника персидского престола принца Мохаммеда-Али. По установленной традиции прямые наследники престола Каджарской династии до момента занятия ими трона отправлялись править Иранским Азербайджаном в качестве наместников в его столице Тавризе. Адхам Логман был выпускником Дар ул-Фунуна, стажировался во Франции. Вернувшись из Парижа, начал служить при дворе наследника и в эти годы основал школу, получившую название по его псевдонику «Лукмание» [Rustayi 2003: 424–431].

Мохаммед-Али, предпоследний шах из династии Каджаров, благосклонно относился к России и выражал желание учить русский язык. Для того чтобы найти преподавателя русского языка для наследного принца, персидский посланник в Петербурге Мирза-Риза-Хан Арфа-уд-Даулэ осенью 1900 г. обратился в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков с такой просьбой. По рекомендации выдающегося русского востоковеда-ираниста В. А. Жуковского выбор пал на С. М. Шапшала¹, крымского караима, только что окончившего этот факультет по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду.

¹ Серай Мордехаевич (Сергей Маркович) Шапшала (1873–1961) — русский, польский и советский лингвист, востоковед-тюрколог, доктор филологических наук, профессор, караимский гахам (гахан, духовный глава караимов).

Впоследствии он сам станет известным русским и советским лингвистом, востоковедом-тюркологом. Его зачислили в штат Первого (Азиатского) Департамента МИДа, и в 1901 г. он прибыл в Тавриз в распоряжение наследника. Здесь он, помимо уроков, которые давал принцу, стал преподавать русский язык и общеобразовательные предметы в школе «Лукмание» [Алиев 2004: 563]. Изначально рассчитывавший пробыть в Персии не более двух лет, Сергей Маркович задержался здесь до 1908 г. и стал одним из самых приближенных к наследнику престола, а с 1907 г. — шаху Мохаммеду-Али. Он пользовался его беспрецедентным доверием, рискуя собственной жизнью, спасал его от покушений, за что был представлен МИД к ордену Св. Анны II степени, а с персидской стороны награжден высшей наградой — портретом шаха, украшенным бриллиантами, и произведен в генерал-адъютанты (см. подробнее: [Дзевановский-Петрашевский 2018: 25–65]).

Из двух армянских школ русский язык преподавался только в одной, в которой обучались мальчики. В школе для девочек русского языка не было, что мотивировалось тем, что женщины не занимались торговыми делами и поэтому русский язык им не нужен. В школе для мальчиков, в которой учились 135 человек, русский язык вел армянин. И хотя относился к делу довольно ответственно, но так как «сам имел плохой выговор, то и ученики подчас сильно коверкали наши слова» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 7].

4. Финансирование и организация деятельности первых русско-персидских школ

В связи с этим Л. Н. Дмитриев предложил Обществу востоковедения прийти персам на помощь и открыть хотя бы на первое время в Тегеране вечерние курсы русского языка и арифметики. Основным контингентом курсов Л. Н. Дмитриев видел купцов, имеющих торговые отношения с Россией и заинтересованных в изучении русского языка. Являясь клиентами Ссудного банка, зачастую они не могли разобраться в бумагах, присланных из России, и в этом отношении курсы стали бы тем местом, где им смогли бы в этом помочь. Таким образом можно было бы завоевать доверие купцов и через

них распространить деятельность курсов на остальные категории населения.

В дальнейшем на базе этих курсов было бы легче открыть школу, взяв в качестве примера «русско-туземные школы» в Туркестанском крае, в которых, наряду с русским языком и арифметикой, преподавался Коран. Религиозному аспекту, как считал Л. Н. Дмитриев, необходимо уделить внимание, так как влияние духовенства на население и правительство Персии было очень велико. Чтобы получить поддержку духовенства, Л. Н. Дмитриев предлагал предоставить полномочия по отбору мулл для преподавания Корана главному духовному лицу, проживавшему в Тегеране, — муджтахиду и назначить ему за это соответствующую плату (900 руб.). Материально заинтересовать, по его мнению, следовало и учеников школы, рекомендовав лучших выпускников на низшие должности в российских учреждениях в Персии с зарплатой 30–40 руб. Тем более, что потребность в таких специалистах существовала [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 2].

После получения этих сведений Общество востоковедения поставило своей задачей учреждение в крупных центрах Персии коммерческих (торговых) школ, в которых местные жители изучали бы русский язык, арифметику и основы счетоводства. Инструментом для реализации этой цели стал Учетно-ссудный банк Персии, учрежденный в 1894 г. в качестве ответной меры на организацию англичанами Шахиншахского банка. Именно через этот банк в Персию направлялись российские капиталы, заключались займы и концессии, что позволило отечественным исследователям в разные годы называть его «орудием экономической политики царизма в Персии» [Ананьич 1962: 274] или «проводником российской официальной политики в Персии» [Павлова 2017: 48].

Проанализированные архивные документы позволяют сделать вывод, что экономическая и финансовая деятельность банка включала в себя, кроме упомянутых функций, обеспечение условий для организуемых русско-персидских школ. Банк имел отделения и агентства во многих городах Персии, в том числе на севере страны. Именно в этих городах и были созданы школы с изучением русского языка. Агенты бан-

ка инспектировали эти учебные заведения и составляли подробные отчеты об их деятельности. Поэтому инициатива Общества востоковедения по открытию русских школ в Персии, имевшая своей основой указанные выше докладные записки помощника контролера банка Л. Н. Дмитриева, встретила отклик Управляющего Ссудным банком в Персии, чиновника особых поручений Министерства финансов Э. К. Грубе, который предоставил для школы помещение при отделении банка в Тегеране и пожертвовал из личных средств ежегодную субсидию в 600 руб. [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 24].

Однако этих средств было недостаточно, и Общество востоковедения запросило у Министерства финансов оставшуюся сумму. В свою очередь Министерство в лице Товарища министра финансов тайного советника В. И. Ковалевского, который являлся почетным членом Общества востоковедения, обратилось к бакинскому купцу первой гильдии Гаджи Зейналабдину Тагиеву с просьбой профинансировать открытие русской торговой школы в Тегеране [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 17].

Г. З. Тагиев к началу XX в. стал крупнейшим азербайджанским нефтяным магнатом, рыбопромышленником, самым богатым мусульманским купцом в Российской империи, владевшим также ткацкой фабрикой, торговыми фирмами, купеческим банком. В то же время он был выдающимся меценатом и благотворителем: будучи неграмотным, выделял огромные средства на поддержку образования. Первое женское мусульманское училище на Кавказе (Александринское женское русско-мусульманское училище, названное в честь супруги императора Николая II — Александры Федоровны) было открыто в 1901 г. на средства Зейналабдина Тагиева [Мустафаева 2023: 62]. Он не отказал в просьбе и выделил 5 000 руб., которые были переданы В. И. Ковалевским Обществу востоковедения [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 34]. Об этом было доложено попечителю Общества Великому князю Михаилу Константиновичу (брату Николая II), от имени которого Г. З. Тагиеву письменно была выражена благодарность [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 35].

Говоря о подборе учебной литературы, Л. Н. Дмитриев предлагал использовать «Русскую Речь» М. И. Вольпера, учебное

руководство по русскому языку, специально предназначенное для нерусскоговорящих слушателей, и «Сборник задач и примеров для обучения начальной арифметике» А. И. Гольденберга. Решая эту задачу, Общество востоковедения, по предварительному согласованию с профессором персидского языка на восточных курсах при Азиатском Департаменте МИД Мирзой Казем-беком Абединовым, приобрело 100 экземпляров учебника М. И. Вольпера, 10 экземпляров толкователей слов к нему, 10 экземпляров карт Российской империи. Посылка с этими книгами и картами была отправлена из Санкт-Петербурга через пароходное общество «Кавказ и Меркурий» в Тегеран на адрес Императорской Российской миссии в августе 1902 г. [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 41].

5. Русская прогимназия и школа при персидской Казачьей бригаде

Инициатива Общества востоковедения и Учетно-ссудного банка Персии по открытию русско-персидских школ привела к тому, что в скором времени в Тегеране действовали уже два учебных заведения с преподаванием русского языка. В 1903 г. при персидской Казачьей бригаде была открыта школа для детей персидских офицеров и чиновников, а в 1906 г. открылась русско-персидская школа «Икбаль», которая впоследствии была переименована в «Русскую прогимназию». Посланник России в Персии гофмейстер Н. Г. Гартвиг в секретной депеше из Тегерана от 9 марта 1907 г. пишет, что в ней преподавались персидский, татарский (турецко-азербайджанский) и русский языки. Учитель русского языка был приглашен из Тифлисской семинарии. Н. Г. Гартвиг высказывает мнение, что значение этой школы для развития отношений с Персией «не подлежит сомнению, так как распространение русского языка среди молодых персов и татар, в большинстве случаев сыновей местных купцов, бесспорно облегчит и упрочит связь между нашим и персидскими рынками» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 26].

Депеша Н. Г. Гартвига была направлена в Министерство иностранных дел в связи с запросом директора Учетно-ссудного банка А. С. Остроградского о назначении этой школе ежегодной субсидии [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 206. Л. 6].

После получения этого запроса министр финансов Российской империи В. Н. Ковцов личным письмом обратился к министру иностранных дел А. П. Извольскому с просьбой, чтобы посланник Н. Г. Гартвиг составил отзыв о деятельности этой школы и определил, насколько соответствует интересам страны оказание ей финансовой поддержки. Ответным письмом А. П. Извольский сообщил, что необходимую информацию посланник предоставил, и его депеша была направлена императору Николаю II, на которой тот «собственноручно начертил «Следует помочь» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 24].

Необходимость поддержки данной школы обуславливалась как тем фактом, что со стороны персидского купечества поступали многочисленные просьбы о принятии учеников в эту школу, так и внешнеполитической целесообразностью. В частности Н. Г. Гартвиг сообщал, что германское правительство приняло решение ежегодно выделять значительную сумму на содержание в Тегеране большой немецко-персидской школы. По его словам, «место уже выбрано, и скоро начнется постройка обширных зданий» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 26].

Вопрос финансирования школы «Икбаль» посланником Н. Г. Гартвигом был напрямую увязан с поддержкой упомянутой выше русской школы при персидской Казачьей бригаде. После посещения этой школы в период годовой промежуточной аттестации посланник предлагал увеличить запрашиваемую А. С. Остроградским сумму для школы «Икбаль» (1 500 туманов) до двух тысяч и разделить ее поровну между двумя учебными заведениями. Образовательный процесс, в том числе преподавание русского языка, в школе при Казачьей бригаде был организован на высоком уровне. Русскому языку в младших классах обучал «умелый и толковый урядник», а в старших — учитель с университетским образованием. После двух лет обучения ученики могли свободно писать и разговаривать на русском языке [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 25].

Это учебное заведение быстро приобрело популярность и доверие среди местного населения, зачастую учениками являлись дети знатных и богатых персов (см. фото 1). Школа находилась полностью в ведении бригады, и персидское правительство не

могло вмешиваться как в организацию учебного процесса, так и в другие дела школы, как, собственно, и в дела самой бригады. Сам курс обучения был 4-летним, и программа строилась по примеру сокращенного курса российских средних учебных заведений [Кулагина 2010: 141].

Подробный отчет о деятельности школы при персидской Казачьей бригаде, составил в 1904 г. для Общества востоковедения инструктор пехотной части 17-го Тифлисского полка бригады капитан А. В. Критский. Одновременно он являлся преподавателем географии и истории в этой школе и был избран в члены-сотрудники Общества. Школа при Казачьей бригаде должна была среди прочего способствовать укреплению политического влияния России в Персии. Персы, поступавшие на службу в бригаду часто для того, чтобы избежать произвола местных властей, оставались далекими от всего русского. То же касается и их семей. Политическое воспитание подрастающего поколения в миссионерских школах и в Западной Европе было враждебно России. После организации школы знатные персы, посылавшие ранее своих детей учиться за границу, стали определять их в нее, убедившись в высоком уровне организации обучения. Таким образом школа формировала «правильные воззрения на дружественную им Россию» среди детей многих лиц, занимавших высокие государственные посты в Персии [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 54].

С этой целью была тесно связана и экономическая составляющая. Для обеспечения эффективной деятельности многочисленных российских агентств и предприятий в Персии требовалось большое количество сотрудников из местного населения, владевших русским языком и получивших первоначальное знакомство с Россией и ее культурой еще с детского возраста. Это позволило бы вытеснить из сферы торгово-экономических отношений России с Персией «неблагонадежный инородческий элемент (армяне, евреи)» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 53].

Широкий набор дисциплин, имевших сугубо практическую профориентационную направленность (столярное, портняжное, кондитерское и фруктово-консервное, дорожно-строительное дело, шелководство, молочное хозяйство), которые реализовыва-

Фото 1. Урок персидского языка в младшем классе в школе
при Персидской казачьей бригаде [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 49–50]

[Photo 1. Persian-language lesson for a junior grade at the school under the Persian Cossack Brigade]

лись в школе при Казачьей бригаде, говорил о том внимании, которое уделялось подготовке местных кадров в сфере экономики, по направлениям которой Россия сотрудничала с Персией. Поэтому по окончании школы ученики становились либо офицерами бригады, либо распределялись в разные учреждения в соответствии с полученной профессиональной специализацией (Энзели-Тегеранская, Хамаданская железные дороги, банк, агентства) [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 3]. Важность получения различных профессиональных навыков в школе для молодых персов заключалась еще и в том, что это позволяло им начинать карьеру без какой-либо родственной протекции и независимо от происхождения, что было обычным делом в Персии и зачастую наличие образования не играло никакой роли в назначении на ту или иную должность.

Менявшаяся на протяжении первого десятилетия XX в. геополитическая обстановка в мире оказывала свое влияние и на, казалось бы, такие частные вещи, как структура учебной программы в школе при Ка-

зачьей бригаде. В упомянутом рукописном отчете А. В. Критского 1904 г. среди иностранных языков, которые преподавались в школе («чтобы расположить к себе знатных родителей»), назывались французский и немецкий, причем особенно подчеркивается, что именно «не английский» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 53].

В 1907 г. Россия и Англия заключили Соглашение о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете, и период острого противостояния двух держав на Среднем Востоке закончился, и начался процесс формирования Антанты. В 1908 г. тот же отчет А. В. Критского был скорректирован, напечатан и отправлен в Министерство финансов, чтобы стать дополнительным аргументом в пользу оказания школе финансовой поддержки. Но в печатной версии, во-первых, уже нет упоминания про английский язык в негативном оттенке и, во-вторых, не указан и немецкий, так как в это время происходило усиление влияния Германии в Персии. В программе остался только французский язык [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 5].

6. Заключение

Одним из конкретных результатов деятельности школы при Персидской казачьей бригаде в контексте реализации политики «мягкой силы» России в Персии было то, что она напрямую влияла на создание положительного образа русских офицеров и инструкторов в глазах местного населения, поскольку «всякий перс видит тут работу не военную, которая всегда казалась персам подозрительной, а работу несомненно производительную» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 2].

Формирование среди персидского населения большой прослойки лояльных России людей, имевших в том числе и экономическую заинтересованность в тесных связях между двумя государствами, являлось важнейшей задачей, которая негласно ставилась высшей российской политической

элитой перед всеми лицами, причастными в той или иной мере к развитию русско-персидских отношений. Эта школа работала, пока продолжала действовать сама бригада, увеличивала сроки обучения, расширяла свой образовательный потенциал. Но, кроме Тегерана, за первое десятилетие XX в. русско-персидские школы были открыты и с разной степенью эффективности выполняли свои задачи во многих городах Северной Персии: Решт, Тавриз (совр. Тебриз), Барфоруш (совр. Баболь), Энзели, Урмия. В некоторых из них (например, Барфоруш) организация учебного процесса находилась на довольно низком уровне, в других (Решт, Тавриз) она достигла значительных результатов, а русский язык и русская культура среди населения северных провинций Персии к началу Первой Мировой войны были совсем не чужими.

Источники

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Литература

- Алиев 2004 — *Алиев С. М.* История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. 649 с.
- Ананьич 1962 — *Ананьич Б. В.* Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России (Труды Ленинградского отделения Института истории. Вып. 4). М.; Л.: ЛОИИ, 1962. С. 274–314.
- Антюхова 2018 — *Антюхова Е. А.* Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 4. С. 197–209.
- Дзевановский-Петрашевский 2018 — *Дзевановский-Петрашевский В.* Серая Маркович Шапшал (1873–1961). Опыт биографического очерка // Караимский альманах. 2018. Т. 7. С. 25–65.
- Кулагина 2010 — *Кулагина Л. М.* Россия и Иран (XIX – начало XX века). М.: Ключ-С, 2010. 272 с.
- Мустафаева 2023 — *Мустафаева С. Р.* Архив-

Sources

Russian State Historical Archive. (In Russ.)

- ные документы Наримана Нариманова о благотворительной деятельности Гаджи Зейналабдина Тагиева в области просвещения. // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: мат-лы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 7 февраля 2023 г.). М.: Печатный цех, 2023. С. 59–66.
- Павлова 2017 — *Павлова И. К.* Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 47–60.
- Rustayi 2003 — *Mohsen Rustayi.* Tarix-e tab u tababat dar Iran (az ahd-e Qajar ta paian asr-e Reza shah) be ravaiat-e asnad (= История медицины и врачебного дела в Иране (со времен династии Каджаров до конца правления Реза-шаха) на основе документов). Tehran: National Library and Archives of Iran, 2003. 930 p.

References

- Aliiev S. M. History of Twentieth-Century Iran. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), Kraft+, 2004. 649 p. (In Russ.)
- Ananyich B. V. The Loan and Discount Bank of Per-

sia in 1894–1907. In: Monopolies and Foreign Funds in Russia (Proceedings of the Leningrad Institute of History 4). Moscow, Leningrad: Leningrad Institute of History, 1962. Pp. 274–314. (In Russ.)

- Antyukhova E. A. Education as a soft power in modern foreign and Russian politological research. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2018. Vol. 23. No. 4. Pp. 197–209. (In Russ.)
- Dzevanovsky-Petrashevsky V. Seraya Shapshal (1873–1961). An outline of his biography. *Almanach Karaimski*. 2018. Vol. 7. Pp. 25–65. (In Russ.)
- Kulagina L. M. Russia and Iran: Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Moscow: Klyuch-S, 2010. 272 p. (In Russ.)
- Mustafaeva S. R. Educational charity of Haji Zeynalabdin Taghiyev in archive documents relating to Nariman Narimanov. In: Topical Issues of Science and Education in the Face of Present-Day Challenges. Conference proceedings (Moscow, 7 February 2023). Moscow: Pechatnyi Tsekh, 2023. Pp. 59–66. (In Russ.)
- Pavlova I. K. From the history of the Loan and Account Bank of Persia (From the Russian archives). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 22. No. 2. Pp. 47–60. (In Russ.)
- Rustayi M. History of medicine and medical practice in Iran (From the Qajar dynasty to the late years of Reza Shah): A document analysis. Tehran: National Library and Archives of Iran, 2003. 930 p. (In Pers.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 18–28, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-18-28

«Важное проявление заботы и внимания». Из истории учреждения Международной геологической экспедиции в МНР

Нарма Арслангович Каманджаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0002-2012-0312. E-mail: [narmakam\[at\]gmail.com](mailto:narmakam[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Каманджаев Н. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В начале 1970-х гг. монгольское руководство в соответствии с Комплексной программой социалистической экономической интеграции преследовало цель выравнивания уровня экономического развития МНР. В этой связи Советом экономической взаимопомощи был выдвинут ряд инициатив, об одной из которых и пойдет речь в статье. *Цель исследования.* Статья посвящена истории согласования в органах Совета экономической взаимопомощи проекта создания Международной геологической экспедиции в МНР. *Материалы.* Источниковую базу исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные материалы Российского государственного архива экономики и Российского государственного архива новейшей истории. *Результаты.* Показано, что согласование учреждения в МНР Международной геологической экспедиции явилось сравнительно долгим и нелинейным процессом. В ходе трехлетнего рассмотрения Постоянная комиссия Совета экономической взаимопомощи по геологии два раза обращалась в Исполнительный комитет организации для проведения согласования наиболее спорных вопросов. *Выводы.* Результатом такого продолжительного и порой острого переговорного процесса стало то, что основные положения соглашения о создании Международной геологической экспедиции в МНР кардинально отличались от первоначальных предложений монгольской стороны. Определяющими для будущего функционирования экспедиции стали совещания 1972–1973 гг., так как в ходе них было сформировано основное целеполагание экспедиции. Монгольская сторона при внесении предложения о создании Международной геологической экспедиции составила его так, чтобы работа будущей экспедиции велась параллельно с мероприятиями по проблеме № 11 «Геологическое строение и закономерности размещения месторождений важнейших полезных ископаемых на территории МНР» и не пересекалась с ней тематически, однако этой идее воспротивились европейские социалистические страны. Затем, в ходе июльского совещания 1973 г., была запущена новая инициатива монгольской стороны, заключавшаяся в том, чтобы будущая экспедиция занялась детальной разведкой трех месторождений, идея совместной разработки которых в то время лоббировалась монгольскими представителями в органах Совета экономической взаимопомощи. Корни этих противоречий, по нашему мнению, лежат в разном видении целей работы Международ-

ной геологической экспедиции у Монголии и европейских стран социалистического лагеря. Тем не менее сам факт учреждения Международной геологической экспедиции в МНР можно расценивать как вполне положительный опыт вследствие того, что это была одна из немногих монгольских инициатив в рамках Совета экономической взаимопомощи, завершившихся подписанием многостороннего соглашения.

Ключевые слова: Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Монголия, геология, экспедиция, Комплексная программа, полезные ископаемые, месторождение

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Каманджаев Н. А. «Важное проявление заботы и внимания». Из истории учреждения Международной геологической экспедиции в МНР // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 18–28. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-18-28

‘An Important Exercise of Care and Attention’: How the International Geological Expedition Was Established in Mongolia

Narma A. Kamandzhaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Kamandzhaev N. A., 2024

Abstract. *Introduction.* In the early 1970s, Mongolia’s executives — in accordance with the Comprehensive Program of Socialist Economic Integration — were seeking to gain economic ground and bring the MPR to the level of its partners. In this regard, a number of initiatives were put forward by CMEA, one be discussed herein. *Goals.* The article examines how CMEA bodies would coordinate the making of the International Geological Expedition in Mongolia. *Materials.* The source base for the study comprises both published and unpublished materials from the Russian State Archive of Economy and Russian State Archive of Contemporary History. *Results.* The approval of the Expedition’s establishment was a relatively long and non-linear process. The three-year review witnessed at least two appeals by the CMEA Standing Commission on Geology to the Executive Committee requesting due coordination of most controversial issues. *Conclusions.* The long and sometimes heated negotiation process resulted in that key provisions of the Agreement on the establishment of IGE were dramatically different from the initial proposals of the Mongolian side. The meetings of 1972–1973 proved decisive for the future functioning of the Expedition, since the former articulated the main goals of the endeavor. When it came to initiate such an expedition, the Mongolian side’s draft implied its work would be paralleled by arrangements on ‘*issue no. 11*’ to avoid any thematic overlaps, but this idea was opposed by the European socialist countries. In response, the July 1973 meeting launched a new initiative of the Mongolian side suggesting a detailed exploration of three deposits (a project of joint development was then being lobbied by Mongolian representatives in CMEA bodies). In our opinion, the contradictions were rooted in differing visions of the IGE’s goals adopted by Mongolia and European socialist countries. Nevertheless, the very fact of the IGE’s establishment in Mongolia can be viewed as a completely positive experience, since it was one of the few Mongolian initiatives within the CMEA that resulted in the signing of a multilateral agreement.

Keywords: CMEA, Mongolia, geology, expedition, Comprehensive Program, minerals, deposit

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Kamandzhaev N. A. ‘An Important Exercise of Care and Attention’: How the Inter-

national Geological Expedition Was Established in Mongolia. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 18–28.
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-18-28

1. Введение

Монгольская Народная Республика являлась поистине уникальным государством социалистического лагеря. Вторая страна мира, избравшая социалистический путь развития, с самого своего образования в 1924 г. провозгласила курс на построение социализма, минуя капиталистическую стадию развития. Впоследствии с принятием в 1966 г. четвертой программы Монгольской народно-революционной партии (далее — МНРП) в стране был провозглашен переход к завершению создания материально-технической базы социализма [Материалы 1966: 93, 102].

Данная задача в те годы являлась одновременно весьма амбициозной и невероятно трудной. Огромная разница в основных показателях экономического развития в сравнении с европейскими социалистическими странами должна была быть сокращена, несмотря на суровые климатические условия, скромные трудовые ресурсы, недостаток инфраструктуры на огромной площади страны и т. д. Безусловно, что при таких условиях развивать монгольскую экономику без существенной помощи братских стран было бы крайне затруднительно. В этой связи весьма логичным видится выступление 7 июня 1962 г. Монголии в Совет экономической взаимопомощи (далее — СЭВ, Совет).

Кроме того, еще в процессе принятия Монголии в состав организации, во время Совещания представителей коммунистических и рабочих партий стран-участниц СЭВ (6–7 июня 1962 г.) первый секретарь Центрального комитета МНРП и председатель Совета министров МНР Юмжагийн Цэдэнбал просил страны-члены СЭВ усилить экономическую помощь Монголии с целью выравнивания ее уровня экономического развития с соответствующим уровнем европейских социалистических стран [РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 17. Л. 249]. Впоследствии данный тезис был повторен им во время выступления на XXIII (специальной) сес-

сии СЭВ (23–26 апреля 1969 г.), которая в свою очередь инициировала разработку нового программного документа организации, получившего название «Комплексная программа социалистической экономической интеграции» (далее — Комплексная программа) [РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 34. Л. 5, 199].

Подготовленная Комплексная программа была принята через два года, на XXV Сессии СЭВ (27–29 июля 1971 г.). Утвержденный документ содержал специальный раздел о постепенном сближении и выравнивании уровней экономического развития стран-членов СЭВ. Небезынтересно, что в рамках данного раздела отдельно был выделен вопрос «об обеспечении ускоренного роста и повышения эффективности экономики Монгольской Народной Республики» [Комплексная 1972: 15–16]. Для осуществления этой цели в программе было прописано согласование между странами-участницами Совета специальных мероприятий, одним из которых впоследствии стало создание Международной геологической экспедиции (далее — МГЭ) в МНР. Истории согласования данного вопроса в органах СЭВ и посвящена настоящая статья.

Исследуемая проблема еще не была должным образом удостоена внимания историографии. В существующей литературе преимущественно упоминается двустороннее сотрудничество Монголии с Советским Союзом и другими странами-членами СЭВ в деле геологического изучения территории республики [Баврин, Алабян 1982: 128–129; Геологические исследования 1989: 6–10; Геологическое строение 1979: 7–29; Матвеева 1987: 141–142, 144; МНР 1983: 24; Окнянский 1984: 62–65, 66–71; Чернов 1977: 67–82; Чекашов 2003: 16–22; Монгол улсын 2022: 150–162; 190–196]. Менее многочисленные сведения о Международной геологической экспедиции в МНР представляют собой простую констатацию ее создания, в некоторых случаях снабженную кратким описанием результатов ее ра-

боты [Баврин, Алабян 1982: 130; Матвеева 1987: 143–144; МНР 1983: 24; Окнянский 1984: 65–66; Монгол улсын 2022: 167; Монгол-Германы 2012: 11]. При этом вопрос об истории создания экспедиции не был затронут даже в сборниках статей самой Международной геологической экспедиции в МНР [Геология и полезные ископаемые 1984; Геология и полезные ископаемые 1990].

Тем не менее в последние годы с точки зрения публикации источников по данной проблеме был совершен настоящий прорыв, выраженный в издании в 2023 г. сборника документов «Монголия в СЭВ: на пути евразийской экономической интеграции» [Монголия в СЭВ 2023]. Данный сборник в комплексе с другими, еще не публиковавшимися материалами Российского государственного архива экономики (далее — РГАЭ) и Российского государственного архива новейшей истории (далее — РГАНИ) послужили источниковой базой настоящего исследования.

2. Начало обсуждения

В начале 1970-х гг. в соответствии с вышеупомянутой программой МНРП монгольские должностные лица ставили в качестве основной задачи геологических исследований на территории МНР до 1980 г. дальнейшее расширение минерально-сырьевой базы, которое в свою очередь должно было способствовать, с одной стороны, удовлетворению внутренних потребностей Монголии в сырье, а с другой — развитию горно-рудной промышленности с целью увеличения экспортных ресурсов страны [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 430. Л. 18].

По состоянию на начало 1972 г. в Монголии работали как уже традиционные совместные советско-монгольские геологические экспедиции и партии, так и геологи из Болгарии, Венгрии, ГДР и Чехословакии, причем, по материалам советского посольства в г. Улан-Баторе, размах геологических работ последних в то время активно усиливался [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 430. Л. 22].

В этих условиях в рамках Постоянной комиссии СЭВ по геологии (далее — ПК по геологии) начинается работа по координации геологических исследований на территории МНР. Данная деятельность была выражена в начавшемся в марте 1971 г. обсуждении проблемы № 11 «Геологическое

строение и закономерности размещения месторождений важнейших полезных ископаемых на территории МНР». Эта работа велась в соответствии с планом координации научных и технических исследований комиссии, в свою очередь внесение проблемы № 11 в данный план было продиктовано решением XXIII (специальной) сессии СЭВ [Монголия в СЭВ 2023: 467].

26–29 февраля 1972 г. состоялось очередное совещание по обсуждению проблемы № 11, в ходе которого были согласованы рабочие программы ее тем. Согласно им, предполагалось, что Монголия на протяжении пятилетки 1971–1975 гг. совместно с Болгарией, Венгрией, ГДР, Советским Союзом и Чехословакией сосредоточит двустороннее сотрудничество по геологическому поиску на следующих направлениях: 1) медно-молибденовые месторождения Орхоно-Селенгинского и Южно-Монгольского районов; 2) месторождения золота Северо-Хэнтэйского рудного пояса; 3) оловянно-вольфрамовые месторождения Центральной и Восточной Монголии; 4) флюоритовые месторождения Восточной Монголии [Монголия в СЭВ 2023: 468–469].

Кроме того, в течение совещания монгольская сторона высказала просьбу о создании на ее территории «международной геологической экспедиции по поиску и разведке месторождений полезных ископаемых». Свою просьбу монгольские представители подкрепили проектами соглашения о создании экспедиции, ее устава и плана работ на 1973–1977 гг. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 128. Л. 3–4].

Данные материалы проливают свет на первоначальное видение монгольской стороной организационных и тематических аспектов деятельности Международной геологической экспедиции. В соответствии с этими проектами будущая экспедиция мыслилась в качестве международной организации, представляющей собой отдельное юридическое лицо. Уставной фонд экспедиции планировалось формировать из ежегодных равных взносов договаривающихся сторон, при этом размеры взносов пока не оговаривались. Самое интересное, что, по мнению монгольской стороны, соглашение должно было быть заключено на срок 15 лет при том, что в соответствии со статьей 1 проек-

та соглашения договаривающиеся стороны брали на себя обязанности не только провести геологическое изучение определенной территории МНР, но и в последующем освоить выявленные месторождения [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 128. Л. 40–44].

В первое пятилетие работы, т. е. в 1973–1977 гг., экспедиции были намечены поиск и разведка месторождений полезных ископаемых на территории Северо-Западной Монголии. Базу экспедиции предусматривалось создать в г. Ховд, административном центре одноименного аймака. Общие расходы на функционирование экспедиции в 1973–1977 гг. оценивались в 48,5 млн тугр. со следующим распределением: проведение геологических работ — 30 млн тугр., вложения в строительство — 9,5 млн тугр., приобретение оборудования и транспортных средств — 9 млн тугр. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 128. Л. 57, 61–62].

Совещание провело обсуждение данного предложения и оценило саму идею создания международной экспедиции в МНР как заслуживающую серьезного изучения и отвечающую положениям Комплексной программы. Однако, как следует из протокольных записей совещания, остальные присутствовавшие делегации выразили сомнение в правильности выбора района и видов работ, а также в целом своевременности проведения подобных исследований. В качестве мотивировки такого решения были упомянуты сложные географические и экономические условия северо-запада Монголии, а также наличие более первоочередных задач, решаемых монгольской стороной совместно с другими странами-членами СЭВ [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 128. Л. 4–5].

Состоявшееся 30 мая 1972 г. 22-е заседание ПК по геологии признало целесообразность идеи создания международной геологической экспедиции в МНР. Однако, ссылаясь на то, что в тот момент уже реализовывалась совместная программа геологических исследований в МНР на пятилетку 1971–1975 гг., комиссия постановила рассматривать будущие работы МГЭ на пятилетие 1976–1980 гг. В свою очередь организационно-технические мероприятия по созданию МГЭ было намечено разработать в первом полугодии 1973 г. [Монголия в СЭВ 2023: 471].

3. Июльское совещание 1973 г.

12–16 июня 1973 г. состоялось 24-е заседание ПК по геологии, которое поручило создать временную рабочую группу по организации МГЭ. Наряду с этим на создаваемую рабочую группу было возложено выполнение следующих задач: согласовать районы и объекты деятельности экспедиции; наметить примерные объемы работ по годам и в целом на пятилетие; определить примерные потребности экспедиции в материально-техническом оснащении; разработать предложения о принципах комплектования экспедиции специалистами и квалифицированными рабочими [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 151. Л. 10–11].

Поставленные на 24-м заседании ПК по геологии задачи были рассмотрены в ходе совещания экспертов стран-членов СЭВ по теме «Разработка мероприятий по организации международной геологической экспедиции в МНР», прошедшего 23–30 июля 1973 г. в г. Улан-Баторе [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 153. Л. 2].

По первому пункту повестки совещания — согласованию районов и объектов деятельности МГЭ в МНР — монгольская сторона подготовила ряд предложений, по которым экспедиция должна была провести разведочные работы на месторождениях Таван-Толгой (каменный уголь), Хубсугул (фосфориты) и Цаган-Субурга (медь и молибден) при одновременных поисковых работах масштаба 1:200000 в Западной Монголии [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 153. Л. 3–4]. Выбор этих трех месторождений для проведения разведки силами МГЭ вполне вписывался в общую парадигму деятельности монгольских представителей в СЭВ в тот период. Мероприятия по их освоению были прописаны в Комплексной программе, к тому же их обсуждение в то время шло параллельно в соответствующих постоянных комиссиях СЭВ [Монголия в СЭВ 2023: 247–248].

Однако эксперты стран СЭВ посчитали нецелесообразными для работы МГЭ мероприятия по месторождениям Таван-Толгой и Хубсугул, в то время как изучение месторождения Цаган-Субурга рекомендовалось отложить ввиду того, что исследования в данном районе уже проводились в рамках работ по проблеме № 11. В свою очередь внесение поисковых работ в западной части

МНР в программу деятельности МГЭ было поддержано только советской стороной, остальные делегации отвергли это предложение ввиду труднодоступности района [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 153. Л. 3–4].

В результате изучения материалов и обмена мнениями эксперты рекомендовали для деятельности экспедиции Северо-Керуленский и Нукут-Дабанский районы, располагавшиеся на северо- и юго-востоке страны соответственно. При этом предпочтение отдавалось первому ввиду его большей перспективности [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 153. Л. 4].

Стремление европейских социалистических стран провести поисковые работы в Северо-Керуленском районе может быть объяснено при обращении к списку ресурсов, находившихся в его пределах. Так, по сообщениям монгольской стороны, данная территория была перспективна в плане разработки месторождений плавикового шпата, вольфрама, золота и молибдена [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 153]. Ко времени начала переговоров по созданию МГЭ Венгрия, ГДР и Чехословакия уже проводили детальные разведочные работы по трем перечисленным металлам в других районах МНР. Кроме того, ГДР в то время оказывала кредитное технико-экономическое содействие в реконструкции рудника на вольфрамовом месторождении Бурэн-Цогто [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 430. Л. 20–22]. Таким образом, по нашему мнению, европейские социалистические страны при выборе района исследований МГЭ действовали в фарватере уже сложившейся политики ведущих технологических стран (ВНР, ГДР и ЧССР) в отношении природных ресурсов Монголии.

В ответ на данное решение монгольская делегация протоколно заявила, что она и впредь считает необходимым участие будущей экспедиции в изучении месторождений Таван-Толгой, Цаган-Субурга и Хубсугул, так как их освоение «будет играть важную роль в развитии экономики страны и расширении ее экспортных ресурсов» [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 153. Л. 5].

Далее экспертами было признано целесообразным провести изучение обозначенных выше районов посредством проведения геолого-поисковых работ масштабов 1:200000 и 1:50000 в комплексе с различными аэрогеофизическими, наземными гео-

физическими, геохимическими, горными, буровыми и аналитическими видами работ. Тем не менее при обсуждении потребностей экспедиции в материально-техническом оснащении и принципов кадрового комплектования экспедиции было принято решение о дальнейшем рассмотрении этих вопросов в особом порядке [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 153. Л. 6–8].

4. Продолжение обсуждения в 1973 г.

4–6 сентября 1973 г. в г. Москве состоялось следующее совещание по МГЭ, в ходе которого были обсуждены предложения по ее организации. Единого мнения удалось достичь только по вопросам о районе исследования и размеров ассигнований на экспедицию. Так, совещанием было предложено провести в 1976–1980 гг. силами будущей экспедиции геолого-съёмочные и поисковые работы по всем видам полезных ископаемых, а также предварительную разведку особо интересных месторождений только в одном районе — Северо-Керуленском [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 154. Л. 2–3].

Наряду с этим по результатам совещания не удалось достичь единого мнения по статусу будущей экспедиции. Так, делегации НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР и ЧССР предлагали создать МГЭ в качестве международной хозяйственной единицы, в то время как СРР и СССР настаивали на варианте ее прикрепления к Министерству топливно-энергетической промышленности и геологии МНР [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 154. Л. 4].

Вопрос об источниках финансирования МГЭ также оставался дискуссионным. Болгарская, румынская и советская делегации настаивали на том, что финансирование экспедиции должно проходить в формате двусторонних кредитов. Напротив, делегации ГДР, МНР, ПНР и ЧССР предлагали вариант, при котором страны-участницы экспедиции на ее содержание будут вносить прямые взносы. При этом монгольская сторона заявила о своей заинтересованности в безвозмездном порядке финансирования экспедиции [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 154. Л. 4].

Наибольшее расхождение во мнениях было зафиксировано по итогам обсуждения распределения расходов на экспедицию. Так, польская делегация предложила финансировать деятельность МГЭ по принципу

заинтересованности каждой из стран-участниц. Болгарская, монгольская и чехословацкая стороны в свою очередь настаивали на варианте, при котором расходы на экспедицию распределялись пропорционально национальному доходу стран-участниц. В то же время делегации ГДР и СРР предложили принять расходы на содержание экспедиции по принципу долевого участия стран в СЭВ [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 154. Л. 5].

Совещание отметило, что работа МГЭ может быть начата только после строительства центральной базы экспедиции, и в связи с этим просило монгольскую сторону создать ее в 1975 г. В ответ на это монгольская делегация заявила, что не сможет построить ее собственными силами. Вследствие этого совещание просило монгольскую сторону представить экспедиции в течение первых 2–3 лет ее работы необходимые помещения на условиях аренды [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 154. Л. 6–7].

25-е заседание ПК по геологии, прошедшее 16–22 октября 1973 г., подтвердило решение совещания по общей характеристике и району предполагаемых работ, а также утвердило общие цифры предполагаемых ассигнований и численности инженерно-технического персонала. Однако из постановления заседания видно, что обозначившиеся в ходе сентябрьского совещания дискуссионные вопросы оставались нерешенными. В этой связи комиссия призвала заинтересованные страны согласовать их при подготовке проекта соглашения об учреждении МГЭ. Отдельно был поставлен вопрос о строительстве центральной базы экспедиции, комиссия, повторив тезисы сентябрьского совещания, также просила монгольскую делегацию сообщить о состоянии решения вопроса о строительстве базы на своем 26-м заседании [Монголия в СЭВ 2023: 472–474].

Расхождения во мнениях о различных аспектах создания МГЭ, по всей видимости, стали причиной обсуждения этого вопроса на более высоком уровне — в Исполнительном комитете (далее — Исполком) СЭВ. В ходе его 65-го заседания, проходившего 11–13 декабря 1973 г., были приняты некоторые основополагающие для процесса создания экспедиции решения. Так, заседание Исполкома выразило общее согласие в оформлении будущей экспедиции при Министерстве

топливно-энергетической промышленности и геологии МНР. Исполком просил МНР предоставить МГЭ в течение 2–3 лет производственные и жилые помещения, необходимые для нормальной деятельности экспедиции с января 1976 г. Все представители, кроме румынской делегации, сошлись во мнении, что финансирование экспедиции должно осуществляться равными долями 8 стран-участниц в пределах общей суммы в 20 млн переводных руб. на пятилетие 1976–1980 гг. Исполком поручил ПК по геологии продолжить согласование вопросов по экспедиции и содействовать подписанию соглашения о создании МГЭ не позднее III квартала 1974 г. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 59с. Д. 24. Л. 25].

Единение позиций потенциальных участников экспедиции по целому ряду спорных вопросов, безусловно, можно отнести к заслуге советской стороны и в частности постоянного представителя СССР в СЭВ М. А. Лесечко, лично способствовавшего достижению компромисса в вопросах о форме организации экспедиции, а также размерах и порядке финансирования ее деятельности [РГАЭ. Ф. 561. 59с. Д. 26. Л. 174, 180].

5. Обсуждение в 1974 г.

Очередное совещание экспертов по МГЭ, состоявшееся 17–23 апреля 1974 г., было посвящено согласованию все еще остававшихся дискуссионными вопросов, преимущественно технического характера. В первую очередь совещание утвердило к представлению в ПК по геологии подготовленный монгольской стороной проект соглашения о создании МГЭ. Затем было решено представить на рассмотрение комиссии проект программы работ экспедиции на 1976–1980 гг. Советская делегация при обсуждении этого пункта повестки сообщила, что примет участие в строительстве центральной базы экспедиции в счет своего долевого вноса. Одновременно к представлению в ПК по геологии были утверждены такие документы, как смета расходов, структура и штатное расписание экспедиции [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19пп. Д. 168. Л. 2, 3, 6, 8, 9]. Следует отметить, что все эти решения совещания сопровождались протокольными записями от разных делегаций. Это свидетельствует о том, что, хотя данные документы были утверждены к представлению в комиссию, все же они не были

до конца согласованы между всеми будущими участниками экспедиции.

Обсужденные в ходе апрельского совещания документы были уточнены и повторно представлены на рассмотрение ПК по геологии в ходе следующего совещания, состоявшегося 5–9 августа 1974 г. В процессе него также были рассмотрены и одобрены для представления в комиссию следующие документы: о порядке финансирования работ экспедиции, о коэффициенте пересчета тугриков в переводные рубли, об условиях командирования специалистов стран-членов СЭВ для работы в экспедиции [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19. Д. 171. Л. 2–4].

Кроме указанных документов, был доработан и проект соглашения стран-членов СЭВ об учреждении МГЭ в МНР, причем отдельно было упомянуто, что совещание считало целесообразным проведение дополнительного согласования представленных в ходе него материалов в компетентных органах стран с целью их последующего обсуждения на 27 заседании ПК по геологии [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19. Д. 171. Л. 5].

27-е заседание ПК по геологии состоялось в г. Праге 21–26 октября 1974 г. По его результатам были одобрены согласованные статьи проекта Соглашения об учреждении МГЭ. При этом из постановления видно, что единственным несогласованным существенным вопросом оставалась норма, касающаяся расчетных ставок и выплаты заработной платы командируемым сотрудникам экспедиции. Монгольская делегация протокольно заявила, что ее предложение, с которым были не согласны другие страны, имеет для нее «принципиальный характер». Расхождение во мнениях по этому вопросу состояло в том, что НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР и ЧССР ратовали за фиксирование расчетных ставок семи категорий сотрудников экспедиции по схеме 590–120, в то время как монгольская сторона настаивала на схеме 330–120¹ [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19. Д. 93. Л. 38об.].

¹ Делегации НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР и ЧССР считали необходимым зафиксировать при подписании соглашения расчетные ставки по семи категориям специалистов следующим образом: 1) 590, 2) 550, 3) 490, 4) 417, 5) 320, 6) 220, 7) 120. В свою очередь монгольская делегация настаивала на ином варианте: 1) 330, 2) 300, 3) 270, 4) 225, 5) 180, 6) 150, 7) 120 [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19. Д. 93. Л. 4об., 38об.].

Наряду с этим в ходе этого заседания румынская делегация сообщила о своем ограниченном участии в экспедиции путем командирования 2–3 специалистов. В этой связи комиссия, учитывая сообщение румынской стороны, просила скорректировать проект соглашения, так как с уходом из проекта Румынии общая сумма долевых взносов уменьшалась с 20 до 17,5 млн переводных руб. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 19. Д. 93. Л. 2, 4об.].

Корни этого румынского демарша прослеживаются в двусторонних монголо-румынских отношениях. Как было упомянуто выше, Румыния не входила в число стран, проводивших в то время геологические исследования на территории МНР. Однако, по сообщениям монгольской стороны, переданным советскому посольству, румынское руководство в декабре 1973 г. высказало заинтересованность в совместной разработке некоторых монгольских месторождений полезных ископаемых. В связи с этим с 23 апреля по 14 мая 1974 г. в Монголию прибыла группа румынских геологов, которая должна была ознакомиться с рядом месторождений, находившихся преимущественно в южной части страны. Монгольская сторона в ходе этого мероприятия собиралась «выяснить истинные цели и намерения делегации». Как итог, выяснилось, что румыны в ходе поездок по южной части Монголии проявили куда больший интерес к местным объектам Советской армии, нежели к месторождениям. Особого негодования удостоилось поведение румынской делегации, члены которой убеждали монголов «пойти по пути Румынии, освободиться от зависимости Советского Союза» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 585. Л. 10–11]. Все эти действия, по сообщениям советского посольства, вынуждали монголов не иметь с румынами «никаких дел» в области геологоразведки как на двусторонней, так и на многосторонней основах [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 585. Л. 11].

6. Завершение обсуждения

Вопрос о расчетных ставках и выплате заработной платы сотрудникам МГЭ был вынесен ПК по геологии на обсуждение 70-го заседания Исполкома СЭВ, прошедшего 21–23 января 1975 г., так как нерешенность данной проблемы, по словам председателя

комиссии М. Пэлжээ, мешала скорейшему подписанию соглашения [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 61с. Д. 13. Л. 265].

В своем выступлении по этому вопросу монгольский представитель в СЭВ Д. Гомбожав увязал создание МГЭ с процессом выравнивания экономического уровня МНР и заявил, что монгольское правительство рассматривает осуществление данного мероприятия как «важное проявление заботы и внимания» со стороны стран-членов СЭВ. В связи с этим он просил другие делегации согласиться установлением ставок на уровне 330–120. Мотивировал он данное предложение тем, что потребности МНР в командированных специалистах из стран СЭВ постоянно росли в соответствии с экономическим развитием республики. При этом Д. Гомбожав заявил, что монгольская сторона при принятии предлагавшихся ею размеров ставок могла снять свои предложения по другим дискуссионным пунктам соглашения [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 61с. Д. 13. Л. 267].

После него на заседании Исполкома СЭВ выступил министр геологии СССР А. В. Сидоренко. Подчеркнув особую важность и перспективность будущей работы экспедиции, он предложил остальным делегациям согласиться с монгольским предложением о ставках возмещения командированных специалистов и снять свои разногласия, с тем чтобы экспедиция успела начать свою работу в срок. Далее с этим предложением согласились и другие делегации. Результатом этого стало постановление Исполкома СЭВ, в котором было указано, что будущие страны-участницы экспедиции договорились установить расчетные ставки сотрудников МГЭ по семи категориям следующим образом: 1) 330, 2) 300, 3) 270, 4) 225, 5) 180, 6) 150, 7) 120 [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 61с. Д. 12. Л. 19; РГАЭ. Ф. 561. Оп. 61с. Д. 13. Л. 268–269].

Достигнутый на 70-м заседании Исполкома СЭВ компромисс стал последним этапом согласования спорных вопросов функционирования будущей экспедиции. Уже в ходе 28-го заседания ПК по геологии, прошедшего 9–10 апреля 1975 г., стороны договорились внести в проект соглашения необходимые для его подписания исправления [Монголия в СЭВ 2023: 499–500]. Более ничего не мешало подписанию многостороннего соглашения об учреждении Международной геологической экспедиции

в МНР, что и было сделано 3 июня 1975 г. [Монголия в СЭВ 2023: 510].

Таким образом, основные положения работы будущей экспедиции по результатам многоступенчатого согласования в органах СЭВ определились следующим образом. Международная геологическая экспедиция в МНР формировалась семью странами-членами СЭВ (НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР, ЧССР) при Министерстве топливно-энергетической промышленности и геологии МНР. Срок деятельности экспедиции определялся 1976–1980 гг., а ее содержание — геолого-съёмочными и поисковыми работами по всем видам полезных ископаемых в Северо-Керуленском районе МНР. Бюджет экспедиции суммарно составлял 17,5 млн переводных руб. и должен был складываться из равных безвозмездных взносов (по 2,5 млн переводных руб.) от каждой ее страны-участницы [Монголия в СЭВ 2023: 510–511; РГАЭ. Ф. 561. Оп. 61с. Д. 1. Л. 220–221].

7. Заключение

Как видно из приведенных выше в хронологическом порядке данных, согласование учреждения в МНР Международной геологической экспедиции явилось сравнительно долгим и нелинейным процессом, продлившимся более трех лет. Дважды Постоянная комиссия СЭВ по геологии обращалась в Исполнительный комитет этой организации для проведения согласования наиболее спорных вопросов, в нахождении компромисса по которым главную роль взяла на себя советская сторона. Результатом такого продолжительного и порой острого переговорного процесса стало то, что основные положения соглашения о создании МГЭ кардинально отличались от первоначальных предложений монгольской стороны.

При этом определяющими для будущего функционирования экспедиции стали совещания 1972–1973 гг., так как в ходе них было сформировано основное целеполагание экспедиции. Монгольская сторона при внесении предложения о создании МГЭ составила его так, чтобы работа будущей экспедиции велась параллельно с мероприятиями по проблеме № 11 и не пересекалась с ней тематически, однако этой идее воспротивились европейские социалистические страны. Затем же, в ходе июльского совеща-

ния 1973 г., была запущена новая инициатива монгольской стороны, заключавшаяся в том, чтобы будущая экспедиция занялась детальной разведкой трех месторождений, идея совместной разработки которых в то время лоббировалась монгольскими представителями в органах СЭВ. Корни противоречий, по нашему мнению, лежали в разном видении целей работы МГЭ у Монголии и

европейских стран социалистического лагеря. Тем не менее сам факт учреждения Международной геологической экспедиции в МНР можно расценивать как вполне положительный опыт, вследствие того, что это была одна из немногих монгольских инициатив в рамках СЭВ, завершившихся подписанием многостороннего соглашения.

Источники

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.
РГАЭ — Российский государственный архив экономики.

Sources

Russian State Archive of Contemporary History.
Russian State Archive of Economy.

Литература

Баврин, Алабян 1982 — *Баврин Е. П., Алабян С. С.* От экономического сотрудничества к социалистической интеграции. М.: Экономика, 1982. 144 с.
Геологические исследования 1989 — Геологические исследования Монгольской Народной Республики / сост. Н. А. Маринов; под ред. З. М. Бараса. М.: Недра, 1989. 326 с.
Геологическое строение 1979 — Геологическое строение и закономерности размещения месторождений важнейших полезных ископаемых на территории МНР. М.: Недра, 1979. 165 с.
Геология и полезные ископаемые 1984 — Геология и полезные ископаемые Монгольской Народной Республики. Вып. II. М.: Недра, 1984. 211 с.
Геология и полезные ископаемые 1990 — Геология и полезные ископаемые Монгольской Народной Республики. Вып. III. М.: Недра, 1990. 224 с.
Комплексная 1972 — Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. М.: Политиздат, 1972. 120 с.
Матвеева 1987 — *Матвеева Г. С.* Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции. М.: Наука, 1987. 248 с.
Материалы 1966 — Материалы XV съезда МНРП. М.: Молодая гвардия, 1966. 128 с.

МНР 1983 — Монгольская Народная Республика: эффективность братского сотрудничества. М.: Секретариат СЭВ, 1983. 46 с.
Монголия в СЭВ 2023 — Монголия в СЭВ: на пути евразийской экономической интеграции. 1962–1991 гг.: сб. док-тов / отв. ред. А. В. Юрасов; отв. сост. Е. Р. Курапова, В. С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. М.: Кучково поле Музеон, 2023. 984 с.
Окнянский 1984 — *Окнянский В. В.* Научно-техническое сотрудничество МНР со странами-членами СЭВ (1962–1982). М.: Наука, 1984. 176 с.
Чекашов 2003 — *Чекашов А. В.* Дела и люди Эрдэнэты (1974–1978). М.: Святигор, 2003. 400 с.
Чернов 1977 — *Чернов Ю. А.* Геологическое строение и полезные ископаемые Монгольской Народной Республики. Иркутск: Иркутск. политех. ин-т, 1977. 85 с.
Монгол улсын 2022 — Монгол улсын уул урхай 100: нэгэн зул мянган зул асаана (= 100 лет монгольской горнорудной промышленности: одна свеча зажигает тысячу) / ред. Д. Рэнчинханд. Улаанбаатар: Ашигт малтмал, газрын тосны газар, 2022. 704 х.
Монгол-Германы 2012 — Монгол-Германы геологи, эрдэс баялагийн салбар дахь хамтын ажиллагааны 50 жил (= 50 лет монголо-германского сотрудничества в области геологии) / зох. Г. Алтансүх, Д. Үүрийнтуяа нар. Улаанбаатар: Монгол Улсын Засгийн газрын хэрэгжүүлэгч агентлаг. 2012. 50 х.

References

Altansükh G., Üüriyntuyaa D. (comps.) Mongolia-Germany Cooperation in Geology: Celebrating the Fiftieth Anniversary. Ulaanbaatar:

Government of Mongolia (Executive Office), 2012. 50 p. (In Mong.)
Bavrin E. P., Alabyan S. S. From Economic Cooperation to Socialist Integration. Moscow: Ekono-

- mika, 1982. 144 p. (In Russ.)
- Chekashov A. V. Endeavors and Laborers of Erdenet, 1974–1978. Moscow: Svyatigor, 2003. 400 p. (In Russ.)
- Chernov Yu. A. Mongolian People's Republic: Geological Structures and Mineral Resources. Coursebook. Irkutsk: Irkutsk Polytechnic Institute, 1977. 85 p. (In Russ.)
- Fifteenth Congress of the Mongolian People's Revolutionary Party: Proceedings. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1966. 128 p. (In Russ.)
- Kurapova E. R., Pushkarev V. S., Mendsaikhan L. (comps.) Mongolia as CMEA Member Country, 1962–1991: Toward the Eurasian Economic Integration. Collected documents. A. Yurasov (ed.). Moscow: Kuchkovo Pole Muzeon, 2023. 984 p. (In Russ.)
- Marinov N. A. (comp.) Mongolian People's Republic: Geological Surveys. Z. Baras (ed.). Moscow: Nedra, 1989. 326 p. (In Russ.)
- Matveeva G. S. Mongolian People's Republic: A Perspective form Socialist Economic Integration. Moscow: Nauka, 1987. 248 p. (In Russ.)
- Mongolian People's Republic and Its Key Mineral Resources: Geological Structures and Consistent Allocation Patterns. Moscow: Nedra, 1979. 165 p. (In Russ.)
- Mongolian People's Republic: Geology and Mineral Resources. Vol. 2. Moscow: Nedra, 1984. 211 p. (In Russ.)
- Mongolian People's Republic: Geology and Mineral Resources. Vol. 3. Moscow: Nedra, 1990. 224 p. (In Russ.)
- Mongolian People's Republic: The Efficiency of Brotherly Cooperation. Moscow: CMEA Secretariat, 1983. 46 p. (In Russ.)
- Oknyansky V. V. Mongolian People's Republic and Comecon Member Countries, 1962–1982: Cooperation in Science and Technology. Moscow: Nauka, 1984. 176 p. (In Russ.)
- Promoting and Sophisticating Cooperation toward Improved Socialist Integration of CMEA Nations: A Comprehensive Program. Moscow: Politizdat, 1972. 120 p. (In Russ.)
- Renchinkhand D. (ed.) Celebrating the Centenary of Mongolia's Metal Mining Industry: One Candle to Light One Thousand Ones. Ulaanbaatar: Department of Oil and Mineral Resources, 2022. 704 p. (In Mong.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 29–42, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 297

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-29-42

Роль имперских органов власти в процессе выборов мусульманского духовенства в общинах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Елена Александровна Шершнева¹

¹ Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0001-6766-6438. E-mail: D2703[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Шершнева Е. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена проблеме положения мусульманского духовенства Енисейской губернии (Восточная Сибирь) в контексте государственно-конфессиональной политики Российского государства во второй половине XIX – начале XX в. Автор обращает внимание на то, что во второй половине XIX в. на территории Енисейской губернии увеличивается численность мусульманского населения, которое испытывает нужду в удовлетворении духовных потребностей. *Целью* данной статьи является изучение роли органов государственной власти в процессе выборов мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность мусульманского духовенства на территории Российской империи, и архивные материалы, представленные в фондах Государственного архива Красноярского края, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, а также Российского государственного исторического архива. Важно отметить, что многие архивные материалы вводятся в научный оборот впервые. Статья подготовлена на основе методологических принципов объективности и историзма, что позволило наиболее полно оценить роль государства в формировании института мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии. Для решения поставленных задач в работе использовались проблемно-хронологический и историко-генетический методы. *Результаты.* В связи с исторической особенностью формирования социального состава региона перед общинами встала проблема выбора лиц духовного звания. Ссылная часть мусульманского населения Енисейской губернии, согласно законодательству Российской империи, была лишена права участия в выборах духовенства. Однако не всегда правоспособная часть мусульманской общины оказывалась в большинстве. Придание мусульманскому духовенству особого статуса, позволявшего выстраивать взаимоотношения между общиной и государственными органами, приводил к конфликтам внутри общины. Представители мусульманской уммы региона видели в мулле

человека, способного лоббировать их интересы, в том числе и на государственном уровне. Анализ архивных материалов позволил судить об отсутствии четких представлений со стороны губернских властей относительно организации процедуры выборов мусульманского духовенства. Оренбургское магометанское духовное собрание, являясь по своей сути органом государственной власти, активно следило за благонадежностью утверждаемых кандидатов в регионах. В начале XX в. на лиц, желающих получить духовное звание, накладывалось еще больше ограничений, что закреплялось циркулярными распоряжениями МВД.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, ислам, мусульмане, мулла, государственно-конфессиональная политика, мусульманское духовенство

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№ 23-18-00117, <https://rscf.ru/project/23-18-00117/>).

Для цитирования: Шершнева Е. А. Роль имперских органов власти в процессе выборов мусульманского духовенства в общинах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 1. С. 29–42. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-29-42

The Role of Imperial Authorities in Electing Muslim Clerics across Yenisei Governorate, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries

Elena A. Shershneva¹

¹ Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

0000-0001-6766-6438. E-mail: D2703[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Shershneva E. A., 2024

Abstract. Introduction. The article discusses some actual conditions experienced by Muslim clerics of Yenisei Governorate (Eastern Siberia) in the context of Imperial Russia's religious policies throughout the mid-nineteenth to early twentieth centuries. Attention is drawn to that the mid-to-late nineteenth century witnessed a Muslim population increase across the region, which implied that increased spiritual needs be duly satisfied. *Goals.* The article aims at specifying the role of official authorities in electing Muslim clerics within Yenisei Governorate. *Materials and methods.* The study focuses on corresponding imperially approved regulations for Muslim clergy and archival materials housed at the State Archive of Krasnoyarsk Krai, Central State Historical Archive of Bashkortostan, and Russian State Historical Archive. It is noteworthy that quite a number of the archival materials are being newly introduced into scientific circulation. The work rests on the methodological principles of objectivity and historicism that prove instrumental in assessing the government's role in shaping the institution of Muslim clergy in Yenisei Governorate. To accomplish this, the chronological and historic-genetic methods are used. *Results.* The region's sociohistorical agenda made any elections of required clerics somewhat problematic. The imperial statutes banned exiled (relocated) believers from participating in such processes, but sometimes legally capable members of a community were even fewer than the former. The obtained status of a mediator between the *mahalla* and government agencies would, inter alia, give rise to internal controversies. However, believers tended to perceive their *mullah* as a defender of their interests even at the government level. Our insights into archival materials attest to governorate-level executives had no clear understanding of how to arrange elections of Muslim clerics. Virtually being a government-sanctioned body, Orenburg Mohammedan Assembly would take pains to guarantee trustworthiness of to be appointed candidates. In the early twentieth century, such applicants would face even more restrictions enshrined by regulations and procedures of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: Siberia, Yenisei Governorate, Islam, Muslims, mullah, religious policies, Muslim clergy

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00117 'Impacts of the Russian Empire's Acculturation Policies and the Soviet Government-Church Relations Agenda on Religious Communities in Border Regions and Ethnic Autonomies of Asiatic Russia'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-18-00117/>.

For citation: Shershneva E. A. The Role of Imperial Authorities in Electing Muslim Clerics across Yenisei Governorate, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 29–42. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-29-42

1. Введение

Ко второй половине XIX в. правительство Российской империи выстроило достаточно четкую иерархическую систему взаимоотношений со всеми конфессиями. Положение религии определялось ее политическим значением в жизни народов страны. Особое место в этой иерархии занимал ислам, который относился к разряду «терпимых» вероисповеданий. Несмотря на свое положение, представители данной религии не могли вести миссионерскую деятельность среди христианского населения, а сами последователи данного вероисповедания находились под пристальным контролем со стороны государственных органов. Особого внимания заслуживает институт мусульманского духовенства, так как на него были возложены обязанности не только по удовлетворению духовных потребностей его прихожан, но также по решению вопросов интеграции мусульман в правовое пространство Российской империи. В отечественной историографии в последние годы уделяется особое внимание не только проблемам формирования центрального духовного института управления мусульманскими приходами, но и правовому статусу представителей мусульманского духовенства в губерниях Российской империи [Денисов 2012а: 142–147; Бакиева 2011: 12–27; Мавлютова 2018: 175–183; и др.].

Несмотря на такое пристальное внимание со стороны исследователей к институту мусульманского духовенства, вопрос организации мусульманских приходов, а также выбора при них духовных лиц на окраинах российского государства, в том числе в Восточной Сибири, остается малоизученным [Павлинова, Старостин, Ярков 2018; Старостин, Ярков 2020].

Значительный научный интерес в этом плане представляет Енисейская губерния,

имеющая особый административно-территориальный и правовой статус в Российском государстве. Целью данной статьи является изучение роли органов государственной власти в процессе выборов мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии. Исходя из поставленной цели, перед нами стояли следующие задачи: выявить общие тенденции в регулировании правового положения мусульманского духовенства на территории Российской империи; установить, как правовой статус населения Енисейской губернии влиял на формирование института мусульманского духовенства; охарактеризовать, как вмешательство государственных органов в процедуру назначения духовных лиц влияло на правовое и духовно-нравственное состояние мусульманских общин на территории Енисейской губернии.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность мусульманского духовенства на территории Российской империи, и архивные материалы, представленные в фондах Государственного архива Красноярского края (ГА КК), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), а также Российского государственного исторического архива (РГИА). Важно отметить, что многие архивные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Данная статья подготовлена с применением методологических принципов объективности и историзма. Применение данных теоретических принципов позволяет наиболее полно оценить роль государства в формировании института мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии. Для решения поставленных задач в работе

использовались проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Использование предложенных методов позволило детально рассмотреть проблему сложения института мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Роль государства в формировании института мусульманского духовенства в Российской империи

Правительство не могло игнорировать нужды достаточно значительной группы подданных Российской империи, которые исповедовали ислам. В процессе расширения территориальных границ в состав Российской империи включались регионы, в которых компактно проживало население, исповедующее исламскую религиозную традицию. Одним из способов воздействия на мусульманское население страны со стороны имперской власти стало создание централизованного института духовного управления, аналогичного христианской церковной организации [Сафонов 2006: 34].

Начиная с правления Екатерины II, в Российской империи наметился курс на покровительство мусульманским народам и исламскому духовенству. В 1788 г. было создано Оренбургское магометанское духовное собрание, которому суждено было стать органом, регламентирующим деятельность мусульманского духовенства на территории Российской империи [Керимов 2010: 261]. Кроме того, в обязанности Оренбургского магометанского духовного собрания входило представление интересов мусульманской уммы страны в органах государственной власти. Основными функциями Оренбургского магометанского духовного собрания, а вместе с ним и мусульманского духовенства, были обязанности по ведению метрических книг, сбору податей, ведению судебных дел по законам шариата, а также наблюдение за благонадежностью мусульманского населения [Махмутов 2021: 65]. Задачей Оренбургского магометанского духовного собрания также являлось решение возникавших споров с мечетным духовенством и содействие в выстраивании правовых отношений между органами государственной власти и мусульманской уммой [Юнусова 2011: 29].

Однако следует отметить, что Оренбургское магометанское духовное собрание

являлось, в первую очередь, государственным органом, основной задачей которого был контроль за мечетным духовенством и проведение в жизнь различных постановлений правительственных структур. С целью наиболее пристального контроля за мусульманским духовенством Оренбургским магометанским духовным собранием была разработана программа экзамена на каждую из должностей мусульманского духовенства. По результатам экзамена кандидату выдавалось свидетельство на духовное звание. В случае, если экзаменовка кандидата была инициирована губернскими органами, то Оренбургское магометанское духовное собрание сообщало им о результатах экзамена [Денисов 2012а: 142–143]. При этом следует отметить, что сам термин «мусульманское духовенство» — весьма условный, так как в исламской традиции нет понятия духовного сословия. В состав мусульманских духовных лиц входили не только служители культа, но и знатоки мусульманского права и богословия, руководители мусульманских общин и т. д. [Усманова, Михайлов 2014: 43].

4. Выборы муллы как инструмент легализации правового статуса мусульманской общины в Енисейской губернии

Изучая историю мусульманских общин в Российской империи и в конкретных ее регионах, очень сложно избежать темы положения мусульманского духовенства. Именно мусульманские муллы оказывали огромное влияние на представителей исламской традиции, а также способствовали выстраиванию отношений исламского института с органами государственной власти. Само понятие «ислам» выходит за рамки простого религиозно-этического учения. Он представляет собой особую культуру, цивилизацию и образ жизни исповедующих его людей. Особый интерес с точки зрения изучения положения мусульманского духовенства в Российской империи занимает Енисейская губерния, расположенная в Восточной Сибири. Связано это, прежде всего, с тем, что территория Енисейской губернии принадлежала к «местам отдаленным», и представители исламской традиции преимущественно относились здесь к категории ссыльнокаторжных. Лишь после отмены крепостного права в 1861 г. на территории Енисейской губернии начинают появляться

поселенцы, которые переселялись на территорию Сибири с целью улучшения своего материального благосостояния [Старостин, Павлинова 2016: 63–64; Павлинова, Старостин, Ярков 2018: 176].

Увеличение численности мусульманского населения в Енисейской губернии во второй половине XIX в. потребовало от государственных органов, а также Оренбургского магометанского духовного собрания, решения их духовных нужд. Мусульманам, проживавшим в регионе, требовались культовые здания и духовенство, которое бы могло удовлетворять их духовные и социальные потребности. Мусульманское население Енисейской губернии испытывало нехватку в служителях культа и использовало любую возможность для утверждения духовного лица при своих общинах. Мусульмане г. Енисейска обращались к министру внутренних дел с просьбой получить разрешение назначить к ним на приход ссыльного муллу [Христианское просвещение 2012: 201–203].

Оренбургское магометанское духовное собрание, являясь по своей сути государственным органом, очень пристально следило за вопросами открытия мусульманских приходов и назначением духовенства на подконтрольной ему территории. В мае 1865 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание поступило прошение от татарина Нижегородской губернии, проживавшего в г. Енисейске, о разрешении построить мечеть и утвердить при ней имама. Свое прошение он обосновал тем, что в городе проживало около 2 000 верующих, исповадовавших ислам. Оренбургское магометанское духовное собрание дало заключение о необходимости предоставления всех бумаг от местного начальства, подтверждавших наличие средств на строительство мечети и содержание при ней лица духовного звания. Только после предоставления сведений от местного начальства Оренбургское магометанское духовное собрание гарантировало рассмотрение данной просьбы [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087. Л. 1–2, 6–7].

Потребность в строительстве культовых зданий и наличие лиц духовного звания при них объяснялись тем, что религия являлась одним из важнейших средств идентификации народа, исповедующего ислам. К тому же мусульмане, проживавшие в поликон-

фессиональном и полиэтничном активно осваиваемом регионе, где степень интеграции населения была крайне высокой, стремились к сохранению своей культурной и религиозной традиции. Для мусульман мечеть не только являлась центром религиозной жизни, но и выполняла функцию социальной адаптации населения в регионе. В связи с этим в Енисейской губернии к началу XX в. насчитывалось 13 мечетей, так как в данном регионе со второй половины XIX в. постепенно увеличивалась численность верующих, исповадовавших ислам [Старостин, Павлинова 2016: 65].

Увеличение числа мечетей, а вместе с тем и духовенства в регионе, обусловлено появлением именно категории поселенцев, так как данные о наличии мечетей в Енисейской губернии в период 1856–1868 гг. отсутствуют [Загидуллин 2007: 407–408]. К тому же следует отметить, что получение разрешения на строительство мечети придавало официальный статус мусульманской общине [Мавлютова 2021: 208]. При этом Оренбургское магометанское духовное собрание было крайне осторожно в вопросах предоставления разрешений на строительство культовых зданий. Очень часто оно ориентировалось на предоставленные губернскими органами сведения, которые зачастую не учитывали географических особенностей расселения мусульманского населения в Сибирском регионе [Дашковский, Шершнева 2020а: 252].

Основными задачами мусульманского духовенства были руководство общиной единоверцев, а также сохранение и передача религиозных знаний. Однако постепенно мусульманское духовенство начинало выполнять функции государственного характера. В их обязанности вводилось ведение метрических книг. Кроме того, они наделялись судебными и нотариальными функциями [Мавлютова 2018: 178–179].

14 мая 1874 г. Государственным советом была возложена на приходских имамов обязанность по ведению первичного воинского учета [ПСЗ РИ 1876: 770–771]. Муллы должны были вести метрические книги и предоставлять необходимые сведения в губернские органы [Денисов 2012б: 92].

С расширением полномочий мусульманского духовенства население, исповадовавшее ислам, еще больше испытывало

потребность в наличии духовного лица, так как это позволяло общине приобрести официальный статус.

Так, в апреле 1915 г. в Енисейское губернское управление от канских мещан, исповедующих ислам, было направлено прошение, в котором они просили утвердить у них муллу, избранного решением крестьян Канско-Переводинского поселения, несмотря на то, что не все они относились к г. Канску, но имели там домовладения. К тому же, как они сообщали, насчитывалось их в общей сложности 80 человек обоего пола [ГА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1012. Л. 1–3об.].

Всего же в Канском уезде проживало более 1 000 человек, исповедовавших ислам, а муллы, который бы исполнял духовные потребности мусульман, не было. Потребность в мулле просители объясняли не только исполнением религиозных треб, но и ведением метрических книг. На момент подачи прошения в Канском уезде никто метрические книги не вел, что приводило к множеству неточностей при составлении посемейных списков. В связи со всеми вышеизложенными обстоятельствами община мусульман г. Канска просила утвердить избранного Канско-Переводинской общиной мусульман в должности приходского муллы тептяр¹ Самарской губернии Габдулбария Мухаметзакирова и считать его Канско-Переводинским приходским и Канским городским общественным муллой. Со своей стороны, мещане отметили, что Габдулбария Мухаметзакиров является достойным человеком и имеет все необходимые документы для занятия данной должности [ГА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1012. Л. 1–3 об.].

Аналогичное прошение последовало от временно проживавших в селе Канско-Переводинском мусульман, не принадлежавших к местному крестьянскому обществу. В своем обращении к Анцирскому волостному старшине они указывали, что, несмотря на то, что не могут участвовать в выборах муллы, просят передать их ходатайство в Енисейское губернское управление вместе с общественным приговором мусульман села Канско-Переводинского. В своем ходатайстве они указывали, что в их селе проживает «более 100 душ», которые также нуждаются не только в отправлении религиозных обря-

дов, но и лишены гражданских прав из-за отсутствия муллы [ГА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1012. Л. 6–7].

Несмотря на единство среди самого мусульманского общества, в ходатайстве им было отказано. Согласно ст. 1393 и 1431 Устава Духовных дел иностранных исповеданий, мусульманский священнослужитель может назначаться только в мечеть. Однако в селе Канско-Переводинском ее не было, как и ходатайства о ее постройке. Кроме того, было направлено распоряжение Енисейского губернского управления Канскому уездному исправнику об извещении просителей, что на основании ст. 1433 Устава Духовных дел иностранных исповеданий в выборах муллы не могут участвовать лица, не принадлежавшие к избираемому обществу. На основании этого все ходатайства временно проживающих в селе Канско-Переводинском мусульман были отклонены [ГА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1012. Л. 12–13об., 18–18об.; Свод законов 1912: 132–133, 136].

Несмотря на то, что енисейское мусульманское приходское духовенство полностью подчинялось Оренбургскому магометанскому духовному собранию и избиралось на сходе прихожан, власти стремились контролировать данный процесс. К выборам духовного лица мусульманского вероисповедания в регионах, в том числе в Восточной Сибири, привлекались губернские органы власти и полицейское управление [Бакиева 2011: 15–16]. Данный факт подтверждается, например, тем, что в 1881 г. Енисейским губернским правлением сообщалось в Оренбургское магометанское духовное собрание о передаче губернатором прошения крестьян из казаков д. Преображенской Покровской волости Ачинского округа об избрании отставного казака М. Ахмарова на должность муллы. Полицейское управление, также участвовавшее в утверждении на духовные должности лиц мусульманского исповедания, предоставило сведения об отсутствии судимости кандидата М. Ахмарова и охарактеризовало его как лицо благонадежное. Опираясь на принятые законодательные нормы, прошение казаков было направлено губернским правлением в Оренбургское магометанское духовное собрание, от которого в дальнейшем должно было поступить распоряжение [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395. Л. 2–3].

¹ Тептяри — субэтническая группа поволжско-приуральских татар.

Следует отметить, что данный процесс был достаточно длительным. В результате переписки только в 1887 г. Оренбургское магометанское духовное собрание потребовало от губернских властей направить имама деревни Преображенской для испытания в знаниях мусульманской веры [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395. Л. 13].

Процесс назначения священнослужителя на должность был длительным и зачастую побуждал членов общины самостоятельно назначать для исполнения треб мулл, которые должны были утверждаться, согласно государственному закону, в своей должности значительно позже. Такие действия со стороны представителей мусульманской общины впоследствии приводили к конфликтам как среди духовенства, так и самих общинников [Дашковский, Шершнева 2020б: 49].

5. Проблема выбора духовного лица в мусульманских приходах Енисейской губернии

Внутри мусульманских общин также не всегда наблюдалось единство в выборе духовного лица. Так как служба мусульманского духовенства полностью обеспечивалась самим населением, то оно становилось зависимым от своих прихожан. В этой связи каждая мусульманская община стремилась выдвинуть свою кандидатуру для утверждения ее в должности приходского священнослужителя. В 1880 г. мусульманская община г. Ачинска обратилась в губернское правление с просьбой назначить им исполняющего должность муллы. Свое прошение верующие объясняли тем, что их насчитывается «около 100 душ мусульманского вероисповедания», проживавших в г. Ачинске и нуждавшихся в отправлении религиозных обрядов. В своем прошении они указывали, что в качестве исполняющего должность муллы они хотят видеть поселенца Минусинского округа Енисейской губернии М. Валиулова, которого они избрали на общем собрании. При этом подчеркивалось, что данный кандидат на должность получил хорошее образование в Казанском магометанском училище. В результате переписки с губернским начальством мусульманская община г. Ачинска указывала, что в 1884 г. у верующих возник конфликт с муллой д. Преображенской М. Ахмаровым, кото-

рый получил разрешение от Оренбургского магометанского духовного собрания совершать религиозные обряды и начал притеснять М. Валиулова. В результате сложившегося конфликта между двумя духовными лицами молитвенный дом в г. Ачинске по распоряжению губернского правления был закрыт. Только в 1886 г. после телеграммы общины генерал-губернатор Восточной Сибири распорядился возобновить деятельность молитвенного дома. При этом сама община г. Ачинска подала прошение на имя Императора о разрешении исполнять должность муллы при данном молитвенном доме М. Валиулову. Нежелание общины принять в качестве своего духовного лидера Ахмарова верующими объяснялось его неграмотностью, а также тем, что он жил далеко от г. Ачинска — в 16 верстах. Соответственно, такая удаленность от места службы существенно могла затруднять ежедневное исполнение треб [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395. Л. 18–21].

С целью предотвращения различного рода конфликтов между приходским мусульманским духовенством, а также между представителями общины — с духовным лицом имперские органы власти и Оренбургское магометанское духовное собрание стремились допускать на должности духовенства лиц, обладающих высокими нравственными качествами и определенными знаниями в области богословия и права [Мавлютова 2018: 180].

В 1886 г. Оренбургским магометанским духовным собранием было принято решение о том, что все избираемые на духовные должности должны представить в Оренбургское магометанское духовное собрание лично или с общественным приговором удостоверение от своего мудариса или учителя о пройденных ими науках и сведения о поведении будущего духовного лица. В свою очередь Оренбургское магометанское духовное собрание обратилось в Енисейское губернское правление с просьбой уведомить о данном распоряжении проживавших в губернии мусульман [ГА КК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1405. Л. 1].

Ко второй половине XIX в. в Российской империи мусульманское духовенство находилось под пристальным вниманием правительства, а его деятельность была полностью регламентирована. В Оренбургском

магометанском духовном собрании вводилась процедура экзаменовки духовного лица, а затем утверждение его губернскими властями. Регламентация процедуры избрания и утверждения духовного лица в его должности иногда затягивалась на месяцы, а то и годы [Дашковский, Шершнева 2020б: 42–51].

Длительность процедуры официального утверждения мусульманского духовенства в их должностях привела к тому, что представители общин самостоятельно обращались в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбами о проведении для них испытаний в знании учения и культовой практики ислама. В своих обращениях они указывали на то, что давно избраны приходом на духовную должность и исполняют свои обязанности. Однако в результате рассмотрения поданных обращений выяснялось, что такие заявления часто не имели под собой реального основания. В связи со сложившейся ситуацией 29 мая 1890 г. муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания обратился в Енисейское губернское правление с просьбой об оказании содействия в наведении порядка в процессе назначения на духовные должности лиц мусульманского вероисповедания. Муфтий просил губернское правление направлять без всяких задержек общественные приговоры о выборе духовного лица, если таковые правильно составлены, а вместе с ними переслать и требования об испытании выбранных лиц в знании правил мусульманской религии. Было также принято решение, что по личным просьбам никто допускаться до испытаний не будет [ГА КК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 282. Л. 1].

Несмотря на принятый Оренбургским магометанским духовным собранием запрет выдавать свидетельства в присвоении духовной должности без губернских предписаний и общественного приговора, по-прежнему находились желающие пройти экзамен и получить свидетельства на духовную должность. Так, например, в 1906 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание обратился крестьянин Халиканского уезда, проживавший в г. Ачинске Енисейской губернии, который просил подвергнуть его испытанию в знании мусульманской веры и выдать ему об этом свидетельство [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 5. Д. 3386. Л. 1–2].

Проверка на знания мусульманской религии и выдача свидетельства не давала полного права занимать духовную должность. Так, в 1908 г. Ачинским мещанином Ю. Демикамовым было подано прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание об экзаменовании его на должность священнослужителя. На основании ст. 1424 Свода законов Российской империи, т. XI изд. 1898 г. Ю. Демикамов прошел испытание, и было установлено, что он может выполнять обязанности имама-хатыпа и мудариса [Свод законов 1912: 1424]. Оренбургским магометанским духовным собранием было решено выдать ему соответствующее свидетельство. Однако данный документ не предоставлял ему право исполнять духовные обязанности до утверждения его в духовном звании губернским начальством в выбранный приход на основании общественного приговора [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 5. Д. 4849. Л. 4].

В большинстве случаев мусульмане стремились соблюсти всю процедуру назначения духовного лица, опираясь на решения официальных органов государственной власти. В то же время встречались случаи, когда муллы находились в приходах без установленной законодательством выборной процедуры. Данная проблема особенно остро касалась мусульманских общин Сибири, так как в них иногда возникала проблема выдвижения кандидатуры, которая соответствовала бы всем заявленным со стороны государства требованиям. В связи с этим некоторые муллы избирались самой общиной и действовали на основании одобрения местных властей, но без официального указа от Оренбургского магометанского духовного собрания. Такие муллы получили статус «неуказных». Встречались также случаи передачи должности муллы по наследству, когда еще не утвержденные в должности родственники умершего «указного» священнослужителя начинали исполнять требы. Как правило, такое решение принимала сама мусульманская община [Старостин, Ярков 2020: 14].

Несмотря на то, что мусульманское духовенство могло иногда исполнять свои обязанности, не имея на то соответствующего разрешения от Оренбургского магометанского духовного собрания, все общины стремились к получению официального ста-

туса своего духовенства. В 1895 г. в г. Енисейске встал вопрос о выборе указного муллы при молитвенном доме. В Енисейское губернское правление было направлено прошение временно исполняющего должность имама — крестьянина Казанской губернии А. С. Тазетдинова. В своем прошении он указывал, что данные обязанности были возложены на него на основании рапорта Полицейского окружного управления о смерти Енисейского имама до проведения собрания об избрании нового священнослужителя. По итогам собрания он был избран большинством голосов. Однако часть общины отказалась подписывать данный приговор. Кроме того, за часть представителей общины подписи поставили грамотные доверители. По результатам проведенных выборов было составлено два общественных приговора. 20 октября 1895 г. был составлен общественный приговор, в котором говорилось о ревностном и достойном выполнении А. С. Тазетдиновым своих должностных обязанностей. В связи с этим рекомендовалось выдать ему этот приговор с целью передачи в соответствующие органы для утверждения его имамом молитвенного дома. Однако не желающие иметь его муллой составили другой приговор [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 557. Л. 7–8об., 10].

Одной из основных проблем, с которой сталкивались мусульманские общины Енисейской губернии при выборе духовного лица, являлось то, что не все члены общины имели право на основании законодательства Российской империи принимать участие в выборах. Лишенная такого права часть общины очень часто выступала против выбранного муллы, желая видеть на этой должности более близкого им единоверца. Такая ситуация сложилась при выборе муллы в г. Енисейске. В 1895 г. Енисейским губернатором была направлена в Департамент духовных дел иностранных исповеданий телеграмма от крестьян г. Енисейска, в которой они просили разрешить им участвовать в выборах имама местного мусульманского общества. Енисейское губернское правление при рассмотрении данной телеграммы установило, что на основании Устава о ссыльных в участии в выборах им следует отказать. О данном факте сообщалось через окружное полицейское управление просителям. Кроме того, губернские

власти направили в Департамент духовных дел иностранных исповеданий уведомление с изложением всех требований и принятого ими решения [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 677. Л. 175–175об.].

Следует отметить, что и сами органы государственной власти, задействованные в выборах мусульманского духовенства, не разбирались в тонкостях данной процедуры. В 1896 г. в Енисейское губернское правление поступил рапорт от окружного полицейского управления, в котором сообщалось, как произвести выборы имама для молитвенного дома. В рапорте указывалось, что в организации процедуры выборов следует руководствоваться ст. 1245 и 1247 ч. I XI т. Устава иностранных исповеданий, изданного в 1857 г. Однако полицейское управление столкнулось с проблемой определения, кто имеет право участвовать в этих выборах. Данная сложность возникла по той причине, что мещане, которые, согласно нормативно-правовым документам, должны были принимать участие в выборах, составляли лишь незначительную часть прихода. В то же время сообщалось, что, исходя из ст. 1069 Устава иностранных исповеданий, могут быть допущены к выборам и представители купечества, и крестьянского сословия, которые приписаны к другим губерниям, но много лет проживали в г. Енисейске и посещали данный молитвенный дом. Аналогичный вопрос стоял и относительно крестьян, которые принадлежали к волостям Енисейского округа, но не имели там молитвенных домов, а входили в состав приходской общины молитвенного дома. В связи с возникшими затруднениями Енисейское окружное полицейское управление просило губернское правление дать разъяснение, кого следует допускать до выборов [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309. Л. 1–1об.].

Следует отметить, что такие сложности, возникшие при выборе духовного лица при мечети в г. Енисейске, не были единичными случаями. К тому же каждый член мусульманской общины хотел принять участие в выборах муллы, чтобы продемонстрировать свою позицию и укрепить свое положение как полноправного члена мусульманского прихода. В связи с этим доверенным от мусульманского прихода было подано прошение в Енисейское губернское правление с просьбой разрешить всем членам мусуль-

манского прихода участвовать в выборах имама, так как, если следовать требованиям полицейского управления, в выборах могут принять участие только 6 мещан, приписанных к г. Енисейску. Енисейское губернское правление дало резолюцию от 20 января 1896 г. о дозволении принимать участие в выборах имама всем мусульманским старейшинам, являвшимся прихожанами молитвенного дома. Согласно принятым распоряжениям, до выборов не допускались только ссыльные. В связи с этим имам А. С. Тазитдинов обратился с телеграммой в Енисейское губернское правление с просьбой допустить ссыльных до выборов имама либо отложить их, так как многие члены мусульманской общины, имевшие право принять участие в выборах из г. Енисейска в установленные сроки, находились на промыслах, и участвовать в выборах было практически некому [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309. Л. 1–10].

5. Государственный контроль за благонадежностью мусульманского духовенства

Следует отметить, что к мусульманскому духовенству предъявлялись достаточно высокие этические требования. Духовным лицом мог стать только человек благонадежный, а его добропорядочное поведение, как правило, подтверждала сама община. Органы полиции опрашивали прихожан и должностных лиц общественного самоуправления. Если выяснялось наличие судимости у кандидата, то в назначении на духовную должность ему отказывали. Немаловажным фактом было лояльное отношение кандидата к распоряжениям органов власти. Иногда противники специально могли опорочить кандидата в глазах административных органов [Денисов 2012а: 144]. К тому же в самих мусульманских приходах не было единства. Споры внутри самой общины очень часто затрудняли проведение выборов и оставляли приход без духовного лица. В Енисейской губернии, где наряду с приходскими проблемами стояли проблемы отстаивания права отдельных обществ, исповедующих ислам, вопрос о желании утвердить в должности духовного лица представителя своей общины стоял очень остро. Так зачастую на одну духовную должность могло претендовать сразу несколько кандидатов.

Прихожанами Енисейского молитвенного дома было подано прошение в Енисейское губернское правление, в котором указывалось на то, что Полицейским управлением данное распоряжение о назначении выборов имама их прихода основывается на прошении не всей общины. Прошение об избрании имамом крестьянина Нижегородской губернии А. Жедюханова губернское правление оставило без внимания. Объяснялся данный отказ тем, что за А. Жедюханова проголосовало только 12 человек. При этом все они были представителями Нижегородской губернии. Еще одним претендентом на данную должность выступил Н. Абдюкаев, называвший себя доверителем общества. Однако община настаивала на том, что он таковым не является. Доверенность ему была дана по ведению дел против покойного имама, поэтому на тот момент уже потеряла свою силу. Н. Абдюкаев в свою очередь просил губернские власти установить конкретные сроки выборов имама. На это представители мусульманской общины указали, что в данные сроки все они будут на золотых приисках. Сама община просила назначить выборы как можно скорее, чтобы все могли в них принять участие, а не только сторонники А. Жедюханова, которые будут присутствовать в г. Енисейске в назначенные даты. Большая часть мусульманской общины указывала, что она желает видеть постоянным имамом ныне исполняющего эту должность А. С. Тазитдинова [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309. Л. 18–21].

По результатам проведенных выборов было принято решение об избрании на должность указного имама Енисейского молитвенного дома приписанного к Тобольской губернии А. К. Рахимова, о чем и сообщалось в Полицейское управление. После этого в Енисейское губернское правление последовало заявление от жителей общины, что они были против избрания данного человека имамом и хотели видеть в этой должности А. С. Тазитдинова, поэтому просили подписи в общественном приговоре считать недействительными [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309. Л. 27].

Енисейское окружное полицейское управление в рапорте губернскому правлению пояснило, что данная жалоба о нарушении процедуры выборов не обоснованная, так как списки прихожан оглашались мно-

го раз. Важно подчеркнуть, что большинство споров, возникавших вокруг назначения на духовные должности, было связано со сложностью самой процедуры выборов мусульманских священнослужителей. Основная масса конфликтов была связана с проблемой лоббирования интересов части общины при выборе духовного лица [Круз 2020: 129].

С целью урегулирования взаимоотношений внутри мусульманских общин, а также повышения нравственности как самого мусульманского духовенства, так и прихожан, Оренбургское магометанское духовное собрание предпринимало ряд мер по законодательному регулированию жизни общин. В конце XIX в. муфтий М. М. Султанов обратился к мусульманскому духовенству с предложением выслать образцы проповедей, чтобы их можно было оценить и издать — с целью поднятия нравственности среди части населения империи, исповедующей ислам [Загидуллин 2014: 88].

В мае 1892 г. был выпущен циркуляр Оренбургского магометанского духовного собрания «Разъяснение всем духовным лицам округа относительно ведения метрических книг и об обязанностях духовных лиц». Данный документ был составлен с целью разъяснения служебных обязанностей мусульманскому духовенству. Очень часто отмечалось, что муллы совершают правонарушения в силу своей неграмотности. Согласно изданному циркуляру, они должны были знать не только свои прямые обязанности, но и нормативные акты, на которые следовало опираться при ведении их профессиональной деятельности. В принятом циркуляре также оговаривалось, что нарушение установленных порядков повлечет за собой уголовную ответственность имама [Загидуллин 2021: 16]. Как правило, при нарушении обязанностей мусульманское духовенство подлежало взысканию со стороны духовного начальства. При совершении других преступлений мусульманское духовенство передавалось в ведение светского суда [Мавлютова 2018: 180].

Важным событием для приходского духовенства стало издание «Сборника циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг.» (Уфа,

1902) на русском и татарском языках. Благодаря пометке, что сборник издан с разрешения МВД, он сыграл важную роль в отстаивании интересов мусульман, так как в действующем законодательстве отсутствовали точные регламентации жизнедеятельности исламских институтов. Этот сборник способствовал повышению правовой грамотности приходского духовенства и формировал правовую базу для решения возникавших дискуссионных вопросов с местной администрацией [Загидуллин 2014: 88–89].

Политические события, происходившие в стране в начале XX в., потребовали от правительства еще более пристального внимания к мусульманскому духовенству. 14 сентября 1906 г. вышел циркуляр МВД, согласно которому запрещалось занимать государственные должности лицам, принадлежавшим к каким-либо политическим организациям. Позже П. А. Столыпиным было разъяснено данное распоряжение и сделано уточнение, что оно касается также лиц мусульманского вероисповедания [Денисов 2012а: 145].

В 1911 г. МВД обязало региональные органы власти обратить особое внимание на непричастность лиц, утверждающихся в духовных должностях, к общественно-политическим движениям. Позже, 12 декабря 1912 г., циркуляром МВД запрещалось утверждать в духовных должностях лиц, получивших образование за границей, а также иностранных граждан, исповедующих ислам. Однако не все медресе Российской империи считались благонадежными. Следовало с особо пристальным вниманием относиться к выпускникам таких медресе, как «Мухаммадия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге и «Галия» в Уфе [Денисов 2012а: 145].

В начале XX в., наряду с возрастанием политической активности как в целом в стране, так и в частности среди мусульманского населения, наблюдался рост численности последователей ислама в Сибири, в том числе в Енисейской губернии. При этом в данном случае это были преимущественно выходцы с территории Поволжья, которые также исполняли обязанности духовного лица и активно принимали участие в развитии системы образования на территории губернии [Ярков, Старостин 2021: 199].

6. Заключение

Несмотря на достаточно четко выстроенную ко второй половине XIX в. иерархическую структуру мусульманского духовенства, имперские власти не могли оказывать желаемого влияния на мусульманские общины. Особенно остро проблема формирования института мусульманского духовенства стояла в Сибири, в том числе в Енисейской губернии, так как изначально данный регион формировался за счет ссыльнокаторжного компонента, который был лишен избирательного права по законодательству Российской империи. К тому же к кандидатам на должности мусульманского духовенства предъявлялись требования благонадежности и отсутствия судимости, что не позволяло ссыльным формировать мусульманские приходы из своей среды. Лишь с появлением на территории губернии переселенцев духовная жизнь мусульман получила новый импульс развития. Однако сам процесс избрания духовного лица был весьма длительным и требовал единства всей общины, которое не всегда присутствова-

ло. Мусульмане Енисейской губернии, будучи выходцами из разных регионов страны, стремились к утверждению в духовной должности представителя именно своей общины. К тому же, поскольку мусульманское духовенство выполняло не только духовные обязанности, но и становилось связующим звеном между мусульманским приходом и органами государственной власти, каждая община видела в нем представителя, отстаивавшего именно их интересы перед государством. Органы государственной власти совместно с Оренбургским магометанским духовным собранием стремились к особенно тщательному контролю за назначением духовных лиц мусульманского вероисповедания. Особенно остро это стало ощущаться в начале XX в. В этот период вышел ряд циркулярных распоряжений МВД, согласно которым на мусульманские духовные должности допускались лица, не состоявшие ни в каких политических объединениях, имеющие российское подданство и получившие образование только на территории Российской империи.

Источники

ГА КК — Государственный архив Красноярского края.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Литература

Бакиева 2011 — Бакиева Г. Т. Мусульманское духовенство у сибирских татар в XIX – начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: мат-лы научного семинара, посвящ. 200-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (г. Казань, 18 декабря 2009 г.) / редкол.: И. К. Загидуллин (сост. и отв. ред.), Л. Ф. Байбулатова, Р. Р. Исхаков. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 12–27.
Дашковский, Шершнева 2020а — Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Организация духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начала XX вв. // Былые годы. 2020. № 1. С. 250–257. DOI:

Sources

Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan.
Russian State Historical Archive.
State Archive of Krasnoyarsk Krai.

10.13187/bg.2020.1.250

Дашковский, Шершнева 2020б — Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Алт. ун-т, 2020. 162 с.
Денисов 2012а — Денисов Д. Н. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5(141). С. 142–147.
Денисов 2012б — Денисов Д. Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11(265). Вып. 50. С. 90–94.

- Загидуллин 2007 — *Загидуллин И. К.* Исламские институты Российской империи: Мечети европейской части России и Сибири. Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. 416 с.
- Загидуллин 2014 — *Загидуллин И. К.* Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания по реформированию управления духовными делами мусульман в конце XIX – начале XX вв. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. 2014. № 4. С. 83–121.
- Загидуллин 2021 — *Загидуллин И. К.* Казый Р. Фахретдин и регламентация обязанностей приходского духовенства на рубеже XIX–XX вв. // Эхо веков. 2021. № 3. С. 15–23.
- Керимов 2010 — *Керимов Г. М.* История вероисповедной политики в России (исламский аспект) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28. № 2. С. 260–263.
- Круз 2020 — *Круз Р.* За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- Мавлютова 2018 — *Мавлютова Г. Ш.* Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4(43). С. 175–183.
- Мавлютова 2021 — *Мавлютова Г. Ш.* Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4(55). С. 201–211.
- Махмутов 2021 — *Махмутов З. А.* Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 61–73.
- Павлинова, Старостин, Ярков 2018 — *Павлинова А. Н., Старостин А. П., Ярков А. П.* Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань: Казанск. ун-т, 2018. 492 с.
- ПСЗ РИ 1876 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XLIX. Ч. 1. СПб.: Тип. II Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1876. 948 с.
- Сафонов 2006 — *Сафонов А. А.* Регулирование деятельности инословных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. Т. 12. № 5. С. 32–35.
- Свод законов 1912 — Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. 178 с.
- Старостин, Павлинова 2016 — *Старостин А. Н., Павлинова Р. Н.* Мечети и имамы Восточной Сибири и Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX века: попытка социо-исторического анализа // Ислам в Сибири: вызовы времени: сб. докладов Междунар. науч. конф. (г. Омск, 12–13 мая 2016 г.) / редкол.: Л. М. Дмитриева (отв. ред.) и др. Омск: ОмГТУ, 2016. С. 63–69.
- Старостин, Ярков 2020 — *Старостин А. Н., Ярков А. П.* «Бродячие» муллы в Сибири и на Дальнем Востоке в аспекте взаимоотношений государства, уммы и ее лидеров // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1. № 2. С. 13–17.
- Усманова, Михайлов 2014 — *Усманова Д. М., Михайлов А. Ю.* Ислам и православие в поздней имперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона). Казань: Яз, 2014. 188 с.
- Христианское просвещение 2012 — Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX в.: сб. мат-лов и док-тов / сост. Р. Р. Исхаков. Казань: Ихлас, 2012. 412 с.
- Юнусова 2011 — *Юнусова А. Б.* Мусульманское самоуправление в России // Россия и мусульманский мир. 2011. № 8. С. 28–34.
- Ярков, Старостин 2021 — *Ярков А. П., Старостин А. Н.* Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень: Тюменск. гос. ун-т, 2021. 300 с.

References

- Bakieva G. T. Muslim clergy of Siberian Tatars, nineteenth – early twentieth centuries. In: Zagidullin I. K. (comp., ed.) Orenburg Mohammedan Assembly and Spiritual Development of the Tatar People, 1770s – 1900s. Jubilee seminar proceedings (Kazan, 18 December 2009). L. Baybulatova, R. Iskhakov (eds.). Kazan: Märcani Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2011. Pp. 12–27. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 49. Pt. 1. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1876. 948 p. (In Russ.)
- Consolidated Laws of the Russian Empire. Vol. 11. Pt. 1. St. Petersburg: Deyatel, 1912. 178 p. (In Russ.)

- Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2020. 408 p. (In Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Islam and Empire: Muslim Communities of Western Siberia and Official Religious Policies, mid-nineteenth to early twentieth centuries. Barnaul: Altai State University, 2020. 162 p. (In Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Organization of the spiritual life of the Muslim population of the Yenisei province in the context of state-confessional policy of the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 2020. No. 1. Pp. 250–257. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2020.1.250
- Denisov D. N. Implementation of certain state powers by Muslim clergy in the county of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2012. No. 11(265). History 50. Pp. 90–94. (In Russ.)
- Denisov D. N. Orenburg [County] Mohammedan Assembly, late eighteenth to early twentieth centuries: Person specifications for Muslim clerical positions. *Vestnik of Orenburg State University*. 2012. No. 5(141). Pp. 142–147. (In Russ.)
- Iskhakov R. R. (comp.) Christian Enlightenment and Religious Movements (Reislamization) among Tatar Christians, Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Collected Materials and Documents. Kazan: Ikhlas, 2012. 412 p. (In Russ.)
- Kerimov G. M. History of religious policies in Russia: The Islamic aspect. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2010. Vol. 28. No. 2. Pp. 260–263. (In Russ.)
- Makhmutov Z. A. The roles and activities of Tatar mullahs in Kazakhstan, 18th to mid-21st century. *RUDN Journal of Russian History*. 2021. Vol. 20. No. 1. Pp. 61–73. (In Russ.)
- Mavlyutova G. Sh. Islamic religious buildings in the Tobolsk Province in the late 18th — early 20th century. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2021. No. 4(55). Pp. 201–211. (In Russ.)
- Mavlyutova G. Sh. Legal status of Muslim clergy in the Tobolsk Province at the end of 18th — beginning of the 20th century. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2018. No. 4(43). Pp. 175–183. (In Russ.)
- Pavlinova A. N., Starostin A. P., Yarkov A. P. Muslim Communities of Asiatic Imperial Russia, Mid-Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Analyzing Registers of Orenburg Mohammedan Assembly. Kazan: Kazan Federal University, 2018. 492 p. (In Russ.)
- Safonov A. A. Ministry of Internal Affairs: Regulating activities of non-Orthodox denominations and non-Christian faiths. *Vestnik of Kostroma State University*. 2006. Vol. 12. No. 5. Pp. 32–35. (In Russ.)
- Starostin A. N., Pavlinova R. N. Mosques and imams of Russia's Eastern Siberia and Far East, late nineteenth – early twentieth centuries: A sociohistorical analysis. In: Dmitrieva L. M. (ed.) *Islam in Siberia: Challenges of Time*. Conference proceedings (Omsk, 12-13 May 2016). Omsk: Omsk State Technical University, 2016. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Starostin A. N., Yarkov A. P. “Wandering” mullahs in Siberia and the Far East in the aspect of the relationship between the state, the Ummah and its leaders. *Bulletin of Social Sciences and Humanities*. 2020. Vol. 1. No. 2. Pp. 13–17. (In Russ.)
- Usmanova D. M., Mikhaylov A. Yu. Islam and Orthodox Christianity in Late Imperial Russia: Institutions and Sociolegal Status (The Case of Volga-Ural Region). Kazan: Yaz, 2014. 188 p. (In Russ.)
- Yarkov A. P., Starostin A. N. Islam from the Urals to Kamchatka: A Panorama of Centuries. Tyumen: Tyumen State University, 2021. 300 p. (In Russ.)
- Yunusova A. B. Muslim self-governance in Russia. *Russia and the Moslem World*. 2011. No. 8. Pp. 28–34. (In Russ.)
- Zagidullin I. K. Activities of the Orenburg Mohammedan Spiritual Meeting for reforming of management by spiritual affairs of Muslims at the end of XIX – the beginning of the XX centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2014. No. 4. Pp. 83–121. (In Russ.)
- Zagidullin I. K. Islamic Institutes of the Russian Empire: Mosques of European Russia and Siberia. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
- Zagidullin I. K., Kazy R. Fakhreddin and the regulation of duties in the prayer congregation at the turn of the 19th–20th centuries. *Gasyrlar avazy - Eho vekov (Echo of Centuries)*. 2021. No. 3. Pp. 15–23. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 43–55, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 93/94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-43-55

Предложения Комиссии Министерства внутренних дел под руководством Ф. К. Гирса о переводе Киргизской Внутренней орды в управление Астраханской губернии: административно-территориальное и судебное устройство (1873 г.)

Евгений Александрович Гунаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: [gunaeva\[at\]yandex.ru](mailto:gunaeva[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Гунаев Е. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье рассматриваются предложения комиссии Министерства внутренних дел под руководством Ф. К. Гирса 1873 г. по преобразованию управления Киргизской Внутренней орды в свете проекта переподчинения ее властям Астраханской губернии. Указанные предложения, оформленные в пяти журналах, — это первый вариант, который в основном учитывал и критически оценивал предложения оренбургских властей по переустройству Орды. *Результаты.* Исследованы вопросы проекта административного устройства Внутренней орды, о перенесении Ставки при Нарын-Песках и о центральных пунктах уездного управления, а также судебного устройства. *Выводы.* Одними из главных критериев переподчинения Внутренней орды в ведение Астраханской губернии являлись географический, политический и социально-экономический. Географический критерий заключался в оценке близости расстояния до губернского центра, наличии водного транспортного пути, свободных земель для кочевков, меньшего населения губернии, а также «округленности» ее границ. Политический критерий состоял в отдалении буковских казахов Внутренней орды от соплеменников Зауральской степи, находившихся в подчинении Оренбургского пограничного ведомства, от земель уральского казачества. При разделении Внутренней орды на северную и южную части присоединение северной к Самарской губернии вызвало бы необходимость привлечения казахского населения Орды к участию в земских учреждениях, что, по мнению официальных властей, не соответствовало уровню развития гражданственности населения. Это же обстоятельство, а также малое число населения не позволяло, по мнению властей, преобразовать Внутреннюю орду в самостоятельную область. Вместе с тем при переустройстве управления Внутренней ордой российские власти выступали за сохранение суда биев в определенных сферах жизни казахского населения. Социально-экономический критерий выражался в хозяйственной и финансовой зависимости управления Внутренней орды от астраханских властей, проживании других кочевых народов на территории Астраханской губернии — калмыков и кундровских татар, а также в наличии стационарных поселений. Данные предложения комиссии Ф. К. Гирса как исторический источник могут характеризоваться в качестве одного из примеров позиции и точки зрения властей по преобразованию управления кочевых инородцев Российской империи.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Киргизская Внутренняя орда, административное управление, административно-территориальное и судебное устройство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Предложения Комиссии Министерства внутренних дел под руководством Ф. К. Гирса о переводе Киргизской Внутренней орды в управление Астраханской губернии: административно-территориальное и судебное устройство (1873 г.) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 43–55. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-43-55

Proposals by the Ministry of Internal Affairs Commission Headed by F. K. Girs to Subordinate the Kirghiz Inner Horde under Astrakhan Governorate: Administrative Structure and Judicial System, 1873

Evgeniy A. Gunaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Gunaev E. A., 2024

Abstract. Introduction. The article examines the 1873 proposals by the Ministry of Internal Affairs Commission headed by F. K. Girs to place the Kirghiz Inner Horde under the administrative control of Astrakhan Governorate. The mentioned proposals constituted a total of five journals and were an earliest reform-related resolution that basically dealt with and somewhat criticized the preceding initiatives of Orenburg-based authorities to restructure the Horde. **Results.** The paper discusses a number of issues pertaining to the Inner Horde's administrative restructuring project, relocation of its headquarters from Naryn-Peski, centralized localities for uyezd-level authorities, and its judicial system. **Conclusions.** The major criteria for the Inner Horde's resubordination to Astrakhan Governorate included geographical, political, and socioeconomic ones. In terms of geography, the Governorate's capital was closer, there were vacant pastures and a water transport route, the region was characterized by a sparser population and 'well-rounded' borders. The political reasons were that the Bukey Kazaks had somewhat detached from their fellow tribesmen that inhabited Trans-Ural steppes and were subordinate to Orenburg frontier-guarding forces, and from the latter's Cossack-inhabited lands. Any further division into northern and southern parts — with the former be incorporated into Samara Governorate — would give rise to the necessity that ethnic Kazakhs get involved into zemstvo-level activities, which the authorities believed hardly feasible because of the population's low civic awareness. The latter circumstance and a meagre population were also viewed by the aforementioned officials as hindrances to that the Inner Horde be transformed into an autonomous oblast. However, the Russian authorities did tend to retain the court of *biys* for certain spheres of Kazakh life. The socio-economic criterion was manifested in that the Inner Horde's executives would stay economically and financially dependent on the Astrakhan office, need to coordinate activities with neighboring nomads of the Governorate (Kalmyks, Kundrau Tatars), and take due account of stationary settlements. The proposals set forth by the Commission may serve a historical source indicative of Imperial Russia's positions and viewpoints on further administrative resubordination of subject nomads.

Keywords: Astrakhan Governorate, Kirghiz Inner Horde, administrative control, administrative structure and judicial system

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Gunaev E. A. Proposals by the Ministry of Internal Affairs Commission Headed by F. K. Girs to Subordinate the Kirghiz Inner Horde under Astrakhan Governorate: Administrative Structure and Judicial System, 1873. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17(1): 43–55. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-43-55

1. Введение

Вторая половина XIX в. — время административного переустройства во Внутренней Киргизской орде, вызванного фактической ликвидацией института ханской власти в связи со смертью хана Джангира в 1845 г. Власть в Орде перешла к Временному совету, в составе которого поначалу находились ближайшие родственники хана. От Министерства государственных имуществ в состав совета входил также русский чиновник. «В состав совета входили депутаты от казахов, которые не выбирались, а назначались» [Аспандияров 2007: 56]. Окончательно упразднение института ханской власти во Внутренней орде произошло в 1853 г. [Васильев 2018: 563]. В частности в письме министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В. А. Перовскому указывалось на согласие императора Николая I с его предложениями: «Во избежание всяких происков со стороны ханского семейства устранить лица этого семейства от занятия каких-либо в ней должностей, предоставив им взамен служить в России на военном или гражданском поприще, с правами потомственного дворянства» [История 2002: 824].

В административном отношении орда была разделена на семь частей, не по родовому признаку, а по территориальному. Административно-территориальная реформа началась в 1855 г. с выделением двух округов: Прикаспийского I и Прикаспийского II. Через пять лет, в 1860 г., и оставшая часть орды была разделена на 5 частей (Камыш-Самарскую, Таловскую, Торгунскую, Калмыцкую и Нарынскую). Данной реформой царское правительство вводило совершенно новую систему управления на местах, ликвидировав прежнюю, ханскую, систему управления. Упразднены были все привилегированные при хане сословия — султанско-дворянское, тарханское и пр. [Аспандияров 2007: 57–59].

Особенностью положения Внутренней орды, с учетом того, что она находилась в ведении Министерства государственных имуществ, являлась ее зависимость от

Оренбургского губернатора и пограничной комиссии. 4 февраля 1847 г. при данной комиссии был учрежден особый временный стол для производства дел по управлению Внутренней ордой. «Это положение сохранялось до 24 января 1858 г., когда совет был преобразован, казахская родовая аристократия была заменена сначала другими людьми, уже не родственниками хана, а затем русскими чиновниками, председателем совета стал русский чиновник. Делопроизводство стало постепенно вестись на русском языке, а впоследствии окончательно перешло на русский язык» [Аспандияров 2007: 60].

Завершающим этапом должна была стать административная реформа всеобъемлющего характера, одним из аспектов которой являлся вопрос об окончательном переводе Внутренней орды в подчинение Астраханской губернии. В 1860 г. Внутренняя орда была передана в Министерство внутренних дел [Васильев 2018: 591].

В настоящей статье рассмотрены вопросы административного и судебного устройства Внутренней орды, высказанные в предложениях комиссии Министерства внутренних дел под руководством Ф. К. Гирса в 1873 г.

2. Историография вопроса

Административно-территориальное управление на территории Урало-Поволжья России в имперский период исследуется С. В. Любичанковским. В его работе рассмотрены эволюция таких институтов, как генерал-губернаторство, губернская система правления, министерская, уездная и др. [Любичанковский 2017: 423].

Применительно к Внутренней орде проблема нахождения ее в двойном подчинении оренбургских и астраханских властей не нашла широкого освещения в дореволюционной [Гунаев 2022: 10] и советской [Сулейменов, Басин 1981; Зиманов 1982] историографии. Только в работах начала XXI в. мы находим исследование указанной проблемы, в частности в исследованиях Р. Ю. Почекаева [Почекаев 2014], Д. В. Васильева [Васильев 2018: 562–624] и Е. А. Гунаева [Гунаев 2023].

Этнографическое исследование Ханской ставки как оседлого поселения в дореволюционный период проведено М. Я. Киттары [Киттары 2001]. Из современных работ стационарные поселения во Внутренней орде и характер переселений в ней исследованы в статье С. С. Белоусова [Белоусов 2019]. Для целей исследования автором рассмотрена также статья Н. Е. Бекмахановой и Н. Б. Нарбаева о суде биев [Бекмаханова, Нарбаев 2010].

В целом вопрос, заявленный в названии данной статьи, рассматривается в монографии Д. В. Васильева «Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в.» [Васильев 2018: 562–624]. В указанной монографии отмечается следующее: работа по подготовке общего положения об управлении казаками Внутренней орды началась в 1855 г. во исполнение положения Комитета министров от 12 июня 1855 г.; руководил разработкой положения об управлении Внутренней ордой оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин, затем работу продолжил его преемник — генерал-адъютант А. П. Безак, «который в 1864 г. и представил в Министерство внутренних дел комплексный законопроект в составе Положения о киргизах Внутренней орды и Правил об управлении киргизами Внутренней орды» [Васильев 2018: 592]. А. П. Безак рассматривал подчинение Внутренней орды оренбургскому губернатору как временную меру и считал целесообразным передать орду в ведение Астраханской губернии [Васильев 2018: 593].

Вскоре губернатором Оренбургской губернии стал генерал-адъютант Н. А. Крыжановский, точка зрения которого на управление Внутренней ордой сводилась фактически к административно-территориальной ассимиляции. Он предлагал переименовать Внутреннюю орду в Прикаспийскую область «с последующим разделением ее на две части, где верхняя (т. е. северная часть. — Е. Г.) должна была отойти к Самарской губернии, а нижняя (т. е. южная часть. — Е. Г.) — к Астраханской, в рамках которых они бы составили отдельные уезды» [Васильев 2018: 593].

Обсуждение проектов было прервано работой Степной комиссии по разработке Положения об управлении всех казахских

территорий. В последующем Н. А. Крыжановский предлагал отделить управление Внутренней ордой от Тургайского управления, образовать из нее совершенно самостоятельную область под названием Каспийской, но с сохранением главного начальства в лице оренбургского генерал-губернатора [Васильев 2018: 594].

Различные взгляды, проекты по управлению Внутренней ордой, исходившие от оренбургских генерал-губернаторов, подтолкнули к созданию особой комиссии при Министерстве внутренних дел для изучения будущего административного переустройства Внутренней орды. 16 марта 1873 г. создание данной комиссии было одобрено императором. Комиссия работала под председательством члена совета министров внутренних дел, тайного советника Федора Карловича Гирса (1824–1891) [Васильев 2018: 594]. Еще «в 1865 г. он был назначен председателем комиссии для изучения быта киргизов и начал, на которых должно быть устроено управление степями, выработанные комиссией решения послужили основанием для Положения об управлении Туркестанского края и степных областей» [Русский 1916: 238].

3. Материалы исследования

Комиссия Ф. К. Гирса 19 ноября 1873 г. представила в Министерство внутренних дел результаты работы, оформленные «в виде пяти журналов, каждый из которых был посвящен рассмотрению одной из ключевых административных проблем и проекта штата ордынского управления» [Васильев 2018: 595]. Д. В. Васильев ссылается в своей монографии на документ Российского государственного исторического архива фонда 1405 Министерства юстиции за 1875 г. [РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 10967].

В настоящей статье исследуется документ из фонда 6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Пограничное отделение (Самарского)» Государственного архива Оренбургской области [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а]. В нем содержатся копии с пяти журналов Высочайше утвержденной комиссии по административному устройству Внутренней орды. На титуле дела указана дата — 26 ноября 1873 г. и дан рапорт Оренбургскому генерал-губернатору от чиновника особых поручений VI класса

Жоховского Николая Ивановича, бывшего в классном чине с 1863 г. (в последующие годы — действительный статский советник с 1883 г., вице-губернатор Астраханской губернии (7 июля 1883 г. — 19 декабря 1885 г.)) [Волков 2016: 291; Губернии 2003: 53].

В рапорте говорится: «В исполнение предписания исправлявшего должность Вашего Высокопревосходительства Г. Л. Веревкина от 7 прошлого сентября за № 3591, имею честь представить при сем копии с журналов Высочайше учрежденной комиссии по административному устройству Внутренней орды с следующими к ним приложениями. Надворный советник Н. Жоховский» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. титул].

Документ состоит из пяти частей: 1) Административное устройство; 2) По вопросу о перенесении Ставки при Нарын-Песках и о центральных пунктах уездного управления; 3) Судебная часть; 4) Поземельное устройство в связи с податным вопросом; 4) Народное образование в связи с религией. Кроме того, содержится копия с проектированного штата Управления Киргизскими уездами Астраханской губернии [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 1–42 об.].

В настоящей статье рассматриваются вопросы административного устройства, которые объединены с вопросом о перенесении Ставки при Нарын-Песках и о центральных пунктах уездного управления, а также судебного устройства.

4. Административное устройство Внутренней орды

В документе отмечается, что Внутренняя Киргизская орда занимала около 70 квадратных верст, прилежала с юго-запада и запада к Астраханской губернии, с севера — к Самарской губернии, с востока к Уральской области, а с юга — к Каспийскому морю. Такое географическое положение Внутренней орды, соприкасавшейся значительной частью своей окраины с Астраханской губернией, само собою уже указывало на экономическое и административное тяготение ее к последней. Между тем центр управления Внутренней ордою того времени сосредотачивался в Оренбурге, хотя главное начальство Оренбургского края и высшее правительство ввиду полной несостоятельности существующей системы управления в

форме Временного Совета давно уже стали сознавать необходимость ее переустройства вместе с перемещением административного центра в другой пункт, более ближний, чем Оренбург, значительность расстояния от которого (835 верст) делала, по замечанию бывшего генерал-губернатора А. П. Безака, наблюдение над местным управлением из такого отдаленного центра «пустую и даже вредною формою» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 1]. Ввиду этого генерал-адъютант А. П. Безак предлагал образовать из Внутренней Орды Прикаспийскую область с тем, чтобы впоследствии с упрочением в ней нового положения об управлении присоединить Внутреннюю орду к Астраханской губернии, как к ближайшей. Затем, в 1865 г., генерал-адъютант Н. А. Крыжановский высказал то же самое предположение об устройстве из Внутренней орды особой области с целью подготовить ее к разделению на две части, из которых одну предлагалось присоединить к Самарской, а другую — к Астраханской губернии. Последнее предложение генерал-адъютанта Н. А. Крыжановского состояло в том, чтобы образовать из Внутренней орды отдельную область с областным правлением [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 1об.–2].

Таким образом, отмечается в документе, у комиссии имелось три предложения относительно административного устройства Внутренней орды. Последнее предложение об образовании самостоятельной Каспийской области встретило следующие возражения. Комиссия полагала, что при слабом развитии гражданской, экономической жизни казахского населения, «еще не вышедшего из кочевого состояния, при совершенном отсутствии в Орде русских поселений, могущих влиять на развитие инородцев, — обособление управления Внутренней ордою в виде самостоятельной области едва ли может согласоваться с видами правительства» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 2об., 3]. Согласно доводам Комиссии, если и существовали некоторые русские губернии с небольшим населением, то такого рода исключения объяснялись большим развитием гражданской и экономической жизни самого населения и другими уважительными местными условиями, не существовавшими «в отношении кочевого и иновещерского на-

селения Внутренней орды, окруженной со всех сторон русским населением» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 2об., 3].

Как видим, здесь указывалось не только на практическое отсутствие русских поселений во Внутренней орде, но и малочисленность населения орды для существования в качестве самостоятельной области.

Далее в документе рассматриваются аспекты модели управления, высказанные генерал-адъютантами А. П. Безаком и в последующем Н. А. Крыжановским относительно управления Ордой. В частности, А. П. Безак считал, что «присоединение Внутренней орды к Астраханской губернии, вполне или отчасти, может быть совершено лишь под наблюдением власти, близко знакомой с состоянием Орды, и достаточно сильной для быстрого подавления могущих возникнуть, при введении нового положения, беспорядков» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 3]. Такого взгляда придерживался и Н. А. Крыжановский. Но комиссия не согласилась безусловно с вышеприведенным мнением, указывая на то, что сам А. П. Безак считал надзор за действием местной власти вообще, а следовательно, и при введении нового положения, по отдаленности своего местопребывания, пустою и даже вредной формой. В случае волнений в степи самостоятельный губернатор, не ожидая издалека разрешения, мог бы призвать собственной властью войска из ближайших пунктов.

Разделяя вполне мысль обоих генерал-губернаторов, что знание жизни казахского населения Внутренней орды в особенности необходимо было при введении самих преобразований, комиссия была далека от мысли о необходимости замещать должности новыми лицами; напротив, она полагала, что удержание таковых, при известных условиях, должно было стать необходимой мерой для успеха дела и, в этой связи, проектировала, в виде временной меры, при губернаторе Астраханской губернии должность его помощника, заведующего инородческим населением, «который, будучи ознакомлен с бытом кочевого населения, может быть, если не прямым руководителем, то полезнейшим пособником губернатора в деле проведения новых начал управления. При таких условиях ближайший к Внутренней орде губернатор

имеет большую возможность наблюдать с успехом за новым местным управлением киргизов, чем лицо, находящееся на расстоянии более 800 верст» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 3об., 4].

Таким образом, комиссия, отвергая необходимость образования из Внутренней орды особой области, находила нужным войти в подробное рассмотрение всех тех предложений, какие могли иметь место относительно присоединения Внутренней орды к одной из соседних губерний, именно к Уральской области, к губерниям Самарской и Астраханской [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 4–4об.].

В документе указывается, что присоединение Внутренней орды к Уральской области не только не осуществило бы систематически преследуемой высшим правительством цели обрусения инородческих племен, а, напротив, повело бы к совершенно противоположному результату. Объединение под одним управлением казахов зауральских и Внутренней орды представлялось не отвечающим интересам российских властей, так как зауральские казахи в силу условий своего географического положения, разделявшего их от соплеменников Внутренней орды, стали от них отдаляться, и у них уже стали проявляться процессы к сближению с русским населением, среди которого они кочевали. Кроме этой главной причины, не меньшим препятствием к осуществлению подобного предложения представлялось наличие конфликтных ситуаций между киргизами Внутренней орды и уральскими казаками [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 4об.–5].

Другая комбинация, заявленная губернатором Оренбургского края Н. А. Крыжановским о присоединении северной части Внутренней орды к Самарской губернии, а южной — к Астраханской, по мнению комиссии, хотя с первого взгляда и имела на своей стороне выгоду «еще большего разъединения киргизского населения, но может быть оспариваема по следующим соображениям: Самарская губерния в настоящих своих границах представляет собой такую громадную территорию, что всякое дальнейшее расширение ее составит большое бремя для губернской администрации. Другим препятствием, осложняющим неудобства присоединения северной части Внут-

ренной орды к Самарской губернии, является и то обстоятельство, что в таком случае пришлось бы привлечь к участию в земских учреждениях киргизское население, еще не доросшее до того по степени своей цивилизации» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 5.–5об.].

Таким образом, заключила комиссия, «единственно возможною, и притом наиболее выгодною, комбинацией оказывается присоединение Внутренней орды к Астраханской губернии, к чему не представляется препятствий, затрудняющих осуществление всякого другого из вышеприведенных предположений» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 5об.].

Далее в документе приводятся доводы о выгодах присоединения Внутренней орды к Астраханской губернии. Отмечается, что Внутренняя орда значительной частью, приблизительно около двух третей, своих границ соприкасалась с границами уездов Астраханской губернии. «Такая географическая связь при благоприятном направлении Волги, протекающей до 250 верст близ границ киргизской степи и при правильном почтовом сообщении между уездным городом Астраханской губернии Черным Ярм и центральным местным управлением Внутренней орды Ханскою ставкой, делает сообщение до того удобным в течение $\frac{3}{4}$ года, что из Ставки в Астрахань можно прибыть меньше чем в двое суток. Во всяком случае при сравнении с гг. Самарою и Уральском, как в отношении расстояния, так и в отношении удобства путей сообщения, Астрахань представляется наиболее удобным пунктом для центрального управления, не говоря уже о том, что последняя имеет много удобств для сообщения с Приморскими округами посредством водяного пути» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 6, 6об.].

Комиссия указывала и на экономическую связь, которая существовала между астраханским населением и казахами Внутренней орды, занимавшимися отчасти рыбным, соляным и другими промыслами близ границ или в пределах Астраханской губернии. В подобных условиях окончательное включение Внутренней орды в пределы Астраханской губернии подкреплялось еще и тем соображением, что в Астраханской губернии проживали и другие кочевые на-

роды (до 180 тыс. калмыков и кундровских татар), быт которых имел много общего с бытом казахского населения [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 6об.–7].

К числу доказательств административно-экономического тяготения казахов Внутренней орды к Астраханской губернии могло служить то обстоятельство, что с введением в указанной губернии суда на новых началах предполагалось подчинить судебные учреждения Внутренней орды астраханскому судебному округу и «что на основании ст. 426 пункта 2-го Свода законов по продолжению 1863 г., Астраханский губернатор о происшествиях во Внутренней орде киргизов обязан [был] сообщать начальству Оренбургского края по принадлежности, извещая оное и о иных экстренных распоряжениях, которые почтет нужным сам по обстоятельствам, не терпящим отлагательства» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 7–7об.].

Согласно данным комиссии, финансовые учреждения Внутренней орды к тому времени уже находились в заведовании находившимися в Астрахани губернскими учреждениями Министерства финансов. В пользу присоединения Внутренней орды к Астраханской губернии говорило еще и то обстоятельство, что в годы неурожая и гололедицы не только сами казахи, но и местное начальство орды обращалось не раз к Астраханскому губернатору «о дозволении киргизам перекочевывать на свободные земли, находящиеся в заведывании Астраханского губернского начальства» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 7–7об.].

Все эти соображения, по мнению комиссии, приводили к убеждению в пользу полной необходимости сосредоточения центрального управления Внутренней ордой в Астрахани, что в принципе вполне разделялось и губернатором Оренбургского края. Что же касалось опасений, высказывавшихся по поводу прекращения возможных волнений, то комиссия считала, что в подобном случае Астраханский губернатор имеет полную возможность прекратить их местными воинскими силами, не говоря уже о том, что он всегда имел под рукой и Астраханское казачье войско. В целях прекращения постоянно возникавших разногласий между местными властями Внутренней орды и Астраханской губернии, негативно влияв-

ших не только на ход административных дел, но и на мирные взаимоотношения русского населения с казахским, комиссия видела выход в полном административно-полицейском объединении Внутренней Орды с Астраханской губернией [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 8–8об.].

Комиссия считала, что, хотя в новых своих границах Астраханская губерния «может представляться слишком обширною, но, во-первых, эта обширность сглаживается совершенною округленностью ее границ, а, во-вторых, незначительностью цифры населения (до 400 тыс.)» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 8об.].

Разрешив вопрос о присоединении Внутренней орды к Астраханской губернии, комиссия при тщательном обсуждении всех условий такого слияния пришла к заключению о необходимости принять какую-нибудь переходную меру для того, чтобы, с одной стороны, этот переход не показался слишком резким в глазах казахского населения, а с другой, для того, чтобы на первых порах не лишить Астраханское губернское начальство тех местных деятелей, близкое знакомство которых с народом могло принести ему существенную пользу в деле управления кочевым населением. С этой целью предлагалось при Астраханском губернаторе ввести временную должность помощника по управлению инородческим населением. Для заведования же казахскими делами административного характера учредить при губернском правительстве отдельное ведомство. Судебные дела, при существовавшем порядке производившиеся во Временном Совете и в Тургайском областном правлении, могли бы, по мнению комиссии, без особого затруднения быть переданы в подлежащие судебные учреждения Астраханской губернии, на усиление средств которых имелись значительные остатки от общих с Внутренней орды доходов [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 8об.–9об.].

Вместе с тем Комиссия предлагала упразднить Временный Совет «как учреждение, не отвечающее ни судебным, ни административным требованиям, как на что указывало и губернское начальство Оренбургского края, предполагавшее даже, как видно из дел Министерства, совершенное уничтожение Совета с заменой его еди-

ноличной властью» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 9об.].

Обращаясь к высказанному губернатором Оренбургского края предложению о разделе Внутренней орды на три уезда, равно и к спроектированному общественно-полицейскому и местному управлению казахским населением, комиссия находила эти меры вполне отвечающими критериям целесообразности и необходимости «для правильного хода административных дел и для прочного водворения русской власти среди кочевников» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 9об.–10].

Спроектированный комиссией штат будущего управления Внутренней ордой также показывал, что с финансовой стороны приведение в исполнение вышеназванных предложений не могло встретить никаких затруднений, «так как всех доходов с Внутренней орды по окладу 1873 г. должно было поступить 169 074 руб.; предположено по вновь проектированному штатам всех расходов 79 612 руб. 45 коп. серебром, из коих 1 400 отнесены на особые специальные источники, следовательно образуется остаток 90 861 руб. 55 коп. серебром. Следовательно, проектированный комиссией расход на содержание местного управления не превышает как ныне действующий, так и предположенный в проекте Генерал-губернатора» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 10–10об.].

Комиссия указывала также на то обстоятельство, что с приведением в действие проектированных ею предложений не было надобности в значительных расходах по устройству зданий для степного центрального управления, стоимость которых по составленному проекту сметы доходила до 150 тыс. руб. [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 10об.]. Таким образом, комиссия посчитала, что с приведением в исполнение ее предложений «киргизское население без особых пожертвований со стороны правительства и без обременения его новым налогом получит все необходимые средства для дальнейшего гражданского развития соответственно видам правительства» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 10об.–11].

В документе отдельной частью выступает вопрос о перенесении Ставки при Нарын-Песках и о центральных пунктах уездного управления. Указывается, что Ми-

нистерством внутренних дел было поручено комиссии подробно рассмотреть вопрос о перенесении Ставки при Нарын-Песках на более удобное место. Этот вопрос, по утверждению члена комиссии, председателя Временного Совета, вызывался необходимостью избрать удобное место для помещения предполагавшегося областного Центрального управления, и с этой целью была составлена по заявлению местного начальства смета, переходившая за 100 тыс. руб. [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 29].

В документе говорится, что из журнала за № 1 об административном устройстве Внутренней орды видно, что центр управления Внутренней ордой предлагалось перенести в г. Астрахань, а саму территорию, занимаемую ею, разделить на три уезда: Каспийский, Приморский и Камыш-Самарский. Комиссия пришла к выводу о том, что как центр уездного управления Каспийского уезда, который правильнее было бы назвать Нарынским, — Ставка при Нарын-Песках — была единственным центральным оседлым поселением, в котором, за исключением Временного Совета, находились все необходимые здания для помещения уездного управления. Кроме того, при расспросах комиссией жителей большая часть их заявила, что подобное добровольное перенесение целого поселения, недвижимое имущество которого смело могло быть оценено до 600 тыс. руб., нуждалось в особой со стороны субсидии. Основываясь на вышеуказанных соображениях, комиссия единогласно пришла к заключению в целях избегания излишних для казны расходов, «оставить предположенное перенесение Ставки без последствий» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 29об.–30].

Члены Комиссии при объезде территории Внутренней орды нашли, что расположенный в ее северо-восточной части в устье реки Малого Узенья в Камыш-Самарских озерах татарский поселок был удачным по выбору местности и развитию торговли, с каждым годом приобретал значение оседлого центрального промышленного пункта этой части Внутренней орды и представлял все удобства для помещения в нем управления предположенного Камыш-Самарского уезда, так как со стороны правительства не потребовалось бы никаких затрат для поме-

щения уездных учреждений [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 30–30об.].

Перенесение в этот пункт уездного управления имело, по убеждению членов комиссии, то важное значение, что этот поселок был населен исключительно татарами, которые, пользуясь правом беспопыльной торговли, привлекали туда мусульманское население, «влияющее весьма вредно на киргизов» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 30об.]. По мнению комиссии, с учреждением городского поселения и с предоставлением поселяющимся в нем русским льгот «фанатическое влияние татар на киргизов будет парализовано, в особенности, если по границам примыкающей к Уральской области местное казачье начальство найдет, в видах общегосударственных, возможность или переселить существующие татарские и калмыцкие форпосты, утратившие в настоящее время стратегическое значение, или же заменить иноверческие элементы в этих форпостах чисто русским» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 30об.–31].

Что же касается центрального пункта третьего уезда, то, по мнению комиссии, хотя предложенная в проекте генерал-губернатора местность и представляла все удобства, но ввиду присоединения Внутренней орды к Астраханской губернии и с целью соблюдения казенных интересов комиссия полагала более целесообразным поместить уездное управление в селе Никольском. Во всяком случае окончательное избрание того или другого пункта следовало предоставить местному губернскому начальству [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 31–31об.].

5. Судебная часть

Комиссия, рассмотрев все соображения, представленные Оренбургским генерал-губернатором о состоянии судебной части во Внутренней орде, вполне разделяла мнение губернатора насчет необходимости немедленного введения в данной местности судебной реформы на началах 1864 г., применяемой как к кочевому быту народа, так и к занимаемой им территории. Согласно данным комиссии, все отчеты Временного Совета, равно как и личное обозрение судебной части генерал-адъютантом Н. А. Крыжановским во время последнего объезда им Внутренней орды вполне подтверждали, что без скорейшего введения суда на

новых началах улучшение администрации Внутренней орды невозможно. Комиссия утверждала, что казахи во Внутренней орде имели много общего как в правосознании, так равно и в образе жизни со своими зауральскими соплеменниками, а следовательно, и суд, введенный в зауральских степях на основании временного положения с теми изменениями, на которые указывал трехлетний опыт его применения, должен быть введен и во Внутренней орде. Обращаясь затем к возбужденному Министерством внутренних дел вопросу: следует ли в лице мирового судьи соединить и должность судебного следователя, — комиссия, соглашаясь вполне с мнением губернского начальства Оренбургского края о возможности такого соединения должностей, со своей стороны находила, что если подобная мера существовала в степных областях Оренбургского и Сибирского ведомств, то само собой оно должно быть допущено и во Внутренней орде. Впрочем, комиссия из имеющихся сведений усматривала, что судебная реформа в степных областях находилась уже в окончательном рассмотрении Министерства юстиции, и, следовательно, «и настоящий вопрос во Внутренней орде должен быть согласован с тем законоположением о суде, который предполагается ввести во всех киргизских областях» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 12, 12об., 13].

Комиссия считала обязанностью заявить, что в случае одобрения предложения о присоединении Внутренней орды к Астраханской губернии «и самый суд должен быть согласован с общим характером судебной реформы, которую Министерство юстиции предполагает там ввести в самом непродолжительном времени, с тем, чтобы права мирового съезда (так в тексте. — Е. Г.), которые ныне присвоены в степных областях Областному правлению, были возложены на судебные учреждения Астраханской губернии» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 13, 13об.].

Министерство внутренних дел поставило перед комиссией вопрос: следует ли на основании временного положения об управлении степными областями восстановить у казахов Внутренней орды суд биев, к тому времени по их представлениям «исчезнувший уже там бесследно» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 13об.]. Комиссия со сво-

ей стороны посчитала, «что правильное разрешение этого вопроса находится в прямом соотношении и с понятиями и с бытом кочующего населения» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 13об., 14]. По утверждению комиссии, казахи Внутренней орды, будучи соплеменниками с зауральскими, и по правосознанию своему имели с ними большое сходство. Они принадлежали к одной Орде, в которой всегда существовал суд биев, и «если в последствии времени этот суд потерял свое значение, то единственно благодаря административным распоряжениям лиц, желавших этим повлиять на обрусение кочевников» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 14]. В документе утверждается следующее: «По исследованиям степной Комиссии, как видно из объяснительной записки к временному положению, оказывается, что подобные меры далеко не достигали цели. Русский суд, на старых началах основанный, был в явном противоречии с жизнью и потребностями кочевого народа, и суд биев, не будучи правильно организован, в Зауральской степи перешел незаметным образом в руки отдельных родовичей, приобретших через это весьма важное и даже политическое значение в крае, что едва ли желательно в видах Правительства. С введением русского суда в Зауральской степи на новых началах, суд биев, как доказано опытом, не потерял своего значения, в особенности по делам, разрешение коих по местным условиям для русского суда затруднительно» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 14–14об.].

Комиссия со своей стороны в разрешении поставленного вопроса о пользе восстановления этого народного суда считала своим долгом пояснить, что суд биев в первоначальной своей форме не исчез во Внутренней орде бесследно. По удостоверению члена комиссии, председателя Временного Совета, равно и других лиц, близко знакомых со степью, а также из расспросов казахов, оказывалось, что в то время казахи не упускали возможность своего народного суда, «в особенности в делах семейных, в разделах наследства и в тому подобных делах, разрешать которые могли только, по их понятиям, почетные лица, называвшиеся биями» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 14об., 15].

Комиссия пришла к выводу, что у всех народов, не исключая и русского, кроме об-

щих судебных учреждений существовали судьи волостной и мирской администрации, юрисдикция которых охватывала все проявления повседневной жизни, и передача ее в общие судебные учреждения считалась ненужной. Комиссия пришла к такому же выводу, как и Оренбургский губернатор и председатель Временного Совета Внутренней орды, что лишение казахов народного суда, учрежденного на началах, которые были выработаны степной комиссией, поставило бы новые судебные учреждения при разрешении семейных и некоторых имущественных дел в крайне затруднительное положение. С ликвидацией суда биев, по мнению комиссии, суд духовный втайне мог бы стать единственным средством для разрешения мирских дел на основании системы шариата. Это привело бы к ее конкуренции с системой правосудия, основанной на христианской морали. Как полагала комиссия, ликвидация суда биев могла стать прямой причиной чрезмерному усилению значения духовных лиц в Зауральской степи, а быть может и во Внутренней орде. Высказывая таким образом свое убеждение о необходимости восстановления суда биев во Внутренней орде, комиссия со своей стороны находила, что если российским правительством признано будет необходимым сохранить суд биев на законодательном уровне в зауральских степях, то нет никаких оснований лишать его и казахов Внутренней орды [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 15–16об.].

6. Обсуждение

С. С. Белоусов отмечает, что на территории Внутренней орды в XIX в. возникло всего 3 небольших населенных пункта, самым крупным являлся п. Ханская ставка. Это объяснялось как кочевым хозяйством местного населения, так и отсутствием переселения значительного количества населения на эти земли из других губерний. Переселение было ограничено как правовым статусом земель Внутренней орды, так и тяжелыми природными условиями, засушливым климатом. Развитию стационарных поселений во Внутренней орде способствовали ремесленники и торговцы, среди последних основную роль играли татарские переселенцы. Они также пропагандировали ислам, что вело к укреплению его позиций у казахов [Белоусов 2019: 642]

Как отмечают Н. Е. Бекмаханова и Н. Б. Нарбаев, «в течение второй половины XIX – начале XX века российское правительство от попыток отказаться от народного суда вновь возвращалось к восстановлению некоторых прав суда биев» [Бекмаханова, Нарбаев 2010: 168–169].

Как уже было отмечено, обстоятельно вопрос о реформировании Внутренней орды в рамках комиссии Ф. К. Гирса рассмотрен Д. В. Васильевым. Комиссия Ф. К. Гирса получила мнение астраханского губернатора Н. Н. Биппена, также дополнила итоговый отчет новыми соображениями, однако в итоге не смогла представить завершённый проект об управлении Внутренней ордой. Комиссия только разработала проект ее реформирования из 17 статей. Впоследствии из всех предложений комиссии было реализовано лишь одно: «об изъятии Внутренней киргизской орды в судебном отношении из ведения Тургайского областного правления и подчинении ее Астраханской палате уголовного и гражданского суда» [Васильев 2018: 607–608].

7. Выводы

В заключение изложим собственные выводы относительно предложений комиссии Ф. К. Гирса об административном преобразовании Внутренней орды. Указанные предложения, оформленные в пяти журналах, — это первый вариант, который в основном учитывал и критически оценивал предложения оренбургских властей по переустройству Орды. Одними из главных критериев переподчинения Внутренней орды в ведение Астраханской губернии являлись географический, политический и социально-экономический. Географический критерий заключался в оценке близости расстояния до губернского центра, что выгодно отличало Астрахань от Оренбурга. В пользу Астрахани говорило и наличие водного транспортного пути, свободных земель для кочевков, меньшего населения губернии, а также «округленность» ее границ, в отличие, к примеру, от Самарской в случае присоединения к ней части Внутренней орды.

Политический критерий состоял в отделении букеевских казахов Внутренней орды от соплеменников Зауральской степи, находившихся в подчинении Оренбургского по-

граничного ведомства, от земель уральского казачества. При разделении Внутренней орды на северную и южную части, присоединение северной к Самарской губернии вызвало бы необходимость привлечения казахского населения Орды к участию в земских учреждениях, что, по мнению официальных властей, не соответствовало уровню развития гражданственности населения. Это же обстоятельство, а также малое число населения не позволяло, по мнению властей, преобразовать Внутренней орде в самостоятельную область. Вместе с тем при переустройстве управления Внутренней ордой российские власти выступали за сохранение суда биев в определенных сферах жизни казахского населения. Отдельным аспектом политического критерия выступал общественный и государственный порядок во Внутренней орде. Власти были уверены в наличии у Астраханского губернатора военных соединений, включая Астраханское казачье войско, в случае подавления возможных волнений во Внутренней орде. Кроме

того, было одобрено, как уже отмечалось, полное административно-полицейское объединение Внутренней орды с Астраханской губернией.

Социально-экономический критерий выражался в хозяйственной и финансовой зависимости управления Внутренней орды от астраханских властей. В пользу данного критерия также указывало обстоятельство проживания других кочевых народов на территории Астраханской губернии — калмыков и кундровских татар. При присоединении Внутренней орды в состав Астраханской губернии одним из разновидностей социально-экономического критерия также являлось наличие стационарных поселений (Ставка при Нарын-песках, Татарский посёлок и село Никольское).

Данные предложения комиссии Ф. К. Гирса как исторический источник могут характеризоваться в качестве одного из примеров позиции и точки зрения властей по преобразованию управления кочевых инородцев Российской империи.

Источники

ГА ОО — Государственный архив Оренбургской области.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

State Archive of Orenburg Oblast. (In Russ.)
Russian State Historical Archive. (In Russ.)

Литература

Аспандияров 2007 — *Аспандияров Б.* Образование Букеевской Орды и ее ликвидация. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2007. 400 с.
Бекмаханова, Нарбаев 2010 — *Бекмаханова Н. Е., Нарбаев Н. Б.* Казахский суд биев в XIX веке: адаптация к российской имперской государственности // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 4. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2010. С. 154–175.
Белоусов 2019 — *Белоусов С. С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 4. С. 634–644. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644
Васильев 2018 — *Васильев Д. В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Полит. энцикл., 2018. 638 с.
Волков 2016 — *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь.

М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2016. 798 с.
Губернии 2003 — Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / под общ. ред. Б. В. Грызлова; гл. ред. Н. Ф. Самохвалов. М.: Объед. ред. МВД России, 2003. 480 с.
Гунаев 2022 — *Гунаев Е. А.* Административно-территориальное и земельное обустройство Букеевской (Внутренней) орды в Российской империи: дореволюционная историография // *Вестник Калмыцкого университета*. 2022. № 4(56). С. 6–11.
Гунаев 2023 — *Гунаев Е. А.* Образование Букеевской (Внутренней) орды и ее административно-территориальное и земельное обустройство в Российской империи: современная историография // *Право: история и современность*. 2023. Т. 7. № 1. С. 15–24. DOI: 10.17277/pravo.2023.01.pp.015-024
Зиманов 1982 — *Зиманов С. З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.
История 2002 — История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сб. док-тов и мат-лов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин. С. Х. Сагнаева.

- Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1118 с.
- Киттары 2001 — Киттары М. Я. Ставка хана Внутренней Киргизской орды // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 3 / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. С. 5–38.
- Любичанковский 2017 — Любичанковский С. В. Эволюция административно-территориального управления России на территории Урало-Поволжья в имперский период // Население и территория России: история и современность: мат-лы Междунар. науч. форума (г. Самара, 15–16 сентября 2016 г.) / сост. В. Б. Жиромская; отв. ред.: В. Б. Жиромская, Ю. А. Петров. Самара: ИРИ РАН, 2017. С. 421–432.
- Почекаев 2014 — Почекаев Р. Ю. Между Санкт-Петербургом, Оренбургом и Астраханью: отношения Букеевского ханства с центральными и пограничными властями Российской империи // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII–XX вв.: сб. науч. тр. Стерлитамак: Башкирский гос. ун-т, 2014. С. 73–87.
- Русский 1916 — Русский биографический словарь. Т. V: Герберский – Гогенлоэ. СПб.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. 444 с.
- Сулейменов, Басин 1981 — Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 247 с.
- Aspandiyarov B. Bukey Horde: Its Emergence and Abolition. Almaty: Qazaq Entsiklopediyasy, 2007. 400 p. (In Russ.)
- Bekmakhanova N. E., Narbayev N. B. Kazakh biys and their judicial functions in the nineteenth century: Adapting to Imperial Russia's governance system. In: Trepavlov V. V. (ed.) History of Russia's Peoples: Studies and Documents. Vol. 4. Moscow: Institute of Russian History (RAS), 2010. Pp. 154–175. (In Russ.)
- Belousov S. S. The Inner Kirghiz Horde of Astrakhan Governorate: The impact of trades and crafts people on the establishment of stationary settlements in Kazakh-inhabited lands. 19th century. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 4. Pp. 634–644. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644
- Chulkov N. P. (ed.) The Russian Biographical Dictionary. Vol. 5: Герберский – Гогенлоэ. St. Petersburg: G. Lissner & D. Sovko, 1916. 444 p. (In Russ.)
- Gryzlov B. V., Samokhvalov N. F. (eds.) Governors of the Russian Empire: History and Executives, 1708–1917. Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia (Joint Editorial Office), 2003. 480 p. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Administrative-territorial and land arrangement of Bukey (Inner) Horde in the Russian Empire: Pre-revolutionary historiography. *Bulletin of Kalmyk University*. 2022. No. 4(56). Pp. 6–11. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Establishment of the Bukey (Internal) Horde and its administrative-territorial and land arrangement in the Russian Empire: Modern historiography. *Law: History and Modernity*. 2023. Vol. 7. No. 1. Pp. 15–24. (In Russ.) DOI: 10.17277/pravo.2023.01.pp.015-024
- Kittary M. Ya. Inner Kirghiz Horde and headquarters of its rulers. In: Kulkenov M. (ed.) Celebrating the 200th Anniversary of the Bukey Horde. Vol. 3. Almaty: Olke, 2001. Pp. 5–38. (In Russ.)
- Lyubichankovskiy S. V. The imperial-era evolution of Russia's administrative governance patterns across the Volga-Ural region. In: Zhiromskaya V. B. (comp.) Population and Territory of Russia: Past and Present. Forum proceedings (Samara, 15–16 September 2016). V. Zhiromskaya, Yu. Petrov (eds.). Samara: Institute of Russian History (RAS), 2017. Pp. 421–432. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Between St. Petersburg, Orenburg and Astrakhan: Relations of the Inner Horde with central and frontier authorities of the Russian Empire. In: Yemaletdinova G. E. (ed.) The Southern Urals, Eighteenth–Twentieth Centuries: Shaping an Efficient Governance/Self-Governance System. Collected scholarly papers. Sterlitamak: Bashkir State University, 2014. Pp. 73–87. (In Russ.)
- Suleymenov B. S., Basin V. Ya. Kazakhstan as Part of Russia: Eighteenth to Early Twentieth Centuries. Alma-Ata: Nauka, 1981. 247 p. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. The Imperial Burden: Russia's Administrative Policy in Central Asia, Mid-to-Late Nineteenth Century. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2018. 638 p. (In Russ.)
- Volkov S. V. Executive Officers and Officialdom of Imperial Russia: A Concise Dictionary. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2016. 798 p. (In Russ.)
- Zhanayev B. T., Inochkin V. A., Sagnayeva S. Kh. (comps.) History of the Bukey Khanate, 1801–1852: Collected Documents and Materials. Almaty: Dayk-Press, 2002. 1118 p. (In Russ.)
- Zimanov S. Z. Russia and the Bukey Khanate. Alma-Ata: Nauka, 1982. 171 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 56–63, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-56-63

Восьмой Халха-Джебцун-Дамба-хутухта и Пандито Хамбо-лама Даши-Доржо Итигэлов (1911–1915 гг.)

Леонид Владимирович Курас¹, Базар Догсонович Цыбенков²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-4507-249X. E-mail: [kuraslv\[at\]yandex.ru](mailto:kuraslv[at]yandex.ru)

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0404-7207. E-mail: [bazar75\[at\]mail.ru](mailto:bazar75[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Курас Л. В., Цыбенков Б. Д., 2024

Аннотация. В 2024 г. исполняется 155 лет со дня рождения VIII Богдо-гэгэна — лидера монголов, стоявшего у истоков монгольской государственности начала XX в. Именно он сосредоточил в своих руках светскую и религиозную власть в новой Монголии. Авторы статьи вводят в научный оборот документы Государственного архива Республики Бурятия, которые позволяют выявить отношение буддистов Российской империи в лице XII Пандито Хамбо-ламы Итигэлова как к самому факту возникновения монгольской государственности, так и их трепетного отношения к духовному отцу монгольской революции. Эти документы представлены официальной перепиской бурятского Хамбо-ламы с военным губернатором Забайкальского края — генерал-майором А. И. Кияшко, и одновременно с раскрытием указанных сюжетов они опосредованно выявляют отношение официальных кругов Российской империи к факту появления нового государства на политической карте, ставшей политическим гарантом существования монгольской государственности. *Целью* исследования является официальная переписка Пандито-Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова с российскими и монгольскими властями в 1911–1913 гг. Для ее решения были поставлены следующие *задачи*: 1) проанализировать переписку Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова с Военным губернатором Забайкальской области в декабре 1911 – феврале 1912 гг.; 2) изучить переписку Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова с российскими и монгольскими властями в период с декабря 1912 г. по январь 1913 г.; 3) изучить переписку Пандито Хамбо-ламы в апреле-мае 1913 г. по вопросу направления в Ургу особой делегации, состоящей из бурятских лам и чиновников. *Выводы.* Бурятские буддисты в лице Пандито Хамбо-ламы буддийского духовенства Восточной Сибири Д.-Д. Итигэлова искренне выражали свою поддержку вновь созданному монгольскому правительству во главе с VIII Богдо-гэгэном. Официальная переписка духовного лидера российских буддистов с

региональными и монгольскими властями показывает как осторожную политику Российской империи в монгольском вопросе, так и всю сложность и неповоротливость чиновной бюрократической машины. Бурятские буддисты во главе с Пандито Хамбо-ламой Д.-Д. Итигэловым все же сумели добиться отправки особой делегации в Ургу для поздравления VIII Богдо-гэгэна и всего монгольского народа с обретением независимости.

Ключевые слова: Синьхайская революция, Российская империя, Монгольская государственность, VIII Богдо-Гэгэн, XII Хамбо-лама Итигелов, Военный губернатор Забайкалья, российско-монгольские отношения, переписка, архивные документы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (№ 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>).

Для цитирования: Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Восьмой Халха-Джебцун-Дамба-хутухта и Пандито Хамбо-лама Даши-Доржо Итигэлов (1911–1915 гг.) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 56–63. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-56-63

Eight Khalkha Jebtsun-Damba Khutukhtu and Pandito Khambo-Lama Dashi-Dorzhо Itigelov, 1911–1915

Leonid V. Kuras¹, Bazar D. Tsybenov²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv[at]yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Kuras L. V., Tsybenov B. D., 2024

Abstract. Introduction. In 2024, Mongolia shall celebrate the 155th birthday of the Eighth Bogdo Gegeen — the political figure who founded modern Mongolian statehood in the early twentieth century. This charismatic leader was the one who took both secular and religious power over the new Mongolia. The article introduces into scientific circulation a variety of documents from the State Archive of Buryatia that show the actual attitudes of Imperial Russia's Buddhists — articulated by the Twelfth Pandito Khambo-Lama — to the restoration of Mongolian statehood, and their reverence to the inspirer of the Mongolian Revolution. The examined official correspondence between Khambo Lama of ethnic Buryatia D.-D. Itigelov and Governor-General of Transbaikalia A. I. Kiyashko reveal a number of issues pertaining to the interaction between the spiritual leaders of Mongolia and Russia, show the actual attitude of Russia's officials toward the Mongol statehood's restoration, this very attitude to become, in fact, a political guarantee for the very existence of that statehood. **Goals.** The study attempts an insight into the official 1911–1913 correspondence between Pandito Khambo-Lama and Russian/Mongolian regional officials. To facilitate this, the paper shall analyze the correspondence between Pandito Khambo-Lama and Governor-General of Transbaikalia (December 1911 – February 1912); examine the former's correspondence with Russian and Mongolian authorities (December 1912 – January 1913); investigate his letters discussing a dispatch of a special delegation comprising Buryat clerics and officials to Urga (April–May 1913). **Conclusions.** The study attests to Buryat Buddhists in the face of Pandito Khambo-Lama of Eastern Siberia D.-D. Itigelov sincerely welcomed the newly established Mongolian Government headed by the Eighth Bogdo Gegeen. The official correspondence between the spiritual leader of Russian Buddhists and regional, Mongolian authorities shows both Imperial Russia's cautious policy in the Mongolian question, and the bureaucratic slowness. Buryat

Buddhists led by Pandito Khambo-Lama D.-D. Itigelov succeeded in arranging a special delegation to Urga to congratulate the Eighth Bogdo Gegeen and Mongolian people upon the declared independence of theirs.

Keywords: Xinhai Revolution, Russian Empire, Mongolian nationhood, Eight Bogdo Gegeen, Twelfth Khambo Lama Itigelov, Governor-General of Transbaikalia, Russian-Mongolian relations, correspondence, archival documents

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-68-00054 'The Manchu-Mongolian World of Inner Asia, Early-to-Mid Twentieth Century'. Available at: <https://rscf.ru/project/22-68-00054>.

For citation: Kuras L. V., Tsybenov B. D. Eight Khalkha Jebtsun-Damba Khutukhtu and Pandito Khambo-Lama Dashi-Dorzhо Itigelov, 1911–1915. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 56–63. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-56-63

1. Введение

Синьхайская революция 1911–1912 гг. в Китае стала началом «пробуждения Азии» и открыла перед национальными окраинами Цинской империи возможность самим сделать шаг в будущее [Цыбенков 2022: 119]. Революция состояла из множества восстаний и бунтов, где поворотным событием стало восстание военного гарнизона 10 октября 1911 г. в Учане.

Синьхайская революция оказала революционизирующее влияние на страны восточной и юго-восточной Азии [Рябченко 2012: 128–138]. Следствием революции стало отделение от Китая некоторых национальных окраин. Так, 1 декабря 1911 г. о своей независимости объявила Монголия. Истоки этого знаменательного события берут свое начало в июле 1911 г. Тайное собрание монгольских чиновников во главе с Джебцун-Дамба хутухтой постановило объявить о независимости Монголии, учитывая революционную ситуацию в Китае и неизбежное крушение Цинской империи. Уже летом 1911 г. наблюдалась политическая раздробленность страны и утрата цинской администрацией рычагов управления над регионами [История Монголии 2007: 18].

2. Материалы исследования

Исследователями анализируется официальная переписка Пандито Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова с чиновниками Российской империи, находящаяся в архивохранилище Государственного архива Республики Бурятия. Эпистолярное насле-

дие впервые вводится в научный оборот и позволяет персонифицировать и верифицировать события Синьхайской революции 1911–1912 гг., становление монгольской государственности и отношение российской общественности к монгольским событиям, основываясь на мнении бурятского Хамбо-ламы буддистов Восточной Сибири. Научная новизна исследования заключается в анализе ранее не востребованных архивных источников, иллюстрирующих процесс эволюции взглядов буддийских иерархов на общероссийскую историю и непосредственно на историю Монголии.

3. Эпистолярное наследие как источник по истории становления монгольской государственности

Несомненно, основную роль в обретении государственности Монголией сыграл Богдо-гэгэн VIII — восьмой Джебцун-Дамба-хутухта (1869–1924). Как известно, с 1911 по 1921 гг. он был теократическим правителем Монголии, с 1921 по 1924 гг. — главой государства с ограниченными правами. Мировая научная общественность, несомненно, отметит в 2024 г. 155-летие со дня рождения монгольского лидера. Российская и монгольская историография уделяют серьезное внимание деятельности монарха и его заслугам в становлении и укреплении монгольской государственности [Батсайхан 2013; Ванчикова 2014; Курас 2016]. Его можно назвать духовным отцом национальной революции в Монголии, поскольку Богдо-гэгэн контролировал как светскую,

так и религиозную власть. В свою очередь это способствовало развитию и укреплению буддизма в Российской империи.

Для отечественной историографии представляет несомненный интерес реакция главы буддистов Восточной Сибири (1911–1917 гг.) XII Пандито Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова¹ на события в Монголии в 1911–1915 гг. Российское правительство высоко оценило деятельность бурятского буддийского иерарха в период Первой мировой войны. За оказание всемерной помощи Российскому обществу Красного Креста, финансирование содержания лазаретов и помощи раненым, семьям погибших, он был награжден орденом Святой Анны II степени [Цыбенков 2023: 65]. Но его позиция по вопросу укрепления Монгольской государственности пока что не известна на научной общественности.

В Государственном архиве Республики Бурятия хранится дело «Пандито Хамбо-ламы ламайского духовенства Восточной Сибири» [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405], в котором имеется переписка Пандито Хамбо-ламы с военным губернатором Забайкальской области генерал-лейтенантом А. И. Кияшко и другими чиновниками высокого ранга о событиях и последствиях Синьхайской революции. В данной статье мы, в отличие от классического источниковедения, не будем раскрывать содержательную сторону и формуляр писем. Мы видим свою задачу лишь во введении в научный оборот эпистолярного наследия, которое поможет раскрыть ранее неизвестные сюжеты в деле становления монгольской государственности.

Первое письмо в адрес военного губернатора Забайкалья, под грифом «Совершенно секретно», Даши-Доржо Итигэлов направил 26 декабря 1911 г. за № 652. В нем он отметил, что, судя по последним сведениям, имеющимся в газетах, в Монголии имели место серьезные политические события, завершившиеся провозглашением Джебцун-Дамба-хутухты в качестве верховного правителя. Поэтому ввиду этих новых обстоятельств духовный глава российских буддистов просил чиновника дать указа-

ния применительно к ситуации в Монголии [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 1].

Здесь чиновная машина показала всю свою неповоротливость и осторожность. Информация тщательно проверялась, проводились консультации, вырабатывалось отношение соответствующих ведомств к событиям в Монголии. Военный губернатор края получил письмо по линии министерства внутренних дел лишь 30 января 1912 г., и 4 февраля 1912 г. адресату было отправлено письмо за № 180 за подписью вице-губернатора. В нем сообщалось, что поскольку политические события происходят в другом государстве и не затрагивают интересы буддийского населения Забайкальской области, военный губернатор не видит необходимости в указаниях и рекомендациях буддийскому духовенству Восточной Сибири [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 2].

Тем не менее Пандито Хамбо-лама проявил настойчивость и, в известной мере, смелость, о чем свидетельствует принесение им 14 ноября 1912 г. «поздравления Ургинскому хутухте по случаю признания независимости Халхи» [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 2]. Это объемное послание на старомонгольском языке было отправлено на согласование военному губернатору Забайкальской области.

3 декабря 1912 г. в адрес Пандито Хамбо-ламы поступило официальное сообщение за подписью генерал-майора А. И. Кияшко и управляющего отделением В. Юринского. Пожелание бурят о принесении Джебцун-Дамба-хутухте поздравления по случаю независимости Монголии было одобрено, как и поездка делегации в Петербург на празднование 300-летия царствования дома Романовых [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 1–2].

Можно со стопроцентной уверенностью утверждать, что на это решение повлияло подписанное 3 ноября 1912 г. Русско-монгольское соглашение и протокол к нему, в результате чего Монголия стала субъектом международного права. В этих условиях, по мнению коллектива авторов «Истории Монголии», именно Россия стала гарантом «в деле сохранения институтов монгольской государственности, формирования вооруженных сил, недопущения китайской колонизации и ввода китайских войск» [История Монголии 2007: 39].

¹ 31 октября 2008 г. был проведен обряд освящения Благословенного Дворца Хамбо-ламы Итигэлова. Нетленное тело Учителя было торжественно препровождено в Иволгинский дацан.

И вот, наконец, само письмо Пандито Хамбо-ламы, написанное 3 декабря 1912 г. в его резиденции — Гусиноозерском (Тамчинском) дацане и адресованное VIII Богдо-гэгэну. В нем он указывает свое имя «Даша-Дорчжи» и подчеркивает, что назначен высочайшим указом духовным главой буддистов Восточной Сибири великого Российского государства. От себя лично и имени всех бурят, и, что примечательно, других жителей Сибири, исповедующих буддизм, искренне поздравляет родственников по крови и религии монголов с благополучным и долгожданным избавлением от многовекового тяжелого китайского ига и объявлением независимости [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 3–3об.].

Пандито Хамбо-лама писал также, что российские буддисты искренне почитают Джебцун-Дамба-хутухту как истинного перерожденца Ундур-гэгэна и покровителя буддийской церкви и поздравляют Его Святейшество с восшествием на высокий престол верховного повелителя Монголии. Он также выразил монгольскому иерарху сердечные пожелания долгой жизни и дальнейшего процветания монгольскому народу. В заключение послания Пандито Хамбо-ламой выражается надежда на то, чтобы вновь возродившееся монгольское государство мирно развивалось и процветало и далее, используя любезное и мудрое покровительство одного из величайших и могущественных покровителей мира, императора Николая II [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 3–3об.]. Документ напечатан, указаны имя и должность Д.-Д. Итигэлова, но отсутствует его подпись. Поэтому можно предположить, что мы имеем дело с копией документа.

Через две недели Хамбо Итигэлов направил генерал-майору А. И. Кияшко письмо, в котором он делал запрос по поводу возможности содействия российского дипломатического представителя в Урге в вопросе поднесения Джебцун-Дамба-хутухте поздравительного адреса. В нем также сообщалось, что бурятская делегация будет состоять из одного ширетуя и нескольких светских чиновников. Пандито Хамбо-ламу заботил также статус аудиенции. Он просил посодействовать тому, чтобы монгольский иерарх и правительство принимали делегатов как почетных лиц — подданных сосед-

него дружественного государства [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 4].

Это письмо стало своеобразным поворотом в развитии дальнейших событий, ибо письмо, адресованное Забайкальскому военному губернатору, было отправлено на визирование в канцелярию иркутского генерал-губернатора. 2 января 1913 г. генерал-губернатор положительно отозвался об инициативе Пандито Хамбо-ламы. И 17 января 1913 г. в письме за № 36 военный губернатор Забайкалья подчеркнул, что со стороны иркутского генерал-губернатора не встречается препятствий к поднесению поздравительного адреса Джебцун-Дамба-хутухте. При этом указывалось, что по представлению бурятского религиозного лидера императорскому консулу в Урге от 17 декабря 1912 г. за № 58 решается вопрос о приеме делегатов [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 5–5об.].

Естественно, что письмо генерал-майора А. И. Кияшко стало своеобразным золотым ключиком для Пандито Хамбо-ламы, который 28 января 1913 г. направляет официальное письмо «Господину Императорскому Генеральному Консулу в Урге» на русском языке [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 6] и классической монгольской письменности [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 7]. В нем говорилось, что с разрешения центрального правительства буддийское население Восточной Сибири направляет в Ургу особую депутацию для принесения поздравления монгольскому правителю с его официальным утверждением на высшей должности Монгольского государства.

Пандито Хамбо-лама просил генерального консула в Урге оказать содействие членам делегации в лице лам и почетных лиц из числа светских чиновников в вопросе официального приема Джебцун-Дамба-хутухтой. Особо отмечалось, чтобы прием монгольского правительства соответствовал чинам и должностям почетных лиц, прибывающим из России. В заключение письма Д.-Д. Итигэлов приносил сердечную благодарность за исполнение вышеотмеченной просьбы, приносил уверения в искреннем уважении и глубокой преданности [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 6–7].

Эта переписка дала результат, о котором Пандито Хамбо-лама незамедлительно со-

общил военному губернатору Забайкалья в письме от 18 апреля 1913 г.:

Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 17 января с. г. за № 520 отправлял в Ургу депутацию для поднесения адреса Ургинскому Хутухте и признавая необходимость снабдить лиц, отправляющихся в составе депутации путевыми документами в виде удостоверения от Вашего Превосходительства, имею честь покорнейше просить о выдаче удостоверений Ширетую Иройского дацана Шакчжа Ринчинову и Гылун ламе Янгажинского дацана Бальчин-Нимбу Мархилу о том, что они командированы в составе вышеозначенной депутации. Причем не лишним считаю доложить, что членами этой депутации на свои средства отправляются следующие светские лица: инородцы Цугольской волости Линхова Санжиев и Намдак Дылыков, Ходайской волости Жигжит Галсанов, Закаменской Инородной Управы Гомбожап Банзаров.

Подписал: Бандито Хамба (собственноручная подпись) Итигэлов [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 12].

И вот на 5 мая 1913 г. был назначен выезд депутации из Цугольского дацана в Ургу [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 13]. В этой связи 3 мая 1913 г. Пандито Хамбо направил «Господину Кяхтинскому пограничному Комиссару» официальное уведомление, в котором говорилось, что с разрешения главного начальника края буддийское население Восточной Сибири направляет в г. Ургу особую делегацию во главе с ширетуюем Иройского дацана Шакчжа Ринчиновым для принесения Джебцзун-Дамба Хутухте поздравления по случаю восшествия его на престол монгольского правителя [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 1].

В нем выражалась также просьба не отказывать в оказании этой делегации благосклонного содействия и снабдить ее членов установленными паспортами для выезда за границу. В состав делегации входили следующие лица: ширетуй Иройского дацана Шакчжа Ринчинов, гэлун-лама Янгажинского дацана Бальчин-Нимбу Мархилу, почетные шуленги Жигжит Галсанов, Линхова Санжиев, Намдак Дылыков и Гомбожап Банзаров [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 16–16об.]. Следует отметить, что в источнике далее указано, что машинописный текст

полностью соответствует рукописному и 3 мая был отправлен в Санкт-Петербург [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 17].

В тот же день Пандито Хамбо-лама сообщил в Читу военному губернатору о том, что ширетуй Иройского дацана Ш. Ринчинов, гэлун-лама Янгажинского дацана Б.-Н. Мархилу и другие выехали в Ургу для принесения Джебцзун-Дамба-хутухте поздравления [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 18].

В тот же день, 3 мая 1913 г., Д.-Д. Итигэлов предписал письмоводителю своей канцелярии Тудупдоржиеву выехать в Иройский дацан для доставления ширетую Ш. Ринчинову пакетов за № 268, 270, 271 с документами, необходимыми для его поездки в Ургу для поднесения монгольскому правителю Джебцзун-Дамба-хутухте и по исполнению этого поручения незамедлительно вернуться к месту его службы [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 19].

Далее в деле приложены подлинные удостоверения за подписью военного губернатора края всех членов депутации, командированных в Монголию для поздравления Джебцзун-Дамба-хутухты с его восшествием на трон правителя государства [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 30, 31, 32, 33, 43, 35, 36, 36об.].

Если бы этими документами завершилась переписка главы Ламайского духовенства Восточной Сибири и Военного Губернатора края, то для научного сообщества это было бы лишь показателем, во-первых, эволюции делопроизводственной документации [Красникова 2022], а во-вторых, одним из проявлений традиционного общества, где чинопочитание было возведено в культ. Однако последующие документы подчеркивают новую форму взаимоотношений между Российской империей и молодого Монгольского государства, проводниками которых стали VIII Богдо-гэгэн и XII Хамбо-лама. В письме военному губернатору Забайкальской области глава буддийского духовенства Восточной Сибири сообщал о грамоте Ургинского Джебцзун-Дамба-хутухты с русским переводом, выданной 7 июня 1913 г. Речь в ней шла о принятии и ношении монгольских орденов разных степеней, которым были награждены члены делегации и Пандито Хамбо-лама. В приложении к письму были приведены грамота с русским пере-

водом, а также список лиц, которым были пожалованы ордена [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 39].

В начале грамоты Джебцун-Дамба-хутухты приводятся традиционные монгольские эпитеты монгольского иерарха, в которых указывается, что он является единовластным правителем Монголии и религиозным иерархом. Пандито Хамбо-лама назван главой буддистов Сибири, назначенным на должность повелением величайшего богатыря — Белого царя. Далее монгольский глава отмечает, что Пандито Хамбо-лама и все население, исповедующее буддизм, в лице бурят-монголов, являются истинными приверженцами буддийского учения и неизбежно придерживаются древних родственных отношений. Особое поздравительное послание, которое они направили по поводу обретения независимости Монгольским государством и восшествия Джебцун-Дамба-хутухты на государственный престол, явилось доказательством этих традиций. Монгольский правитель отметил также, что сильно обрадован поддержкой буддийского духовенства Восточной Сибири. Он выразил надежду на то, что бурятские буддисты во главе с Пандито Хамбо-ламой продолжают быть истинными последователями учения Шакьямуни и ревностными приверженцами четырех благородных истин. В этом Джебцун-Дамба-хутухта видел залог духовного и жизненного успеха. Им были высказаны также благопожелания в адрес российского императора, его семьи и всего государства. Согласно документу, Пандито Хамбо-лама был удостоен ордена «Драгоценный Вачир» 1-й степени, ему также был пожалован титул «Почитателя веры». В числе награжденных указаны ширетуй Иройского дацана Шакджа Ринчинов (орден «Драгоценного Вачира» 2-й степени, титул «Хамбо»), цорчи Нимбу (орден «Драгоценного Вачира» 3-й степени, титул «Царчи»), почетный инородец Гомбожап (орден «Драгоценного Вачира» 2-й степени, титул «гун»), габджи Бальджи (титул «хубилган») [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 40–41].

Венцом же этой уникальной переписки следует считать письмо Пандито Хамбо-ла-

мы Итигэлова императорскому российскому консулу А. Я. Миллеру, в котором он выражал свою признательность за помощь. Буддийский глава подчеркивал, что именно благодаря содействию российского дипломата делегация сразу же после прибытия в Ургу была принята Джебцун-Дамба-хутухтой, причем он лично и его приближенные чиновники со всем вниманием отнеслись к делегатам и дали им ответную грамоту, в которой было указано, что представившие поздравительный адрес награждаются почетными титулами и орденами разных степеней. Вследствие вышеизложенного Пандито Хамбо-лама считал своим нравственным долгом принести дипломату благодарность и выразить уверенность, что и в будущем он не откажет в содействии и покровительстве всем духовным ученикам, а также соотечественникам, которые по каким-либо причинам будут вынуждены искать у него защиты и содействия. В заключение письма он просил принять заверение в искреннем уважении и глубокой преданности [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 405. Л. 44–44об.].

4. Заключение

Вся переписка Хамбо Итигэлова, касающаяся, казалось бы, частного вопроса, вызванного стремлением российских буддистов вручить поздравительный адрес монгольскому хутухте в связи с его восшествием на престол монгольского хана, на самом деле раскрывает глубинные процессы, проходившие на азиатском Востоке. Прежде всего, это Синьхайская революция, в результате которой Монголия провозгласила независимость. Во-вторых, документы позволили оценить статус VIII Богдо-гэгэна — светского и духовного лидера молодого государства Центральной Азии, чье имя отождествлялось с Божеством не только буддистами Внешней и Внутренней Монголии, но и буддистами Восточной Сибири. И, наконец, в официальной переписке показано реальное место и роль Российской империи в мировой табели о рангах, ставшей реальным гарантом независимости и суверенитета Монголии.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

- Батсайхан 2013 — Батсайхан О. VIII Богдо Жавзандамба-хутухта — руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 3(11). С. 121–137.
- Ванчикова 2014 — Ванчикова Ц. П. Об одном списке намтара Джебзундамба-Хутухты Занабазара из монгольского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 8. Улан-Удэ: Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова, 2014. С. 186–207.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- Красникова 2022 — Красникова Ю. Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 451–469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-451-469

References

- Batsaikhan O. The 8th Bogdo Zhavzandamba Khutukhta: Leader and mastermind of the Mongolian National Revolution of 1911. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2013. No. 3(11). Pp. 121–137. (In Russ.)
- Krasnikova Yu. N. Evolution of office work in state institutions of Russian Empire in first half of 19th century (On example of Department of Appanages). *Nauchnyi dialog*. 2022. Vol. 11. No. 4. Pp. 451–469. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-451-469
- Kuras L. V. The 8th Bogdo-Gegen Dzhebzundamba-Khutukhta and Plenipotentiary of the Imperial Russian Government in Mongolia I. Ya. Korostovets: The role of personality in the transnational history of the Mongolian world in the early 20th century. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 2016. No. 2(11). Pp. 21–30. (In Russ.)
- Ryabchenko N. P. Xinhai Revolution and the East. *Russia and the Pacific*. 2012. No. 1. Pp. 128–138. (In Russ.)

- Курас 2016 — Курас Л. В. VIII Богдо-гэгэн Джебдцундамба-хутухта и Уполномоченный Российского императорского правительства в Монголии И. Я. Коростовец: роль личности в транснациональной истории монгольского мира в начале XX в. // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 2(11). С. 21–30.
- Рябченко 2012 — Рябченко Н. П. Синьхайская революция и Восток // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 128–138.
- Цыбенков 2023 — Цыбенков Б. Д. Благотворительная и врачебная деятельность буддийского духовенства Восточной Сибири в годы Первой мировой войны (на основе материалов Государственного архива Республики Бурятия) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2023. № 4(28). С. 55–79. DOI: 10.31443/2541-8874-2023-4-28-55-79
- Цыбенков 2022 — Цыбенков Б. Д. Социально-политическая история дауров (XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2022. 474 с.

- Tsybenov B. D. Charity and medical activities of the Buddhist clergy of Eastern Siberia during the World War I (On the basis of the materials of the State Archive of the Republic of Buryatia). *Bulletin of East-Siberian State Institute of Culture*. 2023. No. 4(28). Pp. 55–79. (In Russ.) DOI: 10.31443/2541-8874-2023-4-28-55-79
- Tsybenov B. D. The Daur People: A Twentieth-Century Sociopolitical History. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2022. 474 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBTS SB RAS), Mongolian Collection: Examining one manuscript copy of Jebtsundamba Khutukhtu Zanaabazar's namtar (biography). In: *Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers*. Vol. 8. Ulan-Ude: Filippov Buryat State Agricultural Academy, 2014. Pp. 186–207. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) History of Twentieth-Century Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 64–74, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-64-74

Формирование новых этнических групп в Калмыкии в 1957–1991 гг.

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000–0001–7614–3516. E-mail: [sbelousovelista\[at\]mail.ru](mailto:sbelousovelista[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Белоусов С. С., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена формированию наиболее многочисленных этнических групп, появившихся на территории Калмыцкой АССР в 1957–1991 гг. Изучение данного процесса представляет научный и практический интерес, поскольку обогащает знания по истории формирования этнического состава населения России в целом и в ее отдельном регионе — Республике Калмыкия. *Цель* статьи — показать процесс формирования новых этнических сообществ на территории Калмыцкой АССР на завершающем этапе существования советской власти. При подготовке статьи использовались историко-сравнительный и историко-генетический методы исследования. В качестве материалов исследования выступили документы Национального архива Республики Калмыкия, сборники опубликованных документов и статистики, публикации республиканских газет. *Результаты.* Автор исследовал обстоятельства возникновения новых этнических групп, показал динамику их численности, типы, виды и формы расселения, проанализировал государственную политику и межэтнические взаимоотношения между местным населением и пришлым населением. Современная этническая структура населения Калмыкии начала складываться после восстановления автономии калмыцкого народа в 1957 г. Государство выделило большие средства для воссоздания и развития Калмыцкой АССР, но трудовых ресурсов, необходимых для освоения капиталовложений, у возвращающихся из ссылки калмыков и старожильского населения не хватало. Вследствие этого власти вынуждены были набирать на работу жителей из других субъектов. Устойчивые новые этнические группы сложились в сельской местности, при этом большинство мигрантов прибыли из соседних республик Северного Кавказа, где был высокий естественный прирост и избыток трудовых ресурсов. Незадолго до ликвидации СССР в республике поселились эвакуированные в срочном порядке в результате обострения межнациональной обстановки турки-месхетинцы и курды. *Выводы.* Возникновению новых этнических групп в Калмыцкой АССР способствовало государство, благодаря большим капиталовложениям которого в экономику резко возросло количество рабочих мест, а заполнить их из-за малочисленности вернувшегося из ссылки и местного населения властям не удалось. Специальных проектов по организации этнических переселений не было, но были созданы хорошие возможности для трудоустройства в восстановленной республике, что привело к миграционному всплеску и формированию в итоге новых этнических групп.

Ключевые слова: Калмыкия, миграционная политика, 1957–1991 гг., новые этнические группы
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Белоусов С. С. Формирование новых этнических групп в Калмыкии в 1957–1991 гг. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 64–74. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-64-74

The Shaping of New Ethnic Clusters in Kalmykia, 1957–1991

Sergey S. Belousov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000–0001–7614–3516. E- mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Belousov S. S., 2024

Abstract. Introduction. The article discusses the shaping of largest ethnic clusters (besides those of Kalmyks and Russians proper) across the Kalmyk ASSR in 1957–1991. The process is of certain scientific and practical interest, since it may extend our knowledge of how ethnic structures in Russia would take shape, including in the particular region of Kalmykia. **Goals.** The article aims at outlining the specified process in the territory of the Kalmyk ASSR at the final stage of the Soviet era. The study employs the historical/comparative and historical/genetic methods to examine materials from the National Archive of Kalmykia, published documents and statistical tables, republican newspaper articles. **Results.** The work investigates some circumstances behind the emergence of new ethnic clusters, shows their population dynamics, types and forms of resettlement, analyzes official policies and interethnic relations between locals and migrants. The present-day ethnic structure of Kalmykia started taking shape after the Kalmyk people's autonomy was restored in 1957. The Government invested considerable funds to reconstruct and develop the Kalmyk ASSR but the available labor resources of Kalmyk homecomers and Russian natives were insufficient. So, the authorities were forced to recruit laborers in other regions. Stable new ethnic communities emerged in rural areas, the majority of the migrants having arrived from neighboring North Caucasian republics then characterized by intense population growth and excess labor resources. Shortly before the collapse of the Soviet Union, urgently evacuated Meskhetian Turks and Kurds were also resettled to the republic. **Conclusions.** The emergence of new ethnic clusters in the Kalmyk ASSR was facilitated by the Government's large investments that resulted in increased jobs unable to be filled by homecomers and locals. There were no special ethnic resettlement projects but the granted employment opportunities in the reestablished republic were attractive enough, which led to a migration surge and the shaping of new ethnic communities.

Keywords: Kalmykia, migration policy, 1957–1991, new ethnic groups

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Belousov S. S. The Shaping of New Ethnic Clusters in Kalmykia, 1957–1991. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 64–74. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-64-74

1. Введение

В период с 1957 г. по 1991 г. в этносоциальной структуре населения Калмыкии произошли серьезные изменения. Они были вы-

званы различными факторами, в том числе миграционными и демографическими. После восстановления в 1957 г. административно-территориальной автономии калмыцкого

народа в ней началось формирование новых этнических групп, не проживавших ранее в Калмыкии или насчитывавших несколько десятков человек. Новые этнические группы усилили национальное разнообразие населения Калмыкии, а наиболее крупные из них по численности оказали заметное влияние на развитие экономики республики. Усложнение национального состава в то же время породило ряд проблем и поставило перед властями задачу усиления регулирования межнациональных отношений и разработки национальной политики, адекватной сложившимся реалиям.

Этническим мигрантам пришлось приспособиться к природным и экономическим условиям жизни на новом месте, устанавливать отношения со старожилами населения. В этом отношении ими накоплен определенный опыт, который необходимо изучать.

Проблема формирования новых этнических групп на территории Калмыкии в 1957–1991 гг. изучена недостаточно. В 1960–1980-е гг. данная тема специально не изучалась, но затрагивалась в работах социологического характера Э. Л. Каспарова [Каспаров 1973], Т. Н. Сенглеевой [Сенглеева 1973], А. Б. Насунова и Д. Д. Шалхакова [Насунов, Шалхаков 1985].

В постсоветский период появились публикации С. С. Белоусова [Белоусов 2011], Л. В. Намруевой [Намруева 2010], И. К. Ким, И. А. Ким [Ким, Ким 2022], Р. Г. Саряевой [Саряева 2023], посвященные изменениям, произошедшим в этносоциальной структуре Калмыкии в послевоенный период, а также отдельным этническим группам. Перечисленные авторы в основном обращались к постсоветскому периоду жизни новых этнических групп и не затрагивали или упоминали кратко об истории их формирования на территории Калмыкии в годы советской власти. Восполнить недостаток сведений об их ранней истории призвана настоящая статья.

2. Материалы и методы исследования

В исследовании применялись историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. Использование первого метода позволяет выделить периоды и этапы формирования и становления этнической группы на новой территории, выявить

преемственность или непоследовательность политики советских властей по отношению к этническим мигрантам. При помощи сравнительно-исторического анализа можно выявить общие и специфические черты в формировании этнических групп.

Источниковедческую базу исследования составили документы фондов государственных органов власти и статистики, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. К ним относятся материалы фондов Р-3 («Центральный исполнительный комитет Калмыцкой АССР»), Р-26 («Статистическое управление Калмыцкой АССР»), Р-147 («Отдел переселения и оргнабора рабочих Совета министров Калмыцкой АССР»), Р-205 («Министерство сельского хозяйства КАСР»), Р-363 («Государственный комитет по труду при Совете министров Калмыцкой АССР»). В них отложились делопроизводственная документация министерств, комитетов, отделов, отчеты, информационные и статистические справки, отношения с предложениями, где в разной степени отражается тема формирования новых национальных групп в республике.

3. Предпосылки миграций

Предпосылки к появлению новых этнических групп начали складываться сразу же после восстановления в 1957 г. автономии калмыцкого народа. В указанном году началось массовое возвращение калмыцкого населения из мест депортации; в течение 1957–1959 гг. в Калмыкию прибыло 18 158 семей, насчитывавших 72 665 чел., в том числе в трудоспособном возрасте — 30 056 чел. [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 31. Л. 93].

В 1960–1962 гг. переселения калмыков были незначительные и к 1963 г. в целом завершились.

Однако прибывших калмыков оказалось недостаточно, чтобы покрыть дефицит в трудовых ресурсах в экономике. Другая проблема заключалась в том, что параллельно с возвращением на родину калмыцкого населения происходил отток преимущественно в Ставропольский край, Сталинградскую, Ростовскую и Астраханскую области населения, направленного ранее из соседних регионов на работу в колхозы и совхозы Калмыкии. Поток мигрирующих из Калмыкии шел по нарастающей линии: в 1957 г. из нее

выехали 1,9 тыс. чел., в 1958 г. — 3 тыс. чел., в 1959 г. — 6,8 тыс. чел. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1291. Л. 12].

В 1960 г. в Калмыцкую АССР прибыло 15 453 чел., а выбыло 11 727 чел., в 1961 г. соответственно 16 072 и 11 464 чел. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1291. Л. 3–4].

Между тем для восстановления республики руководство страны выделяло большие финансовые и материальные средства, которые необходимо было осваивать. У руководства автономии не было другого пути преодолеть дефицит трудовых ресурсов, кроме как инициировать трудовую миграцию из других регионов.

Особенно острая ситуация сложилась с трудовыми ресурсами в животноводстве. По официальным данным, на 1 января 1960 г. животноводству Калмыкии недоставало 14 640 работников, дефицит механизаторских кадров составлял 889 трактористов и 173 комбайнера [НА РК. Ф. Р-205. Оп. 2. Д. 1814. Л. 45, 69].

В начале 1960-х гг. республику включили в число целинных районов, и тогда же началось возвращение ей отгонных пастбищ, находившихся во временном пользовании колхозов и совхозов соседних областей, краев, республик. На передаваемых землях с 1963 г. по 1967 г. было организовано 18 совхозов, которые нуждались в жителях и трудовых ресурсах [НА РК. Ф. Р-205. Оп. 1. Д. 1079. Л. 1–4].

В отчете за 1968 г. Управление Совета министров Калмыцкой АССР по использованию трудовых ресурсов отмечало, что «с каждым годом появляется все больший дефицит в рабочей силе» и что в республике «очень маленькие резервы и возможности в рабочей силе» [НА РК. Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 16. Л. 7]. Далее в отчете говорилось: «Для пополнения рабочей силы хозяйства сами посылают своих представителей в соседние области и оттуда привозят рабочих для работы в животноводстве» [НА РК. Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 16. Л. 7]. Часть этих людей оставалась на постоянное жительство в республике, но большинство, отработав оговоренный срок, возвращалось на родину.

Чтобы привлечь людей на постоянное место жительство в сельскую местность и заполнить вакантные рабочие места, Совет министров РСФСР ввел ряд поощрительных

мер для желающих переселиться в сельскую местность республики. Для нее в начале 1970-х гг. был установлен план внутри-республиканского расселения и переселения из других субъектов.

Главе переселяющейся семьи полагалось единовременное пособие в размере 50 руб., остальным членам семьи — по 17 руб. 50 коп. на каждого, государство также обеспечивало бесплатные проезд от места выхода до места вселения и провоз багажа до 2 тонн на семью.

Местные власти обязаны были в течение года предоставить переселенцу отдельную квартиру или жилой дом с надворными постройками и приусадебным участком, семья на два года освобождалась от платы за квартиру и коммунальные услуги, бесплатно получала топливо. Руководство совхоза имело право продавать переселенцам крупный рогатый скот по ценам не выше закупочных, оказывать помощь кормами и пастбищами, в течение двух лет после вселения выдавать по 300 кг концентрированных кормов в год на одну семью, имеющую скот. Если переселенец изъявлял желание построить дом с жилыми постройками, то ему государство выделяло кредит в количестве 7 000 руб. за счет средств хозяйства, после передачи ему домовладения. Он обязан был погасить 2 300 руб. кредита, остальные деньги в размере 1 200 руб. уплачивало государство. Кредит рассчитывался на 15 лет после постройки дома, а его уплата начиналась с шестого года после получения кредита. Семьи переселенцев на 8 лет освобождались от уплаты подоходного налога, взимаемого по доходам от сельского хозяйства [Каргин 1974: 2].

2 июня 1977 г. вышло постановление Совета министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию рисосеяния и кормопроизводства в Сарпинской низменности Калмыцкой АССР», давшее толчок его хозяйственному освоению. Для решения данной задачи необходимы были дополнительные трудовые ресурсы, поэтому Госплан РСФСР, Госкомитет по труду Совета министров РСФСР и Совет министров Калмыцкой АССР разработали план переселения в добровольном порядке в совхозы Сарпинской низменности жителей из других мест республики и регионов. Было запланировано ежегодно селить в 1981–1985 гг. по 150 се-

мей, в 1986–1990 гг. — по 200 семей. В 1978–1985 гг. в целях укрепления рисоводческих совхозов Сарпинской низменности работниками было переселено 386 семей [НА РК. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1931. Л. 13]. В целях выполнения разработанного на 1981–1990 гг. плана в течение 1981–1988 гг. была поселена 421 семья [НА РК. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1931. Л. 283].

В 1960–1970-е гг. большинство мигрантов по национальной принадлежности были русскими, но среди переселенцев также было много представителей автохтонных народов Северного Кавказа. Большинство из них переселялись из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР.

Среди этнических мигрантов сложилось своеобразное разделение труда, что сильно повлияло на систему и тип расселения. Если русские и вообще славяне в основном устраивались работать на транспорте, в строительной отрасли, в промышленности, в органах управления, сфере обслуживания, образования, то «северокавказцы» стремились трудоустроиться на животноводческих стоянках и фермах, для обслуживания хозяйств которых не требуется большого количества рабочих рук. Пастбищный простор и теплый климат в Калмыкии позволяли содержать скот в большом количестве и выпасать его большую часть года в степи.

Для занятия животноводством не требовалось высшее и специальное образование, которое у народов Северного Кавказа в 1960–1970-е гг. было не у всех. Возможности содержать в больших количествах скот и индивидуальный характер ведения животноводческого хозяйства создавали благоприятные условия для достижения материального благополучия, что являлось важным стимулом для мигрантов.

Анализируя причины достигнутого мигрантами преобладания в животноводческой отрасли, где до этого доминировали калмыки, необходимо отметить также то, что данное положение во многом сложилось вследствие больших демографических потерь, понесенных калмыцким народом в период депортации, и быстрой модернизации различных сторон жизни калмыцкого народа, многие представители которого ушли в сферы деятельности, не связанные с животноводством.

В 1980-е гг. к тому же принимать на работу неместных уроженцев побуждал не

только недостаток животноводческих кадров из числа местного населения. Предпочтение пришлым работникам отдавалось и в силу других причин. По сложившейся в советское время практике, в случае нехватки общественного поголовья скота (падеж, пропажа), чабан обязан был восполнить ее личным поголовьем скота. То же самое — во время окотной кампании, когда необходимо было отрапортовать о рекордном выходе молодняка или сохранности поголовья. У желающих работать на животноводческих стоянках местных жителей чаще всего личного скота было немного, поэтому руководителю хозяйства было выгоднее взять на работу кавказцев, которые в 1960–1970-х гг. сумели накопить в своих личных хозяйствах достаточно большое количество скота [Абушаева 2003: 3]. Этот скот при потере общественного поголовья служил своего рода гарантией восстановления численности животных общественного стада. К этому следует добавить еще и то, что чабанам из местных жителей было труднее сохранять численность животных, так как к ним часто обращались проживавшие неподалеку многочисленные родственники, а иногда и чиновники с просьбами предоставить им безвозмездно животных на различные торжества. Уменьшение поголовья вследствие таких просьб могло быть различным. Нам встретилось такое упоминание: чабаны восточных районов в беседе с побывавшей у них в 2003 г. корреспонденткой газеты «Известия Калмыкии» Е. Абушаевой рассказали ей о том, что на эти цели у них уходило в год до сотни овец [Абушаева 2003: 3].

4. Народы Северного Кавказа

В 1960–1980-е гг. в Калмыкии в результате активных миграций из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР сложилось несколько этнических групп. Среди них наиболее многочисленными были даргинская, чеченская, аварская, рутульская и лезгинская общины.

Толчком к переселению мигрантов из Дагестана в Калмыкию послужило заключение между руководствами двух автономных республик в 1961–1962 гг. договоров о долгосрочной аренде дагестанской стороной земель Калмыкии [Умалатов 2017].

Самой многочисленной новой этнической группой из числа автохтонных народов Северного Кавказа в Калмыкии являются даргинцы. В 1959 г. в Калмыцкой АССР их проживало всего 608 чел. [ВПН 1959], однако к 1989 г. уже 12 878 чел. [ВПН 1989].

В 1989 г. они стали третьим по численности народом в Калмыцкой АССР и составили 4 % его населения. Большинство мигрантов-даргинцев расселились в восточных районах республики (Ики-Бурульский, Черноземельский, Яшкульский), меньшая часть — в остальных районах и в г. Элисте.

В 1960–1970-е гг. в результате массовых переселений на территории Калмыкии образовалась чеченская группа населения. В 1989 г. она насчитывала 8 239 чел. и в этнической структуре Калмыцкой АССР занимала по численности четвертое место [Национальный состав 1991: 4]. Чеченское население присутствовало во всех районах республики, но основная масса расселялась в ее восточных и западных районах, где они по численности составляли заметную группу населения. Большинство чеченских переселенцев устраивались работать в животноводстве, часть — в правоохранительных органах, в сфере бытового обслуживания, торговле.

В послевоенные годы активно переселялись в республику аварцы, кумыки, рутульцы, лезгины, численность которых достигла в 1989 г. соответственно 3 871, 1 530, 866 и 800 чел. [Национальный состав 1991: 5].

Интенсивные миграции и высокий естественный прирост у народов из автономных республик Северного Кавказа привели к быстрому и значительному росту их численности в Калмыкии. В 1989 г. общее число представителей «северокавказских» народов достигло 17 897 чел. (9 % всего населения Калмыцкой АССР). В этнической структуре в этом отношении они уступали только калмыкам и русским. В 1979–1989 гг. в восточных районах Калмыкии (Черноземельском, Ики-Бурульском, Яшкульском) представители народов Северного Кавказа по численности заняли второе место после калмыков; согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г., по отношению к населению перечисленных районов, в первом они составляли 31,1 %, в других — соответственно 25,9 % и 19,5 % [Национальный состав 1991: 85].

В 1970–1980-е гг. заметные перемены произошли не только в этническом составе населения Калмыцкой АССР, но также в животноводстве, где выходцы из автономных республик Северного Кавказа стали преобладать. В 1985 г. в национальном разрезе ситуация в животноводстве была следующей: 59,9 % работников являлись представителями автохтонных народов Северного Кавказа, 23,9 % — калмыцкого, 12,2 % — русского, 4,7 % — других народов [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2826. Л. 20].

Миграции северокавказского населения в сельскую местность уменьшили дефицит работников в животноводческой отрасли хозяйства, но не закрыли проблему. К началу проведения политики «перестройки» в 1985 г. большинство районов Калмыцкой АССР продолжали ощущать недостаток в обеспечении своих хозяйств трудовыми ресурсами. На 1 января 1990 г. сельскому хозяйству Калмыцкой АССР не хватало более 3 000 рабочих рук [НА РК. Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 177. Л. 17].

Быстрый рост численности народов Северного Кавказа и достигнутое ими преобладание в животноводческой сфере Калмыцкой АССР создали предпосылки для возникновения межнациональной напряженности, которая в отдельных случаях перерастала в открытые конфликты [Белоусов 2006: 125]. Дело в том, что основная масса мигрантов из республик Северного Кавказа ранее проживала в сельских местностях, где жизнь населения в большой степени регулировалась национальными и родовыми традициями, в то время как для калмыков и русских был характерен современный тип организации общества. На новом месте жительства мигранты стремились сохранить прежние национальные скрепы жизни. Этому благоприятствовали изолированный характер расселения мигрантов и территориальная близость к исторической родине, связи с которой у них постоянно поддерживались [Белоусов 2006: 125].

5. Корейцы

К числу новых этнических групп, возникших на территории Калмыцкой АССР в 1960–1980-е гг., относится корейская. Она начала формироваться после принятия в начале 1960-х гг. руководством СССР решения

о создании в Сарпинской низменности рисо-производящей и кормопроизводящей отраслей производства [Каргин 1977: 3].

На территорию России корейцы в массовом порядке начали переселяться из Кореи во второй половине XIX в. Большинство из них поселились на Дальнем Востоке, откуда их в 1937 г. власти, опасаясь измены в пользу японцев, принудительно переселили их в Центральную Азию (Казахскую, Таджикскую, Узбекскую ССР). После снятия в 1956 г. правовых ограничений корейцы начали расселяться по всей стране.

У корейцев была репутация хороших рисоводов и овощеводов, поэтому, когда в первой половине 1960-х гг. в Калмыкии приступили к созданию новой для нее отрасли по производству риса, руководство Калмыцкой АССР обратилось за помощью к проживавшим в Средней Азии корейцам. Корейцы откликнулись на просьбу властей и стали переезжать на жительство в Сарпинскую низменность, где наладили производство риса. Все четыре рисоводческих совхоза Калмыкии («Восход», «Калмыцкий», «50 лет Октября», «Джангар») были созданы при активном участии корейского населения в 1964–1980 гг., и в первые годы своего существования возглавлялись представителями этой национальности. Участник организации рисоводства Г. К. Гелий вспоминал: «Практически рисоводство делали корейцы: бригадиры и рабочие все были корейцы» [Ким, Ким 2022: 71].

В 1960–1970-е гг., когда рисоводство активно развивалось, корейцы имели положительную динамику демографического роста, складывающуюся преимущественно за счет миграционного притока. Так, если в 1959 г. в республике проживало 59 корейцев, то в 1970 г. уже 284 чел., а к 1979 г. их численность возросла до 1 073 чел. [Ким, Ким. 2022: 67–69]. Затем численность корейцев начала сокращаться, достигнув к 1989 г. 643 чел.

По мнению участников становления рисоводства в Калмыкии, корейцы начали покидать республику в основном потому, что вследствие истощения почв и усилившихся перебоев в оросительной системе упала урожайность риса, что вызвало уменьшение внимания республиканских властей к проблеме развития рисоводства [Ким, Ким 2022:

71]. Все это привело к падению привлекательности разведения риса, которым были заняты большинство корейцев.

Корейцы приняли активное участие в становлении в местных условиях рисоводства, способствовали хозяйственному становлению образованного в 1977 г. Октябрьского района. «Их характеризует, — пишут авторы статьи о корейцах — лояльное поведение, коллективистское мышление и нацеленность на выполнение государственных задач, что способствовало собственной экономической устойчивости и уважению со стороны местного населения и органов власти» [Ким, Ким 2022: 71].

Бесконфликтные отношения между корейцами-мигрантами и местным населением стали возможны также потому, что корейцы заняли в хозяйстве республики нишу, которая была калмыкам незнакома и никогда ими не занималась. По мере развития рисоводства стало занятием всего населения района, вне зависимости от национальности.

6. Турки-месхетинцы и курды

В конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. в Калмыкии образовались общины турок-месхетинцев и курдов. Они появились на территории республики в связи с обострением межнациональных отношений в Средней Азии.

Турки-месхетинцы как народ сформировались в результате слияния грузинского племени месхов и турок-огузов, восприняв восточноанатолийский диалект турецкого языка и ислам сунитского толка. В 1944 г. турок-месхетинцев депортировали из Грузии в Среднюю Азию, но после реабилитации в 1956 г. они на свою историческую родину из-за сопротивления руководства Грузии вернуться не смогли.

В 1989 г. в Ферганской области Узбекской ССР произошли погромы местным населением турок-месхетинцев, и их пришлось в срочном порядке эвакуировать и размещать на территории РСФСР. Так, в Калмыкии оказались турки-месхетинцы. Первые 1 270 чел. беженцев из Узбекистана расселились компактными группами в населенных пунктах Городовиковского, Яшалтинского и Яшкульского районов Калмыкии. Власти помогли им деньгами, одеждой и в обустройстве подсобным хозяйством [НА РК. Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 126. Л. 83].

В 1990 г. глава турко-месхетинской общины Аллас Оглы Лутви в интервью корреспонденту газеты «Советская Калмыкия» сказал, что он до своего переезда в Россию работал в Узбекистане директором завода, а Калмыкию выбрал, потому что она стала ему известна во время прохождения военной службы в Капустином Яре Астраханской области. На переезд в Калмыкию его также подтолкнули слова цыган о том, «что народ, сам переживший депортацию, охотно примет изгнанников» [Брезгина 2005: 4].

Большинство беженцев выбрали местом жительства Городовиковский и Яшалтинский районы республики. Первых 400 турок-месхетинцев, которые приехали в сентябре 1989 г., поселили в Городовиковском районе. Одну группу (31 семью) разместили в п. Ахнут, где располагалась третья производственная бригада колхоза «Пролетарская победа», другую (25 семей) — в колхозе «Ленинец» и совхозе «Комсомолец», недалеко от районного центра — города Городовиковска. Многие из беженцев были друг другу родственниками и просили власти их не разлучать. Их просьбы услышали и поселили компактно в нескольких близлежащих друг к другу населенных пунктах. При размещении переселенцев были учтены также их профессиональные качества. Поскольку среди них были в основном строители и механизаторы широкого профиля, то им предложили поселиться в хозяйствах, испытывавших недостаток в людях строительных профессий [Боваев 1990: 3].

Для переселенцев руководство колхоза «Пролетарская победа» в течение года построило новые дома, обеспечило их приусадебными участками, определило всех на работу, выдало ссуды [Шамраев 1990: 3].

Значительная часть турок-месхетинцев поселилась в сельской местности Яшалтинского района (Ульяновском, Березовском, Краснопольском, Эсто-Алтае), где проживало в значительном количестве немецкое население. Появление здесь новых жителей совпало с массовым переездом немецкого населения в Германию. Уезжавшие продавали дома и постройки беженцам по относительно низким ценам.

В первые годы прибытия турок-месхетинцев местное население относилось к ним доброжелательно, видя в них жертв межна-

ционального конфликта. Видимо, здесь сыграло свою роль также то, что турки-месхетинцы были для старожильческого населения неизвестным народом, в отношении к которому у него еще не сложился этнический стереотип. Однако по мере прибытия новых членов общины ситуация начала меняться.

Как и «северокавказцы», турки-месхетинцы к тому же имели высокий уровень рождаемости, что вместе с высоким уровнем миграционного притока привело к быстрому росту их численности, которая между переписями 1989 и 2002 гг. возросла более чем в 2,5 раза (с 1 270 до 3 136 чел.) [Численность и размещение 2004: 51]. Вскоре турки-месхетинцы стали в Калмыкии шестым по численности народом [Численность и размещение 2004: 51].

В Яшалтинском районе турки-месхетинцы к середине 1990-х гг. по численности переместились на второе место. По данным на 1 января 1995 г., в нем проживало 2 018 турок-месхетинцев [НА РК. Ф.Р-604. Оп. 1. Д. 383. Л. 47].

Турки-месхетинцы Калмыкии сохранили господствующие у них в семье патриархальные отношения, характерные для традиционных обществ. Внутренняя их жизнь регламентировалась традиционными нормами, основанными на безукоризненном подчинении своему лидеру и интересам общины. В семье доминировал мужчина, почитались старшие по возрасту и социальному положению. Все это способствовало определенной этнической замкнутости и определенной дистанцированности от местного населения.

Миграции привели к появлению в Калмыцкой АССР еще одной этнической группы. В 1989 г. в республике обосновались 29 семей курдов, в основном из с. Сусан Ахвангарянского района (Ташкентская область Узбекской ССР). Как и турки-месхетинцы, они вынуждены были сменить место жительства вследствие обострения межнациональной обстановки. Их поселили в совхозе «Прогресс» Яшкульского района. Для проживания им предоставили покинутые ранее жителями дома, предварительно восстановив отопление. Местные власти приняли решение закупить для курдов 39 голов КРС, 415 овец, более 1 000 голов птицы. Большинство новоселов состояли между собой в родственных отношениях. Об этом свидетель-

стует тот факт, что все 29 семей переселенцев носили лишь 6 фамилий — Хасановых, Сулеймановых, Рустамовых, Хамидовых, Азизовых, Гасановых [Лактионов 1989: 3].

7. Заключение

Вторая половина 1950-х — начало 1990-х гг. стали временем формирования на территории Калмыкии новых этнических групп населения. Толчком к данному процессу послужило восстановление Калмыцкой АССР. На развитие республики государство выделило большие финансовые и иные материальные средства, для освоения которых требовалось достаточное количество трудовых ресурсов, которых не хватало. Возвращение из ссылки калмыков и наличие проживавшего тогда в республике русского населения и других национальностей позволили в значительной степени уменьшить недостаток трудовых ресурсов, но не ликвидировать его. Поэтому власти республики вынуждены были приглашать на работу людей из-за пределов Калмыкии.

Переселенцы устраивались на работу в промышленности, на транспорте, в образовании, в сфере управления и в сельском хозяйстве. В этом отношении сложилась своеобразная этническая ситуация. Так, представители восточнославянского населения выбирали чаще всего работу в не связанных с сельским хозяйством отраслях, выходцы из северокавказских республик — в животноводстве, корейцы — в рисоводческой отрасли хозяйства. «Северокавказцы» в 1960–1970-е гг. заполнили многие места в животноводстве, где до депортации доминировали калмыки. Возвратившиеся из ссылки калмыки в силу уменьшившейся их численности и ухода значительной их части в несельскохозяйственную сферу не смогли обеспечить потребности в кадрах животноводов. За тридцать лет (1959–1989 гг.) в результате миграции и высокого естественного прироста в

Калмыкии сформировались многочисленные этнические общины народов Северного Кавказа, самыми крупными среди которых были даргинцы, аварцы, чеченцы и кумыки.

В рассматриваемый период возникла и корейская группа, появление которой было инициировано местными властями в связи с созданием рисоводческих хозяйств. Богатый опыт корейцев как специалистов был востребован для становления новой отрасли в республике.

Вышеперечисленные группы были привлечены в Калмыкию властями в интересах развития экономики, но образовались в ней также этнические общины из вынужденных переселенцев. В 1989 г. на территорию Калмыцкой АССР прибыли первые партии эвакуированных вследствие вспыхнувшего открытого межнационального конфликта в Узбекистане турок-месхетинцев и курдов. В последующие годы численность первых резко возросла за счет прибытия новых мигрантов-сородичей.

На территории Калмыкии зафиксировано два типа поселения представителей новых этнических групп. Выходцы из республик Северного Кавказа в силу особенностей хозяйственной деятельности в животноводстве расселялись дисперсно, корейцы, турки-месхетинцы, курды — компактно. Отметим также то, что подавляющее большинство представителей новых этнических групп селились в сельской местности.

Взаимоотношения между местным и пришлым населением зависели от нескольких факторов: хозяйственной специализации, наличия свободных трудовых мест в отрасли, численности переселенцев и др.

В заключение отметим, что появившиеся в 1960–1980-х гг. на территории Калмыкии новые, значительные по численности, этнические группы представляли этносы, подвергшиеся в 1937–1956 гг. депортации (чеченцы, корейцы, турки-месхетинцы).

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Абушаева 2003 — Абушаева Е. В. В овцеводы я б пошел... От кого зависит будущее нашего животноводства? // Известия Калмыкии. 2003. 19 ноября. С. 3.

Белоусов 2006 — Белоусов С. С. Локальные межэтнические конфликты в Калмыкии в годы «перестройки» // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: экономика,

- управление, общество: Сб. тезисов междунар. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, Горячий Ключ, 29–30 сентября 2006 г.) / отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов н/Д: СКАГС, 2006. С. 124–129.
- Белоусов 2011 — *Белоусов С. С.* Динамика численности народов Северного Кавказа в Республике Калмыкия во второй половине XX – начале XXI в. // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона: мат-лы Всеросс. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 13–15 сентября 2021 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. С. 118–121.
- Боваев 1990 — *Боваев В.* Якши — значит хорошо. О том, как обустриваются турки-месхетинцы в Городовиковском районе // Советская Калмыкия. 1990. 9 января. С. 3.
- Брезгина 2005 — *Брезгина В.* Лахмажун, кебаб едят, по-турецки говорят // Известия Калмыкии. 2005. 9 ноября. С. 4.
- ВПН 1959 — Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. Калмыцкая АССР [электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=80 (дата обращения: 10.11.2023).
- ВПН 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. Калмыцкая АССР [электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=41 (дата обращения: 10.11.2023).
- Каргин 1974 — *Каргин А.* Льготы переселенцам // Советская Калмыкия. 1974. 28 марта. С. 2.
- Каргин 1977 — *Каргин А.* Переселяйтесь в совхозы Сарпинской низменности // Советская Калмыкия. 1977. 26 августа. С. 3.
- Каспаров 1973 — *Каспаров Э. Л.* Некоторые итоги социологического исследования животноводов Калмыцкой АССР // Вестник института. № 7 (Серия: Социология). Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 48–59.
- Ким, Ким 2022 — *Ким И. К., Ким И. А.* Выдающиеся корейцы старшего поколения Калмыкии // Корееведение в России: направление и развитие. 2022. Т. 3. № 1. С. 66–73.
- Лактионов 1989 — *Лактионов В.* Новоселы из Узбекистана // Советская Калмыкия. 1989. 21 декабря. С. 3.
- Намруева 2010 — *Намруева Л. В.* Социологический анализ идентичности калмыков и корейцев, проживающих в Республике Калмыкия (по итогам опросов, проведенных в 2009–2010 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 39–44.
- Насунов, Шалхаков 1975 — *Насунов А. Б., Шалхаков Д. Д.* Миграционные процессы и изменения этносоциальной структуры населения Калмыцкой АССР (опыт этносоциологического исследования городского рабочего класса и специалистов) // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1985. С. 17–27.
- Национальный состав 1991 — Национальный состав и языки народов Калмыцкой ССР. Демографическая, культурная и социально-экономическая характеристика отдельных национальностей. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Ч. 2. Элиста: Госкомстат РСФСР, Калмыцкое рес. управление статистики, 1991. 110 с.
- Саряева 2023 — *Саряева Р. Г.* Немцы Калмыкии: к истории этнической группы в фокусе переписей населения // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 6. С. 1473–1495. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1473-1495
- Сенглеева 1973 — *Сенглеева Т. Н.* Характеристика миграционных процессов в формировании трудовых ресурсов КАССР // Вестник института. № 7 (Серия: Социология). Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 74–105.
- Умалатов 2017 — *Умалатов М.-Р.* Дагестанцы на земле Калмыцкой // Дагестанская правда. 14.09.2017. URL: <https://dagpravda.ru/obshchestvo/dagestancy-na-zemle-kalmyckoj/> (дата обращения: 10.11.2023).
- Численность и размещение 2004 — Численность и размещение населения Республики Калмыкия, национальный и возрастно-половой состав, состояние в браке, распределение населения по уровню образования, источникам средств к существованию и по положению в занятии. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Калмыкия. Ч. 1. Элиста: Комитет гос. статистики РК, 2004. 68 с.
- Шамраев 1990 — *Шамраев П.* Чужой беды не бывает // Советская Калмыкия. 1990. 21 ноября. С. 3.

References

- Abushaeva E. V. I would breed sheep ... Who our future livestock breeding depends on? *Izvestiya Kalmykii*. 2003, November 19. P. 3. (In Russ.)
- Belousov S. S. Kalmykia during 'perestroika': Local ethnic conflicts. In: Ignatov V. G. (ed.) *Conflicts and Cooperation in the North Caucasus: Economy, Public Administration, Society. Conference abstracts* (Rostov-on-Don, Goryachy Klyuch, 29–30 September 2006). Rostov-on-Don: North Caucasus Academy of National Economy and Public Administration, 2006. Pp. 124–129. (In Russ.)
- Belousov S. S. North Caucasians in the Republic of Kalmykia, mid-twentieth to early twenty first centuries: Population dynamics. In: *Systemic Crisis in the North Caucasus and Official Development Strategies for the Macregion. Conference proceedings* (Rostov-on-Don, 13–15 September 2021). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2011. Pp. 118–121. (In Russ.)
- Bovaev V. Yakshi means 'good': How Meskhetian Turks put down roots in Gorodovikovskiy District. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1990, January 9. P. 3. (In Russ.)
- Brezgina V. Lahmajun and kebab to eat, Turkish to speak. *Izvestiya Kalmykii*. 2005, November 9. P. 4. (In Russ.)
- Ethnic Composition and Languages of the Kalmyk ASSR. Demographic, Cultural and Socioeconomic Characteristics of Certain Ethnic Groups. Outcomes of the 1989 Soviet Census. Pt. 2. Elista: Kalmykia Statistics Dept. (RSFSR State Committee for Statistics), 1991. 110 p. (In Russ.)
- Kargin A. Allowances for resettlers. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1974, March 28. P. 2. (In Russ.)
- Kargin A. Resettle to sovkhozes of Sarpa Lowland. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1977, August 26. P. 3. (In Russ.)
- Kasparov E. L. Sociological survey of Soviet Kalmykia's livestock breeders: Some outcomes revisited. In: *Bulletin of the Institute*. Vol. 7. Ser. 'Sociology'. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1973. Pp. 48–59. (In Russ.)
- Kim I. K., Kim I. A. Outstanding old generation Koreans [of] Kalmykia. *The Journal of Direction and Development of Korean Studies in Russia*. 2022. Vol. 3. No. 1. Pp. 66–73. (In Russ.)
- Laktionov V. Newcomers from Uzbekistan. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1989, December 21. P. 3. (In Russ.)
- Namrueva L. V. Sociological identity analysis of ethnic Kalmyks and Koreans from Kalmykia: Summarizing surveys of 2009–2010. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2010. No. 2. Pp. 39–44. (In Russ.)
- Nasunov A. B., Shalkhakov D. D. Migration processes and changes in Soviet Kalmykia's ethnosocial structure: An ethnosociological survey of urban workers and professionals. In: *Problematic Contemporary Ethnic Processes in Kalmykia*. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1985. Pp. 17–27. (In Russ.)
- Population of Kalmykia: Numbers and Whereabouts, Ethnic and Age-Sex Structure, Marital Status, etc. Outcomes of the 2002 Russian Census: Republic of Kalmykia. Pt. 1. Elista: Kalmykia Statistics Committee, 2004. 68 p. (In Russ.)
- Saryaeva R. G. Russia Germans of Kalmykia: A history of the ethnic group from population censuses. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1473–1495. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1473-1495
- Sengleeva T. N. Migration processes and labor resources of Soviet Kalmykia. In: *Bulletin of the Institute*. Vol. 7. Ser. 'Sociology'. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1973. Pp. 74–105. (In Russ.)
- Shamraev P. There are no 'others' in grief or sorrow. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1990, November 21. P. 3. (In Russ.)
- Soviet Census of 1959. Ethnic composition by regions of Russia. Kalmyk ASSR. On: Demoscope Weekly. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=80 (accessed: 10 November 2023). (In Russ.)
- Soviet Census of 1989. Ethnic composition by regions of Russia. Kalmyk ASSR. On: Demoscope Weekly. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=41 (accessed: 10 November 2023). (In Russ.)
- Umalatov M.-R. Dagestanis in Kalmykia's lands. On: Dagestanskaya Pravda (newspaper website). Posted on 14 September 2017. Available at: <https://dagpravda.ru/obshestvo/dagestancy-na-zemle-kalmyckoj/> (accessed: 10 November 2023). (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 75-92, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.9

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-75-92

Вспышка ВИЧ-инфекции в конце 1980-х гг. на юго-востоке РСФСР: политика советского государства в борьбе с эпидемией (на материалах Калмыцкой АССР)

Маргарита Владимировна Бадугинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

0000-0002-2805-5818. E-mail: [mbaduginova\[at\]gmail.com](mailto:mbaduginova[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бадугинова М. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В исследовании впервые рассматривается политика советского государства по организации борьбы с вирусом иммунодефицита человека в стране в период с 1985 г. по 1990 г., а также вспышка ВИЧ-инфекции на юго-востоке РСФСР в 1988–1989 гг. Хронологические рамки статьи охватывают время кардинальных перемен и переустройства в политической и социально-экономической структуре страны, которое было названо «перестройкой». *Целью* исследования является анализ и выявление особенностей политики руководства советской республики и министерств здравоохранения в условиях появления ВИЧ-инфекции в 1980-е гг. В работе особое внимание уделяется деятельности государственных институтов власти, принимаемым мерам, профилактическим и противоэпидемическим мероприятиям, а также деятельности специальной комиссии по организационной и практической помощи Министерству здравоохранения Калмыцкой АССР. *Материалы и методы.* В исследовании использовались основные для исторической науки принципы системности, объективности, историзма и комплексности, позволившие проанализировать источники и сопоставить полученные материалы, описать развитие и изменение политики государства в отношении ВИЧ-инфекции, изучить социальные, политические и экономические изменения в рассматриваемых регионах как неотъемлемую часть происходивших в стране трансформаций, объективно оценить проводимую советским государством политику в условиях возникновения эпидемии. Источниками для написания статьи послужили ранее неизвестные документы, находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Калмыкия и Государственном архиве Российской Федерации. *Результаты.* Появившаяся в стране ВИЧ-инфекция стала своеобразным индикатором и проверила на прочность систему здравоохранения Советского Союза, которая, как и вся страна, оказалась не готова к борьбе с «чумой XX века». Проводимая государственная противоэпидемическая политика оказалась малоэффективной, ограничение доступа к исследованиям, устоявшаяся практика засекречивания и некомпетентность руководства страны отрицательно

сказались на борьбе с опасной болезнью. Протекавшие в стране изменения негативно отразились на такой важной социальной сфере, как здравоохранение, и повлекли за собой упадок когда-то одной из лучших в мире систем по охране здоровья населения.

Ключевые слова: история здравоохранения, ВИЧ-инфекция, СПИД, эпидемия, «чума XX века», Министерство здравоохранения РСФСР, Калмыцкая АССР, медицина, врачи, медсестры, больницы, советское здравоохранение

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бадугинова М. В. Вспышка ВИЧ-инфекции в конце 1980-х гг. на юго-востоке РСФСР: политика советского государства в борьбе с эпидемией (на материалах Калмыцкой АССР) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 1. С. 75–92. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-75-92

The Late 1980s HIV Outbreak in the Southeast of Soviet Russia: Soviet Government and Its Policy against the Epidemic (The Case of Kalmykia)

Margarita V. Baduginova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2805-5818. E-mail: mbaduginova[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Baduginova M. V., 2024

Abstract. Introduction. The study provides a first insight into the official Soviet policy and anti-HIV nationwide arrangements (1985–1990), and reviews the 1988–1989 HIV outbreak in the southeast of the RSFSR. The paper’s chronological framework covers the era of dramatic political and socio-economic changes and restructuring endeavors commonly referred to as ‘perestroika’. **Goals.** The study attempts a comprehensive analysis to identify some features of the policy pursued by Soviet executives and healthcare agencies in the face of the emerging HIV threat throughout the mid-to-late 1980s. The work focuses on the activities of government institutions, certain measures, preventive and anti-epidemic arrangements, as well as the efforts of a special commission for organizational and practical assistance to Soviet Kalmykia’s Ministry of Health. **Materials and methods.** The study rests on the fundamental principles of systemacity, objectivity, historicism and complexity that have proved instrumental in analyzing documentary sources and comparing the obtained materials; describing the development and changes in official HIV-related policy; examining social, political and economic shifts across the regions under consideration as integral to what was being experienced nationwide; articulating objective evaluations of the Soviet government’s policy pertaining to the epidemic. The article primarily investigates a variety of newly discovered documents from the National Archive of Kalmykia and State Archive of the Russian Federation. **Results.** The arrived HIV served an indicator that would test the strength of Soviet healthcare system, and the latter — like the whole country — was not ready to fight the ‘plague of the twentieth century’. The adopted anti-epidemic policy proved inefficient. Meanwhile, the limited access to research, established practices of secrecy, and incompetence of the country’s leadership had negative impacts on the struggle against the dangerous disease. The then changes did negatively affect such an important social sphere as healthcare, which led to a severe decline of what once had been a leading public health system of the world.

Keywords: history of healthcare, HIV, AIDS, epidemic, ‘plague of the twentieth century’, Ministry of Health of the RSFSR, Kalmyk ASSR, medicine, physicians, nurses, hospitals, healthcare in the Soviet Union

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Baduginova M.V. The Late 1980s HIV Outbreak in the Southeast of Soviet Russia: Soviet Government and Its Policy against the Epidemic (The Case of Kalmykia). *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 75–92. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-75-92

1. Введение

Вспышка инфекции вируса иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) в конце 1980-х гг. в Калмыцкой АССР стала своеобразной точкой «невозврата» и разделила существующую действительность в советской стране на до и после. Эту болезнь стали называть «чумой XX века», по аналогии с прошедшей пандемией «черной смерти», унесшей жизни примерно 50 млн человек, которая свирепствовала в Европе в средние века [Бюллетень ВОЗ 2017]. ВИЧ-инфекция обросла мифами и вызывала панический страх, она не поддавалась лечению и обрекала заболевших на неизбежный фатальный исход. Позже будет известно, что с этой болезнью можно относительно полноценно жить, если вовремя начать терапию и следовать указаниям врача, но на момент регистрации первого случая в СССР в ноябре 1985 г. (иностранец гражданин) [Покровский 1990: 11] жизнь ВИЧ-инфицированных была предопределена, эти люди становились изгоями общества.

Данная тема изучается с переменным интересом на протяжении более 30 лет. В прессе было опубликовано значительное количество статей и интервью с разными специалистами, вышедшие научные работы больше посвящены биолого-эпидемиологическим, клинико-терапевтическим направлениям, реже можно встретить обзорные ретроспективные и социологические исследования. Эпидемиологические аспекты заболеваемости ВИЧ-инфекцией в Приморском крае рассмотрены в статье коллектива авторов из ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Приморском крае» [Абашина и др. 2010], начальный этап развития лабораторной диагностики этой болезни в Азербайджане описан А. А. Рагимовым и Н. Т. Гаировым [Рагимов, Гаиров 2003]. Необходимо отметить, что Азербайджан был одной из первых союзных республик, активно включившихся в разработку проблемы

ВИЧ-инфекции в стране. Это было связано с тем, что в качестве эксперта в кадровую группу Министерства здравоохранения (далее — Минздрав) СССР в 1987 г. был включен азербайджанский вирусолог М. К. Мамедов, до этого проходивший подготовку по линии Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ) и имевший опыт работы в составе противоэпидемических отрядов за рубежом [Кадырова, Дадашева 2006: 37]. М. К. Мамедов также является автором ряда коллективных монографий и статей по этой теме [Мамедов и др. 1991; Мамедов и др. 2007; Мамедов, Кадырова 2008; Мамедов и др. 2009].

Через некоторое время после открытия ВИЧ / СПИД возникло такое социально опасное явление, как ВИЧ-диссидентство, члены этого общественного движения опирались на конспирологические и псевдонаучные теории, которые отрицали само существование ВИЧ-инфекции и пропагандировали отказ от любого терапевтического вмешательства. Деятельность этого общественного движения, его влияние на систему здравоохранения проанализированы в работе Е. В. Бобровской [Бобровская 2017]. Изучению проблематики ВИЧ / СПИД¹ с точки зрения социально-философского подхода посвящен выпуск научного журнала «Логос», в нем рассмотрены исторические этапы ВИЧ / СПИД [Вагнер 2021]; работа подразделений Организации Объединенных Наций (ООН), занимающихся разработкой мер по предотвращению глобальной эпидемии ВИЧ, таких как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Объединенная программа ООН по ВИЧ / СПИД (ЮНЭЙДС) [Михель 2021]; проведен анализ институциональных практик — как культурных, так и государственных, которые подавляли терапию СПИДа [Комаров 2021].

¹ СПИД — синдром приобретенного иммунодефицита, финальная стадия развития ВИЧ-инфекции.

Исследованию социальных установок в отношении людей, живущих с ВИЧ / СПИД, посвящена статья В. Б. Звоновского [Звоновский 2008]. Автор приходит к выводу, что стигматизация заболевших и восприятие их обществом в качестве источника смертельной опасности является результатом работы средств массовой информации (СМИ), которые сформировали ложные представления об этой болезни. Еще несколько работ обращаются к проблеме стигматизации заболевших ВИЧ / СПИД, которая является актуальной и в настоящее время [Чернявская, Иоанниди 2014; Дудина, Артамонова 2018].

С появлением в СССР ВИЧ / СПИД назрел вопрос применения государственных мер по противодействию распространения этого опасного заболевания. Нанося огромный урон здоровью человека, ВИЧ-инфекция становится объектом правового регулирования. Одной из главных задач государства стала разработка нормативно-правовых актов, которые должны были охранять права граждан. Появляются исследования, посвященные проблемным вопросам уголовно-правовой характеристики и квалификации заражения ВИЧ-инфекцией, преступлениям против здоровья [Галкина 2016; Казакова 2018]. Становление и развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией рассмотрено в работе Ю. С. Норвартян [Норвартян 2016], анализ вопросов снятия уголовной ответственности за заражение этой болезнью проведен А. М. Плешаковым и М. В. Пановым [Плешаков, Панов 2009].

С точки зрения исторического подхода эта сложная тема практически не рассматривалась, внутрибольничная вспышка ВИЧ-инфекции в Калмыцкой АССР, Ростовской, Волгоградской областях, Ставропольском крае до настоящего времени также не была изучена исследователями. В данной статье предпринята попытка рассмотреть политику советского государства в условиях возникновения эпидемии ВИЧ-инфекции на юго-востоке РСФСР, которая стала трагической вехой не только в истории Калмыцкой АССР, но и всей страны.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой исследования стали архивные дела, находящиеся на хранении в Национальном архиве Респу-

блики Калмыкия (далее — НА РК) и Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГА РФ). Это фонд Р-8009 «Министерство здравоохранения СССР», хранящийся в ГА РФ, фонды Р-9 «Министерство здравоохранения Калмыцкой АССР», Р-309 «Совет Министров Республики Калмыкия», Р-261 «Республиканская детская больница», отложившиеся в НА РК. Были изучены нормативно-правовые акты, материалы по производственным вопросам, приказы, справки, отчеты, охватывающие конец 1980-х гг. и содержащие сведения по борьбе с ВИЧ-инфекцией. В работе использовались основные для исторической науки принципы системности, объективности, историзма и комплексности, позволившие проанализировать источники и сопоставить полученные материалы, описать развитие и изменение политики государства в отношении ВИЧ-инфекции, изучить социальные, политические и экономические изменения в рассматриваемых регионах как неотъемлемую часть происходивших в стране трансформаций, объективно оценить проводимую советским государством политику в условиях возникновения эпидемии. Использовались также проблемно-хронологический метод, сравнительно-исторический анализ, которые позволили исследовать изучаемый вопрос и воссоздать подробную картину этого происшествия.

3. Мифы и реальность

В СССР ВИЧ-инфекция и СПИД, как финальная стадия этой болезни, были известны ограниченной группе медицинских работников и профильных ведомств еще до вспышки болезни в Калмыцкой АССР в 1988 г. В Центральном НИИ эпидемиологии Министерства здравоохранения СССР в период с сентября 1985 г. по декабрь 1989 г. проводились исследования по теме «Клинико-эпидемиологическая характеристика СПИД в СССР и разработка мер профилактики». Основной целью было изучение эпидемиологии инфекции, вызываемой ВИЧ, для разработки в СССР системы профилактических и противоэпидемических мероприятий [Покровский 1990: 4]. Исследования были начаты в августе 1985 г., вероятно, после выхода приказа Министерства здравоохранения СССР № 776 от 10.06.1985 «Об организации поиска больных СПИД и

контроле доноров на наличие возбудителя СПИД» [Приказ 1985] и постановления Совета Министров СССР от 15.08.1985 «О неотложных мерах по разработке средств диагностики, профилактики и лечения СПИД» (далее — Постановление 1985 г.) [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 51. Д. 1764. Л. 1–9], которое не было опубликовано в широком доступе и имело ограниченное распространение. Уже само название этого документа говорило о том, что ВИЧ-инфекция представляла большую угрозу для страны и необходимы были срочные и безотлагательные действия для ее предотвращения, что подразумевало более широкий круг осведомленных специалистов в медицине и здравоохранении, но государство по субъективным и объективным причинам пока сохраняло в тайне информацию о ВИЧ-инфекции и работе по ее изучению. В ноябре 1985 г. был установлен первый зараженный ВИЧ-инфекцией иностранец, в стране началось массовое обследование иностранцев, обучавшихся в СССР, что позволило выявить среди них с 1985 г. по август 1987 г. 108 инфицированных лиц [Покровский 1990: 12].

После обнаружения первых заболевших иностранцев академики Р. В. Петров и В. М. Жданов выступили с предложением «о настоятельной необходимости безотлагательного развертывания комплекса мероприятий по обеспечению профилактики ВИЧ-инфекции и созданию условий для лабораторной диагностики, а также подготовки соответствующего кадрового потенциала, необходимого для проведения этой работы» [Кадырова, Дадашева 2006: 36]. Это выступление подтверждает информацию об ограничении государства доступа к информации о ВИЧ / СПИД некоторым специалистам, хотя, как мы видим, учреждения здравоохранения уже занимались клинико-эпидемиологическими исследованиями болезни. Исследователи также отмечают, что руководство страны решило ограничить работу в этом направлении и заниматься только научными изысканиями, хотя именно в это время нужно было принимать значительные превентивные меры против распространения ВИЧ-инфекции. Но это подразумевало информационное оповещение всей страны и расширение круга осведомленных, на что государство, видимо, не хотело идти. Весной 1986 г. Академия медицинских наук

(далее — АМН) СССР, Министерство здравоохранения СССР, а также с ряд учреждений Академии наук (далее — АН) СССР начали разработку «Комплексной научной программы по изучению СПИД», которую завершили уже летом того же года [Кадырова, Дадашева 2006: 36]. Вероятно, это было сделано, отчасти, чтобы успокоить научное сообщество и не сеять панику среди ученых и врачей, отчасти, чтобы приуменьшить значимость болезни, а может, просто по халатности и из-за непонимания истинных масштабов будущей катастрофы. Проследживается, что руководство страны скрывало настоящее положение дел по ВИЧ-инфекции, а разные подведомственные учреждения Министерства здравоохранения СССР не знали, что параллельно проводили исследования по одному направлению.

В эти годы в СССР из-за замалчивания официальными лицами объективной информации о ВИЧ / СПИД, отсутствия просвещения населения большое распространение получили разные домыслы. Журналисты публиковали статьи с громкими заголовками, которые еще больше вводили людей в заблуждение. Первая публикация в советской стране о ВИЧ-инфекции появилась в «Литературной газете» в 1985 г., в ней говорилось, что СПИД был придуман в американской лаборатории и является экспериментом над изгоями общества, а также был создан для биологической борьбы капиталистических стран с СССР [Запевалов 1985: 14]. Позже в интервью ее автор признается, что просто хотел прославиться и назовет эту статью «грешком молодости» [Старков 2018]. Но на момент своего выхода эта публикация наделала много шума и дала начало дезинформационной кампании советских граждан в отношении ВИЧ-инфекции. Кроме «Литературной газеты», статьи о том, что вирус СПИДа был создан Пентагоном, публиковали и другие газеты: «Известия», «Ленинградская правда», «За рубежом», «Советская Россия», «Красная звезда», «Правда», «Сельская жизнь», «Лесная промышленность», латвийская «Советская молодежь», «Правда Украины», тбилисская «Коммунисти», «Социалистическая индустрия», «Радянська Україна», «Советская Литва» и многие другие газеты [Алексеев 2020]. Между тем сами советские ученые не поддерживали версию искусственного про-

исхождения ВИЧ-инфекции, но их никто не слушал. Такая дезинформация еще больше обостряла внешнеполитические отношения и нагнетала панику внутри страны, а распространяемые официальной прессой слухи мешали борьбе врачей с болезнью. Точку в этой конспирологической теории в 1992 г. поставил директор Службы внешней разведки (СВР) России Е. М. Примаков официально заявивший, что за статьями в советской прессе про то, что СПИД был создан в лабораториях Пентагона, стоит Комитет государственной безопасности (КГБ) и это является выдумкой [Алексеев 2020; Мовсесян 2022].

Заявления официальных представителей власти не помогали в борьбе с начинающейся эпидемией ВИЧ-инфекции, а только успокаивали граждан, тем самым лишь оттягивая угрозу массовой паники в стране. В 1986 г. Министр здравоохранения РСФСР отмечал: «В Америке СПИД бушует с 1981 г., это западная болезнь. У нас нет базы для распространения этой инфекции, так как в России нет наркомании, гомосексуализма и проституции» [Костарнова 2022]. Поэтому, когда по центральному телевидению прозвучала информация о заражении детей и взрослых ВИЧ-инфекцией в г. Элисте, это шокировало и потрясло весь Советский Союз, вдруг осознавший подлинный масштаб катастрофы. Страшная «западная» болезнь, которой болели только отверженные обществом, стала поражать детей и добропорядочных советских граждан.

Проблемы сокрытия информации не раз мешали оценить ситуацию с эпидемиями опасных болезней, подобные ошибки уже совершались в прошлом. В 1937 г. при ликвидации вспышки эпидемии чумы на юго-востоке страны Уполномоченный Совнаркома СССР Н. И. Проппер-Гращенков, расследовавший данный случай, прямо осуждал имевшуюся систему строгого засекречивания всех публикаций и исследований по этой болезни, что сыграло «свою отрицательную роль как для чумологов, оказавшихся абсолютно изолированными и малограмотными в вопросах общей микробиологии и эпидемиологии, так и для общих врачей, которые совершенно невежественны в вопросах диагностики и терапии чумных заболеваний. Необходимо полное осведомление врачей о диагностике и лечении

чумы, особенно работающих в эндемических районах, так это может способствовать раннему выявлению первых чумных заболеваний и безусловному предупреждению вспышки легочной формы чумы» (цит. по: [Бадугинова 2012: 112]). Спустя десятилетия советское руководство вновь допустит эту ошибку, но уже с ВИЧ-инфекцией.

4. Борьба с ВИЧ-инфекцией

В феврале 1987 г. первый диагноз ВИЧ-инфекции ставят советскому гражданину, которого позже назовут «нулевым пациентом» [Портал Минздрава РФ; Покровский 1990: 11]. В это время тема ВИЧ / СПИД уже широко обсуждается в обществе и не сходит со страниц советской прессы. И если до обнаружения первого советского гражданина с ВИЧ-инфекцией политика государства была направлена только на усиление контроля за пребывающими в стране иностранными гражданами, то с 1987 г. контроль начинает распространяться на граждан СССР. В срочном порядке выходят Инструкция Минздрава СССР № 04/15 от 02.02.1987 «О порядке обследования доноров и населения на СПИД и проведения диспансерного наблюдения за лицами, инфицированными вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ)» [Инструкция 1987а], приказы Министерства здравоохранения СССР № 621-ДСП от 30.04.1987 «О выполнении задач по борьбе со СПИД» и № 501 от 10.07.1987 «О расширении мероприятий по борьбе со СПИДом в РСФСР» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 1], Указ Президиума Верховного Совета СССР № 7612-ХІ от 25.08.1987 «О мерах профилактики заражения вирусом СПИД» [Указ 1987а] и еще ряд документов [Письмо 1987; Инструкция 1987б], позже выходит приказ Минздрава СССР № 690 от 05.09.1988 «О совершенствовании учета лиц, инфицированных ВИЧ и больных СПИД» [Приказ 1988]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31.08.1987 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и другие законодательные акты РСФСР» впервые вводилась уголовная ответственность за заражение СПИДом [Указ 1987б].

Борьба с «чумой XX века» вылилась в то, что государство стало разделять людей на своих и чужих, это видно по текстам официальных инструкций и указов, кото-

рые прямо обозначают разделение на зараженных и незараженных. В указе «О мерах профилактики заражения вирусом СПИД», который был принят после выявления «нулевого пациента», четко прослеживается эта тенденция. «Этот короткий документ имел целью защитить общество от людей с ВИЧ при помощи жестких ограничений, исходя из распространенного тогда мнения, что СПИД — результат порочной жизни. Указ предусматривал принудительное освидетельствование на ВИЧ-инфекцию всех, в отношении кого „имеются основания предполагать“ возможность заражения: в случае отказа их должны были доставлять на анализы под милицейским конвоем. Он предписывал принудительную госпитализацию инфицированных и вводил уголовную ответственность до 8 лет лишения свободы за передачу ВИЧ» [Портал Минздрава РФ].

По информации официальной пропаганды, ВИЧ-инфекция не была страшна «нормальным» людям, она поражала только отдельные группы людей — наркоманов, гомосексуалистов, выходцев из стран Африки, Латинской Америки. В результате этого шоком для советской страны стало известие, что этой неизлечимой болезнью могут болеть дети, которые никак не относились к людям, находящимся в зоне риска. В обществе напрашивался страшный вывод о том, что теперь каждый мог заболеть этим вирусом, поэтому тема вспышки ВИЧ-инфекции в Калмыкии, а затем в других регионах юго-востока страны стала печальным мейнстримом в советских СМИ. Это в свою очередь породило необоснованную массовую стигматизацию жителей Калмыцкой АССР, Волгоградской, Ростовской областей, Ставропольского края, больше всего досталось медицинским работникам Калмыкии, которые не стали замалчивать факт обнаружения ВИЧ-инфицированных пациентов.

Годы отрицания властями существования ВИЧ-инфекции, а затем ее стигматизации нанесли большой урон стране. Был упущен момент, когда государство могло контролировать и предотвращать появление массовых заражений ВИЧ-инфекцией. После инфицирования детей в г. Элисте были зарегистрированы массовые заражения в гг. Ростове-на-Дону, Волгограде, Шахтах, хотя к этому времени уже были выявлены уязвимости и сделаны выводы, инфекция

обнаруживалась в новых регионах. Общество также не было готово к борьбе с этой болезнью, люди не знали, отчего могут заразиться, появились нарративы о «спидозных иглах». Пациенты боялись медицинских процедур, посещать больницу, врачи и медсестры боялись брать анализы у людей на проведение исследований, страшно было спускаться в метро, использовать общественный транспорт, ходить на праздничные мероприятия, мыться в общественной бане, выезжать в командировки. Доходило до абсурда, люди боялись заразиться «СПИДом» через рукопожатие или просто вдыхая воздух рядом с заболевшим. Заболевших детей не принимали в детские сады, а их родителей увольняли с работы. Людям приходилось скрываться, переезжать в другой город или регион. Подозревая у себя это страшное заболевание, многие до последнего скрывались от медицины [Портал Минздрава РФ].

5. Вспышка ВИЧ-инфекции

В Калмыцкой АССР работа по борьбе с ВИЧ-инфекцией началась с получением приказа Минздрава РСФСР № 501 от 10.07.1987 «О расширении мероприятий по борьбе со СПИДом в РСФСР» и протокольного решения совещания от 18.07.1987 у заместителя Председателя Совета Министров РСФСР Н. Т. Трубилина. В сентябре 1987 г. была проведена республиканская врачебная конференция по клинике, диагностике, эпидемиологии, лечению, профилактике СПИД, были разработаны лекции, инструктивные документы и разосланы в медучреждения [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2468. Л. 97]. Министерством здравоохранения Калмыцкой АССР издается приказ № 391-п от 08.08.1987, которым образуется комиссия по предупреждению заболеваний СПИД среди населения республики. В конце декабря 1987 г. утверждается комплексный план мероприятий по предупреждению заболеваний СПИД в Калмыцкой АССР на 1987–1990 гг. В соответствии с планом в январе-апреле 1988 г. были организованы диагностическая лаборатория на выявление синдрома иммунодефицита в республиканской станции переливания крови и лаборатория клинической иммунологии в республиканской больнице, а в конце 1988 г. был открыт кабинет анонимного обследования. В нем в течение года было обследовано на

наличие СПИДа 29 607 человек [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 1, 5, 32].

Впервые ВИЧ-инфекция была выявлена в Калмыцкой АССР в октябре-ноябре 1988 г., а зарегистрирована в январе 1989 г., после нескольких перепроверок двух сыровороток крови от ребенка и донора. В результате противоэпидемических мероприятий выявился нозокомиальный очаг внутрибольничного заражения в лечебно-профилактических учреждениях республики [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 3197. Л. 6]. По факту инфицирования ВИЧ были проведены срочные заседания бюро обкома КПСС, Совета Министров Калмыцкой АССР, организована правительственная комиссия [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 33]. В республиканской детской больнице приказом главного врача от 03.01.1989 была создана комиссия по предупреждению заболеваемости СПИДом [НА РК. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 165. Л. 3]. По факту заражения детей ВИЧ-инфекцией 25.01.1989 было возбуждено уголовное дело [Следственный комитет 2011].

Случай со вспышкой ВИЧ-инфекции в одном из регионов страны государство не могло уже скрыть, как это было в случае с эпидемией чумы в конце 1930-х гг. В стране набирала обороты перестройка, «гласность» была одним из направлений в сторону либерализации существующих институтов власти, проводилась политика максимальной открытости в деятельности государственных учреждений, перемены коснулись доступа и распространения информации. Общество требовало расследования происшествия, а государство уже не могло так жестко контролировать СМИ, которые в погоне за сенсациями могли опубликовать что угодно, в том числе и нежелательную для руководства страны информацию. Поэтому прецедентом стали пресс-конференции комиссии Министерства здравоохранения РСФСР, которая была направлена в Элисту для расследования этого чрезвычайного происшествия. На протяжении двух недель представители комиссии регулярно давали интервью, комментарии, что позволяло, в одной стороны, в какой-то мере контролировать СМИ и давать им только разрешенную информацию, тем самым влияя на общественное сознание. С другой стороны, эти пресс-конференции выставляли в выгодном

свете советскую власть, которая вступила на путь демократизации и стремилось быть более открытой.

Специальная комиссия Министерства здравоохранения РСФСР прибыла в Элисту 27.01.1989 в составе:

- заместителя министра здравоохранения РСФСР Э. А. Ноговицыной,

- руководителя Главного управления эпидемиологии и гигиены Министерства здравоохранения РСФСР Е. Н. Беляева,

- заместителя начальника главного управления охраны здоровья матери и ребенка Л. К. Колосовой,

- д-ра мед. наук, профессора, главного педиатра Минздрава РСФСР Л. С. Балевой,

- члена-корреспондента АМН СССР, профессора, главного инфекциониста Минздрава РСФСР В. Н. Никифорова,

- начальника отдела Главного управления лечебно-профилактической помощи (ГУЛПП) Минздрава РСФСР Л. И. Тихоновой,

- профессора, заведующего кафедрой детских инфекционных болезней II-го Московского медицинского института В. Ф. Учайкина,

- заведующего отделом особо опасных инфекций Республиканской санитарно-эпидемиологической станции (СЭС) Минздрава РСФСР А. С. Тясто,

- старшего научного сотрудника Государственного научно-исследовательского института стандартизации и контроля медицинских биологических препаратов (ГИСК) им. Тарасевича Минздрава СССР Т. Д. Шаламберидзе,

- старшего научного сотрудника Ленинградского научно-исследовательского института переливания крови И. Г. Самусевича,

- старшего научного сотрудника ростовского НИИ педиатрии и детской хирургии С. Б. Бережанской,

- младшего научного сотрудника Московского научно-исследовательского института педиатрии и детской хирургии В. Ф. Альес. В течение двух недель с 27.01 по 09.02.1989 специальная комиссия проверяла работу органов и учреждений здравоохранения Калмыцкой АССР. Официально проверка началась в связи с письмом директора Центрального научно-исследовательского института эпидемиологии Министерства

здравоохранения СССР В. И. Покровского № 28-74 от 18.01.1989 по факту внутрибольничного заражения ВИЧ-инфекцией детей и матерей в Республиканской детской и инфекционной больницах Калмыцкой АССР. В справке по итогам работы комиссии указывалось, что эта инспекция была призвана оказать организационную и практическую помощь Министерству здравоохранения Калмыцкой АССР в уточнении путей передачи и ликвидации очагов инфекции. Но по существу эта комиссия прямо обвиняла в безответственности и халатно-преступном отношении к своим обязанностям медицинских работников республики [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 22–23; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 2475. Л. 10]. Весь документ посвящен описанию бедственного положения в здравоохранении Калмыцкой АССР, некомпетентности врачей, медсестер, руководства профильных ведомств и их кураторов, которые довели регион до такого чрезвычайного происшествия. Здесь отмечалось также тяжелое положение с обеспечением населения доброкачественной питьевой водой. Проводимые лабораторные исследования 71 % проб водопроводной воды по химическим показателям и 23 % по бактериологическим в 1988 г. выявили не соответствие требованиям ГОСТа [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 29]. После ознакомления с этой справкой сразу напрашивался вывод, что неслучайно именно здесь была вспышка ВИЧ-инфекции, и как-то на второй план уходило то, что после приезда этой комиссии в Калмыцкую АССР и устранения, казалось бы, всех недостатков подобное заражение через несколько месяцев случилось в Ростовской и Волгоградской областях, на Ставрополье, которые были более благополучными в сфере здравоохранения.

На самом деле такое бедственное положение в здравоохранении было не только в Калмыцкой АССР, оно началось еще в конце 1970-х гг. и было распространено по всей стране. Исследователи отмечают, что уже в этот период начинаются проблемы: очереди к специалистам, жалобы на медицинское обслуживание, конфликты. Начало прогрессировать быстрое ухудшение показателей, характеризующих состояние здоровья граждан. Ситуацию можно было изменить в середине 1970-х гг., но возобладала стратегия застоя — рост славословия в адрес

социалистического здравоохранения при засекречивании неуклонно ухудшающихся показателей [Прохоров 2001: 29]. В Челябинске в начале 1980-х гг. было критическое положение со средним медицинским персоналом и санитарками, 80 больных обслуживала одна медсестра, материальная база здравоохранения тоже оставляла желать лучшего, например, здание скорой помощи не отапливалось, полы проваливались, зимой температура в помещении была минус пять градусов [Богданова, Лоскутов 2012: 19–20]. В Москве в середине 1980-х гг. обеспеченность учреждений здравоохранения медицинской техникой составляла около 60 % от положенного, более третьей части работавшего медоборудования было устаревшим, прослужившим от 10 до 30 лет. Остро не хватало шприцев, игл, одноразовых систем, катетеров, каталок, мебели, кроватей, постельного белья и даже полотенец [Затравкин и др. 2021: 155]. После обнаружения заболевших в Ростовской области в одной из газет отмечали, что в регионе не только не было одноразовых шприцев, но и не хватало многоразовых шприцев, а также хирургического, стоматологического инструментария, дезинфекционных средств, перчаток, не говоря уже об одноразовых системах переливания крови, а при норме в двадцать пять централизованных стерилизационных отделений на город-миллионник Ростов было всего пять стерилизационных [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2469. Л. 9].

Руководство страны было в курсе тяжелого положения системы здравоохранения в СССР. На заседании Всесоюзной чрезвычайной противоэпидемической комиссии, которая проходила после обнаружения вспышки ВИЧ-инфекции в Калмыцкой АССР отмечалось, что подобное чрезвычайное происшествие можно ждать в любое время и в любом регионе страны. Министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов постарался снять ответственность со своего ведомства, заявив, что «работники Минздрава СССР неоднократно пытались информировать правительство о том, что ситуация угрожающая. Но видные ученые, курирующие проблему, снимали остроту вопроса, заявляя, что все это ложная паника» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2469. Л. 6]. На этом же заседании Всесоюзной чрезвычайной противоэпидемиологической комис-

сии (ВЧПК) выяснилось, что большинство ведущих институтов не выполнило наметенных им заданий. Научные исследования по проблеме СПИДа велись вяло и в недостаточных масштабах [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2469. Л. 6]. Советская страна была не готова к борьбе не только с ВИЧ-инфекцией, но и с обычными кишечными инфекциями. Ежегодно полтора миллиона больных регистрировалось в Советском Союзе, и это, по словам Е. И. Чазова, было «нашим позором». Материальная база противинфекционных больниц испытывала острую необходимость в улучшении. По стране только в детских инфекционных отделениях недоставало 200 тыс. коек, не было новейших лекарств, в некоторых инфекционных больницах не было мыла [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2469. Л. 15].

6. Проблема в дефиците шприцев

Во всех газетных статьях, выходивших в этот период, утверждалось, что только в Калмыцкой АССР было допущено заражение через катетеры и повторное использование шприцев со сменой игл. Хотя в соседней Ростовской области детей заразили именно таким способом — больным вводили лекарства через один шприц [Ломакина 2023]. Сам В. В. Покровский подтверждает этот обычай у советских медсестер. Проходя практику в институте г. Москвы, он видел, что медсестры меняли только иглы для экономии времени, а сам шприц для того же лекарства использовался один [Пинчук 2019]. Другими словами, такая практика была в порядке вещей по всей стране, а не только в Калмыцкой АССР и была напрямую связана с дефицитом медицинских инструментов. И здесь уже возникал вопрос о недоработках Министерств здравоохранения СССР и РСФСР. Поэтому комиссия, которая приехала в Калмыцкую АССР, уже в первые дни своей работы объявила виновных в этой вспышке, а ее руководитель в интервью корреспонденту заявила, что первоисточник заражения пока не обнаружен, но имеются предварительные данные о причинах происшедшего, которые подтвердили специалисты Минздрава РСФСР и Центрального института эпидемиологии. Всеми виной было «безответственное отношение медицинских работников к своему профессиональному долгу. В частности, инъекции делали одним

шприцем нескольким больным» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2469. Л. 1].

О том, что уже заранее было решено, кто виноват, говорил в своем интервью И. Н. Гриньков, в 2002 г. заместитель Министра здравоохранения Республики Калмыкия: «Комиссия из Минздрава РСФСР приехала к нам уже с приговором. Перед ними не стояло проблемы разобраться в случившемся. Сработали настолько быстро, что версии наших врачей остались неиспользованными. Скорее всего, Правительству Советского Союза надо было смыть позор с отечественной медицины, ему было наплевать, что под обвинение попадал калмыцкий народ» [Боброва 2002].

Была еще одна комиссия во главе с В. В. Покровским, сыном директора Центрального научно-исследовательского института эпидемиологии Министерства здравоохранения СССР В. И. Покровского, но о ее пребывании документов в общем доступе не было обнаружено, к тому же все материалы по этому происшествию были изъяты медицинской комиссией [Пинчук 2019; Боброва 2002]. Позже В. В. Покровский защитит докторскую диссертацию на тему «Эпидемиология инфекции, вызываемой вирусом иммунодефицита человека», где будут использованы данные по эпидемии ВИЧ-инфекции, возникшей на юго-востоке страны [Покровский 1990].

Между тем количество заболевших в Калмыцкой АССР росло. На 17.03.1989 в республике было зарегистрировано 56 ВИЧ-инфицированных лиц, в том числе 9 взрослых, в июне 1989 г. — 76 ВИЧ-инфицированных, из которых 67 детей, в июле было 80 ВИЧ-инфицированных, их них 69 детей [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 90, 120, 125]. Всего по стране было зарегистрировано 272 заболевших ребенка, из них в Ростове — 110 детей, в Элисте — 75, Волгограде — 55, Ставрополе — 12 [НацВИЧ 2022].

После обнаружения вспышки ВИЧ-инфекции стало понятно, что простой обыватель ничего не знал об этой болезни. Поэтому для ликвидации пробела начинают проводиться большие просветительские кампании. 29.01.1989 был утвержден комплексный план пропаганды мер профилактики СПИД среди населения Калмыцкой АССР. Он включал издание листовок, плакатов, буклетов по профилактике СПИД, се-

рии методических материалов для лекторов, проведение культурных и образовательных мероприятий, посвященных этой теме [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 46–48]. Приказом Министерства здравоохранения РСФСР № 28 ДСП от 03.03.1989 «О серьезных недостатках в борьбе со СПИДом в Калмыцкой АССР и неотложных мерах по предупреждению распространения этой инфекции» от занимаемых должностей были освобождены только руководство Министерства здравоохранения Калмыцкой АССР и республиканской детской больницы, выговор получили руководители Главного управления охраны здоровья матери и ребенка и Республиканской санэпидстанции Минздрава РСФСР. Этим документом также был утвержден список поставляемых учреждениям здравоохранения Калмыцкой АССР медицинской техники и лекарственных препаратов, одним из важных пунктов в списке была позиция «шприцы одноразовые с иглами» в количестве 3,24 млн штук [Приказ 1989б].

Приказом Министерства здравоохранения РСФСР от 30.03.1989 № 46 «Об оказании практической помощи здравоохранению КАССР в 1989–1990 гг.» была разработана программа перестройки деятельности органов и учреждений здравоохранения республики по основным направлениям развития охраны здоровья населения и перестройки здравоохранения СССР в XII пятилетке и на период до 2000 г. Одним из приоритетных направлений в развитии здравоохранения являлись: деятельность по охране материнства и детства, развитие сельского здравоохранения. Первоочередными мероприятиями должны были стать открытие городской больницы скорой помощи, строительство общежитий семейного типа для республиканских больниц, чтобы ликвидировать текучесть медицинских кадров, строительство филиалов городских детской и взрослой поликлиник, приобретение тест-систем и реактивов, строительство типовых врачебных амбулаторий в районах республики [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 127–128]. Но по факту большинство этих мероприятий так и осталось на бумаге, начался развал Советского Союза, и этот документ утратил силу.

После вспышки ВИЧ-инфекции срочно принимаются безотлагательные меры по всей стране для улучшения организации

борьбы с ВИЧ / СПИД, во исполнение приказов Минздрава СССР № 173 от 16.03.1989 «О создании центров по предупреждению и борьбе со СПИДом» и № 239 от 10.04.1989 «Об организации службы профилактики СПИДа в СССР» Минздравом РСФСР был издан приказ № 62 от 24.04.1989 «Об организации службы профилактики СПИДа в РСФСР», в соответствии с которым создавался Комитет по борьбе со СПИДом, а также Республиканский научно-методический центр по борьбе со СПИДом на базе Московского научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии им. Габричевского [Приказ 1989а]. По всему Советскому Союзу стали создаваться региональные СПИД-центры.

Спустя год, в январе 1990 г., Калмыцкая АССР сообщила Министру здравоохранения РСФСР А. И. Потапову о том, что ВИЧ-инфекция в республике была локализована [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2056. Л. 138].

7. Эпицентр не в Элисте

До вспышки ВИЧ-инфекции в Калмыцкой АССР в советской стране об этой болезни практически ничего не знали, ВИЧ / СПИД считались чем-то из разряда средневековых мифов. Существующая информация была недостоверна, а государство еще больше стремилось к неведению населения, у людей была абсолютная вера в то, что СПИД находился где-то далеко. Из-за устоявшихся стереотипов в обществе о том, что заболеть могут только определенные люди, детей вообще не брали на учет, и никто не мог предположить, что они могут стать источником очага ВИЧ-инфекции. До сих пор убедительных доказательств как у официальной стороны, так и у многих неофициальных сторон нет, преимущественно это информация со слов врачей, очевидцев тех событий. В своей диссертации В. В. Покровский утверждает, что все эти случаи были связаны в основном с одной крупной вспышкой в г. Элисте и формированием вторичных очагов в гг. Ростове-на-Дону, Шахтах, Волгограде, Ставрополе, протекавшей с мая 1988 г. по май 1989 г. [Покровский 1990: 17]. Между тем следователь Е. Н. Мысловский, который руководил расследованием этого инцидента, в своем интервью в журнале «Социалистическая законность» отме-

чал, что вывод об эпицентре в Элисте был ошибочным, и трудно было установить, где была вспышка. «Изучив истории болезни детей, мы проверили все их контакты, и у нас получилось, что несколько малышей из Элисты просто не укладываются в выстроенную схему. По всем данным, заболевание у них началось значительно раньше срока, предсказанного медиками (май 1988 г.), т. е. в декабре 1987 г. Это еще раз указывало на ошибочность первоначальной версии о единственном «злодее» [Стежка 1990: 26–27]. Тогда этим «злодеем» считался мужчина, проживавший в 1981 г. в Конго, он-то и завез ВИЧ-инфекцию в Калмыкию, а уже от его инфицированного ребенка были заражены дети, лечившиеся с ним в одном стационаре [Покровский 1990: 18]. По данным Е. Н. Мысловского получается, что версия о единственном источнике заражения в Элисте была не состоятельна и преждевременна, но именно она преподносилась на протяжении многих лет как основная, тем самым мешая объективному расследованию и нанося большой урон репутации Калмыцкой АССР и ее жителям. Новая версия привела следователей в Научно-исследовательский институт акушерства и педиатрии в г. Ростове-на-Дону, где лечились в том числе волгоградские и элистинские мамы, а также женщины с патологией беременности со всего Северного Кавказа, Ставропольского края. В этом центре детская смертность доходила до 60 %, и когда проверили пациентов института на наличие СПИДа, то обнаружили более 100 зараженных. Затем вспышки обнаружили в ростовских больницах, в г. Шахты [Стежка 1990: 27–28]. Позже Е. Н. Мысловский озвучил еще одну версию, которая сходится с версией заведующего отделением хирургии республиканской детской больницы Б. М. Сангаджиева о заражении ВИЧ-инфекцией через инъекции иммуноглобулином [Боброва 2002]. По словам Е. Н. Мысловского, заражение началось не от моряка, а от ВИЧ партии «Иммуноглобулина», которая была изготовлена в Ростове-на-Дону. «Там было 500 ампул, произведенных из плацентарной крови одной из рожениц. Потом выяснилось, что она была заражена ВИЧ. И именно эта партия оказалась на черном рынке. Мы нашли одну ампулу из той партии в архиве акушерского центра, проверили, она оказалась ВИЧ-по-

ложительной» [Варсегова 2023]. Свое расследование Е. Н. Мысловский так и не довел до конца, он уволился со службы. Версия иммуноглобулина достаточно часто встречается, ее также озвучила мама инфицированного ВИЧ мальчика: «...говорили, что к нам попал зараженный иммуноглобулин. Я в эту версию верю, потому что потом на лечении в Питере я встретила кучу наших шахтинских женщин (жительниц города Шахты Ростовской области. — *Русфонд*), чьи дети не лежали с элистинцами, но всех их — это показало расследование — прокололи иммуноглобулином из одной партии» [Ломакина 2023].

Появление большого количества зараженных, их социальная незащищенность требовали от государства принятия мер, поэтому в 1990 г. был принят Закон СССР «О профилактике заболевания СПИД». В нем регламентировалось освидетельствование на выявление заражения вирусом иммунодефицита человека (заболевания СПИД), в том числе и анонимное, гражданам гарантировались права на социальную и медицинскую помощь, бесплатные лекарства, пенсионное обеспечение в случае заражения в результате выполнения медицинских манипуляций. В документе предусматривалось наказание в виде уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией лицом, заведомо знавшим у него о наличии этой болезни [Закон 1990].

8. Заключение

Советская медицина и здравоохранение, считавшиеся одними из лучших в мире, в конце 1970-х гг. стали отставать от других стран, а затем и вовсе вступили в период деградации, который пришелся на 1980-е гг. Такое положение дел было известно руководству страны. Профильный министр Е. И. Чазов не только писал, но и выступал с рассказами о проблемах в советском здравоохранении. Как отмечают исследователи, «по всей видимости, у партийного руководства не возникало желания потратить деньги на больницы и врачей, потому что ухудшение здоровья и ранняя смертность населения не создавали политической проблемы <...> Благодаря высоким показателям доступа к медицинской помощи правительство считало свои конституционные обязанности выполненными. А очевидная дегра-

дация системы здравоохранения, снижение качества медицинской помощи и ухудшение состояния здоровья населения объяснялись нерадивостью отдельных исполнителей (руководителей больниц или плохих врачей)» [Затравкин и др. 2021: 159]. Поэтому неудивительно, что приехавшая в Элисту комиссия Министерства здравоохранения РСФСР, констатируя бедственное положение в республике, недолго думая, вынесла свой вердикт и вспышку ВИЧ-инфекции объявила следствием этого положения.

Вспышка ВИЧ-инфекции повлияла на миграционные процессы в регионе. Многие старались уехать из республики, по данным переписи населения в 1989 г. в Калмыцкой АССР проживало 322 589 человек [Перепись 1989], тогда как в 1987 г. численность населения составляла 329 000 человек [Народное хозяйство 1987: 256]. Конечно, нельзя утверждать, что только этот фактор вызвал уменьшение количества проживающих в республике за 2 года на 6 411 человек. Но факт стигматизации жителей Калмыцкой АССР, принявший угрожающие масштабы по всей стране, подтверждала публикация в газете «Известия». В конце февраля 1989 г. вышло обращение народного депутата СССР, поэта Д. Н. Кугультинова, который отмечал дискриминацию студентов — выходцев из Калмыкии, нападения на машины с номерными знаками автономной республики, враждебность к детям и матерям, вы-

писавшимся из больниц региона [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2469. Л. 10].

Появившаяся в стране ВИЧ-инфекция стала своеобразным индикатором и проверила на прочность систему здравоохранения Советского Союза, которая, как и вся страна, оказалась не готова к борьбе с «чумой XX века». Проводимая государственная противоэпидемическая политика оказалась малоэффективной, ограничение доступа к исследованиям, устоявшаяся практика засекречивания и некомпетентность руководства страны отрицательно сказались на борьбе с опасной болезнью. Протекавшие в стране изменения негативно отразились на такой важной социальной сфере, как здравоохранение, и повлекли за собой упадок когда-то одной из лучших в мире систем по охране здоровья населения. Политика государства по отношению к ВИЧ-инфекции с самого начала была не рациональна, а развернувшаяся дезинформационная кампания в отношении происхождения этой болезни породила мифы и последующую стигматизацию заболевших и не только их. Особенно пострадала Калмыцкая АССР, как оказалось, виноватая только в том, что по роковой случайности стала первой среди регионов, где были заражены дети, а ведь подобное могло случиться в любом другом месте страны, такие проблемы в здравоохранении были везде.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Абашина и др. 2010 — Абашина В. Л., Хомичук Т. Ф., Гребенькова Л. К., Евдокимова Л. П., Смирнова Н. Р., Семейкина Л. М. Эпидемиологические аспекты заболеваемости ВИЧ-инфекцией // Здоровье. Медицинская экология. Наука. 2010. № 1–2(41–42). С. 114–116.
Алексеев 2020 — Алексеев А. Синдром приобретенной дезинформации // Коммерсант [электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4378171> (дата обращения: 15.02.2024).
Бадугинова 2012 — Бадугинова М. В. Борьба

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
State Archive of the Russian Federation.

со вспышкой эпидемии чумы в Калмыцкой АССР и Сталинградской области в 1937–1938 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5. № 2. С. 108–113.

- Боброва 2002 — Боброва И. СПИД глаза не выест [электронный ресурс] // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/old/article/2002/03/27/169315-spид-glaza-ne-vyiest.html> (дата обращения: 15.02.2024).
Бобровская 2017 — Бобровская Е. В. Влияние конспирологических теорий на государственную политику в сфере здравоохранения: ВИЧ-диссидентство в России и за ру-

- бежом // Политическая наука. Спецвыпуск. 2017. С. 149–164.
- Богданова, Лоскутов 2012 — *Богданова Ю. С., Лоскутов С. А.* Социальная сфера г. Челябинска: изменения в здравоохранении (первая половина 1980-х гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 10(269). С. 19–21.
- Бюллетень ВОЗ 2017 — Чума. Информационный бюллетень ВОЗ [электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/plague> (дата обращения: 25.02.2024).
- Вагнер 2021 — *Вагнер П.* Ковид, ВИЧ / СПИД и «испанка»: исторические вехи и социальные трансформации // Логос. 2021. Т. 31. № 1. С. 65–82.
- Варсегова 2023 — *Варсегова Н.* Трагедия, которую пытались замолчать: СПИД гулял по палатам детской больницы несколько месяцев, зараженные умирали от сепсиса [электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27595/4867969/> (дата обращения: 15.02.2024).
- Галкина 2016 — *Галкина Е. С.* Проблемные вопросы уголовно-правовой характеристики и квалификации заражения ВИЧ-инфекцией // Уголовное право и процесс. 2016. № 2(9) С. 59–63.
- Дудина, Артамонова 2018 — *Дудина В. И., Артамонова К. Н.* Стигматизация людей, живущих с ВИЧ / СПИД, и проблема раскрытия статуса: анализ высказываний пользователей онлайн-форума // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 66–78.
- Закон 1990 — Закон СССР от 23.04.1990 № 1447-1 «О профилактике заболевания СПИД» [электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/6335699/> (дата обращения: 15.02.2024).
- Запевалов 1985 — *Запевалов В.* «Паника на Западе, или Что скрывается за сенсацией вокруг AIDS» // Литературная газета. 30.10.1985. № 44(5058). С. 14.
- Затравкин и др. 2021 — *Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А., Чалова В. В.* Состояние и возможности советского здравоохранения в 1960–1980-х годах // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 1. С. 153–160.
- Звоновский 2008 — *Звоновский В. Б.* ВИЧ и стигма // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 4. С. 506–521.
- Инструкция 1987а — Инструкция «О порядке обследования доноров и населения на СПИД и проведения диспансерного наблюдения за лицами, инфицированными вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) от 02.02.1987 № 04/15 [электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/568905032> (дата обращения: 15.02.2024).
- Инструкция 1987б — Инструкция о порядке обследования работников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск и спецконтингента на СПИД и проведения диспансерного наблюдения за лицами, инфицированными вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) утв. МВД СССР 19.03.1987 № 10, Минздравом СССР 14.03.1987 № 280–17 [электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/568905080> (дата обращения: 15.02.2024).
- Кадырова, Дадашева 2006 — *Кадырова А. А., Дадашева А. Э.* К двадцатилетию первых исследований ВИЧ-инфекции в Азербайджане // Биомедицина. 2006. № 3. С. 36–39.
- Казакова 2018 — *Казакова В. А.* Преступления против здоровья ненасильственного характера // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 6. С. 135–143.
- Костарнова 2022 — *Костарнова Н.* Небезнадежно, но неутешительно [электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5691985> (дата обращения: 25.02.2024).
- Комаров 2021 — *Комаров Дж.* По ту сторону голой жизни: СПИД, (био)политика и неолиберальный порядок // Логос. 2021. Т. 31. № 1. С. 3–34.
- Ломакина 2023 — *Ломакина С.* Вспышка ВИЧ в Ростове. Как это было [электронный ресурс] // Русфонд Ростовская область. URL: https://rusfond.ru/rostov_issues/149 (дата обращения: 25.02.2024).
- Мамедов и др. 1991 — *Мамедов М. К., Гаибов Н. Т., Рустамов Р. Ш.* Синдром приобретенного иммунного дефицита. Баку: Ишгы, 1991. 143 с.
- Мамедов и др. 2007 — *Мамедов М. К., Кадырова А. А., Дадашева А. Э.* ВИЧ-инфекция и трансфузионные вирусные гепатиты: важнейшие аспекты эпидемиологии, клиники и лечения // Биомедицина. 2007. № 2. С. 8–12.
- Мамедов, Кадырова 2008 — *Мамедов М. К., Кадырова А. А.* О проблеме вторичных инфекций у ВИЧ-инфицированных лиц // Биомедицина. 2008. № 1. С. 3–7.
- Мамедов и др. 2009 — *Мамедов М. К., Кадыро-*

- ва А. А., Дадашева А. Э. Вирус иммунодефицита человека и вызываемая им инфекция. Н. Новгород, 2009. 430 с.
- Михель 2021 — *Михель Д.* Данные, принципы и стратегии: как работают глобальные механизмы контроля эпидемии ВИЧ // Логос. 2021. Т. 31. № 1. С. 143–176.
- Мовсесян 2022 — *Мовсесян Л.* Операция «Инфекция»: как КГБ убеждал мир, что СПИД создали американцы. 25.01.2022 г. [электронный ресурс] // СПИД. Центр. URL: <https://spid.center.ru/articles/2938> (дата обращения: 25.02.2024).
- Народное хозяйство 1987 — Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 472 с.
- НацВИЧ 2022 — «Это трагедия и история мужества» [электронный ресурс] // Национальная ассоциация специалистов в области ВИЧ / СПИДа. URL: <http://rushiv.ru/eto-tragediya-i-istoriya-muzhestva/> (дата обращения: 25.02.2024).
- Норвартян 2016 — *Норвартян Ю. С.* История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2016. № 1–2(18). С. 187–191.
- Перепись 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 г. [электронный ресурс] // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php
- Пинчук 2019 — *Пинчук А.* По следам вируса. Как в СССР расследовали самую крупную вспышку ВИЧ. 24.04.2019 г. [электронный ресурс] // СПИД. Центр URL: <https://spid.center.ru/articles/2405> (дата обращения: 25.02.2024).
- Письмо 1987 — Письмо Министерства здравоохранения СССР от 14.07.1987 г. № 04-6/97-6 «О мероприятиях при выявлении больного СПИДом» [электронный ресурс] // Консультант Плюс URL: <https://login.consultant.ru/link/?demo=2&req=doc&base=ESU&n=45912&rnd=GbbRAw> (дата обращения: 15.02.2024).
- Плешаков, Панов 2009 — *Плешаков А. М., Панов М. В.* Освобождение от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 171–176.
- Покровский 1990 — *Покровский В. В.* Эпидемиология инфекции, вызываемой вирусом иммунодефицита человека: автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. М., 1990. 28 с.
- Портал Минздрава РФ — Как Россия проти-
- востоит ВИЧ-инфекции [электронный ресурс] // Портал Министерства здравоохранения Российской Федерации «O-spide.ru» // URL: <https://o-spide.ru/o-vich/kak-rossiya-protivostoit-vich-infektsii> (дата обращения: 01.03.2024).
- Приказ 1985 — Приказ Минздрава СССР от 10.06.1985 № 776 «Об организации поиска больных СПИД и контроле доноров на наличие возбудителя СПИД» (вместе с «Методическими рекомендациями «Синдром приобретенного иммунодефицита») [электронный ресурс] // Гарант URL: <https://base.garant.ru/4172008/> (дата обращения: 15.02.2024).
- Приказ 1988 — Приказ Минздрава СССР № 690 от 05.09.1988 «О совершенствовании учета лиц, инфицированных ВИЧ и больных СПИД» [электронный ресурс] // Гарант URL: <https://base.garant.ru/4171923/> (дата обращения: 15.02.2024).
- Приказ 1989а — Приказ Минздрава РСФСР от 03.03.1989 № 28 ДСП «О серьезных недостатках в борьбе со СПИДом в Калмыцкой АССР и неотложных мерах по предупреждению распространения этой инфекции» [электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?demo=2&req=doc&base=ESU&n=14606&rnd=GbbRAw> (дата обращения: 15.02.2024).
- Приказ 1989б — Приказ Министерства здравоохранения РСФСР от 24.04.1989 № 62 «Об организации службы профилактики СПИДа в РСФСР» [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15575.htm (дата обращения: 25.02.2024).
- Прохоров 2001 — *Прохоров Б. Б.* Организация здравоохранения в России в XX веке // Россия в окружающем мире: 2001 (Аналитический ежегодник). М.: МНЭПУ, 2001. С. 1–44.
- Рагимов, Гаилов 2003 — *Рагимов А. А., Гаилов Н. Т.* О первом этапе развития лабораторной диагностики ВИЧ-инфекции в Азербайджане // Биомедицина. 2003. № 4. С. 22–24.
- Старков 2018 — *Старков А.* «Валентин Запелов: «В жизни надо ставить недостижимые цели. И достигать их» [электронный ресурс] // Инфопресс. URL: http://www.inforing.net/publications/infopress/culture.php?ELEMENT_ID=44648 (дата обращения: 25.02.2024).
- Следственный комитет 2011 — В Республике Калмыкия завершено дополнительное расследование уголовного дела, возбужденного по факту заражения вирусом СПИДа де-

- тей [электронный ресурс] // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/513811/> (дата обращения: 15.02.2024).
- Стежка 1990 — Стежка И. Гром уже грянул: Е. Мысловский // Социалистическая законность. 1990. № 10. С. 26–29.
- Указ 1987а — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.08.1987 № 7612-XI «О мерах профилактики заражения вирусом СПИД» [электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/136055/> (дата обращения: 15.02.2024).
- Указ 1987б — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31.08.1987 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и другие законодательные акты РСФСР» [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14248.htm (дата обращения: 15.02.2024).
- Чернявская, Иоанниди 2014 — Чернявская О. А., Иоанниди Е. А. Некоторые аспекты проблемы стигматизации и дискриминации людей, живущих с ВИЧ / СПИДом // Социология медицины. 2014. № 2. С. 55–57.
- problem of disclosure: Analysis of the online forum discussions. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2018. Vol. 11. No. 1. Pp. 66–78. (In Russ.)
- Economy of the RSFSR over the Seventy Years: Statistical Yearbook. Moscow: Finansy i Statistika, 1987. 472 p. (In Russ.)
- Galkina E. S. Issues of criminal and legal characteristics and qualification HIV-infection. *Ugolovnoe pravo i protsess*. 2016. No. 2(9). Pp. 59–63. (In Russ.)
- How Russia struggles against HIV/AIDS. On: O-spide.ru (About HIV/AIDS). Web portal by Russian Ministry of Health. Available at: <https://o-spide.ru/o-vich/kak-rossiya-protivostoit-vich-infektsii> (accessed: 1 March 2024). (In Russ.)
- Kadyrova A. A., Dadasheva A. E. Celebrating the twentieth anniversary of earliest HIV screening arrangements in Azerbaijan. *Biomedicine*. 2006. No. 3. Pp. 36–39. (In Russ.)
- Kazakova V. A. Crimes of non-violent character against health. *Gaps in Russian Legislation*. 2018. No. 6. Pp. 135–143. (In Russ.)
- Komaroff J. Beyond bare life: AIDS, (bio)politics, and the neoliberal order. *Logos*. 2021. Vol. 31. No. 1. Pp. 3–34. (In Russ.)
- Kostarnova N. No ground for despair, nor there is any for hope. On: Kommersant. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5691985> (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Law of the USSR of 23 April 1990 no. 1447-I on HIV/AIDS Prophylaxis. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/6335699/> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Letter of the USSR Ministry of Health of 14 July 1987 no. 04-6/97-6 on Measures for HIV Positive Individuals. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: <https://login.consultant.ru/link/?demo=2&req=doc&base=ESU&n=45912&rnd=GbbRAw>

References

- Abashina V. L., Khomichuk T. F., Grebenkova L. K., Evdokimova L. P., Smirnova N. R., Semeykina L. M. Epidemiological aspects of HIV rates. *Health. Medical Ecology. Science*. 2010. Nos. 1–2(41–42). Pp. 114–116. (In Russ.)
- Alekseev A. Acquired disinformation syndrome. On: Kommersant. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4378171> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Baduginova M. V. Struggle with eruption of plague epidemic in Kalmyk ASSR and Stalingrad Region in 1937–1938. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2012. Vol. 5. No. 2. Pp. 108–113. (In Russ.)
- Bobrova I. AIDS to disturb neither eyes nor conscience. On: Moskovskij Komsomolets. Available at: <https://www.mk.ru/old/article/2002/03/27/169315-spид-glaza-ne-vyiest.html> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Bobrovskaja E. V. The impact of conspiracy theories on state healthcare policy: The problem of HIV-denialism in Russia and abroad. *Political Science. 2017. Special issues*. Pp. 149–164. (In Russ.)
- Bogdanova Yu. S., Loskutov S. A. Social sphere of Chelyabinsk: Changes in health care service (The first half of the 1980s). *Bulletin of the South Ural State University*. 2012. No. 10(269). Pp. 19–21. (In Russ.)
- Census of 1989 (Russia/RSFSR). On: Demoscope Weekly. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Chernyavskaya O. A., Ioannidi E. A. The particular aspects of problem of stigmatization and discrimination of living with HIV-AIDS. *Sociology of Medicine*. 2014. No. 2. Pp. 55–57. (In Russ.)
- Dudina V. I., Artamonova K. N. Stigmatization of people living with HIV/AIDS and the

- (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Lomakina S. HIV outbreak in Rostov: How it was. On: Rusfond (Russian Charity Foundation). Rostov Oblast. Available at: https://rusfond.ru/rostov_issues/149 (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Mamedov M. K., Gaibov H. T., Rustamov R. Sh. Acquired Immunodeficiency Syndrome. Baku: Ishyg, 1991. 143 p. (In Russ.)
- Mamedov M. K., Kadyrova A. A. Concerning problems of secondary infections among HIV-infected persons. *Biomedicine*. 2008. No. 1. Pp. 3–7. (In Russ.)
- Mamedov M. K., Kadyrova A. A., Dadasheva A. E. HIV and Its Infection. Nizhny Novgorod, 2009. 430 p. (In Russ.)
- Mamedov M. K., Kadyrova A. A., Dadasheva A. E. HIV-infection and transfusion viral hepatitis: Main aspects of epidemiology, clinics and therapy. *Biomedicine*. 2007. No. 2. Pp. 8–12. (In Russ.)
- Mikhel D. Data, principles and strategies: How do global control mechanisms on the HIV epidemic work? *Logos*. 2021. Vol. 31. No. 1. Pp. 143–176. (In Russ.)
- Movsesyan L. Operation ‘Infection’: How KGB was seeking to convince world public AIDS had come from U.S. On: AIDS.CENTER Foundation (website). Posted on 25 January 2022. Available at: <https://spid.center.ru/articles/2938> (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Norvartyan Yu. S. Criminal liability for transmission of HIV: A history of emergence and shaping. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo»*. 2016. No. 1–2(18). Pp. 187–191. (In Russ.)
- Order of the Presidium of the RSFSR Supreme Soviet of 31 August 1987 on Amendments and Supplements to the RSFSR Criminal Code and Other Legislative Acts. On: Soviet Legislative Library. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14248.htm (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Order of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of 25 August 1987 no. 7612-XI on HIV/AIDS Preventive Measures. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/136055/> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Order of the RSFSR Ministry of Health of 24 April 1989 no. 62 on the Establishment of HIV/AIDS Prophylaxis Service in the RSFSR. On: Soviet Legislative Library. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15575.htm (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Order of the RSFSR Ministry of Health of 3 March 1989 no. 28 ДСП (restricted) on Grave Faults in Anti-HIV/AIDS Struggle in Kalmyk ASSR and Immediate Preventive Measures. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: <https://login.consultant.ru/link/?demo=2&req=doc&base=ESU&n=14606&rn d=GbbRAw> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Order of the USSR Ministry of Health of 10 June 1985 no. 776 on HIV Population Screening and Donor Control. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/4172008/> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Order of the USSR Ministry of Health of 5 September 1988 no. 690 on Enhancement of Control over HIV/AIDS Positive Individuals. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/4171923/> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Pinchuk A. Tracing virus: How Soviet agencies were investigating largest HIV outbreak. On: AIDS.CENTER Foundation (website). Posted on 24 April 2019. Available at: <https://spid.center.ru/articles/2405> (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Plague. Fact sheets. On: World Health Organization (website). Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/plague> (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Pleshakov A. M., Panov M. V. Liberation from the criminal responsibility for the infecting HIV: Theoretical and applied aspects. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009. No. 6. Pp. 171–176. (In Russ.)
- Pokrovsky V. V. Epidemiology of HIV/AIDS. Dr. Sc. (medicine) thesis abstract. Moscow, 1990. 28 p. (In Russ.)
- Prokhorov B. B. Public health in twentieth-century Russia. In: *Russia and the World – 2021. Analytical yearbook*. Moscow: International Independent University of Environmental & Political Sciences, 2001. Pp. 1–44. (In Russ.)
- Ragimov A. A., Gaibov H. T. On the first stage of HIV laboratory diagnostics in Azerbaijan. *Biomedicine*. 2003. No. 4. Pp. 22–24. (In Russ.)
- Regulations for Blood Donor and Universal HIV Screening, and Dispensary Observation over HIV Positive Individuals of 2 February 1987 no. 04/15. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/568905032> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Regulations for HIV Screening of Security Officials,

- Internal Military Employees, and Detainees , and Dispensary Observation over HIV Positive Individuals of 19 March 1987 no. 10 (USSR Ministry of Internal Affairs), of 14 March 1987 no. 280–17 (USSR Ministry of Health). On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/568905080> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Reinvestigation of how children had been infected with HIV in Kalmykia is complete. On: Investigative Committee of Russia. Available at: <https://sledcom.ru/news/item/513811/> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Starkov A. Valentin Zapevalov: ‘It is urgent to set unachievable goals — to achieve them’. On: Infopress (newspaper). Available at: http://www.inforing.net/publications/infopress/culture.php?ELEMENT_ID=44648 (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Stezhka I. E. Myslovsky: ‘The thunder has already sounded’. *Sotsialisticheskaya zakonnost’*. 1990. No. 10. Pp. 26–29.
- The tragedy and history of courage. On: Russian National Association of HIV/AIDS Professionals (website). Available at: <http://rushiv.ru/eto-tragediya-i-istoriya-muzhestva/> (accessed: 25 February 2024). (In Russ.)
- Vagner P. COVID-19, HIV/AIDS, and the “Spanish flu”: Historical moments and social transformations. *Logos*. 2021. Vol. 31. No. 1. Pp. 65–82. (In Russ.)
- Varsegova N. The ‘silenced’ tragedy: AIDS outbreak in children’s hospital remained untackled for several months and victims would die from sepsis. On: Komsomolskaya Pravda. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27595/4867969/> (accessed: 15 February 2024). (In Russ.)
- Zapevalov V. Panic in West: Or what AIDS story actually hides. *Literaturnaya Gazeta*. 1985, October 30. No. 44(5058). Pp. 14. (In Russ.)
- Zatravkin S. N., Vishlenkova E. A., Chalova V. V. The state and possibilities of the Soviet health care in 1960–1980s. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2021. Vol. 29. No. 1. Pp. 153–160. (In Russ.)
- Zvonovsky V. B. HIV and stigma. *The Journal of Social Policy Studies*. 2008. Vol. 6. No. 4 (Reforms and Social Exclusion). Pp. 506–521. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 1, Pp. 93–109, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902/904

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-93-109

Результаты раскопок грунтового могильника *Максимовка I* в лесостепном Поволжье в 2019 г.

Аркадий Иванович Королев¹, Антон Александрович Шалапинин²

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент, декан

 0000-0001-8452-4386. E-mail: [arkorolev\[at\]gmail.com](mailto:arkorolev[at]gmail.com)

² Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0001-9434-7811. E-mail: [anton-shalapinin\[at\]ro.ru](mailto:anton-shalapinin[at]ro.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Королев А. И., Шалапинин А. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Данная работа посвящена публикации результатов раскопок грунтового могильника *Максимовка I*. *Целью* данной работы является публикация материалов раскопок 2019 г. В *задачи* исследования входят описание и характеристика изученных археологических комплексов, установление их культурно-хронологической атрибуции. *Материалы.* Археологический материал из культурного слоя состоит из керамики неолита, энеолита, эпохи бронзы, а также XIX–XX вв., кремневых орудий и отходов камнеобработки. На памятнике исследовано шесть захоронений. Два погребения разрушены и представляют собой скопления сильно фрагментированных костей. Инвентарь в данных захоронениях не обнаружен. Костяк третьего погребения располагался вытянуто на спине, с ориентировкой головы на север-северо-запад. В могильной яме обнаружены железный нож и кости мелкого рогатого скота. Следующее захоронение состоит из четырех черепов и расположенных около них компактными скоплениями костей скелетов. Погребальный инвентарь состоял из кремневых наконечников стрел, скребка, костяного острия, подвески, бус, пронизок и резцов сурка. Пятое захоронение содержало костяк, расположенный в сидячем положении и ориентированный головой на северо-восток. В погребении обнаружены кремневая пластина, наконечник стрелы и бисер. Костяк последнего захоронения располагался вытянуто на спине и ориентирован черепом на север-северо-запад. В погребении находится глиняный сосуд. Также изучена часть сооружения № 1. *Результаты.* Три захоронения относятся к позднему энеолиту, одно — к позднему бронзовому веку и одно — к средневековью. Культурно-хронологическая атрибуция еще одного погребения не определена. *Выводы.* В результате раскопок грунтового могильника *Максимовка I* были получены разнокультурные и разновременные материалы, включающие комплексы неолита, энеолита, эпохи бронзы, средневековья.

Ключевые слова: неолит, энеолит, эпоха бронзы, средневековые, погребальный обряд, грунтовый могильник, лесостепное Поволжье

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья» (№ 23-78-10088, <https://rscf.ru/project/23-78-10088>).

Для цитирования: Королев А. И., Шалапинин А. А. Результаты раскопок грунтового могильника *Максимовка I* в лесостепном Поволжье в 2019 г. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 93–109. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-93-109

Maksimovka I Grave Field (Forest-Steppe Volga Region): Results of the 2019 Excavations

Arkadii I. Korolev¹, Anton A. Shalapinin²

¹ Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dean of Faculty

 0000-0001-8452-4386. E-mail: [arkorolev\[at\]gmail.com](mailto:arkorolev[at]gmail.com)

² Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0001-9434-7811. E-mail: [anton-shalapinin\[at\]ro.ru](mailto:anton-shalapinin[at]ro.ru)

© KalmSC RAS, 2024

© Korolev A. I., Shalapinin A. A., 2024

Abstract. Introduction. The work publishes some results of excavations at the *Maksimovka I* grave field. **Goals.** So, the article seeks to introduce materials of the 2019 excavations. To facilitate this, the paper shall describe and characterize the investigated archaeological complexes, establish their cultural and chronological attributions. **Materials.** Archaeological material from the occupation layer comprises Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, and eighteenth/twentieth century pottery, flint tools, and stone processing waste. Six burials were investigated at the site. Two burials had been destroyed and are nothing but heaps of heavily fragmented bones with no grave goods observed. In the third burial, the skeleton was lying on back in a northern-northwestern direction, accompanied by an iron knife and goat/sheep bones. The next burial consisted of four skulls and compact clusters of skeletal bones located nearby. The latter's grave goods included flint arrowheads, a scraper, a bone spearhead, a pendant, beads, piercings and marmot incisors. The fifth burial contained a seated skeleton facing northeast and accompanied by a flint plate, an arrowhead and beads. In the last burial, the skeleton was lying on back in a northern-northwestern direction, accompanied by an ornamented clay vessel. A part of structure 1 was also examined. **Results.** The work shows that a total of three burials date back to the Late Chalcolithic, one — to the Late Bronze Age, and one — to the Middle Ages. The cultural and chronological attribution of the remaining burial has not been determined yet. **Conclusions.** The excavations at the Maksimovka I grave field have yielded materials from different cultures and periods, including Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, and Medieval complexes.

Keywords: Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, Middle Ages, funeral rites, grave field, forest-steppe Volga region

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-78-10088 ‘Stone Age in the Middle Volga: Vectors and Dynamics of Cultural and Historical Processes’. Available at: <https://rscf.ru/project/23-78-10088>.

For citation: Korolev A. I., Shalapinin A. A. Maksimovka I Grave Field (Forest-Steppe Volga Region): Results of the 2019 Excavations. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 93–109. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-93-109

1. Введение

Грунтовый могильник *Максимовка I* является одним из ключевых памятников для изучения позднего энеолита Волго-Камья. Здесь выявлен уникальный для эпохи раннего металла лесостепной зоны Среднего Поволжья погребальный обряд — труположение сидя и полусидя. При этом на памятнике присутствуют грунтовые захоронения эпохи бронзы и средневековья, дающие дополнительную информацию для изучения материальной культуры кочевников указанных периодов. Таким образом, публикация результатов исследований данного памятника является весьма актуальной задачей для изучения древней истории региона.

К настоящему времени в научный оборот введены результаты работ на памятнике 2017 г. [Цибин, Шалапинин 2019: 6–16], 2018 г. [Королев, Мышкин, Шалапинин 2021: 515–530] и 2020 г. [Королев, Шалапинин 2023а: 137–157]. Материалы раскопок 2021 г. получили краткое освещение [Шалапинин и др. 2022: 14–16]. Целью данной работы является публикация и определение культурно-хронологической атрибуции материалов раскопок 2019 г.

2. Материалы

Грунтовый могильник *Максимовка I* находится в Богатовском районе Самарской области. Он расположен на северо-западной окраине с. Максимовка на первой надпойменной террасе рек Съезжая и Самара (карта 1: 1). Памятник открыт в 2017 г. В. А. Цибиним. Им же были проведены небольшие раскопки на памятнике, позволившие определить эпохальную принадлежность могильника [Цибин, Шалапинин 2019: 6–16].

С 2018 г. по настоящее время на памятнике ведутся раскопки. В 2019 г. работы проходили на двух раскопах. Первый из них площадью 20 м² был заложен к востоку от раскопа 2018 г., второй площадью 97,5 м² — к западу от шурфа № 1 2017 г. (карта 1: 2). Всего на памятнике в данный полевой сезон исследовано 117,5 м².

Территория памятника подверглась активному антропогенному воздействию во второй половине XX в., в связи с чем верх-

няя часть культурных напластований находилась в переотложенном состоянии. Мощность культурного слоя в непо потревоженном виде на отдельных участках достигает 100 см. Он состоит из слоев темно-серого, серого и серо-коричневого песка. Культурный слой слабо насыщен археологическим материалом.

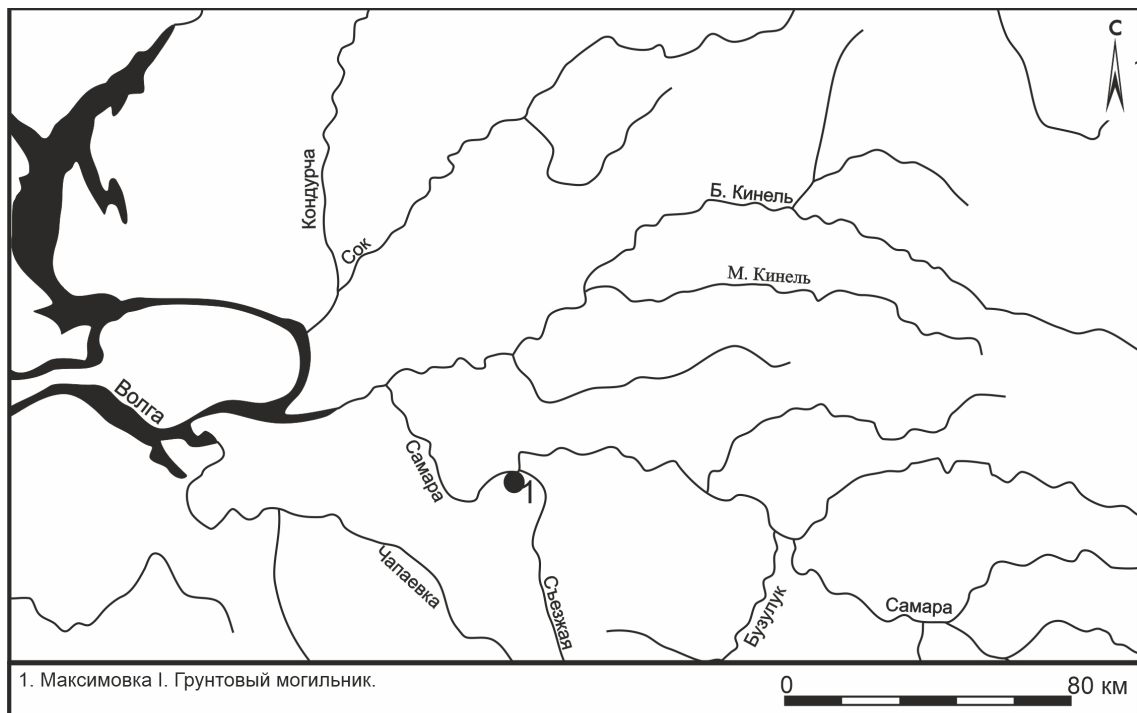
На памятнике в рассматриваемый полевой сезон в слое собрано 90 фрагментов керамической посуды, 48 кремневых отщепов, 2 кварцитовых отщепа, 3 кремневых скола, 1 кварцитовый скол, 1 кремневая чешуйка. Керамический материал, для которого возможно определить эпохальную принадлежность, относится к неолиту (2 экз.) (рис. 1: 12, 13), энеолиту (9 экз.) (рис. 1: 14–17), эпохе бронзы (8 экз.) и XIX–XX вв. (16 экз.). Каменный инвентарь включает кремневый скребок (рис. 1: 2), кремневый наконечник стрелы (рис. 1: 4), сверло на пластинчатом отщепе (рис. 1: 5), скребок на пластине (рис. 1: 8), 8 кремневых пластин (рис. 1: 3, 6, 9–11). Также следует отметить бусину из красного камня (рис. 1: 7), обнаруженную к югу от погребения № 8. Диаметр бусины — 0,6 см, толщина — 0,3 см.

На памятнике было изучено 6 погребений (№№ 5–10 в общей нумерации для всех годов раскопок).

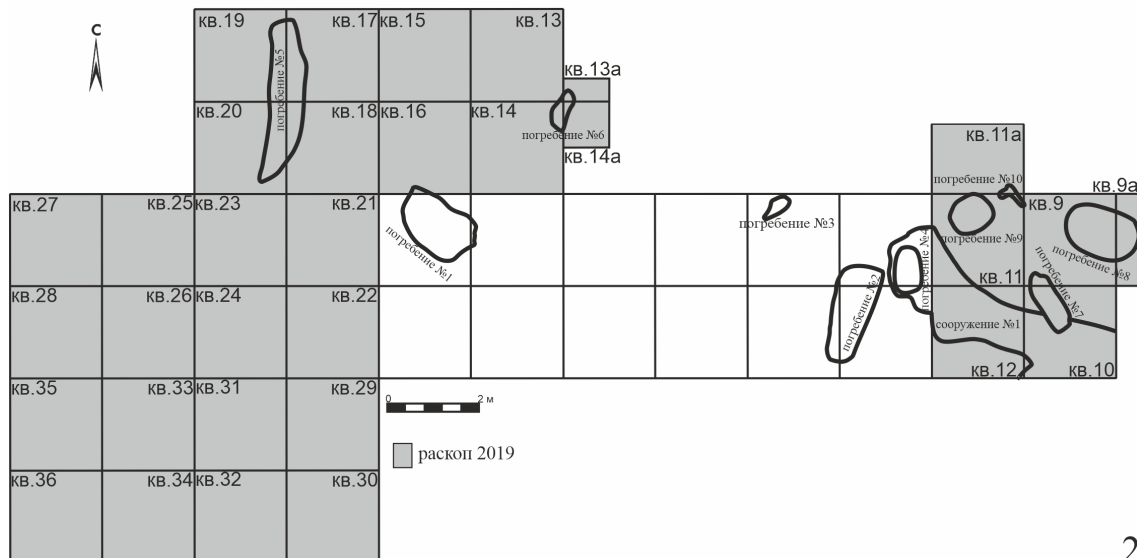
Погребение 5 (рис. 2: 1) располагалось близко к поверхности в северной части западного раскопа (кв. 17–20) и было сильно разрушено распашкой. Захоронение принадлежало мужчине возрастом 40–55 лет¹. Кости сильно фрагментированы и рассеяны на расстоянии почти 4 м на склоне. Они состоят из фрагментов верхней и нижней челюсти, черепной коробки, позвонков, трубчатых костей. Первоначальное положение сохранили только кости стоп, которые обращены фалангами на юг. Инвентарь отсутствовал или не сохранился.

Погребение 6 (рис. 2: 2) располагалось в северо-восточной части западного раскопа (кв. 13–14) и было также разрушено распашкой, а затем при строительстве грунтовой дороги. Захоронение представлено раз-

¹ Все определения пола и возраста погребенных выполнены д-ром ист. наук А. А. Хохловым.

1. Максимовка I. Грунтовый могильник.

Карта 1. Местоположение грунтового могильника Максимовка I (1), план раскопа (2)
[Map 1. Location of the Maksimovka I grave field (1), excavation plan (2)]

рознёнными фрагментированными костями скелета мужчины зрелого возраста (трубчатые кости, фаланги, черепной коробки, таза, ключицы). Погребальный инвентарь не выявлен.

Погребение 7 (рис. 2: 4), находилось в центральной части восточного сектора (кв. 9–10). Захоронение детское (5–6 лет). Могильная яма была ориентирована по ли-

нии Север-Северо-запад – Юг-Юго-восток. Размеры ямы: длина — 136 см, ширина — 48 см, зафиксированная глубина — 12 см. Она имела крутые края по длинным стенкам и пологие — по коротким. Менее всего край ямы был выражен в районе головы погребённого. В нижней части ямы было зафиксировано пятно древесного тлена коричневатого-чёрного цвета прямоугольной

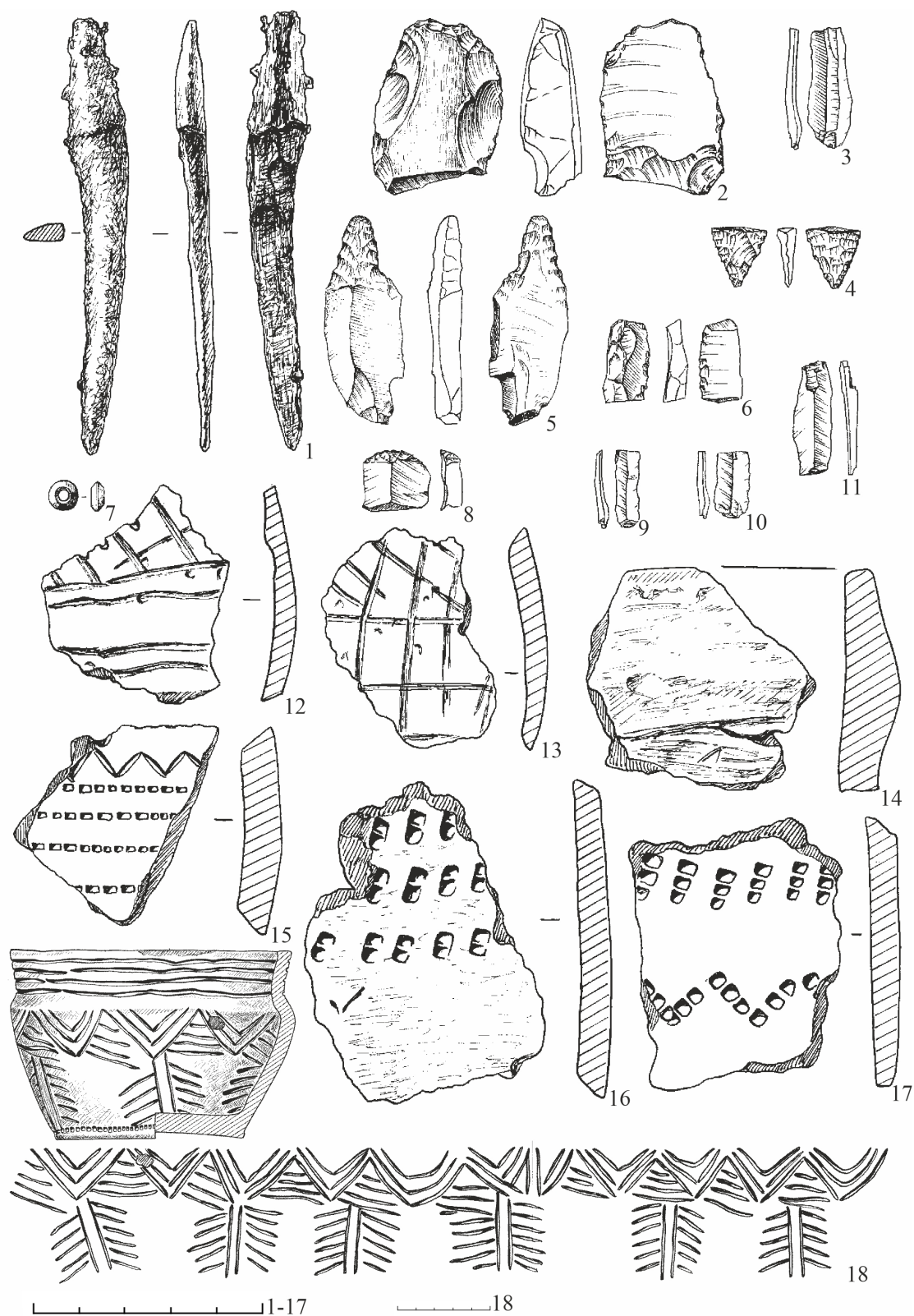

Рис. 1. Археологический материал из погребений №№ 7 (1), 10 (18) и культурного слоя (2–17)
 [Fig. 1. Archaeological material from burials 7 (1), 10 (18) and occupation layer (2–17)]

формы, толщиной до 1,5 см. Под ним располагался костяк, который был ориентирован головой Север-Северо-запад и лежал вытянуто на спине. Правое плечо находилось немного выше левого. Кости рук располагались вдоль туловища, кистями около таза. Кости ног вытянуты параллельно друг другу. Стопы развернуты к северо-востоку. Положение всех костей анатомическое, кроме одного позвонка. Под костяком и по бокам от него также располагался древесный тлен размерами 136 x 25 см. На ребрах в правой части грудной клетки острием к ногам располагался железный нож. Под правым плечом погребенного находилась лопатка, а к востоку от левой голени — кости ноги овцы (козы?) в анатомическом порядке.

Железный нож залегал на уровне –19 см от условного «0» (рис. 1: 1). Длина изделия — 9,5 см, максимальная ширина — 1,6 см, толщина — 0,6 см. Лезвие изогнуто и имеет длину 7 см. Сечение лезвия подтреугольной формы. Длина черешка — 2,5 см. На нем сохранились фрагменты деревянной рукояти.

Погребение 8 (рис. 3) было выявлено в северо-восточной части восточного сектора (кв. 9) и включало в себя четыре черепа и расположенные около них компактными скоплениями кости скелетов взрослых людей. Череп первого индивида принадлежал мужчине 35–40 лет, находился основанием вниз, глазницами на Юг-Юго-запад и имел сквозное отверстие округлой формы размерами 4,4–4,6 см. Вплотную к лицевой части находилась в перевернутом состоянии нижняя челюсть. Под ним располагалось пятно охры овальной формы размерами 21 x 23 см. К северу от черепа и частично под ним лежали кости рук. Несколько глубже черепа № 1 находились черепа и кости еще двух индивидов. Череп № 2 также был установлен основанием вниз лицевым отделом на северо-запад. Он принадлежал женщине 17–22 лет. Под ним располагалось компактное скопление костей скелета. К востоку от него лежал череп № 3, принадлежащий мужчине 35–45 лет. Он располагался лицевым отделом вверх и был повернут лицевой частью на запад. С юго-востока к черепу № 3 примыкало скопление костей конечностей и ребра. Отдельные кости находились от него к северо-востоку. Еще глубже и частично под костями индивида № 3 был обнаружен

череп и компактно сложенные кости скелета четвертого индивида. Они включали кости ног, ребер, лопатки, позвонки. Кости ног были согнуты в коленном суставе и сохранили анатомическое положение. Череп № 4 принадлежал женщине 25–35 лет, располагался на правой стороне лицевым отделом на юг. Под костями четвертого индивида фиксировалось пятно охры, размерами 40 x 43 см. В расположении костяков просматривается закономерность. Все они не содержали полного состава костей скелетов и были уложены аккуратными кучками так, что длинные кости конечностей лежали в основном параллельно одна другой. В размещении захороненных людей в яме можно отметить определенную последовательность. Первоначально был погребен индивид № 4, и яма была присыпана. Затем были уложены «пакетом» кости и установлены черепа костяков №№ 2 и 3. Уточнить, были они погребены вместе или по отдельности, не представляется возможным. Последними были помещены кости индивида № 1. Наиболее четко могильная яма погребения фиксировалась с уровня фиксации черепа № 4. Она имела подовальную форму и была ориентирована длинными сторонами по линии Запад-Северо-запад – Восток-Юго-восток. Длина ямы — 162 см, ширина — 107 см, глубина — 15 см. Борта ямы пологие, дно закругленное.

В погребении был выявлен инвентарь. Костяное острие (–40 см от условного «0») было обнаружено к западу от черепа № 4 на границе пятна охры (рис. 5: 45). Орудие изготовлено из фрагмента ребра, имеет в длину 13,6 см, ширину 1,6 см, толщину 0,3 см. Один конец приострен, второй слегка закруглен. Края предмета также закруглены. Внешняя сторона заполирована и украшена двумя группами нарезок длиной до 1,5 см, нанесенными со стороны острия под наклоном одни вправо, другие — влево. В центре орудия ряды нарезок смыкаются. Поверх дугой расположены короткие насечки длиной до 0,5 см. Они нанесены под прямым углом к кромке предмета.

Скребок на отщепе из серо-зеленого кремня с коркой с тремя рабочими краями (–22 см от условного «0») был обнаружен в пределах могильной ямы у ее восточного борта (рис. 5: 20).

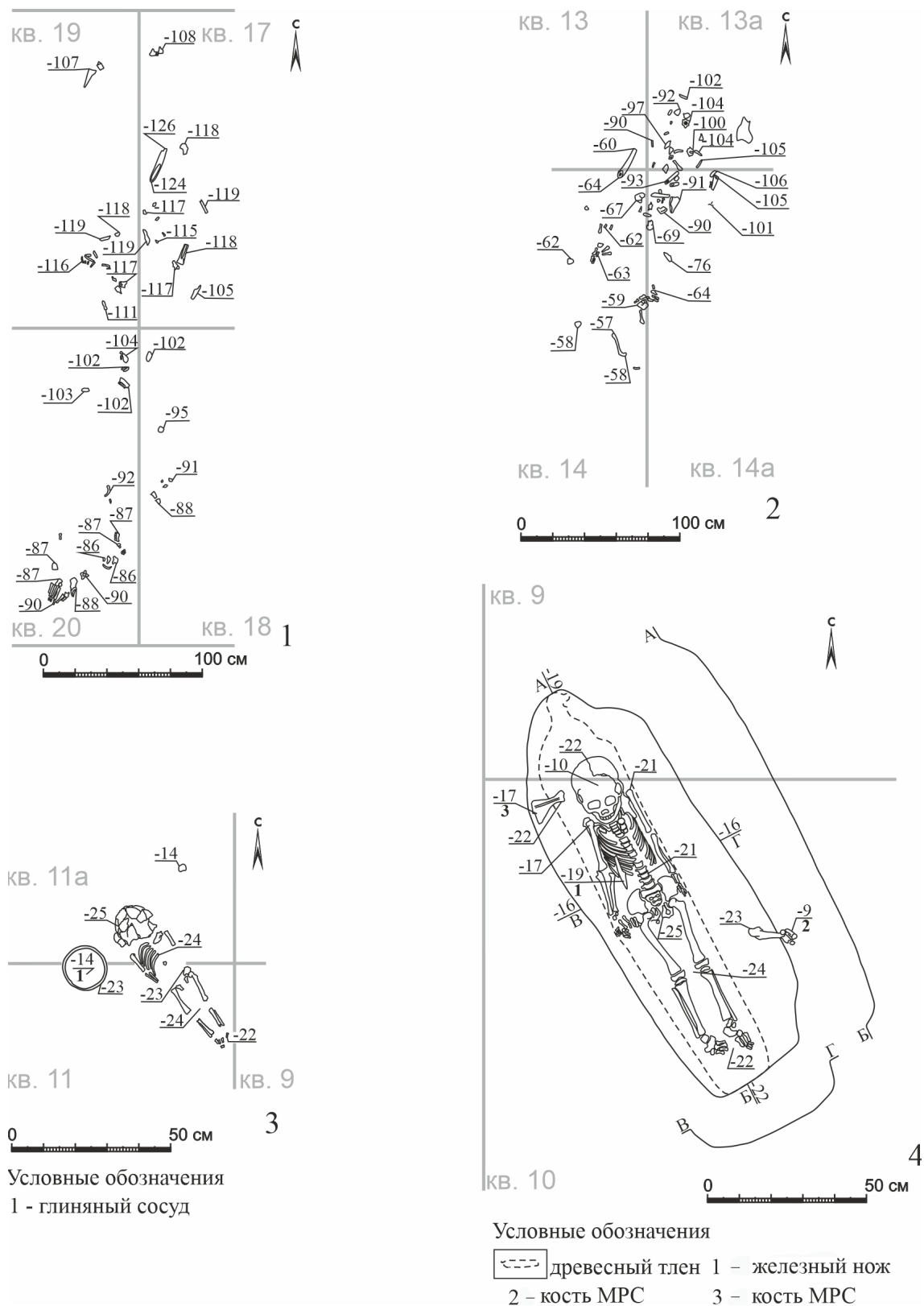

Рис. 2. Погребения №№ 5–7, 10
[Fig. 2. Burials 5–7, 10]

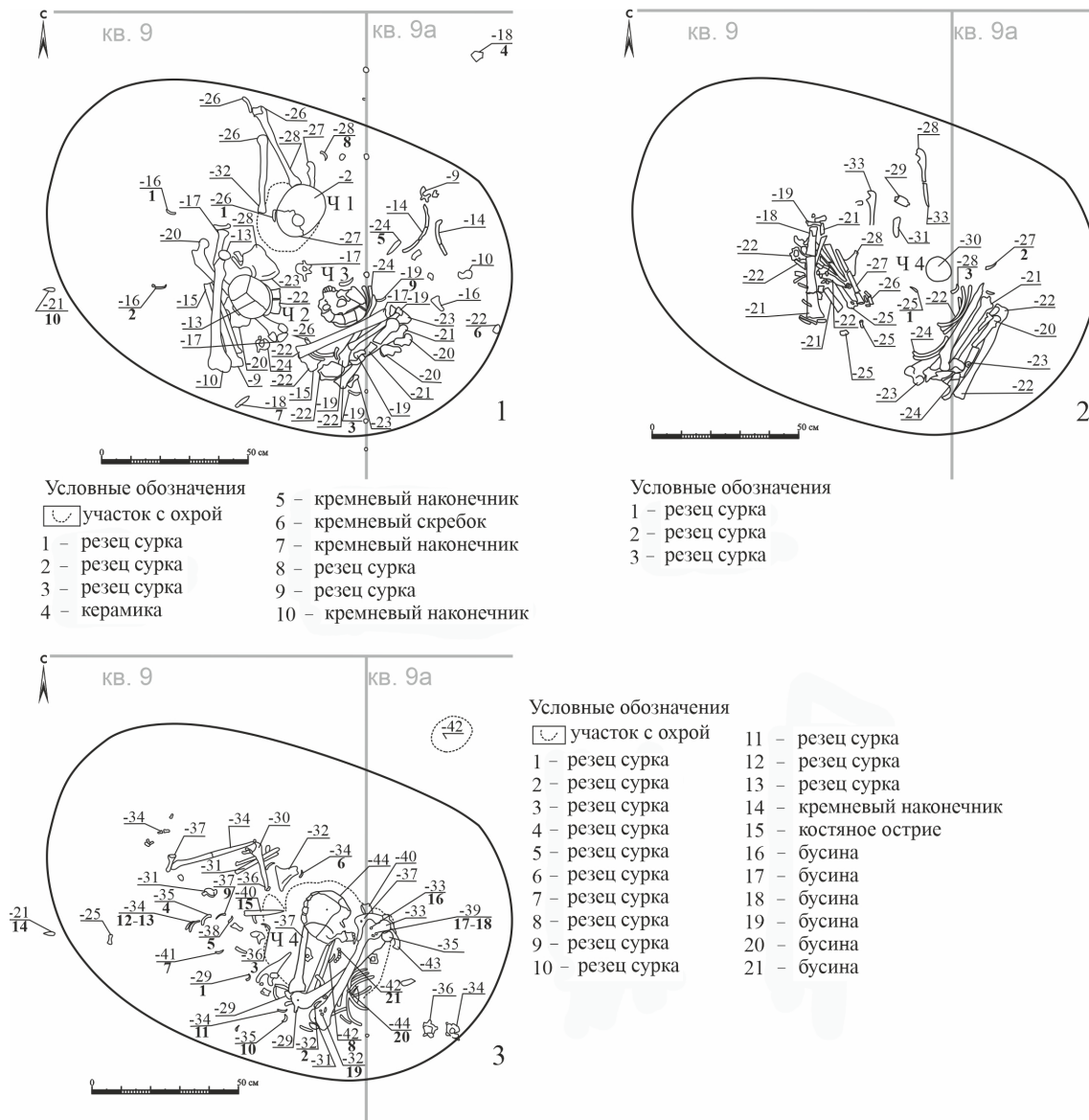

Рис. 3. Погребение № 8
[Fig. 3. Burial 8]

Наконечник стрелы, изготовленный из кремня серого цвета с белой коркой (–18 см от условного «0»), залегал в пределах могильной ямы у ее южного борта (рис. 5: 19). Орудие имеет двустороннюю обработку. Форма наконечника листовидная со слегка зауженным насадом. Основание насада прямое.

Наконечник стрелы из желтого кремня (–24 см от условного «0») располагался к северо-востоку от черепа № 3 (рис. 5: 18). Орудие имеет двустороннюю обработку. Форма наконечника листовидная, основание насада прямое.

При разборе костей у черепа № 4 был обнаружен фрагмент подвески из раковины (рис. 5: 17). Судя по сохранившейся части, она имела овальную форму с несколько смещенным от центра отверстием.

Резцы сурка насчитывают 65 единиц (рис. 3, 4, 5: 1–16). Большая часть резцов была обнаружена в заполнении могильной ямы, в основном в ее нижней части. Еще три резца найдены при разборе культурного слоя в непосредственной близости от погребения и один обнаружен в отвале. Однако в связи с тем, что из всех изученных захоронений только погребение № 8 содер-

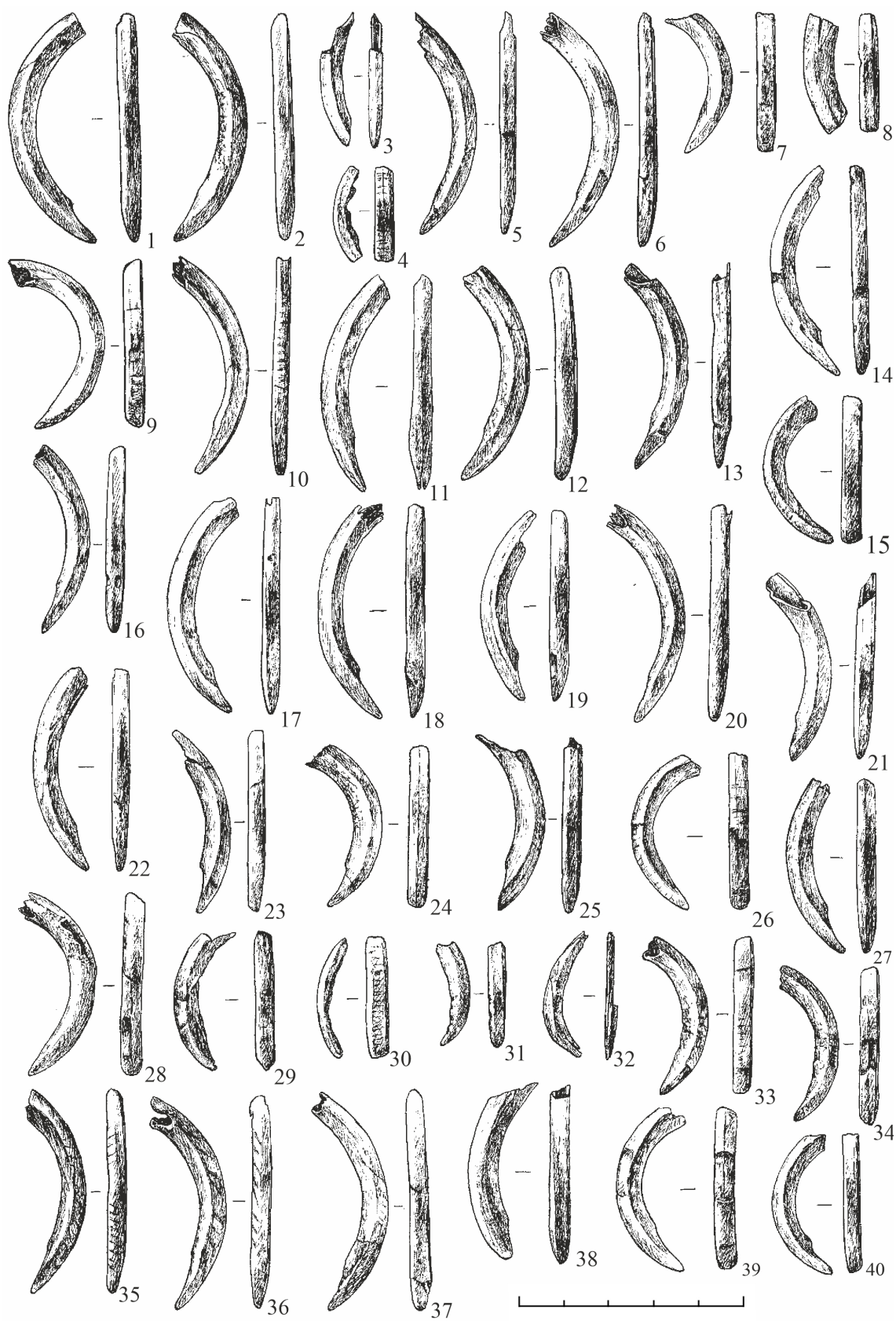

Рис. 4. Резцы сурка из погребения № 8
 [Fig. 4. Marmot incisors from burial 8]

жало резцы сурка, их также следует рассматривать с данным комплексом. Резцы имеют различную сохранность, от целых до сильно разрушенных экземпляров. Длина целых резцов варьирует от 3 см до 5 см.

Бусины можно разделить по размерам на две группы: первая (11 экз.): бусины, имеющие диаметр 0,4 см, толщину 0,2–0,3 см и отверстие диаметром 0,2–0,3 см (рис. 5: 22–32); вторая (10 экз.): бусины, имеющие диаметр 0,25–0,3 см, толщину 0,1–0,2 см и отверстие 0,1 см (рис. 5: 33–42).

Две пронизки в форме трубочек длиной 0,4 и 0,5 см, диаметром 0,3 см (рис. 5: 43–44).

Рядом с могильной ямой к западу от нее в кв. 9 располагался наконечник стрелы (–21 см от условного «0») (рис. 5: 21). Он изготовлен из серого кремня с белой коркой. Оружие имеет двустороннюю обработку.

Погребение 9 (рис. 6: 1–2) располагалось в северо-западной части восточного раскопа в кв. 11. Неровное пятно могильной ямы было зафиксировано в предматериковом грунте и отличалось в основном от него отдельными пятнами черного углистого цвета. По мере выборки заполнения углистые включения были счищены, и встречались отдельные угольки. Контуры могильной ямы были не четкими, подовальных очертаний, и уточнялись при расчистке костяка. Ее размеры — 90 x 79 см, глубина — 42 см. Северный борт ямы крутой, южный — пологий, с уступом. Скелет мужчины 27–35 лет располагался в сидячем положении и был ориентирован головой на северо-восток. Кости ног были согнуты в коленных суставах, расположены коленями вверх и ступнями упирались в юго-западную стенку ямы. Кости таза и изогнутого дугой позвоночника располагались вплотную к северо-восточной стенке ямы. Кости левой руки были вытянуты вдоль костей ног. Плечевая кость правой руки лежала в направлении коленного сустава правой ноги, а кости предплечья частично находились под костями левой ноги. Череп находился над левой частью тазовых костей и лежал теменем вверх. Нижняя челюсть была развернута подбородком вверх.

Погребальный инвентарь включал:

– кремневую пластину из серого полупрозрачного кремня с белой коркой (–47 см от условного «0») (рис. 6: 4). Дистальная

часть обломана. Края пластины имеют нерегулярную ретушь. Пластина располагалась у правого коленного сустава;

– обломок наконечника стрелы из коричневого кремня с белой коркой (–34 см от условного «0») (рис. 6: 3). Наконечник обнаружен у стоп погребенного;

– бисер белого цвета в диаметре до 0,2 см, толщиной 0,1 см и с диаметром отверстия 0,1 см найден в количестве 140 экз. Часть бисерин располагалась на лучевой кости левой руки, где удалось зафиксировать их расположение рядами (рис. 6: 5).

Погребение 10 (рис. 2: 3) обнаружено в северной части восточного раскопа, на стыке квадратов 11а и 11. Могильная яма не фиксировалась. Погребение детское. Костяк располагался вытянуто на спине и ориентирован черепом на Север-Северо-запад. Кости рук были вытянуты вдоль туловища. К юго-западу от черепа на глубине –14 см от условного «0» находился сосуд.

Сосуд характеризуется раковинной примесью, приземистыми пропорциями, имеет плоское дно, раструбовидную шейку, выраженные плечики (рис. 1: 18). Размеры сосуда: высота — 9,8 см, диаметр венчика — 15 см, диаметр тулова — 14,7 см, диаметр дна — 9,9 см. Сосуд орнаментирован прочерченными линиями. По шейке сосуда нанесено четыре горизонтальные линии, тулово украшено сложной композицией, состоящей в верхней части из заполненных угловыми мотивами треугольников, пространство между которыми заполнено горизонтальными прочерками. От вершин треугольников вниз прочерчены двойные вертикальные линии, от которых вниз и в стороны, образуя «елочку», отходят ряды наклонных прочерков. Всего нанесено шесть таких «елочек». В придонной части нанесен поясok из накольчатых вдавлений, соединяющий основания «стволов елочек». В зоне треугольников есть сбивка орнамента. В орнаментации сосуда просматривается трехчленное деление.

В восточном раскопе также частично было изучено сооружение № 1. Оно представляет собой ров (карта 1: 2), ориентированный длинными сторонами по линии Запад-Северо-запад – Восток-Юго-восток. В пределах раскопа сооружение имело длину 4,48 м, ширину 1,42 м и глубину 48–50 см. Данное сооружение фиксировалось с уровня

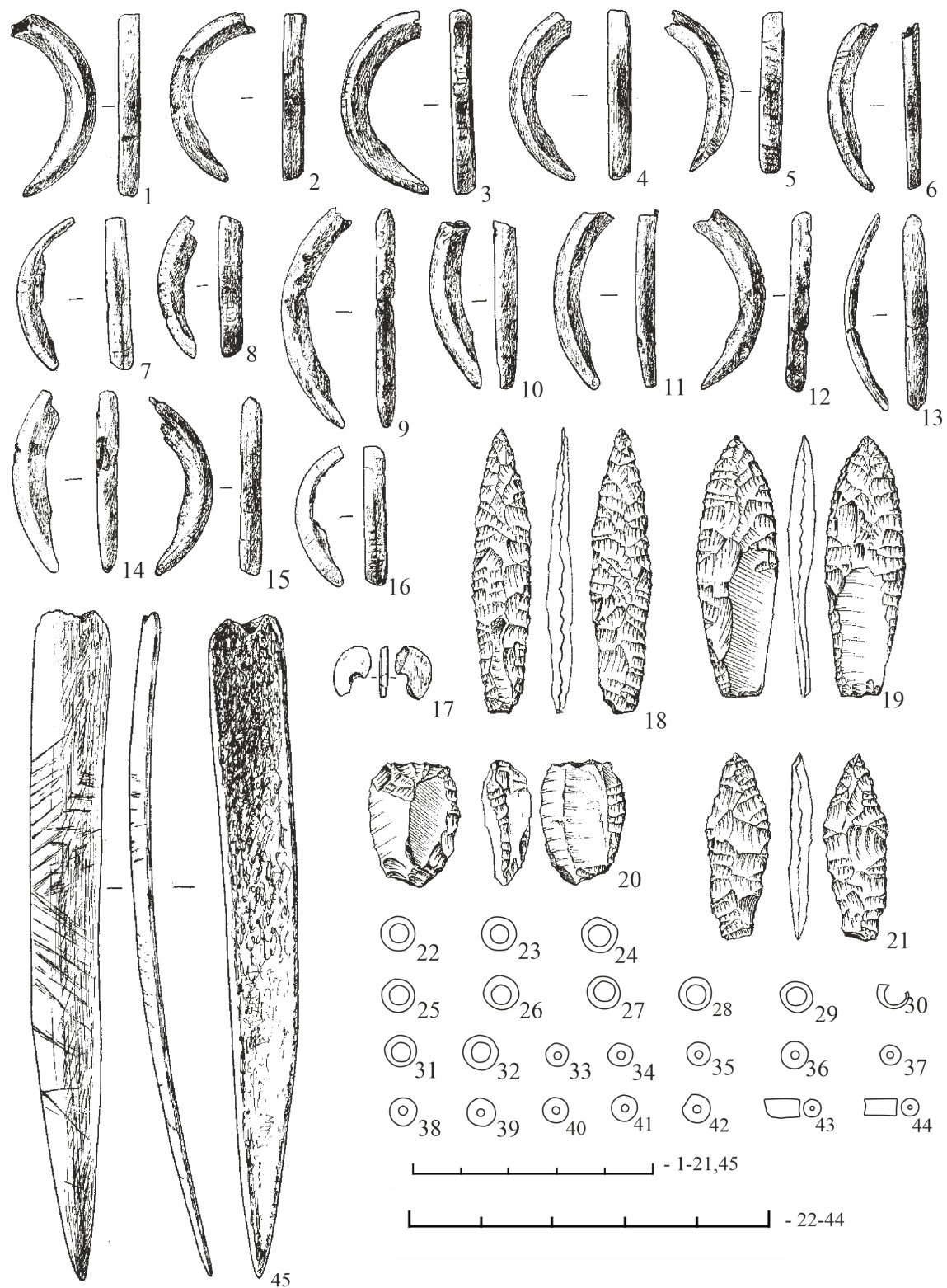

Рис. 5. Резцы сурка (1–16) и инвентарь (18–45) из погребения № 8
 [Fig. 5. Marmot incisors (1–16) and grave goods (18–45) from burial 8]

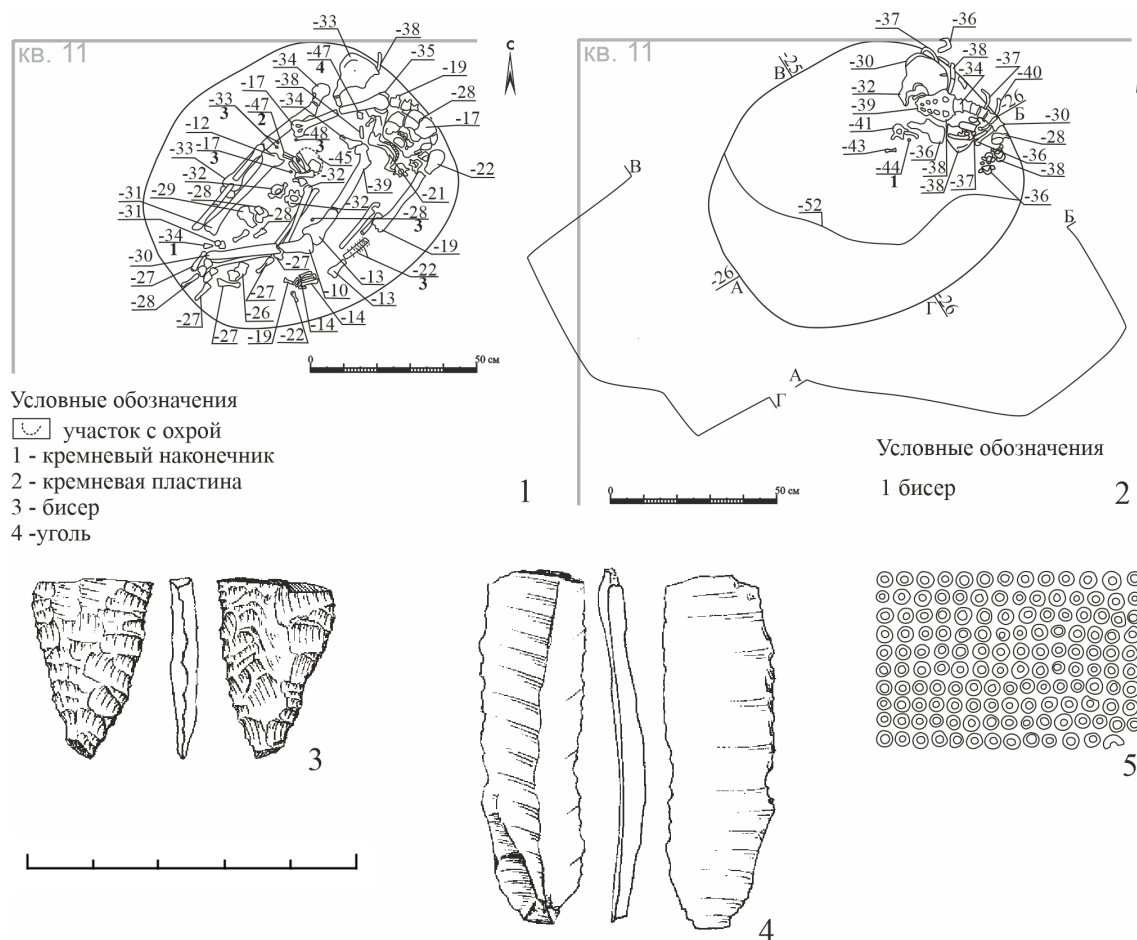

Рис. 6. Погребение № 9 (1–2) и инвентарь из погребения № 9 (3–5)
[Fig. 6.. Burial 9 (1–2) and excavated grave goods (3–5)]

предматерика. Основа заполнения — плотный темно-серый песок. Дно рва округлое. Уровень фиксации сооружения находился ниже дна погребения № 7.

3. Анализ полученных материалов

При определении культурно-хронологической атрибуции погребальных комплексов грунтового могильника *Максимовка I* определяющую роль играет ориентировка захороненных, положение костяков и специфический набор сопутствующего инвентаря.

Погребение № 9 по характеру положения костяка в могильной яме входит в группу захоронений позднего энеолита могильника *Максимовка I*. Костяки в положении сидя и полусидя, ориентированные головой на северо-восток, были исследованы в погребениях №№ 1 [Цибин, Шалапинин 2019: 9], 3 [Королев, Мышкин, Шалапинин 2021:

529], 16, 34 [Королев, Шалапинин 2023а: 144, 150] и др. Бисер обнаружен также в энеолитическом погребении № 17 [Королев, Шалапинин 2023а: 145]. Орудия на пластинах встречены в захоронения №№ 3 [Королев, Мышкин, Шалапинин 2021: 529], 26 и 29 [Королев, Шалапинин 2023а: 148; Королев, Шалапинин 2023б: 317].

К этой же культурно-хронологической группе относится вторичное коллективное погребение № 8, поскольку здесь был обнаружен аналогичный погребальный инвентарь (наконечники с усеченным основанием, скребки, бусы и пронизки). Аналогии вторичному погребению с костями скелета, сложенными «кучкой», и установленным рядом черепом есть в могильнике *Хвалынского I*, например, это погребения 57, 64 [Агапов и др. 1990: 29, 31]. Не исключено, что к данной группе относится разрушенное захоронение № 5. В пользу этого пред-

положения говорит положение стоп, цвет и сохранность костных остатков. Отмеченные захоронения имеют ближайшие аналогии в материалах могильника *Мурзихинский II*. Параллели пролеживают в положении костяков сидя и полусидя, инвентаре, состоящем из наконечников с прямым насадом, орудий на пластинах, костяных острий, бисера и бус [Чижевский 2008: 367–371; Чижевский, Шипилов 2021: 148–153].

Согласно радиоуглеродным датам, полученным непосредственно по материалам грунтового могильника *Максимовка I*, время существования погребений данной группы определяется 4 350–3 710 calBC (68,2 %) или 4 360–3 695 calBC (95,4 %). Радиоуглеродные даты, полученные по костям человека могильников *Максимовка I* и *Мурзихинского II*, близки друг другу. Определения по C14, полученные по орудиям из костей животных и резцам сурка могильника *Максимовка I*, несколько позднее [Королев, Шалапинин 2022: 68]. Следует отметить, что отдельные аналогии в инвентаре описываемого могильника наблюдаются в более ранних энеолитических комплексах лесостепного и степного Поволжья. Так, резцы сурка присутствуют в погребении № 12 поселения *Лебяжинка V* [Васильев, Овчинникова 2000: 219–220; Шишлина и др. 2017: 196–197; Выборнов и др. 2023: 249]. Полусидячее захоронение, погребение «пакетом», резцы сурка, бусины из раковин, охра обнаружены на могильнике *Екатериновский Мыс* [Королев и др. 2018: 40–42; Королев и др. 2020: 160].

Погребения в сидячем положении, инвентарь, состоящий из бус, пронизок, орудий на пластинах, встречены в могильниках хвалынской культуры [Агапов и др. 1990: 46, 51, 121–123, 125; Anthony et al. 2022: 45; Васильев 2003: 82–83; Королев, Ставицкий 2021: 51, 55, 57; Малов 1982: 87; Малов 2008: 119, 124, 126–127; Моргунова 2011: 105, 110].

Специфическая форма наконечников стрел, характерная для набора погребального инвентаря максимовских захоронений, как уже отмечалось в предыдущей публикации памятника, имеет распространение в Волго-Донском междуречье в эпоху раннего металла [Цибин, Шалапинин 2019: 12]. Сидячее погребение обнаружено у с. Старо-Кабаново на р. Белая [Васильев 2004: 50–66]. Находки бусин, резцов сурка, костяные

острия обнаружены в захоронениях Голубая Криница на Дону [Скоробогатов 2022: 169].

Наблюдаются некоторые параллели и в энеолитических погребальных памятниках Днепро-Донского междуречья. На могильнике *Александрия* изучен погребальный комплекс с костяками, у которых фиксировались пробитые черепа [Котова 2003: 91].

На Александровском могильнике на р. Лугань в погребении № 10 скелет располагался не в анатомическом порядке, вверху череп и конечности, под ними — фрагменты таза. Костяк в погребении № 13 указанного могильника находился в сидячей позе и был ориентирован головой на восток [Братченко, Константиnescу 1987: 17, 26].

На могильнике *Игрень* было исследовано скорченное погребение, которое авторы раскопок интерпретировали как сидячее. Костяк еще одного погребения данного памятника находился в расчлененном состоянии [Телегин, Филенко 1982: 85]. Цепочка аналогий позволяет рассматривать захоронения позднего энеолита могильника *Максимовка I* в рамках «степных и лесостепных» погребальных традиций. Не случайно анализ материалов отмеченного ранее *Мурзихинского II* привел автора раскопок этого памятника к выводу о южном влиянии в его формировании [Чижевский 2008: 371; Чижевский, Шипилов 2021: 150].

Культурно-хронологическое определение погребения № 10 осложняется сочетанием таких признаков, как вытянутое на спине положение костяка, северо-западная ориентировка, форма и орнаментация сосуда. Вытянутое положение костяка изредка встречается в лесостепном Поволжье в погребениях позднего бронзового века [Колев, 2003: 101; Кузьмина и др. 2017: 273; Купцова 2016: 33]. В частности оно зафиксировано в расположенном поблизости Съезженском грунтовом могильнике срубной культуры в погребениях №№ 37 и 41 [Колев 2003: 105]. В керамике памятника Ю. И. Колев отметил наличие покровских и синташтинских признаков: раковинную примесь, острореберность, орнаментацию по всей поверхности ряда сосудов [Колев 2003: 107]. Однако, соответствуя в целом этим характеристикам, сосуд из погребения № 10 могильника *Максимовка I* отличается формой и орнаментацией. В то же время приземистые сосуды с выделенным плечиком,

орнаментом по тулову в виде заштрихованных треугольников и «елочки» характерны для потаповского типа [Васильев и др. 1995: 9]. Особенно близка керамика Потаповского курганного могильника, которая нередко украшалась выполненными прочерченными линиями горизонтальными полосами по шейке сосуда, заполненными треугольниками и елочкой по тулову [Васильев и др. 1994: 123, 128]. Отметим также, что костяк из погребения № 8 этого кургана лежал в положении вытянуто на спине [Васильев и др. 1994: 32], а северо-западная ориентировка погребенных является распространенной [Васильев и др. 1994: 108]. Таким образом, приведенные аналогии погребению № 10 могильника *Максимовка I* дают некоторые основания для его связи с памятниками потаповского типа, которые входят в хронологический диапазон XX–XVIII вв. до н. э. [Кузнецов, Мочалов 2012: 53].

Погребение № 7 могильника *Максимовка I* по ориентировке костяка головой на северо-запад, вытянутому положению, наличию инвентаря сопоставимо с первой обрядовой группой эпохи средневековья грунтового могильника *Максимовка I* [Королев, Шалапинин 2023а: 155] и может датироваться XIV в. н. э. Особенно близки данному комплексу материалы могильников на дюнах из бассейна р. Самара, к которым относятся памятники «Большой Шихан», у сел Виловатое, Максимовка, Старая Ел-

шанка [Васильева 1979: 220–230; Васильева 2000: 293–346].

Культурно-хронологическая атрибуция разрушенного погребения № 6 остается неопределенной.

Сложно установить также связь с выявленными группами материалов памятника и датировку сооружения № 1 ввиду отсутствия в его заполнении находок. Однако стратиграфические данные позволяют предположить, что оно датируется временем, которое предшествует XIV в. н. э.

4. Выводы

В результате раскопок грунтового могильника *Максимовка I* были получены разнокультурные и разновременные материалы. Культурный слой содержал материалы неолита, энеолита, эпохи бронзы и XIX – начала XX в. В 2019 г. на памятнике было изучено шесть захоронений и частично исследовано одно сооружение. Три погребения относятся к позднему энеолиту, одно — к эпохе бронзы и одно — к золотоордынскому времени. Культурно-хронологическое положение еще одного захоронения не определено. Позднеэнеолитические погребения датируются 4 350–3 710 calBC (68,2 %). Комплекс эпохи бронзы допустимо отнести к XX–XVIII вв. до н. э. Время средневекового захоронения определяется XIV в. н. э.

Литература

- Агапов и др. 1990 — Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовск. ун-т, 1990. 160 с.
- Братченко, Константиnescу 1987 — Братченко С. Н., Константиnescу Л. Ф. Александровский могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 17–31.
- Васильева 1979 — Васильева И. Н. Погребения кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 202–240.
- Васильева 2000 — Васильева И. Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 293–346.
- Васильев и др. 1994 — Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарск. ун-т, 1994. 208 с.
- Васильев и др. 1995 — Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.): Самара: СГПУ, 1995. С. 5–37.
- Васильев 2003 — Васильев И. Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 61–99.
- Васильев 2004 — Васильев И. Б. Погребение в «позе сидя» у с. Старо-Кабаново в Башкирии // Вопросы Археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Самарский ун-т, 2004. С. 50–66.
- Васильев, Овчинникова 2000 — Васильев И. Б., Овчинникова Н. В. Энеолит // История Са-

- марского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 216–277.
- Выборнов и др. 2023 — *Выборнов А. А., Лебедева (Овчинникова) Н. В., Овчинников А. Ю., Хохлов А. А.* Обзор погребальных памятников неолита и энеолита лесостепного Волго-Уралья в контексте радиоуглеродных дат // Прочнее меди. Сборник статей. Кишинэу: Stratum Plus. 2023. С. 243–258.
- Колев 2003 — *Колев Ю. И.* Грунтовый могильник срубной культуры *Съезжее II* // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СГПУ, 2003. С. 88–111.
- Королев и др. 2018 — *Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А.* Результаты новых исследований могильника *Екатериновский мыс* // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Мат-лы Всеросс. науч.- конф. с междунар. участием. Самара: СГСПУ, Порто-принт, 2018. С. 40–42.
- Королев и др. 2020 — *Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А.* Могильник *Екатериновский мыс* как источник изучения энеолита Восточной Европы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 тт. Т. 1. Самара: СГСПУ, 2020. С. 159–161.
- Королев и др. 2021 — *Королев А. И., Мышкин В. Н., Шалапинин А. А.* Результаты работ на грунтовом могильнике *Максимовка I* в лесостепном Поволжье в 2018 г. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 515–530. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-515-530
- Королев, Ставицкий 2021 — *Королев А. И., Ставицкий В. В.* Хвалынская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 тт. Т. 2: Энеолит и бронзовый век. Казань: АН РТ, 2021. С. 40–60.
- Королев, Шалапинин 2022 — *Королев А. И., Шалапинин А. А.* Хронология и периодизация энеолитических погребений грунтового могильника *Максимовка* // XXII Уральское археологическое совещание: мат-лы Всеросс. науч. конф. Курган: Курганск. гос. ун-т, 2022. С. 68.
- Королев, Шалапинин 2023а — *Королев А. И., Шалапинин А. А.* Грунтовый могильник и селище *Максимовка I* в лесостепном Поволжье (результаты исследований в 2020 г.) // Прочнее меди. Сборник статей. Кишинэу: Stratum Plus. 2023. С. 137–157.
- Королев, Шалапинин 2023б — *Королев А. И., Шалапинин А. А.* Скорченные погребения грунтового могильника *Максимовка I* эпохи энеолита // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 314–327. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.1.314.327
- Котова 2003 — *Котова Н. С.* Энеолитические материалы поселения и могильника у хутора Александрия на реке Оскол // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск: СЧУ им В. Даля, 2003. С. 78–91.
- Кузнецов, Мочалов 2012 — *Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д.* Потаповские комплексы курганов могильника *Грачевка II* // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара: Мин-во культуры Самарской области, 2012. С. 37–82.
- Кузьмина и др. 2017 — *Кузьмина О. В., Колев Ю. И., Ластовский А. А., Турецкий М. А.* Материалы эпохи бронзы поселения *Лебяжinka V* // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара: Книжное издательство, 2017. С. 124–278.
- Купцова 2016 — *Купцова Л. В.* Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2016. 256 с.
- Малов 1982 — *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 82–94.
- Малов 2008 — *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов: Научная книга, 2008. С. 32–134.
- Моргунова 2011 — *Моргунова Н. Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Скоробогатов 2022 — *Скоробогатов А. М.* Голубая Криница — грунтовый могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 165–173. DOI: 10.55355/snv2022111203
- Телегин, Филенко 1982 — *Телегин Д. Я., Филенко О. С.* Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье // Советская археология. 1982. № 1. С. 80–87.
- Цибин, Шалапинин 2019 — *Цибин В. А., Шалапинин А. А.* Погребение эпохи энеолита грунтового могильника *Максимовка I* из Самарского Заволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4:

- История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 6–16.
- Чижевский 2008 — Чижевский А. А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.
- Чижевский, Шипилов 2021 — Чижевский А. А., Шипилов А. В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // Археология Волго-Уралья. В 7 тт. Т. 2: Энеолит и бронзовый век. Казань: АН РТ, 2021. С. 140–163.
- Шалапинин и др. 2022 — Шалапинин А. А., Королев А. И., Григорьев А. П., Григорьева И. М., Трофимов А. Г. Раскопки грунтового могильника Максимовка I в Богатовском районе Самарской области в 2021 году // Археологические открытия в Самарской области 2021 года. Самара: СОИМК им. П. В. Алабина, 2022. С. 14–16.
- Шишлина и др. 2017 — Шишлина Н. И., Турецкий М. А., ван дер Плихт Й. Радиоуглеродное датирование образцов из могильника Лебяжinka V эпохи энеолита: верификация и интерпретация данных // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 196–202.
- Anthony et al. 2022 — Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // *Præhistorische Zeitschrift*. 2022. Vol. 97(1). Pp. 22–67.
- on Eneolithic Eastern Europe. In: Derevyanko A. P. et al. (eds.) Sixth (Twenty Second) National Archaeological Congress in Samara. Proceedings. In 3 vol. Vol. 1. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 2020. Pp. 159–161. (In Russ.)
- Korolev A. I., Myshkin V. N., Shalapinin A. A. Results of the 2018 archaeological investigation at the burial ground of Maksimovka I in the forest-steppe Volga region. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 3. Pp. 515–530. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-515-530
- Korolev A. I., Shalapinin A. A. Bent burials at Maksimovka I Eneolithic burial ground. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2023. No. 1. Pp. 314–327. (In Russ.) DOI: 10.24852/2587-6112.2023.1.314.327
- Korolev A. I., Shalapinin A. A. The burial ground and Maksimovka I settlement in the forest-steppe Volga region (Results of the research 2020). In: Dergacheva L. V. et al. (eds.) *Aere Perennius. More Lasting Than Bronze*. Collected articles. Kishinev: Stratum Plus. 2023. Pp. 137–157. (In Russ.)
- Korolev A. I., Shalapinin A. A. The subsoil burial ground of Maksimovka: Chronology and periodization of Eneolithic graves. In: Twenty First Ural Archaeological Conference. Proceedings. Kurgan: Kurgan State University, 2022. P. 68. (In Russ.)
- Korolev A. I., Stavitsky V. V. Khvalynsk culture. In: Sitdikov A. G., Chizhevsky A. A. (eds.) *Archaeology of the Volga-Urals*. In 7 vols. Vol. 2: The Eneolithic and Bronze Age. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2021. Pp. 40–60. (In Russ.)
- Kotova N. S. Alexandria khutor on the Oskol River: Examining some Eneolithic settlement and burial finds. In: *Materials and Studies in the*
- References**
- Agapov S. A., Vasilyev I. B., Pestrikova V. I. The Eneolithic Grave Field of Khvalynsk. Saratov: Saratov State University, 1990. 160 p. (In Russ.)
- Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River. *Præhistorische Zeitschrift*. 2022. Vol. 97. No. 1. Pp. 22–67. (In Eng.)
- Bratchenko S. N., Constantinescu L. F. Aleksandrovsky grave field. In: *Prehistoric Steppe Herders of South Ukraine*. Kiev: Naukova Dumka, 1987. Pp. 17–31. (In Russ.)
- Chizhevsky A. A. Eneolithic burials of the Murzikha II grave field. In: Second (Eighteen) National Archaeological Congress in Suzdal. Proceedings. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2008. Pp. 367–371. (In Russ.)
- Chizhevsky A. A., Shipilov A. V. Early Eneolithic burials from the confluence of the Rivers Kama and Volga. In: Sitdikov A. G., Chizhevsky A. A. (eds.) *Archaeology of the Volga-Urals*. In 7 vols. Vol. 2: The Eneolithic and Bronze Age. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2021. Pp. 140–163. (In Russ.)
- Kolev Yu. I. The Srubnaya subsoil burial ground of Syezzhee II. In: *Material Culture of the Bronze Age Samara River Basin*. Samara: Samara State Pedagogical University, 2003. Pp. 88–111. (In Russ.)
- Korolev A. I., Kochkina A. F., Stashenkov D. A. Yekaterinovskiy Mys grave field: Results of latest investigations. In: Vy bornov A. A. et al. (eds.) *Twenty First Ural Archaeological Conference*. Proceedings. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, Porto-Print, 2018. Pp. 40–42. (In Russ.)
- Korolev A. I., Kochkina A. F., Stashenkov D. A. Yekaterinovskiy Mys grave field as a source

- Archaeology of Eastern Ukraine. Lugansk: East Ukrainian Dahl National University, 2003. Pp. 78–91. (In Russ.)
- Kuptsova L. V. Srubnaya Culture in the Orenburg Cis-Urals: A Study of Burial Sites. Cand. Sc. (history) thesis. Orenburg, 2016. 256 p. (In Russ.)
- Kuzmina O. V., Kolev Yu. I., Lastovsky A. A., Turetsky M. A. Bronze Age finds from the Lebyazhinka V settlement. In: Issues of the Volga Region's Archaeology. Vol. 6. Samara: Knizhnoe Izdatelstvo, 2017. Pp. 124–278. (In Russ.)
- Kuznetsov P. F., Mochalov O. D. Potapovka-type kurgans of the Grachevka II grave field. In: Turetsky M. A. (ed.) The Age of Bronze. The Era of Heroes: Investigating Burial Sites of Samara Oblast. Samara: Samara Oblast Ministry of Culture, 2012. Pp. 37–82. (In Russ.)
- Malov N. M. Khlopkovo burial ground and historiography of the Eneolithic in the Lower Volga. In: Archaeology of Eastern European Steppes. Vol. 6. Saratov: Nauchnaya Kniga, 2008. Pp. 32–134. (In Russ.)
- Malov N. M. Khlopkovo burial ground and its role in the Eneolithic of the Volga Region: Excavations of 1977–1978. In: Volga-Ural Steppes and Forest-Steppes in the Early Iron Age. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1982. Pp. 82–94. (In Russ.)
- Morgunova N. L. The Eneolithic of the Volga-Ural Interfluve. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2011. 220 p. (In Russ.)
- Shalapinin A. A., Korolev A. I., Grigoryev A. P., Grigoryeva I. M., Trofimov A. G. The subsoil grave field of Maksimovka I (Bogatovsky District, Samara Oblast): Excavations of 2021. In: Stashenkov D. A., Kochkina A. F. (eds.) Samara Oblast: Archaeological Discoveries of 2021. Samara: Alabin Samara Oblast Museum of Local History and Lore, 2022. Pp. 14–16. (In Russ.)
- Shishlina N. I., Turetsky M. A., van der Plicht J. AMS-radiocarbon dating of samples from the Middle Volga Eneolithic burial ground Lebyazhinka V: Data verification and interpretation. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 19. No. 3. Pp. 196–202. (In Russ.)
- Skorobogatov A. M. Golubaya Krinita — soil burial ground of the Mariupol type on the Middle Don. *Samara Journal of Science*. 2022. Vol. 11. No. 1. Pp. 165–173. (In Russ.) DOI: 10.55355/snv2022111203
- Telegin D. Ya., Filenko O. S. About one Sredny Stog burial ground in the Upper Dnieper. *Sovetskaya arkheologiya*. 1982. No. 1. Pp. 80–87. (In Russ.)
- Tsibin V. A., Shalapinin A. A. The Eneolithic burial of Maksimovka I soil burial ground from the Samara Trans-Volga Region. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 6–16. (In Russ.)
- Vasilyev I. B. A seated burial near Staro-Kabanovo (Bashkortostan). In: Issues of Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Samara: Samara State University, 2004. Pp. 50–66. (In Russ.)
- Vasilyev I. B. Khvalynsk Eneolithic culture of the Volga-Ural steppes and forest steppes. In: Issues of the Volga Region's Archaeology. Vol. 3. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2003. Pp. 61–99. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Kuznetsov P. F., Semenova A. P. Potapovka-type sites of the Volga forest-steppes: A concept note. In: Ancient Indo-Iranian Cultures of the Volga-Urals, Second Millennium BCE. Samara: Samara State Pedagogical University, 1995. Pp. 5–37. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Kuznetsov P. F., Semenova A. P. The Mound Grave Field of Potapovka: Indo-Iranians on the Volga. Samara: Samara State University, 1994. 208 p. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Ovchinnikova N. V. Eneolithic. In: History of Samara Volga Region from Earliest Times to Present Days. Stone Age. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 216–277. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. Nomadic burials in Kuybyshev Volga territories. In: Prehistory of the Volga Region. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1979. Pp. 202–240. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. Samara Volga lands in the Golden Horde era. In: History of Samara Volga Region from Earliest Times to Present Days. Early Iron Age and Middle Ages. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 293–346. (In Russ.)
- Vybornov A. A., Lebedeva (Ovchinnikova) N. V., Ovchinnikov A. Yu., Khokhlov A. A. Radiocarbon dates of Neolithic and Eneolithic funerary monuments in the Volga-Ural forest-steppe region. In: Dergacheva L. V. et al. (eds.) Aere Perennius. More Lasting Than Bronze. Collected articles. Kishinev: Stratum Plus, 2023. Pp. 243–258. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 110–122, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-110-122

Новые данные о стоянке *Комбак-тэ* в Северном Прикаспии

Александр Алексеевич Выборнов¹, Наталья Сергеевна Дога²

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-3893-2933. E-mail: vibornov_kin[at]mail.ru

² Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

старший преподаватель

 0000-0003-0551-4345. E-mail: natalidoga[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Выборнов А. А., Дога Н. С., 2024

Аннотация. *Введение.* В работе рассматриваются каменные артефакты опорного памятника энеолита на территории Северного Прикаспия. Специалисты относят его к хвалынской культуре. Каменные индустрии сохраняют свое значение для характеристики культур и в эпоху раннего металла. *Целью* работы является определение культурной принадлежности каменного инвентаря стоянки *Комбак-тэ*. *Задачами* статьи стали характеристика различных групп каменного инвентаря и их культурная атрибуция. *Материалы и методы.* Фактологической основой публикации являются находки третьей по значимости стоянки хвалынской культуры *Комбак-тэ*. Ее изучение велось в 1989 г., но опубликовано только описание керамики. В статье впервые вводятся в научный оборот и анализируются каменные артефакты данного памятника. В процессе исследования применялись типологический и радиоуглеродный методы. *Результаты.* Благодаря предварительному типологическому анализу керамического инвентаря выявлены его различные культурно-хронологические группы. Это позволило более скрупулезно классифицировать каменный инвентарь. Техничко-типологические признаки дают основания для выделения комплексов прикаспийской и хвалынской культур. Выявленные различия проявляются в сырье для изготовления орудий труда (кварцит и кремнь), технологии получения заготовок для артефактов, категорий и типов изделий. *Выводы.* В результате всестороннего рассмотрения каменных артефактов стоянки *Комбак-тэ* определена их разнокультурная и разновременная принадлежность. Помимо изделий хвалынского типа, выявлен и компонент прикаспийской культуры. Устанавливаются характерные и специфические признаки сырьевой основы, технологии первичного раскалывания и вторичной обработки, а также различных орудийный ассортимент. Имеющиеся радиоуглеродные определения подтверждают более древний характер последней.

Ключевые слова: Северный Прикаспий, хвалынская и прикаспийская культуры, каменный инвентарь, технико-типологический анализ, радиоуглеродные даты

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Трансформация культур позднего неолита – энеолита Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» (№ 24 -28-00103, <https://rscf.ru/project/24-28-00103/>).

Для цитирования: Выборнов А. А., Дога Н. С. Новые данные о стоянке *Комбак-те* в Северном Прикаспии // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 110–122. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-110-122

The Site of *Kombak-te* (Northern Caspian): Some New Data

Aleksandr A. Vybornov¹, Natalya S. Doga²

¹ Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, M. Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-3893-2933. E-mail: vibornov_kin[at]mail.ru

² Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, M. Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Senior Lecturer

 0000-0003-0551-4345. E-mail: natalidoga[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Vybornov A. A., Doga N. S., 2024

Abstract. Introduction. The article examines stone artifacts from a Northern Caspian Eneolithic site of the Khvalynsk culture. Stone tool industries also serve to characterize Early Metal Age cultures. **Goals.** The work seeks to determine the cultural affiliation of stone implements from the site of *Kombak-te*. To facilitate this, the paper shall analyze a variety of such stone implements and their groups. **Materials and methods.** The publication focuses on finds from the third major Khvalynsk site of *Kombak-te*. The latter was investigated in 1989 but only some pottery data were published. The article is the first to introduce into scientific circulation and analyze stone artifacts excavated on the site. The study employs the typological and radiocarbon dating methods. **Results.** Our preliminary typological analysis of pottery yielded a number of cultural/chronological groups, which made it possible to classify the stone artifacts in greater detail. The technical and typological features serve a basis for distinguishing between items representing the Caspian and Khvalynsk cultures. The identified differences are manifested in the involved source materials (quartzite and flint), blank manufacturing techniques, categories and types of the implements. **Conclusions.** The comprehensive insights attest to the stone artifacts of *Kombak-te* come from different cultures and eras. So, Khvalynsk-type items are paralleled by some of the Caspian culture. The paper identifies some characteristic and specific properties of source materials, primary splitting and subsequent processing techniques, describes various tools. The available radiocarbon determinations confirm those of the Caspian culture are more ancient.

Keywords: North Caspian Sea region, Khvalynsk and Caspian cultures, ceramics, technic and technological analysis, radiocarbon dates, chronology

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24 -28-00103 ‘Transformation of Late Neolithic and Eneolithic Cultures in the Lower Volga: An Interdisciplinary Approach’. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-00103/>.

For citation: Vybornov A. A., Doga N. S. . The Site of *Kombak-te* (Northern Caspian): Some New Data. *Oriental Studies*; 17(1): 110–122. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-110-122

1. Введение

Северный Прикаспий привлекает внимание исследователей особенно по эпохе раннего металла, когда здесь появляются самобытные культуры с элементами произво-

дящего хозяйства. Их установление не только в хвалынской, но и в прикаспийской культуре [Выборнов и др. 2019] поставило перед специалистами задачу выявления источника происхождения. Для этого необходимо ос-

новываться не только на сравнении керамических комплексов, но и каменного инвентаря, который и в энеолите не утратил своего значения как важный компонент для определения культуры. Так, ученые констатируют не только характерные для хвалынской культуры типы наконечников стрел, но и своеобразную технику получения заготовок (усиленный отжим) [Горащук 2003: 118–120, 123–124].

Для разработки поставленной задачи необходима достоверная источниковая база. В Северном Прикаспии исследовано три памятника хвалынской культуры, которые стали опорными. Но если стоянки *Кара-худук* [Барынкин, Васильев 1988] и *Каир-шак VI* [Барынкин 1989] введены в научный оборот достаточно полно, то третий комплекс — *Комбак-тэ* — представлен публикациями только керамического инвентаря [Васильев 2003: 92; Барынкин 2010: 152]. Что касается каменного инвентаря, то информация о нем частично включена в общую характеристику энеолитической индустрии [Барынкин 1992: 14–15]. Исследователь уточняет, что на стоянке представлены пластины с притупленным краем. Однако их принадлежность именно к хвалынскому комплексу была весьма условна. Дело в том, что на иллюстрациях керамики представлены не только фрагменты, которые с полной уверенностью можно отнести к этой культуре. Поэтому была предпринята повторная попытка по культурно-хронологической интерпретации материалов памятника. В результате удалось определить посуду не только хвалынского, но и прикаспийского типа, неолита, а также репинской и катакомбной культур эпохи бронзы [Выборнов и др. 2016: 20–24]. Именно это разнообразие и дало основание предполагать и неоднородность каменного инвентаря стоянки. Поэтому целью данной статьи является ввод в научный оборот двух комплексов, которые допустимо отнести к прикаспийской и хвалынской культурам. Для этого решалось несколько задач: разделение материалов по сырью на группы, анализ технико-типологических характеристик этих групп, обоснование культурной принадлежности их артефактов, определение хронологического соотношения прикаспийской и хвалынской групп. Итоги проделанной работы будут обладать научной новизной.

2. Материалы и методы исследования

Стоянка *Комбак-тэ* находится в 200 км к востоку от станции Досанг Красноярского района, на границе Астраханской и Атырауской (Гурьевской) областей. Памятник расположен на южной оконечности урочища Истай, недалеко от стоянки *Куртуже-молла*, где также представлена керамика прикаспийского, хвалынского и синкретичного типов.

А. Н. Мелентьев выделял две группы памятников прикаспийской культуры: первая (стоянка *Кок-Мурун V*) содержит инвентарь, изготовленный только из кварцита, а вторая (*Шошак III* в урочище Кошалак) — кремнево-кварцитовый [Мелентьев 1976: 13].

Судя по описанию признаков керамики второй группы, она сближается с катакомбно-полтавкинской. Поэтому нельзя исключать механическое смешение разновременных находок. Комплексы с хвалынскими сосудами и каменными артефактами не упоминаются. Автор отмечает, что, несмотря на доминанту кварцитового сырья, у носителей прикаспийской культуры от раннего неолита сохранились приемы обработки микролитовидных вкладышевых пластинок из кремня. В данном случае следует быть осторожным, так как гомогенных слоев сероглазовской культуры в тот период обнаружено не было. Стоянки были многокомплексными, и А. Н. Мелентьев включал в их каменную индустрию двустороннеобработанные наконечники стрел типа «рыбки» и пластины «с высокой спинкой», обработанные вкруговую крутой ретушью [Мелентьев 1975: 113–114]. Не случайно, что исследователи в тот период относили к прикаспийским каменным комплексам преимущественно концевые скребки на крупных пластинах [Васильев 1981: 14]. По мере проведения раскопок памятников прикаспийской [Барынкин, Васильев 1985] и хвалынской [Барынкин, Васильев 1988; Барынкин 1989] культур ситуация значительно изменилась. Это позволило достаточно четко охарактеризовать каменную индустрию последней [Барынкин 1992: 11–15]. Исследователями на данном памятнике были выделены вкладыши — как из кремня, так и кварцита [Барынкин, Козин 1998: 73].

Дальнейшие работы на стратифицированной стоянке *Орошаемое* в Нижнем Поволжье, где был исследован гомогенный

слой прикаспийской культуры, дал основания охарактеризовать более четко ее каменную индустрию [Юдин 2005: 165; Дога 2023: 271–279].

Анализ коллекции стоянки *Комбак-тэ* исходил не только из учета разновременной и разнокультурной керамики, но и сырья, из которого были сделаны каменные артефакты. Так, представлены конический нуклеус и обломок параллелограмма, изготовленные из кремня светло-коричневого цвета, характерного для мезолитических комплексов жекалганского типа. Поэтому, исходя из имеющихся данных о том, что в каменном инвентаре прикаспийской культуры доминирует кварцит, а в хвалынской — кремень, характеристика будет представлена именно из различий сырьевой базы.

Всего изделий из кремня насчитывается 117 экземпляров. Отщепы, сколы и аморфные куски хвалынской культуры характеризуются кремнем темно-серого (55 экз.) и светло-серого (молочного) цвета (20 экз.). Обнаружено два ребристых скола с нуклеуса и два поперечных скола из серого кремня. Имеется один нуклеус для снятия пластин (рис. 4: 14).

Из кремня светло-серого и темно-серого цветов выполнено 3 наконечника. Они имеют треугольную форму и выемку в основании, что присуще именно хвалынскому типу (рис. 2: 1–3).

Всего имеется 12 скребков из кремня преимущественно матового светло-серого (молочного) цветов. Все они концевой типа. Представлен скребок, сочетающий в себе данное сырье с прозрачным темно-серым (рис. 1: 5). На пластинах изготовлено 5 скребков (рис. 1: 3, 10), 2 экз. на массивных сколах (рис. 1: 4) и 3 экз. на отщепах (рис. 1: 2, 11). Их толщина колеблется от 0,3 до 0,8 см, а ширина — от 1,1 см до 2,2 см. Почти все они имеют округлый рабочий край. Выделяется скребок на длинной пластине, у которого обе продольные грани имеют крутую ретушь (рис. 1: 1). Еще у четырех скребков на крупных пластинах ретушь так же далеко заходит на спинку (рис. 1: 6–9). У одного экземпляра рабочее лезвие сделано не крутой скребковой, а пологой ретушью (рис. 1: 8). Имеется еще один скребок с особенностью, которая заключается в использовании узкополосчатого яшмовидного сырья (рис. 1: 2).

Кроме того, представлены 3 симметричных острия, 2 из которых на пластинах (рис. 1: 14, 15), а один на массивном сколе (рис. 1: 16). Они сделаны из разного сырья: первый из кремня прозрачного темно-серого цвета, второй матовый светло-серый, а третий из узкополосчатого сырья. В отличие от двух предыдущих, на продольных гранях последнего нанесена далеко заходящая на спинку ретушь. Кроме того, у него пологая ретушь нанесена на одной продольной грани брюшка.

Представлено 6 прямолезвийных ножей, 4 из которых выполнены на сколах (рис. 1: 13, 20), а 2 — на пластинах (рис. 1: 12). Все они, за исключением одного, имеют ретушь по обоим граням.

Десять ножевидных пластин без ретуши, семь — верхние части и три срединные. Семь пластин достаточно узкие.

Еще две верхние части пластин сделаны из кремня темно-серого цвета. Они происходят от двух сработанных нуклеусов, предназначенных для снятия пластин. Из этого же сорта кремня сделаны два перфоратора с плечиками на ножевидных пластинах (рис. 1: 17–18). Из сходного сырья выполнен еще один перфоратор с одним плечом (рис. 1: 19).

К вкладышам можно отнести срединную часть пластины с мелкой притупляющей ретушью по одной грани (рис. 2: 9). Две пластины из одинакового темно-серого кремня имеют на продольных гранях мелкую притупляющую ретушь. Один из них является нижней частью пластины с ныряющим концом (рис. 2: 11), а второй (на срединной части) вполне может быть интерпретирован как вкладыш (рис. 2: 10). Еще одна срединная часть узкой ножевидной пластины имеет по боковым граням ретушь утилизации (рис. 2: 12). Этот артефакт изготовлен из прозрачного кремня темно-серого цвета. Можно отнести к вкладышам и микропластинку с притупляющей ретушью по одной продольной грани (рис. 2: 14).

Ко второй группе отнесены артефакты, сделанные из кварцита. Их 200 экземпляров. Обнаружен нуклеус для снятия отщепов (рис. 4: 13). Еще один нуклеидный скол на поверхности несет негативы отщепов. Весьма примечательно, что на стоянках *Кара-худук* и *Каир-шак VI* обнаружены нуклеусы и ребристые сколы с них только

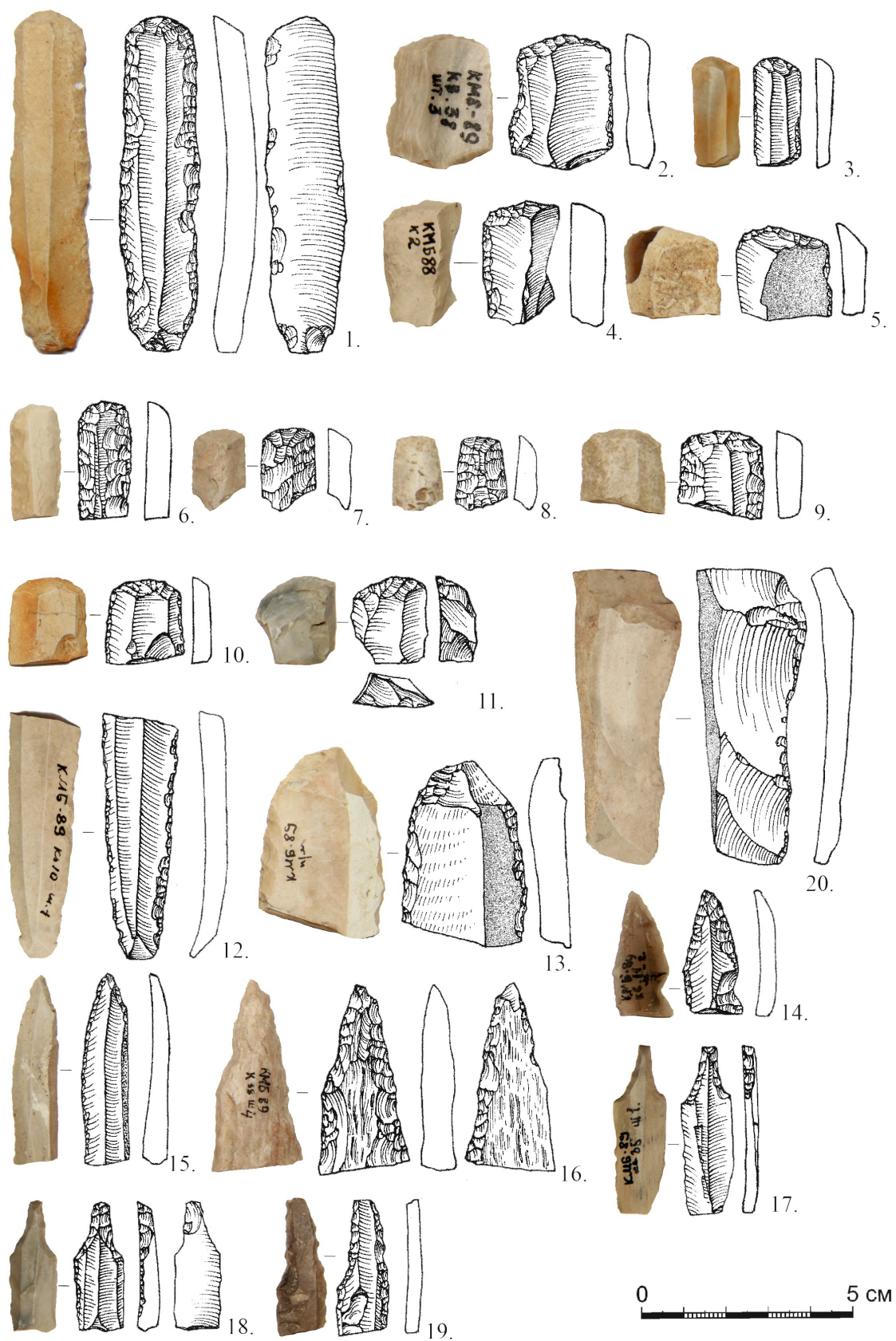

Рис. 1. Кремневый комплекс стоянки Комбак-тэ
[Fig. 1. Flint items, Kombak-te]

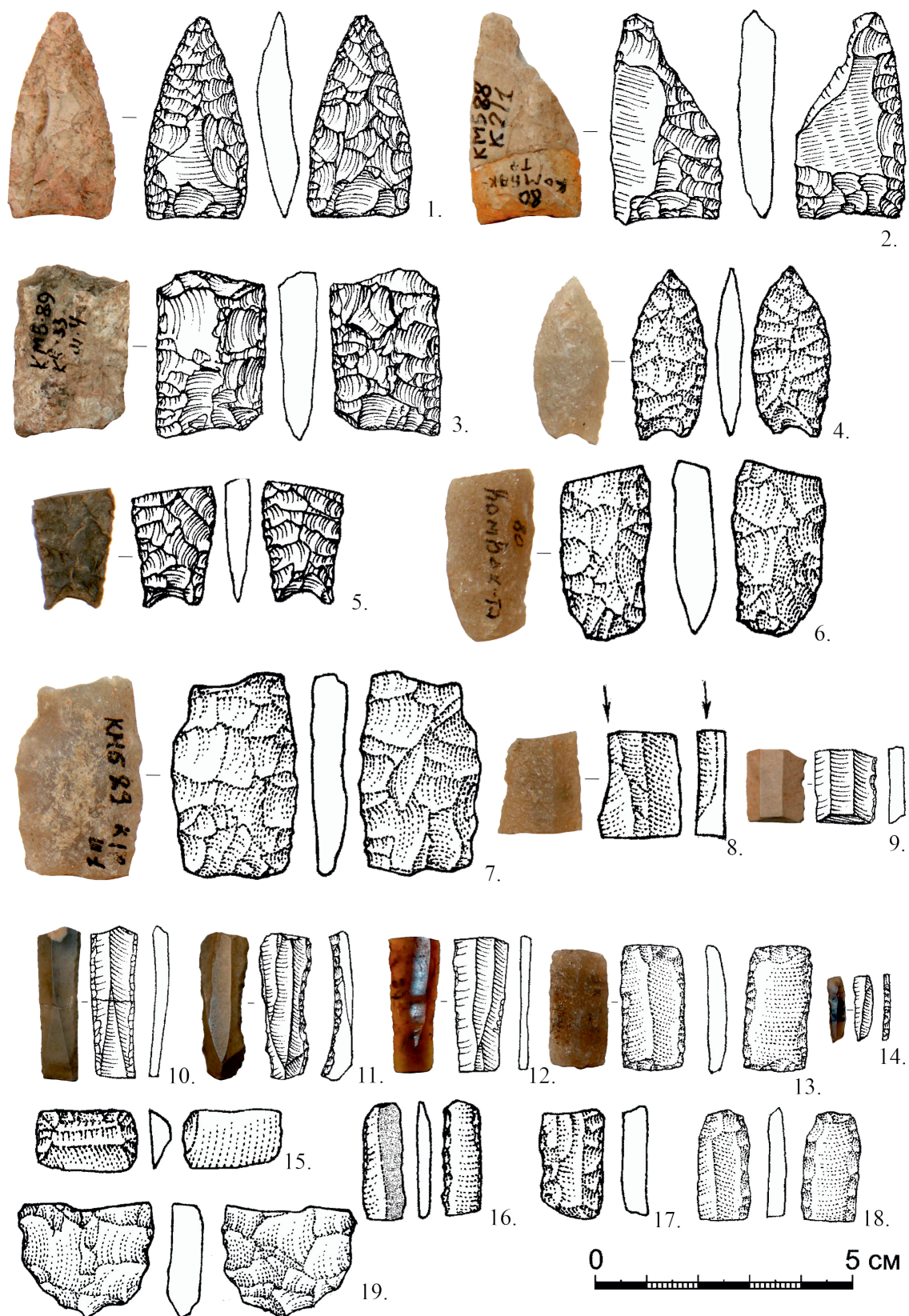

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки *Комбак-те*: 1–3, 5, 9–12, 14 — кремнь;
4, 6–8, 13, 16–19 — кварцит)

[Fig. 2. Stone implements, *Kombak-te*: 1–3, 5, 9–12, 14 — flint; 4, 6–8, 13, 16–19 — quartzite]

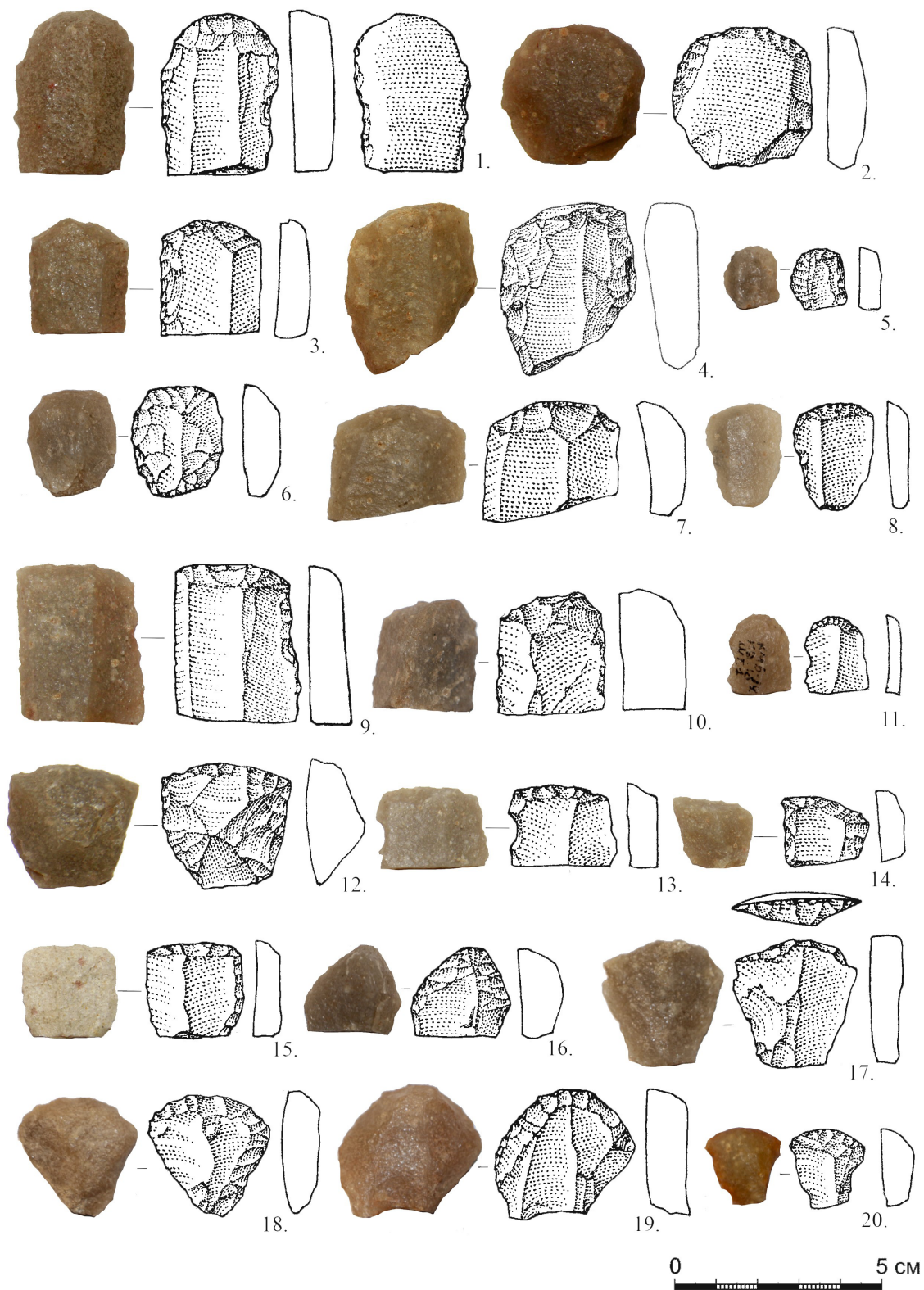

Рис. 3. Кварцитовые скребки стоянки Комбак-тэ
[Fig. 3. Quartzite scrapers, Kombak-te]

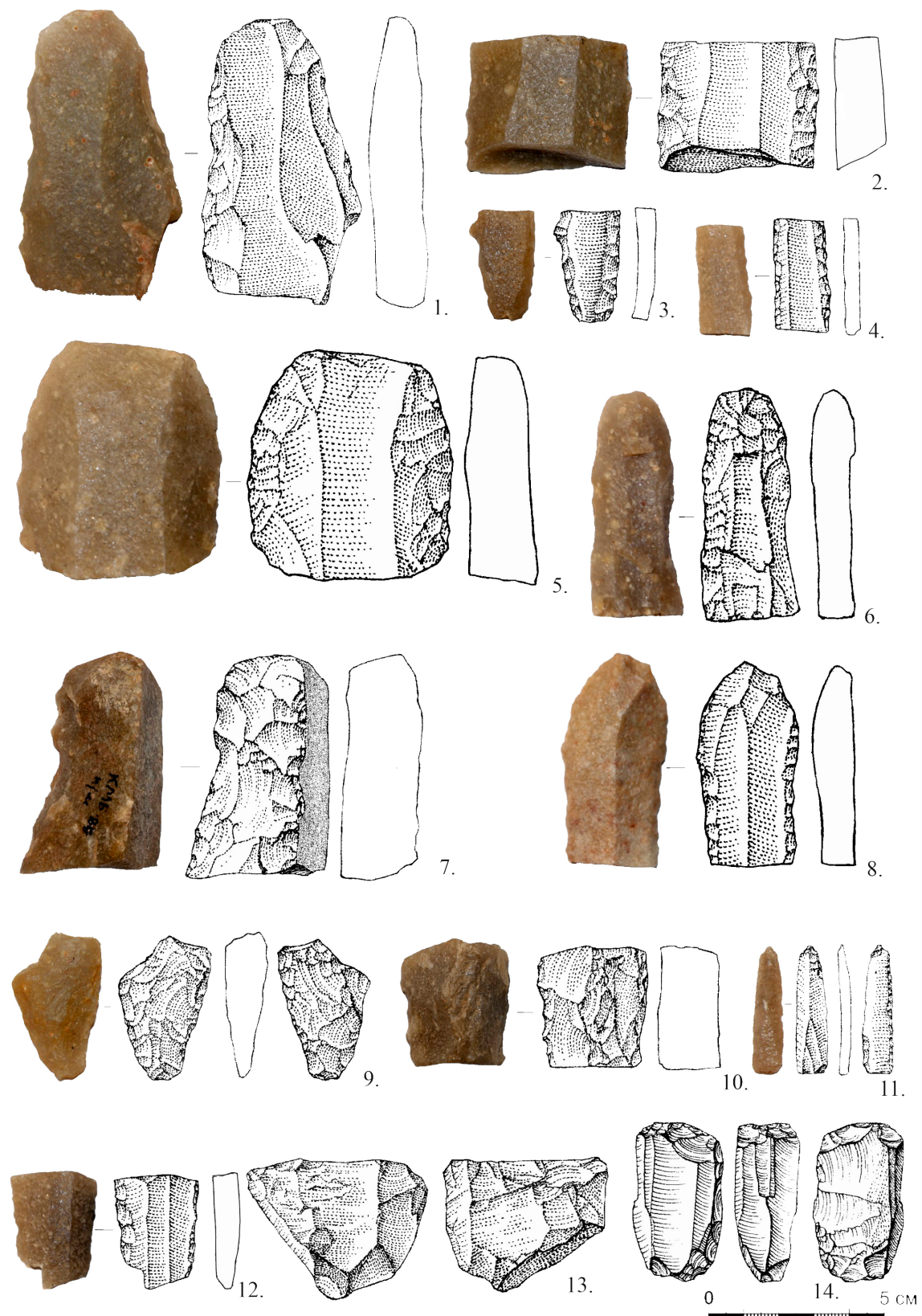

Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки *Комбак-те*: кварцитовые орудия труда (1–13); кремневый нуклеус — 14

[Fig. 4. Stone implements, *Kombak-te*: quartzite tools (1–13); flint core — 14]

из кварцита. Имеется также кусок со следами скалывания, часть поверхности покрыта коркой. Присутствуют два ребристых скола, один из них имеет ретушь по одной грани. Обнаружена нижняя часть небольшого нуклеуса с негативами снятия пластин.

Почти все отщепы (51 экз.) являются отходами производства, так как они короткие и тонкие, а орудия на отщепах длинные и массивные. Осколков — 33 экз. В комплексе присутствуют 24 чешуйки. Обнаружено 5 обломков орудий на отщепах, содержащих сребковую или пологую ретушь.

Ножевидных пластин без ретуши представлено 20 экз. По ширине они варьируются от 1,1 см до 2,9 см. Но следует отметить, что преобладают 1,4–1,6 см, а остальные представлены единичными экземплярами. По толщине они распределяются от 0,3 см до 0,7 см, преобладая на 0,5–0,4 см. 7 экз. — верхние части, 9 экз. — средние и 4 нижних.

Представлено 36 скребков. Заготовками для них служили массивные сколы (их толщина от 1,1 см до 1,4 см, а ширина — от 1,8 см до 3,2 см), отщепы (толщина от 0,5 см до 0,9 см и ширина от 1,7 см до 3,0 см), крупных (толщина 0,7–0,8 см и ширина от 2,0 см до 2,5 см) и средних (толщина от 0,3 до 0,6 см и ширина от 1,2 см до 1,7 см) пластины. Из них 16 экземпляров с округлым рабочим краем. Пять скребков выполнены на массивных сколах (рис. 3: 4, 7, 10), 8 экз. на отщепах (рис. 3: 2, 5, 6, 12, 14, 19), 2 экз. на пластинчатых отщепах (рис. 3: 8) и 2 на пластинах (рис. 3: 11, 15). Девять экземпляров несут ретушь на спинке с одной или обеих сторон (рис. 3: 1, 3, 5, 6, 9). Восемь скребков с прямым рабочим краем, два из них на массивных сколах (рис. 3: 9, 13), два на крупной пластине (рис. 3: 15) и два — на отщепе (рис. 3: 13). Четыре скребка несут ретушь по обоим продольным граням. Также выделено 6 экз. со скошенным рабочим краем (рис. 3: 10, 14), 2 экз. из них на массивных сколах (рис. 3: 10), 1 экз. на крупной пластине и 2 экз. на обломках, 1 экз. — на отщепе. У 4 экз. ретушь нанесена по одной или двум граням. На отщепах выполнено 4 скребка веерной формы (рис. 3: 17, 18, 20), 1 экз. имеет ретушь по боковой грани. Также выделен скребок стрелчатой формы на массивном сколе (рис. 3: 16).

Выделено 19 ножей. Заготовками для них служили массивные сколы (толщи-

на от 1,0 см до 1,9 см, а ширина от 3,0 см до 4,5 см) (рис. 4: 1–2, 5, 7, 10) крупные (толщина — 0,7 см и ширина — от 2,0 до 2,6 см) (рис. 4: 6–7, 12) и средние (толщина от 0,4 см до 0,8 см, ширина 1,5–1,6 см) (рис. 4: 3–4) пластины. Семнадцать из них прямолезвийные (рис. 4: 1–2, 5, 6, 8), и 1 экз. с двумя рабочими расходящимися сторонами. На массивных сколах изготовлено 9 экз., еще 6 экз. на пластинах (3 крупные), 2 экз. на пластинчатых отщепах и 1 — на массивном треугольном отщепе. Ретушь нанесена либо с одной, либо по обоим продольным граням (рис. 4: 1–8). Она притупляющая (рис. 4: 1–2), краевая (рис. 4: 4) либо далеко заходящая на спинку (рис. 4: 5). Кроме того, обнаружен нож со сплошной двусторонней ретушью (рис. 2: 19).

Выделено 2 целых острия симметричной формы и один обломок. Целые острия выполнены на пластинах. У одного из них мелкая пологая ретушь расположена по обоим продольным граням брюшка, а у второго острия мелкой крутой ретушью частично подработано перо и основание (рис. 4: 11).

У одного обломка наконечника, с двусторонней ретушировкой, отсутствует верхняя часть. Основание также имеет повреждения (рис. 2: 7). Второй двустороннеобработанный наконечник также обломан в верхней части, а нижнее основание скошено (рис. 2: 6). Еще один экземпляр с двусторонней ретушью обломан (рис. 4: 9). Он сделан на массивном сколе, что не характерно для наконечников как прикаспийской, так и хвалынской культур. Наиболее вероятно его принадлежность к комплексу репинского типа.

Имеется два наконечника стрел, обработанных двусторонней ретушью. Оба относятся к типу «рыбки». Один выполнен из кварцита (рис. 2: 4), а второй (с обломанным пером) — из кремня (рис. 2: 5).

Есть срединная часть пластины, на одной продольной грани которой имеется резцовый скол (рис. 2: 8).

Выделяется группа из 5 артефактов. Первый имеет форму прямоугольника. Мелкая краевая ретушь нанесена на продольных гранях брюшка, а пологая ретушь нанесена с торцовых сторон (рис. 2: 13), что позволяет отнести его к микролиту типа прямоугольник. Еще одним изделием является обломок узкой пластины, у которой по продольной грани брюшка нанесена

мелкая притупляющая ретушь, а на противоположной грани спинки имеется мелкая краевая ретушь (рис. 2: 16). Иначе говоря, этот предмет может быть вкладышем. Другой артефакт на пластине имеет ретушь с обоих торцов на спинке (рис. 2: 15). Либо это прямоугольник, либо маленький дублированный скребок. Учитывая наличие аналогичного изделия, скорее всего, это микролит. На последнем экземпляре ретушь по торцевым сторонам нанесена уплощающей ретушью. Еще один обломок узкой пластины имеет на одной продольной грани спинки притупляющую ретушь, а на брюшке обработка сделана по обоим граням (рис. 2: 18), и обломок может быть интерпретирован как пластина с притупленным краем или вкладыш. Другой обломок артефакта имеет на продольных гранях крутую, далеко заходящую на спинку ретушь (рис. 2: 17) и вряд ли может быть отнесен к вкладышам.

Что касается возраста проанализированных материалов, то для стоянки *Комбак-тэ* были получены две радиоуглеродные даты. Первая из них по углю — $6\,000 \pm 150$ BP ($5\,290\text{--}4\,550$ BC) в большей степени соотносится с комплексом прикаспийской культуры, поскольку для нее имеются сходные значения [Дога, Кулькова 2022: 25]. Кроме этого, есть дата по нагару с фрагмента хвалынского типа, полученная на АМС, — $5\,626 \pm 51$ BP ($4\,550\text{--}4\,350$ BC) [Выборнов и др. 2019: 362].

3. Результаты и их обсуждение

Исследователи обратили внимание на то, что на всех памятниках (*Курпеже-молла*, *Кара-худук*, *Каир-шак VI*), кроме кремневого сырья, представлен и кварцит. И если для стоянок прикаспийской культуры это было вполне понятно, то для хвалынских памятников это сочетание требовало пояснения. Возможны три трактовки. Во-первых, это органичная часть каменного инвентаря хвалынцев, связанная с нехваткой сырья. Однако коллекции кремневых изделий весьма многочисленны, что противоречит данному объяснению. Во-вторых, это механическое смешение разнокультурных древностей. Специалисты, кроме типично хвалынской посуды, обращали внимание на своеобразные фрагменты, орнаментированные в накольчато-прочерченной технике. В-третьих, если исходить из гипотезы о преемственно-

сти носителей прикаспийской и хвалынской культур, то кварцитовый комплекс является подтверждением этой версии как реминисценция. Но в таком случае изделий из этого сырья должно быть больше на тех памятниках, которые стыкуются по времени с более ранними. Если посмотреть на количество находок, то на стоянке *Кара-худук* кварцитовых изделий около 60 из 485 (10 орудий), а на *Каир-шаке VI* из 400 каменных находок 200 (73 орудия) сделаны из кремня, а 220 (36 орудий) — из кварцита. Но если исходить из хронологии, то первый памятник датируется около 5 900 лет BP, а второй — около 5 400 лет BP [Выборнов и др. 2019: 363]. Иначе говоря, *Кара-худук* по времени намного ближе к *Курпеже-молла* (6 100 BP), и соотношение различных типов сырья должно быть обратное.

Подтверждается это и анализом каменного сырья. Для хвалынской группы присуще использование сочетания черного цвета прозрачного и светло-серого матового сырья. Это фиксируется на опорных хвалынских стоянках интересующего региона [Барынкин, Васильев 1988: 127].

Что касается хронологических рамок рассмотренных комплексов, то для прикаспийского было получено две даты по органике в керамике: $6\,050 \pm 80$ и $6\,020 \pm 80$ лет BP [Выборнов и др. 2019: 362].

Для их верификации сделана еще одна дата по этому же сосуду — $6\,100 \pm 100$ BP ($5\,226\text{--}4\,786$ BC) (SPb_3558). Учитывая поправку, можно констатировать их совпадение. Для поселенческих материалов хвалынской культуры Северного Прикаспия наиболее ранние даты относятся к 5 900 лет BP [Выборнов и др. 2019: 362]. Иначе говоря, фиксируется определенный хронологический разрыв, который и наблюдается в материалах стоянки *Комбак-тэ*. Поэтому вполне допустимо, что кварцитовый инвентарь принадлежит прикаспийской культуре, а кремневые артефакты соотносятся с хвалынской. В то же время нельзя не учитывать наличие в коллекции синкретичной керамики, которая сочетает воротничковое утолщение венчика, присущее прикаспийцам, и способ нанесения орнамента в виде отпечатков плетеных фактур, характерный уже для хвалынцев.

В качестве подтверждения принадлежности части артефактов к хвалынской куль-

туре можно привести следующие доказательства. Это кремневые наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании. Кроме того, на длинных пластинах изготовлены скребки с далеко заходящей на спинку ретушью. Типичными для хвалынцев являются и симметричные острия. Что касается двух экземпляров с плечиками, то такие типы орудий не встречаются ни на *Кара-худук*, ни на *Каур-шак VI*. Нет их как в более ранних материалах неолита и мезолита, так и в более поздних. Не известны они и в комплексах степного Поволжья. Более приемлемым представляется вариант отнесения орудий с плечиками именно к хвалынскому типу. Подтверждением этому может служить тот факт, что они изготовлены из кремня, цвет которого совпадает с цветом вкладыша хвалынского типа. Предположению о том, что они являются обломками наконечников стрел, противоречит отсутствие на брюшке черешка ретуши. В меньшей степени, но все же представлены ножи с краевой ретушью. Не являются исключением и вкладыши, которые находят аналогии в каменном инвентаре хвалынской культуры стоянок *Кара-худук* и *Каур-шак VI*, причем следует обратить внимание на то обстоятельство, что ретушь на вкладышах как пологая с брюшка, так и мелкая крутая на спинке. Но есть и обратные варианты. Здесь нельзя не отметить, что разделение по сырью должно проводиться особенно скрупулезно. К примеру, скребок, изготовленный из узкополосчатого кремня (рис. 1: 2), может достаточно уверенно относиться к хвалынской культуре, поскольку из аналогичного сырья сделаны типичные орудия хвалынского типа на других стоянках. На памятниках прикаспийской культуры такое сырье не представлено. В то же время на стоянках *Каур-шак VI* и *Кара-худук*, кроме прочих, имеется по одному экземпляру прямоугольных вкладышей из кремня красного цвета, который не характерен как для более ранних, так и более поздних комплексов.

Однако констатировать гомогенность каменного инвентаря стоянки *Комбак-тэ* мы не в праве. Это объясняется тем, что кварцитовый комплекс выражен в коллекции в большем количестве. Вряд ли это можно трактовать как реминисценцию от более ранней прикаспийской в более поздней хвалынской культуре. В определенной степени ситуация аналогична с материала-

ми стоянки *Каур-шак VI*. Здесь также кварцитовый инвентарь хорошо представлен, но нельзя забывать о керамике, которая отличается от типичной хвалынской. Эта посуда, сочетающая воротничковое утолщение венчика и накольчатую технику орнаментации, в большей степени соответствует сосудам синкретичного типа, отражающим тентексорско-прикаспийские контакты. На *Комбак-тэ* представлены типичные для прикаспийской культуры наконечники стрел в форме «рыбки», обработанные двусторонней ретушью. В этой связи уместно напомнить, что единственный наконечник стрелы треугольной формы на стоянке *Кара-худук* сделан из кварцита.

Особенностью орудий прикаспийской культуры являются и скребки, изготовленные на широких массивных сколах. Такие изделия так же, как и скребки стрельчатого типа, у хвалынцев отсутствуют. Следует отметить сосуществование в данном комплексе орудий, изготовленных на различных заготовках: с одной стороны, на массивных сколах, а с другой — на пластинах. Это же касается и ножей — как прямолезвийных, так и саблевидных, часть из которых сделана также на массивных сколах, что не характерно для ножей хвалынского типа. Острия хоть и единичны, тем не менее отличаются от кремневых: редка вентральная подработка уплощающей ретушью.

Что касается вкладышей, то они представлены достаточно четкой группой. Здесь следует отметить, что аналогичные изделия встречены на стоянке *Истай II* [Бородулин и др. 2023], где представлены черепки прикаспийской культуры, а фрагменты хвалынского типа отсутствуют. Иначе говоря, увеличивается количество памятников, которые подтверждают характерность для каменной индустрии прикаспийской культуры кварцитовых вкладышей. Эта версия хорошо подтверждается и материалами прикаспийской культуры в степном Поволжье, причем как в комплексах уже известных памятников (типа *Озинки II*), так и стоянок, изучение которых ведется в последнее время [Дога 2023: 272]. Они обладают как характерными, так и своеобразными способами обработки. Например, на некоторых из них торцовые грани оформлены пологой ретушью, придающей рабочему краю вид стамески. Нельзя не отметить, что, кроме кварцитовых, на памятни-

ках именно прикаспийской культуры встречаются вкладыши с аналогичной обработкой из кремня, что полностью отсутствует в хвалынских материалах.

4. Выводы

На основе анализа материалов стоянки *Комбак-тэ* установлен ее многокомпонентный характер. По сырью изделия разделяются на две группы: из кварцита и кремня матового серого и прозрачного черного цветов. В кремневой группе выделены треугольные наконечники стрел с выемкой в основании, скребки на длинных пластинах, с далеко заходящей на спинку ретушью, симметричные острия, ножи с краевой ретушью, вкладыши, которые находят аналогии в каменном инвентаре

хвалынской культуры стоянок *Кара-худук* и *Кауришак VI*. Кроме этих артефактов, присутствуют кварцитовые изделия достаточно выразительные как в количественном, так и типологическом плане. Это наконечники стрел в форме «рыбки», скребки и прямолезвийные ножи на широких массивных сколах и коротких отщепах, острия, вкладыши, включая прямоугольники со своеобразной обработкой. Они проявляют большую степень сходства с материалами прикаспийской культуры стоянок *Курпеже-молла* и *Орошаемое*. Радиоуглеродные даты по интересующему памятнику свидетельствуют о более раннем возрасте прикаспийских древностей по сравнению с хвалынскими.

Литература

- Барынкин 1989 — Барынкин П. П. Энеолитический памятник *Кауришак VI* из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 106–117.
- Барынкин 1992 — Барынкин П. П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1992. 26 с.
- Барынкин 2010 — Барынкин П. П. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: сб. ст. / сост. С. А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 133–152.
- Барынкин, Васильев 1985 — Барынкин П. П., Васильев И. Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж: ВГПИ, 1985. С. 58–73.
- Барынкин, Васильев 1988 — Барынкин П. П., Васильев И. Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры *Кара-Худук* в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия: сб. ст. / отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 123–141.
- Барынкин, Козин 1998 — Барынкин П. П., Козин Е. В. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СГПУ, 1998. С. 66–82.
- Бородулин и др. 2023 — Бородулин К. И., Дога Н. С., Игнатьев Ю. И. Культурно-хронологический анализ комплекса стоянки каменного века *Истай II* в Северном Прикаспии // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 2–4 октября 2023 г.) / сост. и отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Изд. Сорокин Р. В., 2023. С. 9–13.
- Васильев 1981 — Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1981. 130 с.
- Васильев 2003 — Васильев И. Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СНЦ, 2003. С. 61–99.
- Выборнов и др. 2016 — Выборнов А. А., Дога Н. С., Попов А. С., Филлипсен Б. Материалы стоянки *Комбак-Тэ* в Северном Прикаспии // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Мат-лы V Междунар. Нижневолжской археологической конф. (г. Элиста, 15–18 ноября 2016 г.) / редкол.: П. М. Кольцов и др. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2016. С. 20–24.
- Выборнов и др. 2019 — Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // *Stratum Plus*. 2019. № 2. С. 359–368.
- Горашук 2003 — Горашук И. В. Технология изготовления каменных орудий хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СНЦ, 2003. С. 118–133.
- Дога, Кулькова 2022 — Дога Н. С., Кулькова М. А. Результаты радиоуглеродного датирования различных материалов прикаспийской культуры // Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений: Мат-лы II Всеросс. науч. конф. «Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений» (г. Москва, 19–22 апреля 2022 г.). М.: Ин-т географии РАН,

2022. С. 25.
- Дога 2023 — Дога Н. С. Каменная индустрия прикаспийской культуры // Археология евразийских степей. 2023. № 1. С. 271–279.
- Мелентьев 1975 — Мелентьев А. Н. Памятники сероглазовской культуры // Неолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1975. С. 112–117.
- Мелентьев 1976 — Мелентьев А. Н. Памятники
- неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: КГПИ, 1976. С. 13–14.
- Юдин 2005 — Юдин А. И. Прикаспийская культура в системе энеолита Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. Спец. выпуск. С. 160–167.
- deposits. Conference proceedings (Moscow, 19–22 April 2022). Moscow: Institute of Geography of the RAS, 2022. P. 25. (In Russ.)
- Doga N. S. Stone industry of the Caspian culture. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2023. No. 1. Pp. 271–279. (In Russ.)
- Gorashchuk I. V. Stone tools of the Khvalynsk culture: Manufacturing techniques. In: Issues of the Volga Region's Archaeology. Vol. 3. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2003. Pp. 118–133. (In Russ.)
- Melentyev A. N. Neolithic sites of the Northern Caspian (Caspian culture). In: Archaeology of the Volga and Ural Regions. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1976. Pp. 13–14. (In Russ.)
- Melentyev A. N. Seroglazovo sites. In: The Neolithic of the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1975. Pp. 112–117. (In Russ.)
- Vasilyev I. B. Khvalynsk Eneolithic culture of the Volga-Ural steppe and forest steppe. In: Issues of the Volga Region's Archaeology. Vol. 3. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2003. Pp. 61–99. (In Russ.)
- Vasilyev I. B. The Eneolithic of the Volga Region. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1981. 130 p. (In Russ.)
- Vybornov A. A., Doga N. S., Popov A. S., Philipsen B. Materials from the site of Kombak-te (Northern Caspian). In: Koltsov P. M. et al. (eds.) Fifth Lower Volga Archaeological Conference. Proceedings (Elista, 15–18 November 2016). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2016. Pp. 20–24. (In Russ.)
- Vybornov A. A., Kosintsev P. A., Kulkova M. A., Doga N. S., Platonov V. I. When food producing economy appeared in the Lower Volga Region. *Stratum Plus*. 2019. No. 2. Pp. 359–368. (In Russ.)
- Yudin A. I. Caspian culture in the Eneolithic agenda of the Lower Volga. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2005. Special issue. Pp. 160–167. (In Russ.)
- Barynkin P. P. Pottery of the Khvalynsk culture (Volga River basin): Characterizing typological ties between sites of the region. In: Agapov S. A. (comp.) Khvalynsk Eneolithic Grave Fields and the Khvalynsk Eneolithic Culture. Collected articles. Samara: Povolzhye, 2010. Pp. 133–152. (In Russ.)
- Barynkin P. P. The Eneolithic and Early Bronze Age of the Northern Caspian. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1992. 26 p. (In Russ.)
- Barynkin P. P. The Eneolithic site of Kairshak VI from southern parts of the Volga-Ural river system. In: The Neolithic and Eneolithic of the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1989. Pp. 106–117. (In Russ.)
- Barynkin P. P., Kozin E. V. The Early and Middle Holocene of the Northern Caspian: Natural, climatic, cultural, and demographic processes. In: The Northern Caspian in Prehistory. Samara: Samara State Pedagogical University, 1998. Pp. 66–82. (In Russ.)
- Barynkin P. P., Vasilyev I. B. On some newly discovered Eneolithic sites of the Northern Caspian. In: Archaeological Sites in the European Soviet Union. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 1985. Pp. 58–73. (In Russ.)
- Barynkin P. P., Vasilyev I. B. The Khvalynsk site of Kara-Khuduk (Northern Caspian). In: Merpert N. Ya. (ed.) Archaeological Cultures of the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1988. Pp. 123–141. (In Russ.)
- Borodulin K. I., Doga N. S., Ignatyev Yu. I. The Stone Age site of Istai II (Northern Caspian): Cultural and chronological analyses. In: Vasilyev D. V. (comp., ed.) Seventh Lower Volga Archaeological Conference. Proceedings (Astrakhan, 2–4 October 2023). Astrakhan: R. Sorokin, 2023. Pp. 9–13. (In Russ.)
- Doga N. S., Kulkova M. A. Results of radiocarbon dating of various materials of the Caspian culture. Geochronology of the Quaternary period: instrumental methods for dating the newest

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 123–140, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902/904

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-123-140

О литейной форме из поселения эпохи бронзы *Тарангул* в Актюбинском Приуралье

Дархан Айтжанулы Байтлеу¹, Альбина Ергешбаевна Ержанова², Илария Кальгаро³

¹ Институт археологии им. А. Х. Маргулана (д. 44, пр. Достык, 050002 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-4083-5558. E-mail: baitileu[at]gmail.com

² Институт археологии им. А. Х. Маргулана (д. 44, пр. Достык, 050002 Алматы, Республика Казахстан)

PhD, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2241-228X. E-mail: erjanova_a[at]mail.ru

³ Институт археологии Университетского колледжа Лондона (31–34, Гордон-сквер, WC1H 0PY Лондон, Великобритания)

PhD, магистр

 0000-0002-4536-4460. E-mail: ilaria.calgaro.19[at]ucl.ac.uk

© КалмНЦ РАН, 2024

© Байтлеу Д. А., Ержанова А. Е., Кальгаро И., 2024

Аннотация. *Введение.* В 2021 г. Мугоджарским археологическим отрядом Института археологии им. А. Х. Маргулана были проведены исследования на археологическом комплексе *Тарангул*, на котором обнаружена литейная форма — один из интересных и редких в данном регионе артефактов, связанных с металлообработкой и металлургическим производством в целом. *Цель статьи* — описание и анализ литейной формы, обнаруженной на поселении позднего бронзового века *Тарангул* в Актюбинском Приуралье, ввод в научный оборот новых данных, полученных естественнонаучными методами в ходе изучения этого археологического артефакта. *Результаты.* В ходе исследований проведены естественнонаучные (трассологические, спектральные) и сравнительно-типологические анализы плиты с негативами орудий. Проведенные анализы позволили определить типологию отливаемых орудий и выявить их культурную принадлежность. Литейная форма имеет две плоскости с негативами орудий. Первая использовалась для отливки трех серпов, вторая (двустворчатая) — для отливки плоского тесла. Форма негативов серпов указывает на то, что в литейной форме отливались серпы типа «Кундравинская», распространенные в позднем бронзовом веке на Южном Урале, Среднем Поволжье и в Западной Сибири. Серпы типа «Кундравинская» связаны с алакульской культурой, локальным вариантом которой в исследуемом регионе является кожумбердынская куль-

турная группа. Форма негатива тесла, расположенная на второй плоскости плиты, характерна для тесел алакульского времени, которые распространены в западной части степной полосы Евразии. Установлено, что литейная форма имела два основных этапа применения: первый — для отливки тесла в двустворчатой форме и второй — для отливки серповидных орудий, этот этап следовал после порчи или утери одной створки тесла. Спектральный анализ показал, что изделия в литейной форме изготавливались на основе меди, а также были выявлены следы легирования. Установлено, что отливку серповидных орудий в негативах трех серпов производили не одновременно, а по мере необходимости. **Выводы.** Проведенные исследования позволили реконструировать технику изготовления и этапы использования литейной формы из поселения позднего бронзового века *Тарангул* в Актюбинском Приуралье и обозначить отдельные аспекты в изучении литейных форм как конкретного источника в изучении техники и технологии древнего металлопроизводства.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Актюбинское Приуралье, поселение, литейная форма, археометаллургия, трасология, спектральный анализ

Благодарность. Исследование проведено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН проекта BR18574223).

Для цитирования: Байтлеу Д. А., Ержанова А. Е., Кальгаро И. О литейной форме из поселения эпохи бронзы *Тарангул* в Актюбинском Приуралье // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 1. С. 123–140. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-123-140

The Bronze Age Site of *Tarangul* (Aktobe Cis-Urals): Examining One Casting Mold

Darkhan A. Baitileu¹, Albina Ye. Yerzhanova², Ilaria Calgaro³

¹ Margulan Institute of Archaeology (44, Dostyk Ave., 050002 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0003-4083-5558. E-mail: baitileu[at]gmail.com

² Margulan Institute of Archaeology (44, Dostyk Ave., 050002 Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD, Leading Research Associate
 0000-0002-2241-228X. E-mail: erjanova_a[at]mail.ru

³ Institute of Archaeology, University College London (UCL) (31–34, Gordon Sq., WC1H 0PY London, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)
PhD, MSc
 0000-0002-4536-4460. E-mail: ilaria.calgaro.19[at]ucl.ac.uk

© KalmSC RAS, 2024

© Baitileu D. A., Yerzhanova A. E., Calgaro I., 2024

Abstract. Introduction. In 2021, the Mugodzhzar (Mugalzhar) Crew of the Margulan Institute of Archaeology investigated the site of *Tarangul* and discovered a casting mold — a rare artifact of utmost interest related to metal production and processing. **Goals.** The article seeks to describe and analyze the Bronze Age mold from *Tarangul* located in the Aktobe Cis-Urals, introduce into scholarly circulation some newly obtained scientific data. **Results.** The implemented analyses include those of natural science (micro-wear and spectral ones) and comparative typology, the latter to yield a classification of castings and their cultural affiliation. The tool mold has two surfaces with negative impressions. The first one was used to cast three sickles, while the second one (once consisted of two pieces) would cast a flat adze. The shapes attest to the mold was used to cast Kundravinskaya-type sickles widespread across the Late Bronze Age Southern Urals, Middle Volga, and Western Siberia. Kundravinskaya-type sickles are associated with the Alakul culture, the Kozhumberdy cultural group being a local variant of the latter in the region under study. The shape of the impression on the reverse side is characteristic of adzes from the Alakul era discovered in western parts of Eurasia's steppe zone. The study concludes the mold had first consisted of two pieces and been used to cast adzes, and after

the other piece was lost or damaged it started being used to cast sickles. The spectral analysis shows the castings were basically made from copper, and detects some traces of alloying. Another finding is that the three mold negatives were used not simultaneously but rather when and as it was necessary. In general, the conducted tests have well reconstructed the manufacturing techniques and stages of use for the mold from the Late Bronze Age settlement of *Tarangul* in the Aktobe Cis-Urals, and highlighted certain aspects in the study of molds as a specific source on metal production techniques and technologies in prehistory.

Keywords: Late Bronze Age, Aktobe Cis-Urals, settlement, casting mold, archaeometallurgy, traceology, spectral analysis

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. IPH BR18574223.

For citation: Baitleu D. A., Erzhanova A. E., Calgaro I. The Bronze Age Site of *Tarangul* (Aktobe Cis-Urals): Examining One Casting Mold. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 123–140. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-123-140

1. Введение

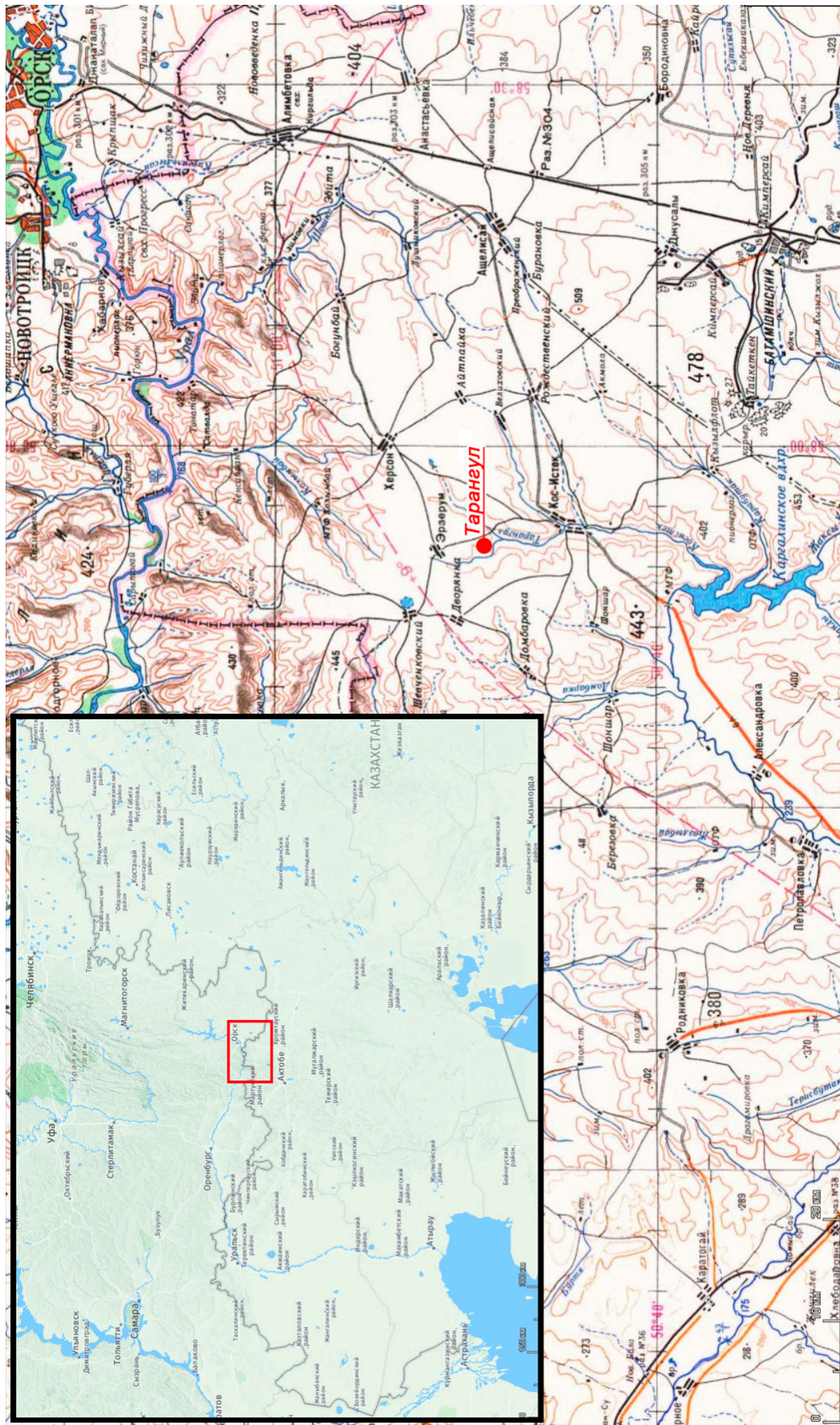
В полевом сезоне 2021 г. Мугоджарским археологическим отрядом Института археологии им. А. Х. Маргулана были проведены исследования на археологическом комплексе *Тарангул* [Байтлеу и др. 2021: 198–206]. Географически археологический комплекс расположен в Актюбинском Приуралье, а именно в северо-восточной части Орь-Илекской возвышенности, на р. Тарангул, административно в Каргалинском районе Актюбинской области Республики Казахстан, в 6,3 км к северу от поселка Кос-Естек (карта 1). Отметим, что археологический комплекс *Тарангул* был обнаружен в 2019 г., а комплексное исследование поселения и могильника, входящего в систему названного памятника, начато в 2020 г. [Байтлеу, Калиева 2020: 7–22; Байтлеу, Шагирбаев 2021: 141–151]. В настоящий момент установлено, что функционирование поселения *Тарангул* связано с деятельностью населения кожумбердынской культурной группы, являющейся локальным вариантом алакульской культуры, и предварительно датируется периодом позднего бронзового века [Байтлеу, Калиева 2020: 8].

Учитывая ранние результаты исследований, полученные в ходе многолетних совместных изысканий российских и казахстанских ученых археологических памятников на южном фланге Уральской горно-металлургической области, а именно на территории Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра, нужно подчеркнуть, что в настоящий момент особенно важным результатом исследований

является выделение конкретных меднорудных районов на территории распространения памятников западноалакульской и кожумбердынской культурных групп [Ткачев и др. 2014: 97–115; Ткачев и др. 2016: 703–716; Носкевич и др. 2017: 56–62], но открытыми остаются вопросы, связанные с металлообработкой в Мугоджарском регионе. В контексте названной проблемы особенно интересны результаты исследования поселения *Тарангул*.

Одним из редких в данном регионе артефактов, связанных с металлообработкой и металлургическим производством в целом, который обнаружен в 2021 г. на поселении *Тарангул*, является литейная форма, описанию и анализу которой посвящена настоящая статья. Приступая к основной части статьи о литейной форме, считаем необходимым сделать экскурс о местонахождении артефакта и некоторых проблемах изучения древней металлургии Уральско-Мугоджарского региона.

В ходе раскопочных работ на поселении *Тарангул* была выявлена производственная площадка со сложной системой производственных секторов и участков, где были обнаружены очажки, желобки и прокаленная почва, свидетельствующие о наличии металлургического производства. В системе производственной площадки были выявлены остатки сооружений в виде ям, которые по всем внешним признакам представляют теплотехнические сооружения периода эпохи бронзы (фото 1). Возможно, данные сооружения являются шахтными металлургическими печами двух- или трехсекционного

Карта 1. Локализация археологического комплекса Тарангул
[Map 1. Location of the archaeological site of Tarangul]

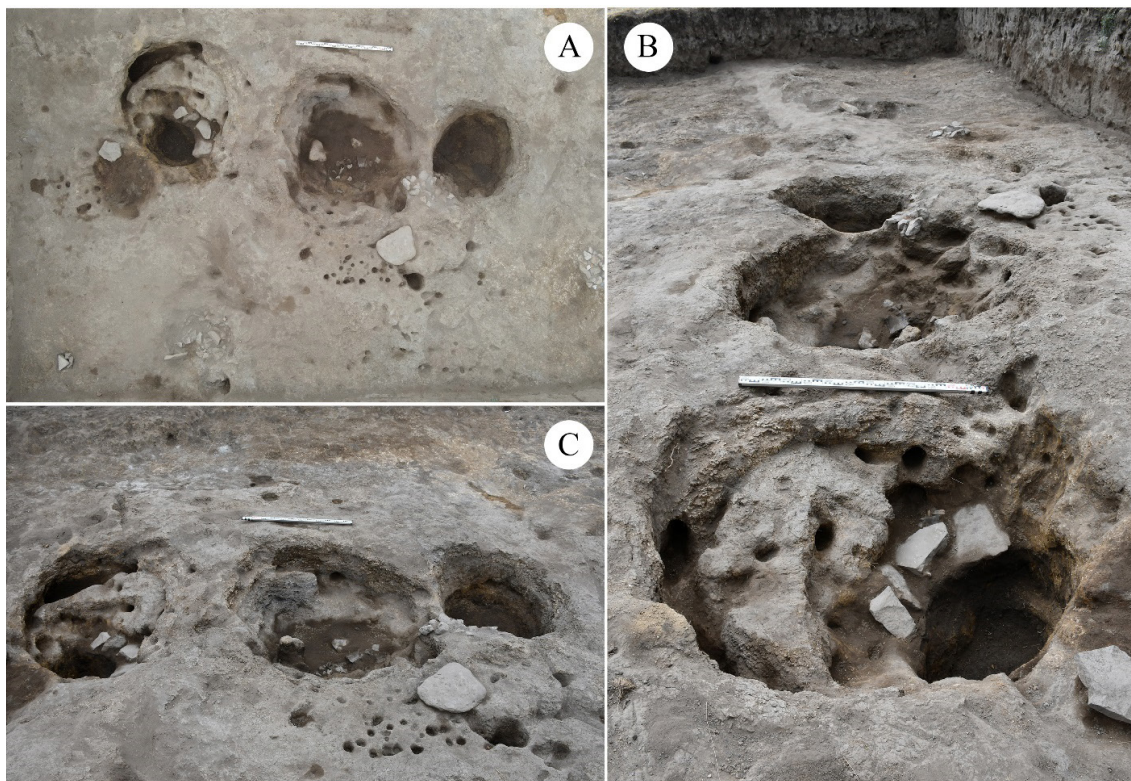

Фото 1. Поселение Тарангул. Фото остатков металлургических печей шахтного типа: А — остатки теплотехнических сооружений и производственных площадок, примыкающих к ним.

Вид сверху; В — вид с запада; С — вид с юга

[Photo 1. Tarangul settlement. Photos of the remnants of mine-type metallurgical furnaces:

A — remnants of heating structures and adjacent production areas. Top view;

B — view from the west; C — view from the south]

типа, схожими с достаточно хорошо изученными печами поселения Талдысай, входящего в систему Жезказган-Улытауского горно-металлургического центра эпохи палеометалла [Ермолаева 2017: 481–493; Ермолаева и др. 2019: 93].

Принадлежность шахтных сооружений к металлургическим печам в историографии археологической науки определенное время была и в некоторой степени остается дискуссионной, к примеру, шахтные сооружения из поселений Северо-Бетпакалинского региона в Центральном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов 1992: 25–66] интерпретировались как остатки колодцев [Григорьев 2003: 125–145; Григорьев 2013а: 99].

Серьезной критике подвергнута трактовка отдельных талдысайских материалов из Жезказган-Улытауского региона в качестве металлургических печей шахтного типа [Григорьев 2022: 65–67], несмотря на

то, что экспериментальным путем показано, что шахтные сооружения одно-, двух- или трехсекционного типов можно причислить к сооружениям, относящимся к металлургическому производству, а шахтные сооружения интерпретировать как металлургические печи [Ермолаева, Русанов 2016: 82–87; Русанов, Ермолаева 2011: 321–329; Ermolaeva et al. 2013: 441–454; Ермолаева, Русанов 2022: 34–66]. Отдельные исследователи также предлагают альтернативные варианты интерпретации шахтных сооружений Урало-Казахстанского региона, определяя их назначение как пожаровые ямы-печи [Ткачев, Богданов 2022: 52].

Обнаружение сооружений шахтного типа в Актюбинском Приуралье — редкое явление, что усложняет процесс нахождения аналогий в данном регионе. Отметим, что металлургические печи наземного типа эпохи бронзы имеют широкое распространение не только в исследуемом нами ре-

Фото 2. Поселение Тарангул. Литейная форма и оборот с негативами орудий
[Photo 2. Tarangul settlement. One-piece stone tool mold and its reverse side]

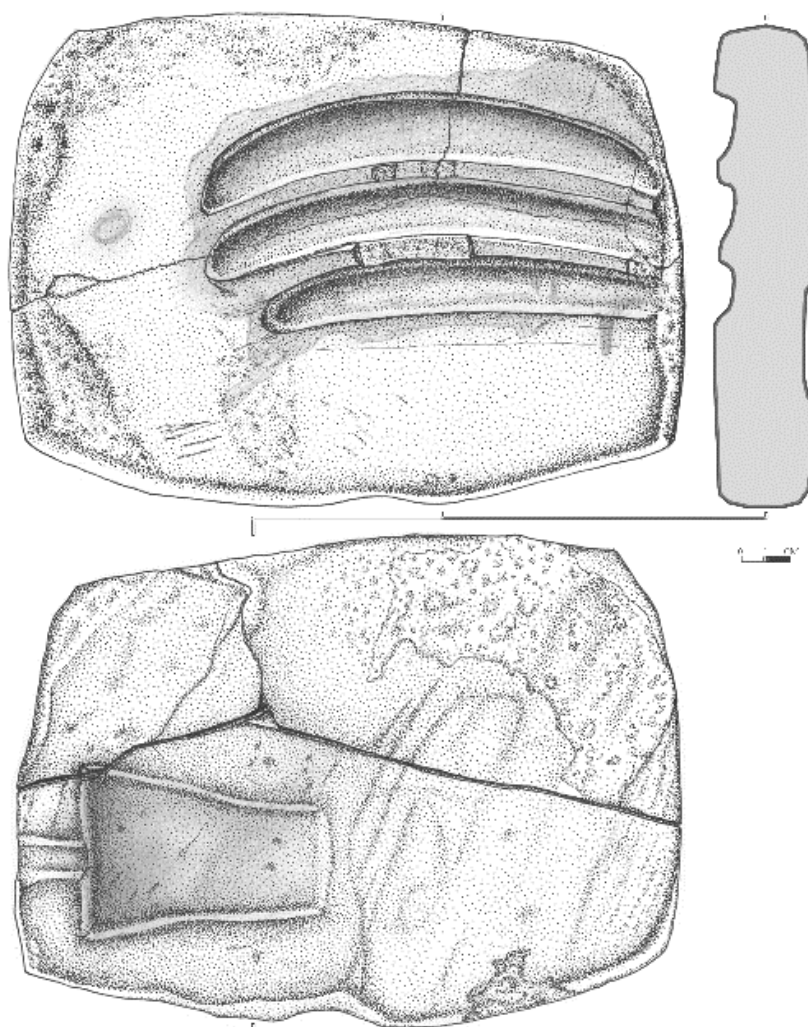

Рис. 1. Поселение Тарангул. Прорисовка плоскостей с негативами орудий
и профиля литейной формы
[Fig. 1. Tarangul settlement. Drawings of the tool mold's surfaces and profile]

гионе, они обнаружены в разных регионах Евразии: на поселениях синташтинской культуры на Южном Урале, на поселении срубной общности Червонэ Озеро-3 Картамышского археологического микрорайона Донецкого горно-металлургического центра и др. [Григорьев, Русанов 1995: 147–158; Григорьев 2000: 444–531; Бровендер 2013: 127–151], но, к сожалению, иначе обстоит дело с сооружениями шахтного типа, возможно, обнаруженными на поселении *Тарангул* в Актюбинском Приуралье. Подчеркнем, что теплотехнические сооружения шахтного типа периода бронзового века характерны именно для степной зоны, что во многом связано с технологическими аспектами функционирования данных конструкций в степи, где отсутствует массовый материал для розжига подобных сооружений [Ермолаева, Русанов 2022: 14–15, 22–23].

Наиболее близкими аналогиями сооружениям *Тарангула* можно назвать теплотехнические сооружения Синташты и Аркаима [Григорьев 2013б: 102–103], но определенные хронологические и конструктивные отличия (диаметр, глубина, палеопочвенные аспекты) в сооружениях *Тарангула*, Синташты и Аркаима наталкивают на мысль, что сравнение необходимо проводить с большой осторожностью. Необходимо отметить, что характер сооружений из поселения *Тарангул*, а также точная их идентификация возможны только после окончательного исследования, которое запланировано в будущем.

В настоящий момент изучение остатков теплотехнических сооружений поселения *Тарангул* еще продолжается и является темой для отдельной статьи, но вместе с тем в контексте изучения металлургической проблематики интересны сопутствующие найденным сооружениям артефакты, в том числе литейная форма (фото 2, рис. 1) описанию и анализу которой посвящена настоящая статья.

Литейная форма была обнаружена в 2 м к западу от остатков теплотехнических сооружений (западной ямы), на древней дневной поверхности, в районе предполагаемой дымовыводящей конструкции трехсекционной металлургической печи шахтного типа на производственной площадке поселения *Тарангул* [Байтлеу и др. 2021: 202–204]. На месте нахождения литейной формы также

могла располагаться площадка для загрузки и выгрузки печи или же металлургический очажок.

В настоящей статье мы не ставим цель определения датировки и культурной принадлежности самого объекта и отдельно обнаруженного артефакта и не предполагаем проведение историко-культурных реконструкций, связанных с полным циклом металлургического производства в эпоху бронзы на названной территории. Мы преследуем цель ввода в научный оборот новых данных, полученных естественнонаучными методами в ходе изучения археологического артефакта, в нашем случае — литейной формы.

2. Методы исследования

В ходе изучения литейной формы из поселения *Тарангул* нами проведен трасологический анализ с целью установления серии механических повреждений, следов и отметин, имеющихся на поверхности артефакта. Выявление микроследов изготовления и дальнейшего функционального использования литейной формы производилось с помощью микроскопа ZEISS SteREO Discovery.V8, имеющего диапазон масштабирования 8:1 и 200× увеличение. При трасологическом анализе были проведены макрофиксация отметин и описание микроследов функционального характера, а также микроизноса, выявление технологических следов, с дальнейшей интерпретацией их появления, установление функций орудия, его кинематики и обрабатываемого материала.

Кроме того, проведен анализ микроскопических остатков на поверхности литейной формы с помощью рентгенофлуоресцентного прибора Olympus VANTA M-series. Проверка калибровки прибора проводилась ежедневно в течение трех дней с помощью диска из нержавеющей стали 316, входящего в состав оборудования прибора. Используемая установка оснащена анализатором Rh-анода и SSD (силиконово-дрейфовый детектор). При проведении анализа был использован режим AlloyPlus-AuPtAsBrHgRh при 40 кВ в течение 120 сек. с двумя лучами для анализа каждой точки. Все точки имели диаметр 3 мм (такой же размер коллиматора). Установка была настроена на получение сведений об элемен-

тах, рассчитанных в процентах от общей массы элемента. В исследовании были использованы стандарты бронзы BCR-691a, BCR-691c и BCR-691e, предоставленные Европейской комиссией качества CRM

(сертифицированных стандартов образцов) для проверки точности и калибровки точности аппарата по пяти элементам, приписываемым процессу литья (Cu, Zn, As, Sn, Pb, см. табл. 1).

Таблица 1. Расчеты для определения точности стандартов металлов, используемых для анализа
[Table 1. Calculations of metal standards for our analysis]

	Наименование стандарта	Cu	Zn	As	Sn	Pb
Сертифицированные стандарты	BCR-691a	78.7	6.0	0.2	7.2	7.9
	BCR-691c	95.0	0.1	4.6	0.2	0.2
	BCR-691e	92.4	0.2	0.2	7.0	0.2
Измерения по стандартам	BCR-691a	77.2	6.3	0.0	6.6	9.0
	BCR-691c	96.7	0.1	1.6	0.2	0.4
	BCR-691e	91.4	0.1	0.1	6.2	0.3
Ошибки	BCR-691a	-1.6	0.2	-0.2	7.2	7.9
	BCR-691c	1.7	0.0	-3.0	0.2	0.2
	BCR-691e	-1.0	0.0	-0.1	7.0	0.2
Ошибки, в %	BCR-691a	-2.0	3.8	-	-8.0	12.1
	BCR-691c	1.8	21.1	-183.4	-0.5	54.3
	BCR-691e	-1.1	-29.3	-271.1	-13.6	27.8
Среднестатистические ошибки, в %	BCR-691a-c-e	-0.5	-1.4	-227.2	-7.4	31.4

3. Результаты трасологического анализа

Для изготовления литейной формы из поселения *Тарангул* был использован мелкозернистый песчаник. Мелкозернистый песчаник средней плотности и твердости, используемый для изготовления орудий, является частой находкой на поселениях эпохи бронзы. Использование орудий из мелкозернистого песчаника, вероятно, объясняется его физическими качествами: минерал легко поддается механической обработке.

При изготовлении устройства для отливки из Тарангула использована естественная форма плиты, но, вместе с тем, боковые грани плиты оббиты, а углы зашлифованы. Обработан камень техникой пикетажа. Размеры камня с негативами орудий составляют 28,5×18×5 см. На обнаруженном песчанике имеются негативы орудий на двух плоскостях плиты, которые условно нами обозначены как плоскость-1 и плоскость-2. На каждой плоскости выявлены конкретные механические повреждения, которые представлены в

соответствующих макрофотографиях, обозначенных латиницей (фото 3–4).

На плоскости-1 расположена одностворчатая литейная форма с негативами для отливки трех орудий. По результатам сравнительно-типологического анализа обнаруженной литейной формы нам известно, что плоскость-1 литейной формы из Тарангула использовалась для изготовления слабоизогнутых жатвенных серповидных орудий, а расположение литника, размеры матрицы, особенности клинка, в том числе его изгиб, позволяют предположить, что плоскость-1 использовалась для изготовления серпов так называемого типа «Кундравинская», входящего в Волго-Уральскую серию серпов. Основной ареал распространения подобных орудий сосредоточен на Южном Урале, также встречается на Среднем Поволжье и в Западной Сибири (карта 2) [Дергачев, Бочкарев 2002: 42–47]. Серпы и литейные формы для отливки серпов типа «Кундравинская» (рис. 2–3) напрямую связаны с алакульской культурой, локальным вариантом которой в

Фото 3. Поселение Тарангул. Литейная форма и оборот с обозначением исследованных точек на плоскостях плиты. Цифрами обозначены точки взятия проб для проведения р-ХРФ-анализа (результаты см. в табл. 2, 3), буквами обозначены участки с микроследами функционального использования литейной формы, выявленные в ходе трасологического анализа

[Photo 3. Tarangul settlement. One-piece stone tool mold and its reverse side with designations of investigated points. Figures to indicate pXRF sampling points (see Tables 2 and 3 for results), letters to indicate areas with micro traces of functional use identified by micro-wear analysis]

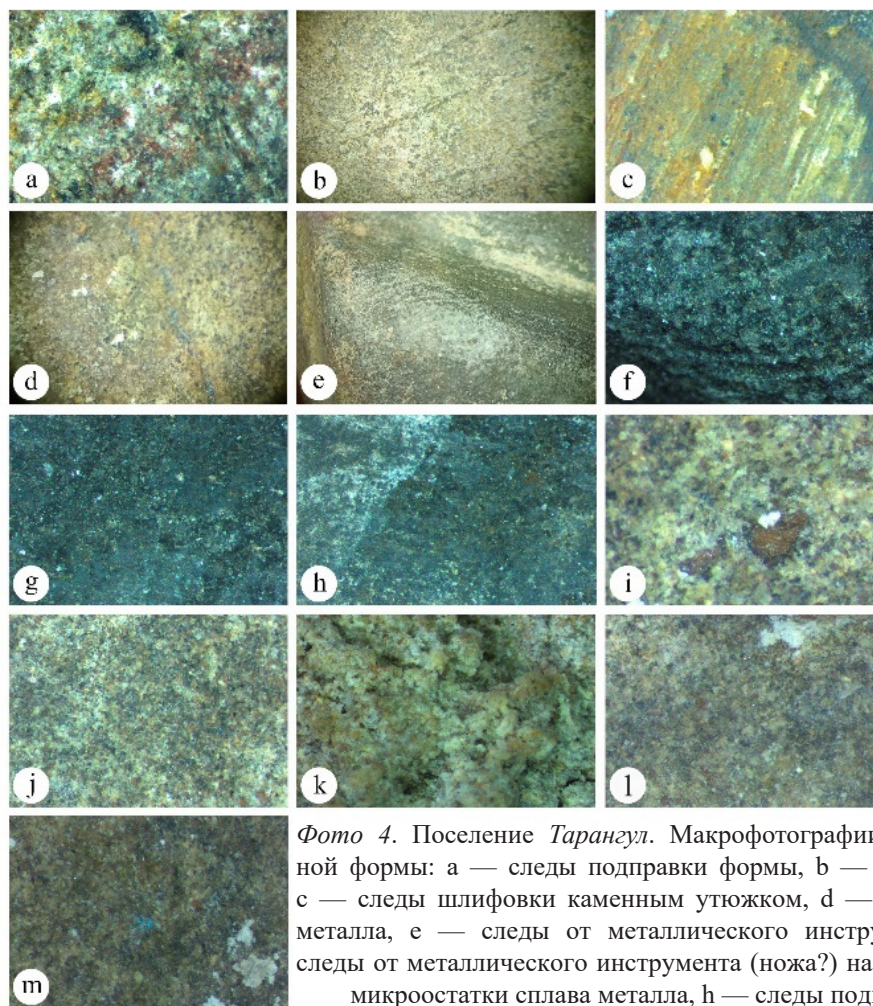

Фото 4. Поселение Тарангул. Макрофотографии поверхности литейной формы: а — следы подправки формы, б — прочерченные линии, с — следы шлифовки каменным утюжком, d — микроостатки сплава металла, е — следы от металлического инструмента (ножа?), f — следы от металлического инструмента (ножа?) на абрисе негатива, g — микроостатки сплава металла, h — следы подправки ниши, i — микроостатки сплава металла, j — следы горения органического материала, k — минеральная корка, l — следы шлифования литника, m — микроостатки сплава металла

[Photo 4. Tarangul settlement. Macro photographs of the stone tool mold's surface: a — traces of modifying (shape), b — scratched lines, c — traces of a polishing stone, d — micro remnants of metal alloy, e — traces of a metal tool (knife?), f — traces of a metal tool (knife?), g — micro remnants of metal alloy, h — traces of modifying (niche), i — micro remnants of metal alloy, j — traces of organic material burning, k — mineral crust, l — traces of polishing (cast gate), m — micro traces of metal alloy]

исследуемом нами регионе является кожумбердинская культурная группа.

Судя по остаткам прочерченных линий, на поверхности плиты предварительно была сделана разметка, которая в последующем была вырезана острым инструментом и углублена до необходимой формы. Учитывая, что стенки углублений литейной формы с негативами серпов не косые, а прямые, можно предположить, что для изготовления не было использовано долото.

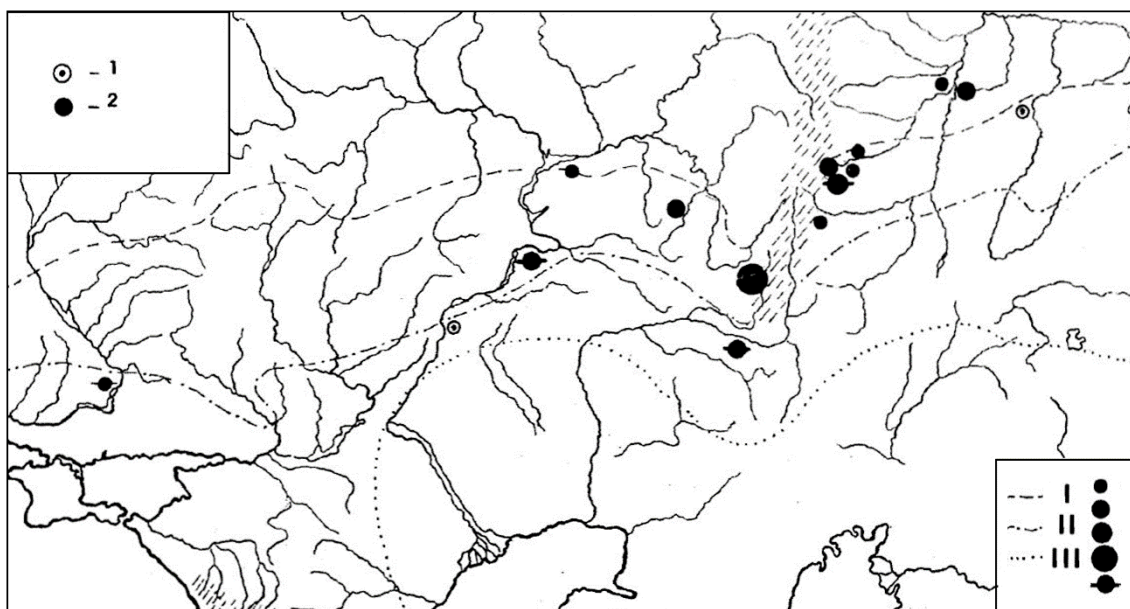
Негативы трех серпов идентичны и имеют дугообразную форму, но негативы орудий разной величины и разделены между собой стенками (перегородками). В результате длительного использования плоскости-1 отдельные части перегородок повреждены. Негативы орудий в области обуха серпов во всех трех случаях углублены в камень в сравнении с более тонкими лезвиями и овальными окончаниями клинка — таким образом, вероятно, создавалось клиновидное сечение — для прочности и дальнейшего удобства при затачивании орудия.

По периметру негативов серповидных орудий прослеживаются микроскопические следы шлифования и выбоин, что указывает на то, что в процессе отливки изделия из металла и до полного его остывания поверхность литейной формы подвергалась шли-

фовке каменным утюжком и ковке металлическим отбойником, вероятно, с целью устранения шероховатостей поверхности отливаемых орудий.

Первый негатив серпа самый массивный. Длина первого негатива составляет 19,2 см, ширина — 2,7 см, глубина в области спинки составляет 0,9 см, а в области пятки — 0,6 см. Технология изготовления первого негатива аналогична центральному и третьему. Незначительным отличием от центрального и третьего негатива можно назвать форму окончания и область пятки, которые больше заострены, вследствие чего визуально срединная часть негатива выглядит массивнее. Необходимо отметить, что готовое изделие из первого негатива серпа, судя по прокатанным следам, оставленным металлическим изделием (возможно, орудием в виде стамески), извлекалось со стороны спинки изделия, а не со стороны пятки, как это было в случаях со вторым и третьим негативами.

Первый и второй негативы разделены перегородкой, ширина которой составляет 0,4 см. Второй негатив серпа (центральный) длиной 18,7 см, широкая часть составила 2,3 см. Глубина в области спинки негатива 0,6 см. Необходимо отметить, что централь-

Карта 2. Схема распространения серпов типа Кочетков (1) и Кундровинская (2) по [Дергачев, Бочкарев 2002: 42 (рис. 4)]

[Map 2. Distribution of Kochetkov-(1) and Kundravinskaya-type (2) sickles according to V. Dergachev and V. Bochkarev]

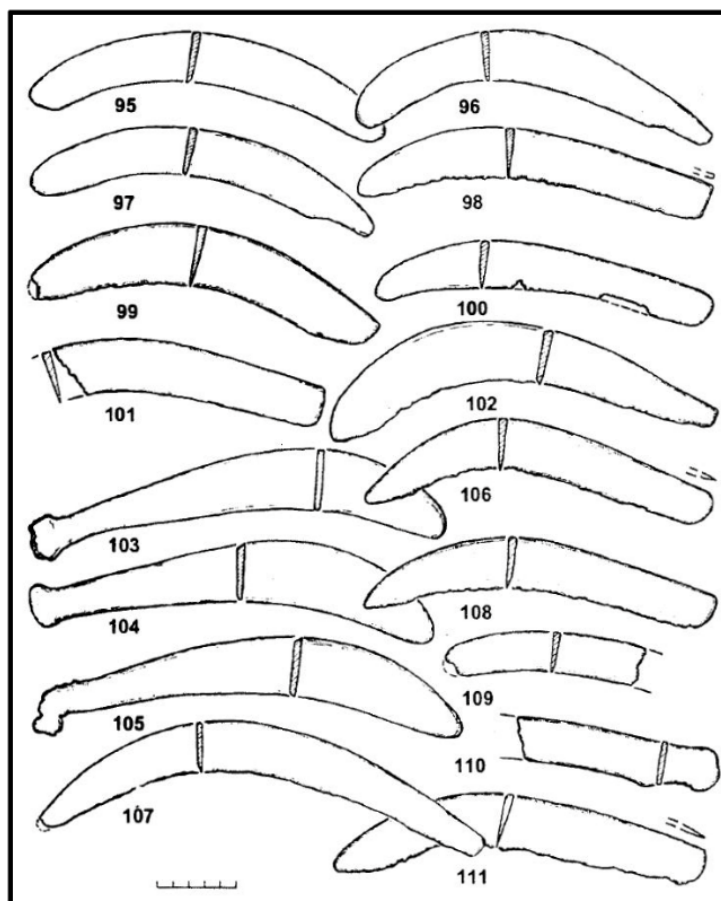

Рис. 2. Серпы Уральской группы: тип Кундровинская: 95–97 — Абзаково; 98 — «Челябинская»; 99 — Черняки III; 100–101 — Камбулат II; 102–105 — «Мензелинский» уезд; 106 — Стариково II; 107 — «Спасский уезд»; 108–110 — Ук III; 111 — Высокая грива

по: [Дергачев, Бочкарев 2002: 45 (рис. 6)]

[Fig. 2. Kundravinskaya-type sickles (Ural group): 95–97 — Abzakovo; 98 — Chelyabinskaya; 99 — Chernyaki III; 100–101 — Kambulat II; 102–105 — Menzelinsky Uyezd; 106 — Starikovo II; 107 — Spassky Uyezd; 108–110 — Uk III; 111 — Ysokaya Griva, according to V. Dergachev and V. Bochkaev]

ный негатив серпа шлифовался каменным инструментом (оселком). Кроме того, данный негатив серпа ближе к пятке имеет незначительное углубление. В центральной части второго негатива под микроскопом прослеживаются остатки металла, а также следы от каменного лощила, вероятно, возникшие в процессе очищения литейной формы от остатков металла после отливки изделия.

Второй и третий негатив серпа также разделяются перегородкой, ширина которой составляет 0,5 см. Третий негатив серпа, самый маленький, имеет почти прямое лезвие, слегка загибаясь к окончанию. Длина негатива составляет 16,4 см, самая широкая часть составила 2,1 см. Глубина стенки

негатива в области спинки будущего серпа составила 0,5 см, а ближе к пятке — 0,3 см.

Литник у самого крупного негатива отделен от центрального негатива и находится в области рукояти (пятки), у центрального и третьего негатива серпа литник, возможно, был общим, но ввиду повреждения плиты в области пятки точно установить данный аспект представляется затруднительным.

На плоскости-2 на 1/4 плиты расположен негатив орудия вытянутой трапециевидной формы с незначительно округлой пяткой обушка, и оно почти симметрично в поперечном сечении. Длина формы — 10,5 см, ширина одной стороны составила 4,3 см и другой — 6,7 см. Судя по всему, данный негатив использовался для отливки

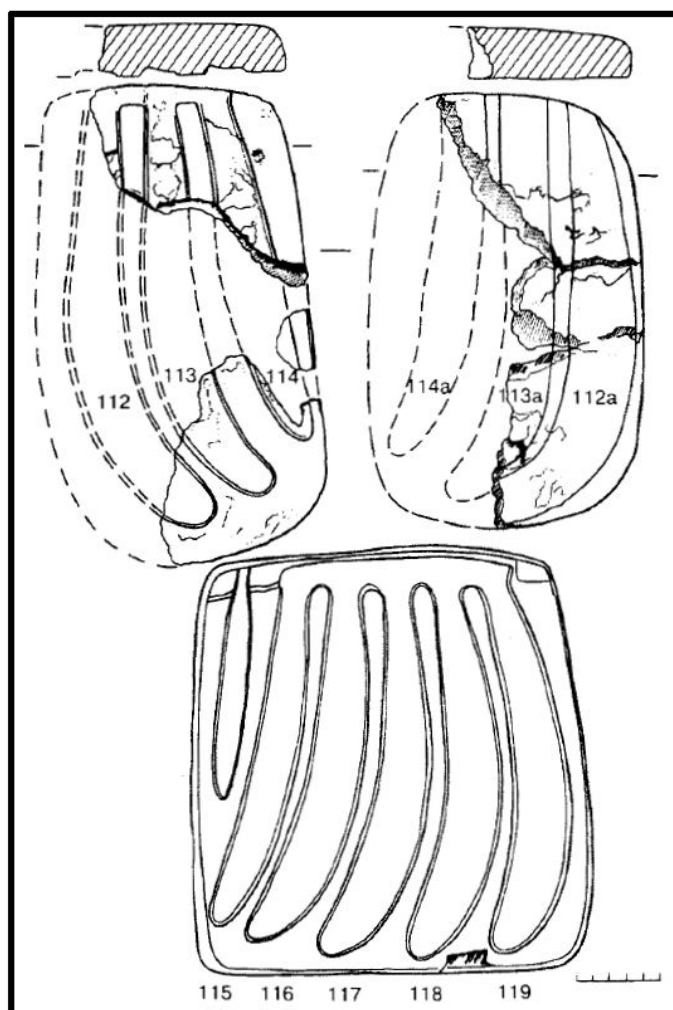

Рис. 3. Литейные формы Уральской группы типа Кундравинская: 112–114 — Яковка 1, 115–119 — Кундравинская по: [Дергачев, Бочкарев 2002: 47 (рис. 7)]
 [Fig. 9. Molds for Kundravinskaya-type sickles (Ural group): 112–114 — Yakovka 1, 115–119 — Kundravinskaya, according to V. Dergachev and V. Bochkarev]

тесла плоского типа. Зауженная пятка и расширяющееся лезвие характерны для тесел из алакульских памятников, датируемых первой половиной II тыс. до н. э. и имеющих широкое распространение в западной части степной полосы Евразии [Аванесова 1991: 32–33].

Микроскопические следы прорезанных линий по периметру негатива тесла указывают на то, что перед созданием формы песчаник был размечен тонким металлическим лезвием или заостренным инструментом. Следы разметки четкие и достаточно ровные. Негатив тесла, вероятно, был выдолблен тонким долотом и в последующем был залощен каменным лощиком.

На краю негатива расположена створка трапециевидной формы для заливки металла. Створка имеет длину 2,2 см, ширину сторон — 0,9 и 0,6 см и глубину — 0,3 см. Наличие створки указывает на то, что плоскость-2 с негативом тесла, вероятно, является частью двустворчатой литейной формы. К сожалению, вторая створка не обнаружена, возможно, она была сломана либо утрачена в древности. Вполне возможно, что после предполагаемой поломки или утери второй створки была использована плоскость-1 для создания негативов серпов. В пользу названного предположения говорят результаты спектрального анализа, о которых будет указано ниже.

4. Результаты химического анализа

Точечные р-XRF-анализы проводились как на функциональных участках плиты с литейными формами, так и на участках плиты без негативов орудий, с целью сравнения имеющихся следов легирования. На рисунке анализируемые точки на плоскостях обозначены цифрами (фото 3). Средняя точность измеренных стандартов в режиме AlloyPlus-AuPtAsBrHgRh колеблется в зависимости от элемента (см. табл. 1). Элементы Cu и Zn имеют среднюю погрешность <2%, Sn <10%, а Pb — около 30 %. Однако количественное определение As представляется проблематичным, так как средняя ошибка для As превышает 200 %.

Отметим, что на плоскостях литейной формы визуально четко прослеживается различие в цветах. Плоскость-1 с негативами серпов заметно темнее плоскости-2 с негативом тесла, что можно объяснить различием сплавов, использованных для отливки и частотой применения отдельно взятой плоскости.

Результаты анализа показали, что серпы, отлитые в негативах на плоскости-1, были изготовлены на основе меди (табл. 2). Самый большой негатив серпа в верхней части формы, скорее всего, использовался для отливки полиметаллического сплава на основе меди с относительно высоким содержанием Pb (между 1,3–1,8 % от массы) и следами Sb (0,2–0,4 % от массы), Sn (до 0,3 % от массы), а также мышьяка (<0,05 % от массы). Серп, отливаемый в центральном

негативе, имеет те же показатели меди и цинка, что и предыдущий. Сурьма и свинец здесь также присутствуют, хотя и в меньшей концентрации (0,5 и 0,2 % от массы соответственно). Однако ни мышьяка, ни следов олова в центральном негативе серпа не обнаружено. Последний и самый маленький негатив серпа содержит только следы сурьмы (0,3 % от массы) и свинца (0,2 % от массы), также следует отметить, что черные следы здесь менее четкие.

На плоскости-2 с негативом тесла зафиксированы высокие значения серы (15,5 % от массы) и следы меди (ниже 0,02 % от массы), цинка (0,03 % от массы) и свинца (0,01 % от массы) (см. табл. 2). Интересно, что сера также присутствует в количестве 2 и 0,8 % от массы на обеих плоскостях, не занятых негативами орудий, на плоскости-1 и 2 (см. табл. 3).

Присутствие серы на плоскостях плиты может быть объяснено контактом литейной формы с горящими углями. Вероятно, для предотвращения тепловых ударов и возникновения трещин перед заливкой жидкого металла в литейную форму камень с негативами орудий намеренно нагревался, возможно, на открытом костре. В данном контексте можно вернуться к предположению, основанному на трасологических данных о том, что плоскость-2 с негативом тесла после порчи или утери второй створки со временем не использовалась. Наличие большого содержания серы на плоскости-2 косвенно подтверждает названные выводы.

Таблица 2. Сводная таблица следов сплавов, обнаруженных р-XRF на плоскостях литейной формы. Исходные результаты выражены в процентах от общей массы, представленной в 100 % (Нпо — ниже предела обнаружения. Полный состав каждой точки анализа см. в табл. 3)

[Table 2. Summary table of alloy traces detected by pXRF analysis on the mold's surfaces.

Initial results expressed as percentage shares of the total mass (i.e., 100%).

(Russ. *нпо* 'below detection point'. See Table 3 for complete composition of each investigated point)]

Точки	Плоскость	Точки анализа	S	Cu	Zn	As	Sn	Sb	Pb
Негатив Серпа 1	1	1	нпо	0.1	0.1	0.0	нпо	0.2	1.3
Негатив Серпа 1	1	2	нпо	0.1	0.1	нпо	0.3	0.4	1.8
Негатив Серпа 2	1	3	нпо	0.1	0.1	нпо	нпо	0.5	0.2
Негатив Серпа 3	1	4	нпо	нпо	нпо	нпо	нпо	0.3	0.2
Участок без негативов	1	5	2.0	0.0	0.1	нпо	нпо	нпо	0.0
Негатив Тесла	2	6	15.5	0.0	0.0	нпо	нпо	нпо	0.0
Участок без негативов	2	7	0.8	0.0	0.0	нпо	нпо	нпо	0.0

Таблица 3. Исходные данные состава точек анализа литейной формы. Исходные результаты выражены в процентах от общей массы, представленной в 100 % (Нпо — ниже предела обнаружения)

[Table 3. Original composition data for the mold's analyzed points.

Initial results expressed as percentage shares of the total mass (i.e., 100%)]

Точки анализа	1	2	3	4	5	6	7
Плоскость	1	1	1	1	1	2	2
Точки	Негатив Серпа 1	Негатив Серпа 1	Негатив Серпа 2	Негатив Серпа 3	Участок без негативов	Негатив Тесла	Участок без негативов
Bi	нпо	нпо	0.1	нпо	нпо	нпо	0.0
Pb	1.3	1.8	0.2	0.2	0.0	0.0	0.0
Ta	нпо	нпо	нпо	0.1	нпо	нпо	нпо
Sb	0.2	0.4	0.5	0.3	нпо	нпо	нпо
Sn	нпо	0.3	нпо	нпо	нпо	нпо	нпо
Nb	0.0	нпо	нпо	нпо	0.0	0.0	нпо
Zr	0.2	0.1	0.2	0.1	0.1	0.1	0.1
Sr	0.2	0.2	0.2	0.1	0.0	0.1	0.1
As	0.0	нпо	нпо	нпо	нпо	нпо	нпо
Zn	0.1	0.1	0.1	нпо	0.1	0.0	0.0
Cu	0.1	0.1	0.1	нпо	0.0	0.0	0.0
Ni	0.3	0.2	0.2	0.2	0.1	0.1	0.1
Fe	57.8	45.2	53.3	52.0	38.4	29.7	33.3
Mn	4.9	5.6	8.4	4.4	2.6	4.8	3.1
Cr	0.1	нпо	0.2	0.1	0.0	0.0	0.1
V	нпо	0.3	нпо	0.2	нпо	0.1	0.1
Ti	2.3	1.9	2.4	2.4	1.2	0.9	1.1
Sc	0.7	2.6	4.1	3.1	1.1	3.8	3.0
S	нпо	нпо	нпо	нпо	2.0	15.5	0.8
P	0.8	1.5	нпо	нпо	1.0	нпо	0.5
Si	27.3	39.6	30.1	35.5	39.4	36.5	44.8
Al	3.7	0.0	0.0	1.1	13.9	8.4	12.8
Общее значение, в %	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

ды. Вероятно, литейная форма помещалась в огонь таким образом, когда плоскость-2 располагалась внизу и непосредственно контактировала с горящими углями.

В целом р-XRF-анализ показал, что литейная форма использовалась для отливки (полиметаллических) сплавов на основе меди. Однако следует подчеркнуть, что проведенный анализ не позволяет определить частоту использования литейной формы, а полученные результаты с большей вероятностью отражают только один эпизод использования, т. е. последнюю операцию литья. Вместе с тем отметим, что обнару-

женные на поверхности литейной формы остатки, свидетельствующие о легировании, необходимо сравнить с металлическими изделиями, обнаруженными в контексте исследуемого археологического объекта, т. е. производственной площадки поселения Тарангул.

5. Заключение

Несмотря на то, что р-XRF-анализ предоставил данные лишь о последнем эпизоде применения литейной формы из Тарангула в древности, мы получили достаточно интересные сведения, которые подтверждаются результатами трасологического исследования.

В настоящий момент установлено, что плита с негативом тесла после порчи или утери второй створки была адаптирована для создания негативов трех серповидных орудий. Обнаружение литейной формы близ остатков теплотехнических сооружений (металлургических печей) на производственной площадке поселения также косвенно указывает на то, что литейная форма с негативами серпов использовалась определенное время по прямому назначению.

Интересным, на наш взгляд, является выявленный дисбаланс состава сплавов на плоскости-1, который указывает на то, что в литейной форме с негативами трех серпов орудия могли отливаться не одновременно, а по мере необходимости и наличия заказа на продукт от группы или отдельного индивида. В пользу данного предположения говорит и характер отливаемого инструмен-

та, т. е. серпа, который имеет сезонный характер использования. В то же время можно предположить, что все три орудия могли изготавливаться одновременно только при наличии или избытке сырья, а при его отсутствии отливались лишь один или два экземпляра инструмента.

Таким образом, исследование литейной формы из Тарангула позволило осветить некоторые вопросы, связанные с культурной принадлежностью исследуемого объекта, отдельными аспектами металлопроизводства и используемого сырья. Вместе с тем открытыми остаются вопросы, связанные с характером легирования. Изучение названного аспекта необходимо в контексте всего комплекса материалов из исследуемого памятника, что, безусловно, будет проведено в дальнейшем.

Литература

- Аванесова 1991 — *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.
- Байтлеу, Калиева 2020 — *Байтлеу Д. А., Калиева Ж. С.* Результаты исследований археологического комплекса эпохи бронзы Тарангул на севере Ор-Илекской возвышенности в 2020 году // Кадырбаевские чтения – 2020: мат-лы VI Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 27–28 ноября 2020 г.) / отв. ред. А. Б. Уразова. Актобе: Актюбинск. обл. ист.-краевед. муз., 2020. С. 7–22.
- Байтлеу и др. 2021 — *Байтлеу Д. А., Калиева Ж. С., Искаков А. Ш.* Результаты исследований поселения эпохи бронзы Тарангул в 2021 году (предварительное сообщение) // Великая степь в контексте этно-культурных исследований (Маргулановские чтения – 2021): мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.) / гл. ред. А. Онгар, отв. ред.: Б. А. Байтанаев, Т. Б. Мамиров. Т. 1. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2021. С. 198–206.
- Байтлеу, Шагирбаев 2021 — *Байтлеу Д. А., Шагирбаев М. С.* Анализ археозоологического материала поселения Тарангул (предварительные данные) // Археология Казахстана. 2021. № 2(12). С. 141–151.
- Бровендер 2013 — *Бровендер Ю. М.* Опыт экспериментальных исследований по выплавке меди из руд Картамышского рудопроявления Донбасса // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: материалы международной полевой научной конференции / сост. и науч. ред. С. А. Агапов. Ульяновск: Печатный двор, 2013. С. 127–151.
- Григорьев, Русанов 1995 — *Григорьев С. А., Русанов И. А.* Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия / сост. Н. О. Иванова, науч. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 147–158.
- Григорьев 2000 — *Григорьев С. А.* Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Каменный век. Эпоха бронзы / отв. ред. Н. О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 444–531.
- Григорьев 2003 — *Григорьев С. А.* Металлургия эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Күлтегін, 2003. С. 125–145.
- Григорьев 2013а — *Григорьев С. А.* О некоторых особенностях функционирования и интерпретации колодцев эпохи бронзы // Археологические исследования степной Евразии: сб. науч. ст. к 70-летию В. В. Евдокимова / отв. ред. В. Г. Ломан. Караганда: Tengri Ltd., 2013. С. 96–102.
- Григорьев 2013б — *Григорьев С. А.* Металлур-

- гическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: Циперо, 2013. 660 с.
- Григорьев 2022 — Григорьев С. А. О «металлургических печах шахтного типа» в позднем бронзовом веке Казахстана // Археология Казахстана. 2022. № 4(18). С. 58–72.
- Дергачев, Бочкарев 2002 — Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Выш. антропол. школа, 2002. 348 с.
- Ермолаева 2017 — Ермолаева А. С. К проблемам металлопроизводства эпохи бронзы Казахстана // Мир Большого Алтая. 2017. № 3(4). С. 481–493.
- Ермолаева и др. 2019 — Ермолаева А. С., Кузьминых С. В., Анкушев М. Н., Дубягина Е. В. Металлопроизводство на поселении Талдысай в Жезказган-Улытауском горно-металлургическом центре // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): мат-лы Междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.). Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева / отв. ред.: А. В. Поляков, Е. С. Ткач. СПб.: Ин-т истории матер. культуры РАН, Невская типография, 2019. С. 92–95.
- Ермолаева, Русанов 2016 — Ермолаева А. С., Русанов И. А. Поселение Талдысай — памятник древнейшей металлургии Евразии // Культурное наследие. 2016. № 5(68). С. 82–87.
- Ермолаева, Русанов 2022 — Ермолаева А. С., Русанов И. А. Экспериментальное моделирование металлургических печей поселения Талдысай (Труды Института археологии им. А. Х. Маргулана. Т. IV). Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2022. 160 с.
- Кадырбаев, Курманкулов 1992 — Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпакдалы). Алматы: Наука, 1992. 247 с.
- Носкевич и др. 2017 — Носкевич В. В., Федорова Н. В., Ткачев В. В., Байтлеу Д. А., Юминов А. М. Реконструкция древних медных карьеров бронзового века по георадарным данным // Геофизика. 2017. № 1. С. 56–62.
- Русанов, Ермолаева 2011 — Русанов И. А., Ермолаева А. С. Металлургия меди на поселении эпохи бронзы Талдысай (реконструкция древнего производства) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии имени А. Х. Маргулана (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.) / отв. ред. А. З. Бейсенов. Т. 1. Алматы: Ин-т археол. им. А. Х. Маргулана, 2011. С. 321–329.
- Ткачев и др. 2014 — Ткачев В. В., Байтлеу Д. А., Юминов А. М. Освоение меднорудных ресурсов Западного Казахстана в бронзовом веке // Труды Филиала института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. 3. Астана: Издательская группа ФИА в г. Астана, 2014. С. 97–115.
- Ткачев и др. 2016 — Ткачев В. В., Байтлеу Д. А., Юминов А. М. Некоторые итоги исследования Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Актуальные проблемы археологии Евразии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 703–716.
- Ткачев, Богданов 2022 — Ткачев В. В., Богданов С. В. Назначение шахтных печей Западноазиатской Металлургической Провинции // Уральский исторический вестник. 2022. № 4(77). С. 41–54.
- Ermolaeva et al. 2013 — Ermolaeva A., Kurmankulov J., Erjanova A., Rusanov I. Die Siedlung Taldysaj — Ein Denkmal der technischen Kultur der alten Stämme der Region Zerkazgan-Ulytay (Zentral Kazakhstan) // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. In 2 Bänden. 1. Bd. / A. Gorelik, T. Stöllner, Z. Samašev, G. Körlin. Bochum: DBM, 2013. Pp. 441–454.
- land: 2020 investigation results. In: Urazova A. B. (ed.) Kadyrbayev Readings — 2020. Conference proceedings (Aktobe, 27–28 November 2020). Aktobe: Aktobe Regional Museum of Local History and Lore, 2020. Pp. 7–22. (In Russ.)

References

- Avanesova N. A. Bronze Age Pastoralist Culture of the Asian Soviet Union: A Study of Metal Items. Tashkent: Fan, 1991. 200 p. (In Russ.)
- Baitileu D. A., Kaliyeva Zh. S. Bronze Age site of Tarangul in northern parts of the Or-Ilek Up-

- Baitileu D. A., Kaliyeva Zh. S., Iskakov A. Sh. Bronze Age site of Tarangul: 2021 investigation results (A preliminary report). In: Ongar A., Baytanaev B. A., Mamirov T. B. (eds.) *The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research (Margulan Readings — 2021). Conference proceedings (Almaty, 26–27 October 2021)*. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2021. Pp. 198–206. (In Russ.)
- Baitileu D. A., Shagirbayev M. S. Analysis of archaeozoological materials from Tarangul settlement (Preliminary data). *Kazakhstan Archeology*. 2021. No. 2(12). Pp. 141–151. (In Russ.)
- Brovender Yu. M. Experience of experimental studies on copper smelting from Kartamysh ore occurrences in Donbass. In: A gapov S. *Experimental Archeology: View into the XXI Century. Field-science conference proceedings (Novaya Bedenga, 6–12 August 2012)*. Ulyanovsk: Pechatnyi Dvor, 2013. Pp. 127–151. (In Russ.)
- Dergachev V. A., Bochkarev V. S. *Metal Sickles of Late Bronze Age Eastern Europe*. Kishinev: High Anthropological School University, 2002. 348 p. (In Russ.)
- Ermolaeva A. S. To the problems of metal production from the Bronze Age of Kazakhstan. *World of the Great Altai*. 2017. No. 3(4). Pp. 481–493. (In Russ.)
- Ermolaeva A., Kurmankulov J., Erjanova A., Rusanov I. Die Siedlung Taldysaj — Ein Denkmal der technischen Kultur der alten Stämme der Region Zezkazgan-Ulytay (Zentral Kazakhstan). In: Stöllner T., Samašev Z., Gorelik A., Körlin G. (eds.) *Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens*. In 2 vols. Vol. 1. Bochum: DBM, 2013. Pp. 441–454. (In Germ.)
- Ermolaeva A. S., Rusanov I. A. Experimental Modelling of Metallurgical Furnaces from Taldysay Settlement (Proceedings of Margulan Institute 4). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2022. 160 p. (In Russ.)
- Ermolaeva A. S., Rusanov I. A. Taldysay settlement — a most ancient metallurgical site of Eurasia. *Cultural Heritage (Мәдени мұра = Культурное наследие)*. 2016. No. 5(68). Pp. 82–87. (In Russ.)
- Grigoriev S. A. About “metallurgical furnaces of shaft type” in the Late Bronze Age of Kazakhstan. *Kazakhstan Archeology*. 2022. No. 4(18). Pp. 58–72. (In Russ.)
- Grigoriev S. A. Bronze Age wells: On some aspects of functioning and identification. In: Loman V. G. (ed.) *Archaeological Investigations of Eurasian Steppe. Jubilee edition*. Karaganda: Tengri Ltd., 2013. Pp. 96–102. (In Russ.)
- Grigoriev S. A. Metallurgy in Bronze Age Central Kazakhstan. In: *The Steppe Civilization of East Eurasia. Vol. 1: Ancient Times*. Astana: Kültegin, 2003. Pp. 125–145. (In Russ.)
- Grigoriev S. A. Metallurgy in Bronze Age North Eurasia. Chelyabinsk: Cicero, 2013. 660 p. (In Russ.)
- Grigoriev S. A. Metallurgy in the Middle Bronze Age Southern Urals. In: Ivanova N. O. (ed.) *Ancient History of the Southern Urals: The Stone and Bronze Ages*. Chelyabinsk: South Ural State University, 2000. Pp. 444–531. (In Russ.)
- Grigoriev S. A., Rusanov I. A. Experimental reconstruction of ancient metallurgical techniques. In: Ivanova N. O. (comp.) *Arkaim: Investigations, Explorations, Discoveries*. G. Zdanovich (ed.). Chelyabinsk: Kamennyi Poyas, 1995. Pp. 147–158. (In Russ.)
- Kadyrbayev M. K., Kurmankulov Zh. *Ancient Saryarka Culture of Pastoralists and Metal-Makers: A Study of Material from Northern Betpaqдала*. Almaty: Nauka, 1992. 247 p. (In Russ.)
- Noskevich V. V., Fedorova N. V., Tkachev V. V., Baitileu D. A., Juminov A. M. Reconstruction of ancient Bronze Age copper quarries by GPR data. *Geophysics*. 2017. No. 1. Pp. 56–62. (In Russ.)
- Rusanov I. A., Ermolaeva A. S. Copper metallurgy at the Bronze Age settlement of Taldysay: Reconstructing the ancient techniques. In: Beyenov A. Z. (ed.) *Archaeology of Independent Kazakhstan: Outcomes and Prospects. Jubilee conference proceedings (Almaty, 12–15 December 2011)*. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2011. Pp. 321–329. (In Russ.)
- Tkachyov V. V., Baitileu D. A., Yuminov A. M. Some results of research Mugalzhar mining and metallurgical centre in Late Bronze Age. In: Baitanayev B. A. et al. (eds.) *Actual Problems of Eurasian Archaeology. Jubilee conference proceedings (Almaty, 18–19 October 2016)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2016. Pp. 703–716. (In Russ.)
- Tkachev V. V., Bogdanov S. V. The purpose of shaft-type furnaces of the West Asian metallurgical province. *Ural Historical Bulletin*. 2022. No. 4 (77). Pp. 41–54. (In Russ.)
- Tkachyov V. V., Yuminov A. M., Baitileu D. A. Development of copper-ore resources of the Western Kazakhstan in Bronze Age. *Trudy Filiala instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana*. Vol. 3. Astana, 2014. Pp. 97–115. (In Russ.)
- Yermolaeva A. S., Kuzminykh S. V., Ankushev M. N., Dubyagina Ye. V. Metal production at the settlement of Taldysay in Zhezkaz-

zgan-Ulytau mining and metallurgical center. In: Polyakov A. V., Tkach E. S. et al. (eds.) *Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts)*. Jubilee conference proceedings (St. Petersburg, 18–22 November

2019). Vol. 2: *Connections, Contacts and Interactions between Ancient Cultures of Northern Eurasia and Civilizations of the East during the Palaeometal Period (4th–1st Mil. BC)*. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Tipografiya, 2019. Pp. 92–95. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 141–157, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.222

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-141-157

О некоторых особенностях конструкции и покроя хулагуидских, чагатайских и тимуридских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных доспехов XIV–XV вв.

Леонид Александрович Бобров¹, Айболат Кайрслямович Кушкумбаев²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

0000-0001-5071-1116. E-mail: [spsml\[at\]mail.ru](mailto:spsml[at]mail.ru)

² Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 2, блок 1, оф. 8, ул. Туркестан, 010016 Астана, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

0000-0002-7276-4849. E-mail: [aibolat7\[at\]mail.ru](mailto:aibolat7[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены пластинчатые панцири с внутренним бронированием воинов Хулагуидского Ирана, Чагатайского улуса и империи Тимуридов. В современном оружейоведении подобные доспехи известны, как «куяки» или «бригандины». *Цель* исследования — выявить особенности конструкции и покроя некоторых разновидностей хулагуидских, чагатайских и тимуридских «куяков» XIV–XV вв. *Результаты.* Сопоставление археологических и изобразительных материалов позволило выдвинуть гипотезу о существовании особой разновидности комбинированных «куяков», в которых часть пластин приклепывалась, а часть пришивалась к органической основе доспеха с ее внутренней стороны. Такие клепа́но-нашивные панцири могли применяться воинами Хулагуидского Ирана в конце XIII в. – начале XIV в. В исторической перспективе подобные доспехи могли являться переходным звеном между пластинчато-нашивными панцирями XIII в. и пластинчато-клепанными «бригандинами» более позднего периода. На основании комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных материалов также установлено, что в конце XIV–XV вв. в Мавераннахре, Хорасане и сопредельных территориях получила распространение особая разновидность пластинчато-клепанных доспехов, сочетавших бронированный корпус и длинный небронированный подол. Столь необычный покрой панциря был обусловлен появлением и распространением новой разновидности кольчато-пластинчатых набедренников «дызлык-бутлук», которые снизили актуальность тяжелых бронированных подолов центральноазиатского образца. Учитывая ареал распространения подобных доспехов, они могут быть условно обозначены, как «куяки тимуридского типа». *Выводы.* Вытеснение пластинчато-клепанных панцирей «тимуридского типа» из военного обихода народов Средней Азии было вызвано сменой местной военно-культурной традиции в результате крушения государств Тимуридов в начале XVI в.

Ключевые слова: Хулагуиды, Чагатайский улус, Тимуриды, чагатайский доспех, тимуридский доспех, «куяк», «бригандина»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Для цитирования: Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К. О некоторых особенностях конструкции и покроя хулагуидских, чагатайских и тимуридских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных доспехов XIV–XV вв. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 141–157. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-141-157

Hulaguid, Chagatai and Timurid Armor Garments with Internally Sewn and Riveted Plates, Fourteenth–Fifteenth Centuries: On Some Features of Design and Cut

Leonid A. Bobrov¹, Aibolat K. Kushkumbayev²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

² Institute for the Study of the Ulus of Jochi (Office 8, 2/1 Turkestan St., 010016 Astana, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., 2024

Abstract. Introduction. The paper considers body armor patterns with hidden plates worn by warriors of Hulaguid Iran, Chagatai Ulus, and the Timurid Empire. In contemporary weapon studies, such armor is known as ‘kuyak’ or ‘brigandine’. **Goals.** The study aims at identifying features of design and cut inherent to some types of Hulaguid, Chagatai and Timurid ‘kuyaks’ from the fourteenth–fifteenth centuries. **Results.** Comparative insights into archaeological and graphic materials yield a hypothesis there may have existed a special variety of combined ‘kuyaks’ with some plates riveted and some sewn to an organic backing on the inside. Such armor garments could have been used by warriors of Hulaguid Iran in the late thirteenth or early fourteenth centuries. From a historical perspective, such armors could be a variation between thirteenth-century armor garments with sewn-in plates and — ‘brigandines’ with riveted-in plates of the subsequent era. Our comprehensive analysis of written and graphic data also concludes that the late fourteenth and fifteenth centuries in Transoxiana, Khorasan and adjacent territories were characterized by a widespread occurrence of special plated-and-riveted armors combining an armored torso part and a long unarmored skirt. The unusual design resulted from the appearance and spread of a new mail-and-plate hip defense element referred to as ‘dyzlyq-butluq’, which made the heavy armored Central Asian skirts not that relevant. In view of the armors’ distribution area, they can be labeled as ‘Timurid-type kuyaks’. **Conclusions.** The replacement of ‘Timurid-type’ armors (with riveted-in plates) from combat practices of Central Asian peoples was caused by a change in the local military-cultural tradition in the aftermath of collapses of the Timurid states throughout the early sixteenth century.

Keywords: Hulaguids, Chagatai Ulus, Timurids, Chagatai armor, Timurid armor, ‘kuyak’, ‘brigandine’

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН BR18574101.

For citation: Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K. Hulaguid, Chagatai and Timurid Armor Garments with Internally Sewn-and-Riveted Plates, Fourteenth–Fifteenth Centuries: On Some Features of Design and Cut. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 141–157. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-141-157

1. Введение

Магистральным направлением эволюции пластинчатых доспехов восточной и значительной части центральной Евразии в период позднего Средневековья и раннего Нового времени стал процесс постепенного замещения пластинчато-ременных (ламеллярных, ламинарных) панцирей их пластинчато-нашивными и пластинчато-клепанными аналогами¹. В Западной Европе этот новый тип корпусной брони стал обозначаться термином «бригандина» (англ. brigandine, нем. brigantine), а у тюркских народов и на Руси — «куяк» (от монг. *хуяг*)². Отличительной особенностью эталонных образцов таких доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепились к плотной органической (как правило, многослойной) основе с ее внутренней стороны [Бобров, Ожередов 2021: 26–37; Бобров, Зозуля 2022: 121].

Конец доминированию пластинчато-клепанных панцирей в Западной Европе положил латный доспех, а в мусульманском мире — кольчато-пластинчатая броня. Однако на востоке континента пластинчато-клепанные панцири не только не утратили популярности, но даже расширили первоначальный ареал своего распространения. В середине XVII – первой половине XIX вв. они превратились в преобладающую разновидность металлического доспеха воинов Китая, Маньчжурии, Кореи, Южной и Северной Монголии, Саяно-Алтая, Байкальского региона и некоторых других территорий.

Тема эволюции азиатских «бригандин» и «куяков» неоднократно становилась объектом оружейно-исторических исследований. Однако данная проблематика изучена весьма неравномерно. Большинство профильных работ посвящено пластинчато-нашивным и пластинчато-клепанным доспехам Китая, Маньчжурии, Монголии и Южной Сибири, в то время их аналоги, происходящие с территории мусульманского Востока, долгое

время не привлекали должного внимания специалистов.

Цель статьи — выявить особенности конструкции и покроя некоторых разновидностей хулагуидских, чагатайских и тимуридских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных доспехов XIV–XV вв.

2. Материалы и методы

Всестороннее изучение защитного вооружения интересующего нас региона возможно на основе комплексного анализа вещественных (в том числе археологических), изобразительных и письменных источников. Особый интерес представляют тебризские, гератские и ширазские книжные миниатюры XIV–XV вв., которые достаточно точно отображают особенности защитного вооружения воинов региона анализируемого периода [Gorelik 1979: 31–51, 56–63; Горелик 1983: 245–268; Горелик 1987: 172–176, 178–202].

При системном анализе доспехов в современном российском оружейноведении применяются три классификации: первая для защитных элементов (панцирных пластин и колец), вторая — для защитного покрытия в целом (как совокупности защитных элементов), третья — для покроя панцирей. Принципы классификации защитных элементов и панцирей были подробно описаны нами в более ранних исследованиях [Бобров, Худяков 2008: 366–410; Бобров, Ожередов 2021: 12, 13]. В настоящей статье кратко охарактеризуем принципы классификации защитного покрытия.

Для описания конструкции защитного покрытия нами были введены понятия «структура бронирования» и «панцирный набор». Структура бронирования определяется по системе соединения защитных элементов (пластин, колец) между собой и (или) органической основой. «Панцирные наборы» выделяются внутри структур бронирования на основе формы, размеров, пропорций и особенностей расположения защитных элементов.

На протяжении интересующего нас периода на территории Передней, Средней, Центральной и континентальной Восточной Азии применялись пять основных структур

¹ Причины этого феномена были разобраны нами в более ранней работе [Бобров, Ожередов 2021: 33–37].

² В настоящей работе термины «бригандина» и «куяк» используются как синонимы.

бронирования с соответствующими им панцирными наборами:

1) пластинчато-ременная структура бронирования («ламеллярный», «ламинарный», «ламинарно-ламинарный» наборы и др.);

2) пластинчато-нашивная структура бронирования («чешуйчатый» набор, «шаньвэнь цзя»¹, «куяшный» пластинчато-нашивной набор и др.);

3) пластинчато-клепанная структура бронирования («куяшный» или «бригандинный» пластинчато-клепанный набор, ламинарный набор с заклепочным соединением и др.);

4) кольчатая структура бронирования («кольчужный», «пансырный», «байданый» наборы);

5) кольчато-пластинчатая структура бронирования («бехтерный», «юшманный», «калантарный», «зерцальный» наборы).

Под пластинчато-нашивным набором мы понимаем разновидность защитного покрытия, в рамках которой защитные элементы (в данном случае — панцирные пластины) пришиваются к органической основе с помощью ремешков, нитей и др.

Под пластинчато-клепанным набором мы понимаем разновидность защитного покрытия, при которой защитные элементы (в данном случае — панцирные пластины) крепятся к органической основе доспеха с помощью металлических заклепок. В подавляющем большинстве случаев пластины приклепывались с внутренней стороны органической основы таким образом, что посторонний зритель мог видеть лишь ряды шляпок заклепок на лицевой стороне доспеха.

3. Основные направления эволюции пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных азиатских доспехов развитого и позднего Средневековья

По данным М. В. Горелика, пластинчато-нашивные панцири с внутренним бронированием впервые появились в Китае в VIII в., как придворный парадный военный костюм, в котором роскошь придворного одеяния сочеталась с защитными функци-

¹ «Шаньвэнь цзя» — китайская разновидность пластинчато-нашивного доспеха с внешним бронированием, при котором лицевая сторона панциря обшивалась мелкими трехлучевыми пластинками.

ями панциря [Горелик 1987: 183]. Однако по-настоящему широкое распространение они получили в период развитого и особенно позднего Средневековья. В XIV–XV вв. пластинчато-нашивные и пластинчато-клепанные доспехи были распространены на огромных пространствах Евразии от атлантического побережья до Желтого моря и от сибирской тайги до Индийского океана².

В настоящее время затруднительно сказать, восходят ли пластинчато-нашивные доспехи XIII в. непосредственно к танским придворным панцирям раннего Средневековья. На наш взгляд, наиболее популярные разновидности пластин ранних центральноазиатских и южносибирских «куяков» (в первую очередь прямоугольные пластины с 2–3 парами отверстий³) могут являться результатом эволюции больших цзиньских (чжурчжэньско-китайских) ламеллярных пластин второй половины XII – первой трети XIII в., имевших схожий принцип размещения отверстий [Артемьева, Прокопец 2012: 136 (рис. 4, 1–40), 138, 139]. Со временем они достигли столь внушительных размеров, что ламеллярный способ соединения пластин с помощью кожаных ремешков стал неудобен, и их начали нашивать на органическую основу.

Анализ вещественных материалов показал, что на протяжении периодов развитого и позднего Средневековья, а также раннего Нового времени анализируемые нами структуры бронирования активно эволюционировали. Основные изменения затрагивали способ соединения пластин с органической основой, а также конструкцию самих пластин [Бобров, Ожередов 2021: 27].

Эволюция крепежной системы определялась поиском оптимальной формы соединения металлических и органических

² Весьма вероятно, что распространению данных структур бронирования в Передней Азии и Европе способствовали монголы и их южносибирские вассалы, среди которых пластинчато-нашивные доспехи пользовались значительной популярностью [Горелик 1983: 251–255; Горелик 1987: 167, 183, 184; Худяков 1997: 19–21].

³ См. илл. 1: 1. Подобные пластины с шестью отверстиями являются одной из основных разновидностей пластин южносибирских «куяков» XIII – середины XIV вв. [Бобров, Ожередов 2021: 27–29].

деталей доспеха. Первоначально пластины нашивались на внутреннюю или внешнюю сторону органической основы «куяка» с помощью шнуров, ремешков или нитей. Для этого в них проделывались специальные (часто парные) отверстия, через которые и пропускались шнуры (см. илл. 1: 1). Однако позднее пластины стали приклепывать к органической основе панциря с помощью металлических заклепок (см. илл. 1: 2). Подобное крепление оказалось более функциональным и надежным, что и обусловило его преобладание в XV–XVIII вв. При этом часть пластин от пластинчато-нашивных доспехов подверглась модернизации, в ходе которой они были снабжены заклепками [Бобров, Ожередов 2021: 29]. Такие модернизированные пластины использовались уже в составе более совершенных пластинчато-клепанных доспехов (см. илл. 1: 3).

До нашего времени дошли не только отдельные экземпляры, но и целые наборы «куяшных» пластин XIII–XV вв. Численно преобладают наборы, состоящие из пластин либо с нашивной, либо заклепочной системой крепления к органической основе¹. Однако среди известных нам материалов встречаются и наборы, в которых пластины с отверстиями для пришивания сочетаются с пластинами с заклепками. К их числу относятся не только случайные находки конца XX – начала XXI в. с территории Южной Сибири и Монголии, но и такие эталонные образцы, как, например, знаменитый набор «куяшных» пластин с Абаканского железного рудника, также известный как «Абазинский доспех» [Сунчугашев 1979: 133, 134, табл. XXVI, рис. 4–8; Худяков 1980: 123–125; Горелик 1987: 167, рис. 23, 184]. Не исключено, что в указанных случаях мы имеем дело не с целыми доспехами, а с так называемыми «оружейнымикладами», в которых новые пластины с заклепками могли дополняться более ранними нашивными аналогами. Однако возможна и иная версия подобных находок. В частности они могут быть интерпретированы как остатки «куяков» переходного периода, в которых нашивная система крепления пластин могла сочетаться с заклепочной.

¹ В составе последних нередко фиксируются модернизированные пластины с отверстиями и заклепками [Бобров, Филиппович 2023: 103, 107–111, 115–118].

4. Хулагуидские «куяки» начала XIV в.

Косвенным подтверждением возможности существования комбинированных клепапно-нашивных доспехов, на наш взгляд, могут служить изображения «куяков» на тебризских миниатюрах начала XIV в. Наибольший интерес для нашего исследования представляют миниатюры из «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, хранящиеся в фондах Эдинбургского университета (см. илл. 1: 4–8). В научной среде ведутся дискуссии относительно времени выполнения данного варианта «Джами ат-таварих». По одной версии, работа над списком была завершена в 1306 г. (возможно, в 1306–1308 гг.), согласно второй — в 1314–1315 гг. Так или иначе, но практически все исследователи сходятся на том, что, независимо от сюжетов миниатюр, при изображении воинов художник вдохновлялся образом панцирников монгольской династии Хулагуидов, правившей Ираном со второй половины 50-х гг. XIII в. до середины 30-х гг. XIV в.

На известных нам миниатюрах «куяки» показаны четыре раза (см. илл. 1: 5–8)². Они изображены в виде распашных халатов с широкими и длинными (до колен или ниже) набедренниками и листовидными наплечниками³. Последние доходят до локтя и составляют единое целое с корпусным панцирем.

² Гипотетически «бригандина» может быть изображена еще на одном рисунке (см. илл. 1: 4). Однако в отличие от указанных случаев заклепки на этом панцире тщательно не прорисованы, а принимаемые за них цветные точки в мелких ячейках могут являться узорами на поверхности органической основы доспеха. Стилистика и особенности передачи данного образца защитного вооружения не позволяют уверенно отнести его именно к пластинчато-клепанным «куякам», а не, например, к стеганым «хатангу дэ-гэль», покрытым узорчатой тканью с ячеистым (сотовидным) рисунком. Стоит отметить, что на других миниатюрах рассматриваемой хроники подобным ячеистым узором украшены матерчатая обивка спинки трона полководца Бахрама Чубина (см. илл. 1: 6), ковры, покрывающие спины слонов и др.

³ Не исключено, что в одном случае изображен доспех, скроенный в виде распашной куртки с осевым разрезом, наплечниками и коротким подолом до бедер (см. илл. 1: 7). Однако уверенно утверждать этого нельзя, так как край подола скрыт боковой стенкой трона правителя.

Илл. 1. Панцирные пластины от «куяков» XIII–XV вв. и изображения хулагуидских доспехов начала XIV в.: 1 — пластина с отверстиями для пришивания к органической основе панциря; 2 — пластина с заклепками; 3 — модернизированная пластина для пришивания, дополненная заклепками; 4–8 — «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, 1306–1308 гг. или 1314–1315 гг., Эдинбургский университет [Ill. 1. Armor plates of thirteenth–fifteenth century 'kuyaks' and images of early fourteenth century Hulaguid armor sets: 1 — a plate with holes to be sewn through onto some organic base; 2 — a plate with rivets; 3 — a modernized plate to be sewn in, supplemented with rivets; 4–8 — *Jami at-Tawarikh* by Rashid al-Din, 1306–1308 or 1314–1315, University of Edinburgh]

Края наплечников (а в двух случаях и — подола) оформлены округлыми фестонами. Там, где воины обращены лицом к зрителю, видно, что доспехи имеют сплошной осевой разрез (см. илл. 1: 6, 8). Верхняя часть наспинника «куяка» украшена характерным узором в виде стилизованной летящей птицы (илл. 1: 5)¹. Не исключено, что эта желтая нашивка окаймляет дополнительный короткий разрез на наспинной части доспеха². Желтая окантовка также пропущена по краю наплечников, подола и осевого разреза. В одном случае край подола оформлен двойным желтым кантом. Пространство между ними заполнено флоральным узором (см. илл. 1: 8). Доспехи крыты тканью светло-желтого (см. илл. 1: 5), светло-голубого (см. илл. 1: 6) или белого (см. илл. 1: 7, 8) цвета. Материя украшена густым растительным орнаментом в виде цветочных бутонов и листьев, вышитых красными, сиреневыми и зелеными нитями соответственно.

На то, что перед нами не обычные стеганые «хатангу дэгэль», а панцири, снабженные пластинчатым подбоем, указывают ряды заклепок на поверхности доспехов. Последние окрашены художником в желтый цвет. Не исключено, что подобным образом мастер попытался передать их блестящую (медную, позолоченную?) поверхность³.

Однако заклепки расположены не по всей поверхности «куяков» (как на их позднейших аналогах), а покрывают доспех лишь частично. В первом случае они изображены на нижней части наплечников, нижней части спины и нижней части подола (см. илл. 1: 5), во втором случае заклепки показаны на верхней части наплечников,

верхней части бедра и голени (см. илл. 1: 6), на третьем панцире заклепки покрывают нижнюю часть наплечников, верхнюю часть груди и живот (см. илл. 1: 7), а на четвертом доспехе — лишь верхнюю часть наплечников и нижнюю часть набедренника (см. илл. 1: 8).

Представляется возможным предложить два варианта реконструкции защитного покрытия подобных доспехов. Согласно первой, перед нами стеганый панцирь «хатангу дэгэль», усиленный железными пластинами с заклепками. Однако в этом случае непонятно, почему состоятельные воины и полководец оставили без пластинчатой защиты те части тела, которые могут оказаться наиболее уязвимыми в бою: плечи, верхняя часть корпуса и бедра — в первом случае; локти, живот и колени — во втором, плечи и нижняя часть груди — в третьем, весь корпус, локти и большую часть бедер — в четвертом. Кроме того, сам факт сколько-нибудь широкого распространения стеганых на вате доспехов, усиленных железными пластинами, является предметом научной дискуссии. Органическая основа практически всех известных азиатских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепаных «куяков» выполнена из нескольких слоев ткани (иногда комбинированных с тонкой кожей), но не имеет толстой ватной прокладки. С другой стороны, дошедшие до нашего времени стеганые ватные панцири, как правило, лишены пластин панцирного подбоя⁴.

Это позволяет рассмотреть вторую версию интерпретации указанных изображений. Согласно ей, на изучаемых тебризских миниатюрах показаны комбинированные доспехи, сочетающие нашивную и заклепочную систему крепления пластин. В этом случае под лишенной заклепок поверхностью панциря также скрываются железные пластины, которые, однако, не приклепаны, а пришиты с внутренней стороны органической основы доспеха (см. илл. 1: 1). Подобная гипотеза объясняет наличие в одном археологическом памятнике как пластин с нашивным, так и с заклепочным соединением. Однако в этом случае возникает вопрос:

¹ Этот орнаментальный мотив (каз. *кузканаты*) сохраняется у монгольских и тюркских кочевников вплоть до этнографического времени.

² Возможно, что таким образом оформлялись доспехи, имевшие туникообразный покрой и одевавшиеся через голову. Для облегчения одевания шейный вырез снабжался короткими разрезами на нагрудной и наспинной части доспеха. Скроенные подобным образом стеганые панцири изображены на миниатюрах рассматриваемой летописи «Джами ат-таварих».

³ На одном из «куяков» панцирные заклепки выполнены желтой краской, но не обведены черным контуром, из-за чего их можно заметить лишь при детальном осмотре миниатюры (см. илл. 1: 8).

⁴ Позднейшие цинские стеганые доспехи-олбо XVIII–XIX вв. могли снабжаться декоративными заклепками, но опять же без панцирных пластин с внутренней стороны органической основы.

по какой причине разные части доспеха бронировались пластинами с разной системой крепления? Ответить на него, возможно, позволит предметная реконструкция подобных комбинированных клепадно-нашивных пластинчатых доспехов.

Если наше предположение верно, то в исторической перспективе клепадно-нашивные «куяки», вероятно, представляют собой промежуточное звено между пластинчато-нашивными и пластинчато-клепанными панцирями. Судя по материалам миниатюр «Джами ат-таварих», на территории Хулагуидского Ирана они применялись в конце XIII – начале XIV в. Стоит обратить внимание на тот факт, что в это время «куяки» в регионе, по всей видимости, имели ограниченное распространение. Во всяком случае, на несколько десятков изображений воинов в ламеллярных, ламеллярно-ламинарных и стеганых доспехах на миниатюрах «Джами ат-таварих» приходится лишь четыре достоверных изображения панцирников в «куяках».

В то же время значительный интерес представляет тот факт, что подобные доспехи относились к комплексу защитного вооружения знати и наиболее состоятельных воинов. На это указывает как богатая отделка «куяков», так и тот факт, что на миниатюрах рукописи их носят весьма высокопоставленные персонажи — элитный воин (командир или поединщик?) армии Пенджаба (см. илл. 1: 5), знаменитый полководец и завоеватель Махмуд Газневи (см. илл. 1: 6), а также панцирники из его окружения (см. илл. 1: 7, 8).

5. Тимуридские пластинчато-клепанные доспехи конца XIV–XV в.

Второй вопрос, который бы хотелось рассмотреть в рамках настоящей работы, связан с особенностями бронирования и покроя тимуридских «куяков» конца XIV–XV в.

К этому времени пластинчато-клепанные панцири были уже широко представлены в комплексе защитного вооружения воинов Средней и Передней Азии. Судя по данным вещественных, изобразительных и письменных источников, именно «куяки» вместе с кольчугами стали основными разновидностями корпусного металлического

доспеха панцирников Мавераннахра и Хорасана последней трети XIV–XV вв.

Интересное описание среднеазиатских пластинчатых доспехов начала XV в. оставил кастильский посол Руй Гонсалес де Клавихо, который в 1404–1406 гг. совершил поездку в Самарканд и был принят лично Амиром Тимуром. В столице великого завоевателя кастильского дипломата особо заинтересовал знаменитый замок Кок-Сарай, где Тимур «...содержал до тысячи пленных мастеров, *которые делали латы* (здесь и далее курсив наш. — Л. Б., А. К.), шлемы, луки, стрелы и круглый год работали на него» [Клавихо 1990: 140, 194]. После того, как Амир Тимур вернулся из многолетнего похода, он «...приказал нести перед ним все оружие, которое сделали его пленники после того, как он ушел из города. Среди этого оружия несли *три тысячи пар лат, украшенных красным сукном, хорошо исполненных*; только они не делают их очень крепкими и не умеют закалять железо. Потом принесли перед [сеньором] много шлемов; в тот день Тамурбек распределил эти шлемы и латы и роздал их кавалерам и прочим особам ... *а латы сделаны так же, как и наши, только у них низ из иной ткани и виден изпод лат, как рубашка*» [Клавихо 1990: 141].

Данный вариант перевода, выполненный И. С. Мироковой, можно уточнить, сопоставив его с оригинальным испанским текстом «Vida y hazañas del Gran Tamorlán, con la descripción de las tierras de su imperio y señorío» изданном в Севилье в 1582 г. [Clavijo 1582: 59a]¹. Кроме того известный интерес представляет сравнение перевода И. С. Мироковой с более ранним русским переводом И. И. Срезневского и английским переводом Г. Ле Стрэнджа [Жизнь и деяния 1881: 334; Clavijo 1928: 293].

Словом «латы» И. С. Мирокова передала испанский термин «fojas». Однако в действительности его значение несколько более узкое — «листы» / «пластины», т. е. «fojas» в данном контексте — это «пластинчатые доспехи»². На Пиренейском полуострове

¹ Авторы выражают благодарность директору Центра испанского языка и культуры Новосибирского государственного университета И. А. Сухининой за помощь в интерпретации некоторых испанских слов и выражений, приведенных в настоящей публикации.

² Ср. с переводом Г. Ле Стрэнджа, который

во второй половине XIV–XV вв. термином «fojas» обычно обозначались пластинчато-клепанные панцири с внутренним бронированием, т. е. «бригандины». Косвенным подтверждением подобной интерпретации служит упоминание Р. Г. де Клавихо о том, что «fojas» были «украшены (укрыты?) красным сукном», т. е., вероятно, имели внешнее матерчатое покрытие красного цвета. Стоит также отметить, что в конце XIV – начале XV в. европейские и мусульманские «бригандины», были, действительно, весьма близки как по своей конструкции, так и системе декоративного оформления, в то время как другие виды и типы пластинчатых азиатских доспехов (ламеллярные, ламинарные, кольчато-пластинчатые) существенно отличались от синхронных образцов западноевропейского защитного вооружения. Тот факт, что Р. Г. де Клавихо подчеркивает сходство чагатайских и кастильских «fojas», позволяет предположить, что под ними в данном случае понимались именно пластинчато-клепанные «бригандины».

Однако наибольший интерес для темы настоящего исследования представляет сообщение Р. Г. де Клавихо об особенностях конструкции и покроя упомянутых пластинчатых доспехов: «...las fojas son fechas como las nuestras, *saluo q an vnas faldas luengas de otro pano que salen de baxo delas fojas como camissas*» [Clavijo 1582: 59a].

Данную фразу И. С. Мирокова перевела следующим образом: «...латы сделаны так же, как и наши, *только у них низ из иной ткани и виден из-под лат, как рубашка*» [Клавихо 1990: 141].

У И. И. Срезневского тот же пассаж переведен несколько иначе: «...латы сделаны так же, как наши, *только у них спускается полоса из другой ткани и видна из-под лат как рубашка*» [Жизнь и деяния 1881: 334].

Еще одну возможную интерпретацию текста Р. Г. де Клавихо предложил Г. Ле Стрэндж: «These suits of plate-armour are composed very much as is the custom with us in Spain, *but they wear a long skirt, made of a material other than that is plate-armoured, and this comes down so as to appear below, as might be with us a jerkin*» [Clavijo 1928: 293].

Таким образом, главным отличием чагатайско-тимуридских «fojas» от испанских перевел «fojas» на английский язык как «plate-armour» [Clavijo 1928: 293].

пластинчато-клепанных доспехов были некие «faldas», видневшиеся или спускавшиеся из-под корпусного панциря, наподобие «длинной юбки» («long skirt» у Г. Ле Стрэнджа).

Действительно, характерной особенностью азиатских «бригандин» по сравнению с европейскими аналогами был длинный бронированный подол, доходивший до колен или до середины голени (см. илл. 1: 5, 6, 8). Однако из описания Р. Г. де Клавихо видно, что «faldas» показанных Амиру Тимуру доспехов были выполнены из ткани и, в отличие от корпусной части панциря, по всей видимости, не были бронированы железными пластинами.

Для того чтобы понять, о чем идет речь в рассматриваемом тексте, следует обратиться к изобразительным и вещественным источникам. Анализ изображений XIV в. свидетельствует, что воины Передней и Средней Азии данного периода использовали два основных варианта покроя «бригандин». В первом случае панцирь представлял собой короткую кирасу или жилет, дополненный наплечниками (или нарукавьями) и набедренниками [Бобров 2023: 470, илл. 2: 2]. Во втором — «куяк» был скроен в виде халата с длинным подолом (илл. 1: 5, 6, 8). Однако во всех указанных случаях как набедренники, так и подол были бронированы панцирными пластинами, что не соответствует описанию Р. Г. де Клавихо.

Интересующий нас покрой пластинчато-клепанных доспехов можно увидеть на более поздних книжных миниатюрах, датированных XV в. (см. илл. 2: 3).

Наиболее подробные и достоверные изображения подобных доспехов встречаются на рисунках конца XV в., выполненных знаменитым гератским художником Кемаль ад-Дином Бехзадом к рукописи «Зафар-наме», посвященной завоевательным походам Амира Тимура (см. илл. 2: 1–11).

Пластинчато-клепанные панцири на рисунках Бехзада показаны в виде длиннополых безрукавных халатов со сплошным осевым разрезом. Корпусная часть халата покрыта рядами заклепок, обычно сгруппированных по три (см. илл. 2: 1–8, 10)¹. Судя

¹ На то, что это именно заклепки, а не узоры на ткани, указывает их характерная форма и расположение на поверхности органической основы. Орнаментальные узоры на ткани знаме-

по изображениям и находкам «куяшных» панцирных пластин с территории Центральной Азии и Южной Сибири (см. илл. 2: 12), подобный функционально-декоративный способ размещения заклепок был весьма популярен в регионе в XIV–XVII вв. [Горелик 1983: 248, табл. II: 5, с. 253, табл. IV; Бобров, Худяков 2008: 367, 368, 369 (рис. 120: 10, 13), 371 (рис. 123: 7); Бобров, Ожередов 2021: 31, рис. 9].

Как и в описании Р. Г. де Клавихо, длинный подол тимуридских «бригандин» не имеет пластин панцирного подбоя¹, а большинство доспехов покрыто тканью различных оттенков красного цвета: от алого до бордового и пунцового (см. илл. 2: 3–6, 11). Встречаются также панцирные «покрышки» желтого, оранжевого, сиреневого, голубого, зеленого и других цветов (см. илл. 2: 1, 2, 7–9, 10)².

От обычных верхних халатов «куяки» на рисунках Бехзада отличаются не только наличием заклепок, но и особенностями покроя. Они либо вообще не имеют рукавов, либо снабжены очень короткими рукавами, прикрывающими лишь верхнюю часть плеча (см. илл. 2: 1–11)³. Особенно заметно это различие на тех изображениях, где «куяшники» показаны рядом с воинами, одетыми в обычные халаты (см. илл. 2: 9).

Отсутствие наплечников и бронированных рукавов у тимуридских «бригандин» нитый мастер передавал с помощью иных художественных приемов.

¹ Изображения заклепок на поверхности подола отсутствуют (см. илл. 2: 1–11).

² Стоит отметить, что в начале XV в. в составе армии Амира Тимура действовало так называемое «четырёхцветное войско», воины которого использовали доспехи и снаряжение определенного цвета (красного, зеленого, желтого и белого соответственно). Командовал этим корпусом любимый внук завоевателя — Мухаммад-Султан-бахадур [Бобров 2018: 36]. Весьма вероятно, что пластинчато-клепаные доспехи воинов указанных подразделений также были покрыты тканью перечисленных цветов.

³ Схожий покрой имели некоторые разновидности ойратских, монгольских, позднечужжэньских и большинство минских «куяков» середины XVI–XVII вв. [Бобров, Ожередов, 2021: 40–45; 69, 70, 80, 81, 83, 85]. Однако в отличие от тимуридских «бригандин» их центрально- и восточноазиатские аналоги были снабжены бронированным подолом.

конца XV в. компенсировалось длинными пластинчатыми нарукавьями (см. илл. 2: 5) или активным применением круглых щитов-калканов (см. илл. 2: 1, 4, 7, 10). Предплечья воинов нередко защищали створчатые наручи (см. илл. 2: 2, 6).

По сравнению с гератскими аналогами ширазские миниатюры, датированные серединой XV в., несколько более схематичны, но и на них нередко встречаются изображения, которые могут быть интерпретированы как изображения интересующих нас пластинчато-клепанных доспехов (см. илл. 3: 1–13).

Последние представляют все тот же распашной халат с подолом до колен или до середины голени. Главное отличие покроя панцирных халатов ширазских миниатюр от их аналогов на рисунках Бехзада заключается в наличии коротких рукавов, не достигающих до локтя (см. илл. 3: 1–13). Поверхность корпусной части и рукавов «куяков» покрыта заклепками⁴. Последние расположены рядами или в шахматном порядке (см. илл. 3: 1, 2, 9–12), сгруппированы по три, как на гератских миниатюрах (см. илл. 3: 4, 5), или формируют «цветок» — одна заклепка в центре и несколько по периметру (см. илл. 3: 6–8, 13).

Последний вариант изображения можно было бы принять за художественную условность, если бы не находки подлинных панцирных пластин (см. илл. 3: 13), на поверхности которых заклепки были расположены в виде круга или упомянутого «цветка» [Бобров, Худяков 2008: 369, рис. 120: 6; Тюменское и Сибирское ханство 2018: 510, рис. 78, 2; Бобров, Зозуля 2021: 125, 126, илл. 5: 4]. Последний вариант оформления «хребтовых» пластин сохранился на ойратских и южносибирских «бригандинах» вплоть до XVII — первой половины XVIII вв. (см. илл. 3: 14).

На длинном подоле доспеха заклепки (а значит, и панцирные пластины подбоя) отсутствуют (см. илл. 3: 1–13). На некоторых изображениях небронированный подол и вовсе заправлен в широкие штаны-шалбары.

⁴ Декоративные узоры на ткани и коже обычно изображались ширазскими художниками иначе. См., например, орнаменты на поверхности налуча и колчана (см. илл. 3: 6, 7, 11), нагрудной части халата (см. илл. 3: 12) и подола (см. илл. 3: 8).

Илл. 2. Изображения пластинчато-клепанных доспехов «тимуридского типа», «Зафар-намэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, Кемаль ад-Дин Бехзад, 90-е гг. XV в., Музей изящных искусств, г. Бостон (1–12), и панцирная пластина от «куяка» с тремя заклепками (13)

[Илл. 2. Images of 'Timurid-type' armors with riveted-in plates ('brigandines'): *Zafarnama* by Sharaf al-Din Ali Yazdi, Kamāl ud-Dīn Behzād, 1490s, Museum of Fine Arts, Boston (1–11); 12 — an armor plate of a 'kuyak' with three rivets (13)]

В ряде случаев «бригандины» дополнены в районе паха матерчатым сегментом трапециевидной формы (см. илл. 3: 6, 7). Этот элемент может быть интерпретирован как редуцированный панцирный «передник»¹, или как стилизованное изображение складок задранного подола «куяка».

Тимуридские «бригандины» на ширазских миниатюрах крыты тканью красного, синего, голубого, фиолетового, желтого, черного, зеленого и других цветов (см. илл. 3: 1–13). По краю рукавов и подола нередко пропущена кайма желтого цвета. В отдельных случаях матерчатая «покрышка» доспеха дополнительно украшена орнаментом. Узоры могли покрывать плечи и грудь «куяка» (см. илл. 3: 12) или формировали орнаментальную полосу в нижней части подола (см. илл. 3: 8).

Наличие бронированных рукавов делало ненужными длинные пластинчатые нарукавья. Шея и ключицы воина были дополнительно защищены бармицей шлема или кольчужным «ожерельем» (см. илл. 3: 1–13). Предплечье панцирника прикрывали створчатые наручи, часто дополненные пластинчатой защитой кисти (см. илл. 3: 1–3, 6–9, 11–13).

Проанализированные изобразительные материалы XV в. позволяют предположить, что под матерчатыми «faldas» («юбками») Р. Г. де Клавихо подразумевал длинные небронированные подолы чагатайско-тимуридских «бригандин». Подобные матерчатые подолы на доспехах были непривычны для взгляда европейца, что и обусловило их столь пространное описание в дневнике кастильского дипломата.

Рассмотренные материалы письменных и изобразительных источников играют важную роль при изучении подлинных образцов пластинчато-клепанных доспехов Тимуридского времени, происходящих с территории Средней Азии. Так, например, они позволяют уточнить конструкцию и покрой «куяка» XV в., найденного в ходе раскопок городища Шахрухия, расположенного к юго-западу от г. Ташкент. Большая часть найденных там пластин была атрибутирована исследователями как защита корпусной части панциря.

¹ Панцирные «передники» периодически встречались на азиатских доспехах с периода раннего Средневековья, а в Цинском Китае сохранились вплоть до XIX в.

При этом существенные сомнения вызвала принадлежность разрозненных пластин, которые могли относиться как к рукавам, так и к набедренникам. При этом последняя версия была обозначена публикаторами доспеха как более вероятная [Двуреченский и др. 2021: 260]. С учетом новых материалов дополнительные группы пластин с высокой степенью уверенности могут быть атрибутированы как элементы защитного покрытия коротких панцирных рукавов. Если доспех из Шахрухия имел длинный тканевый подол, то, скорее всего, он не имел подбоя из металлических пластин.

Изобразительные и письменные материалы позволяют также уточнить хронологические границы бытования пластинчато-клепанных доспехов с длинным небронированным подолом на территории интересующего нас региона. Как уже отмечалось выше, подобные панцири были в целом не характерны для передне- и среднеазиатской *паноплии* второй половины XIV в. Подлинные образцы «куяков» интересующего нас образца Р. Г. де Клавихо мог наблюдать во время посещения Самарканда осенью 1404 г. [Clavijo 1582: 59a], причем речь шла о новых доспехах, которые были изготовлены самаркандскими мастерами за те семь лет, что Амир Тимур не посещал Кок-Сарай [Клавихо 1990: 141]. Таким образом, описанные Р. Г. де Клавихо три тысячи пластинчато-клепанных панцирей с длинными небронированными подолами были выполнены в 1397–1404 гг. Большинство изображений подобных «куяков» датируются 30–90-ми гг. XV в.²

Приведенные выше сведения позволяют предположить, что массовое производство «бригандин» с небронированным подолом началось в конце XIV – начале XV в. и продолжалось вплоть до конца XV в. После завоевания Ирана Сефивидами, а Мавераннахра — кочевниками Шейбани-хана пластинчато-клепанные доспехи с длинным

² На более ранних миниатюрах такие доспехи встречаются редко. Однако это, возможно, обусловлено не слабым распространением подобных панцирей в регионе, а малочисленностью самих миниатюр, датированных первой четвертью XV в. Некоторые рисунки данного периода являются копиями миниатюр последней трети XIV в. и отображают военные реалии этого времени.

Илл. 3. Изображения пластинчато-клепанных доспехов «тимуридского типа» и азиатское защитное вооружение: 1–5 — ширазские книжные миниатюры, первая половина XV в.; 6–8, 13 — «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 1435–1440 гг., Британский музей; 9–12 — «Зафар-намэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, Шираз, 1436 г., Метрополитен, Нью-Йорк; 13 — панцирная пластина от «куяка» с шестью заклепками; 14 — наспинник центральноазиатского «куяка», ТАР КНР; 15 — кольчато-пластинчатый набедренник, Передняя Азия, XV в., Метрополитен-музей, Нью-Йорк

[Илл. 3. Images of 'Timurid-type brigandines' and Asian defensive weapons: 1–5 — Shiraz book miniatures, early-to-mid fifteenth century; 6–8, 13 — *Shahnameh* by Ferdowsi, Shiraz, 1435–1440, British Museum; 9–12 — *Zafarnama* by Sharaf al-Din Ali Yazdi, Shiraz, 1436, Metropolitan, New York; 13 — an armor plate of a 'kuyak' with six rivets; 14 — a back plate of a Central Asian 'kuyak', Tibetan Autonomous Regions, PRC; 15 — a mail-and-plate hip defense element, West Asia, fifteenth century, The Metropolitan Museum of Art, New York]

небронированным подолом вышли из широкого военного обихода населения Средней Азии и Хорасана.

Значительный интерес вызывает вопрос о причинах появления столь необычного варианта покроя пластинчатых панцирей. На наш взгляд, данный феномен обусловлен распространением на Мусульманском Востоке новой разновидности защиты нижних конечностей известной в оружейведении, как «дызлык-бутлук». Она состояла из трех основных элементов: кольчато-пластинчатого (в редких случаях кольчатого или ламинарного) набедренника («бутлук»), полусферического кованого наколенника («дызлык») и кольчатой или кольчато-пластинчатой лопасти прикрывавшей верхнюю часть голени (см. илл. 3: 15). По сравнению с традиционным панцирным подолом, составлявшим единое целое с корпусным панцирем, «дызлык-бутлук» отличались компактностью, эластичностью и меньшим весом. Данные факторы обусловили стремительное распространение новой разновидности набедренников на Мусульманском Востоке [Бобров, Худяков 2002: 134].

Появление «дызлык-бутлук» снижало актуальность длинных тяжелых панцирных подолов центрально- и восточноазиатского образца, которые стали постепенно выходить из широкого военного обихода Западной и Средней Азии. Однако военная мода в данном случае не успевала за изменениями конструкции доспехов. В результате подолы тимуридских «куяков» потеряли панцирный подбой, но сохранили матерчатую основу, тем более что последняя защищала стальную поверхность «дызлык-бутлук» от нагревания под жарким среднеазиатским солнцем (см. илл. 3: 8, 10–12).

Дополнительным подтверждением взаимосвязи нового варианта покроя «куяка» и нового типа защиты нижних конечностей являются тимуридские миниатюры XV в. В тех случаях, когда небронированный подол доспеха распахнут под ним, как правило, можно увидеть набедренники «дызлык-бутлук» (см. илл. 2: 1, 2, 4–10; илл. 3: 7).

Стоит отметить, что трансформация тимуридского комплекса защитного вооружения происходила крайне быстро. Самые ранние изображения кольчато-пластинчатых набедренников нового типа фиксируются на багдадской миниатюре 1396 г. [Горе-

лик 1983: 246, 247, табл. I, рис. 3]. Уже через восемь лет Р. Г. де Клавихо мог наблюдать в Самарканде три тысячи пластинчато-клепаных «куяков» с длинным матерчатым подолом, лишенным пластинчатого подбоя.

В исторической перспективе подобное компромиссное решение среднеазиатских оружейников оказалось весьма удачным. Около столетия «куяки тимуридского типа» оставались одними из излюбленных разновидностей пластинчато-клепанных панцирей воинов изучаемого региона (см. илл. 2: 1–11; илл. 3: 1–13)¹.

6. Выводы

На основании комплексного анализа источников были выявлены некоторые особенности конструкции и покроя хулагуидских, чагатайских и тимуридских «куяков» XIV–XV вв.

Сопоставление археологических материалов монгольского времени с территории Южной Сибири и Центральной Азии с переднеазиатскими изобразительными источниками позволило предположить возможность бытования на данных территориях особой разновидности комбинированных «куяков», в которых часть пластин приклепывалась, а часть пришивалась к органической основе доспеха с ее внутренней стороны. Судя по тебризским миниатюрам, подобные клепадно-нашивные панцири могли применяться воинами Хулагидского Ирана конца XIII – начала XIV вв. Есть основание полагать, что всесторонний анализ археологических материалов с территории Минусинской котловины, Монголии и сопредельных регионов позволит уточнить хронологические границы бытования комбинированных «бригандин» и на востоке континента. Однако данный вопрос требует дополнительного изучения. В исторической перспективе подобные клепадно-нашивные доспехи могли являться связующим звеном между пластинчато-нашивными панцирями XIII в. и пластинчато-клепанными «бригандинами» более позднего периода.

¹ Традиционные разновидности «бригандин» центральноазиатского образца (с длинным бронированным подолом) также продолжали использоваться воинами Тимуридских государств, однако, судя по изображениям, на протяжении XV в. их удельный вес в комплексе защитного вооружения Передней и Средней Азии постепенно сокращался.

В ходе исследования получила подтверждение высказанная нами ранее гипотеза о бытовании в Тимуридских государствах особой разновидности пластинчато-клепаных доспехов, сочетающих бронированный корпус и длинный небронированный подол [Бобров, Худяков 2002: 111, 118, 114 (рис. 2: 9, 10), 147 (рис. 6: 1–3); Бобров 2003а: 76 (см. илл. 1–3), 77, 90; Бобров 2003б: 63]. Комплексный анализ письменных и изобразительных источников показал, что подобная разновидность «куяков» стала весьма популярной в Мавераннахре и Хорасане в конце XIV–XV в. В 1397–1404 гг. в самаркандском замке Кок-Сарай было изготовлено около трех тысяч подобных панцирей, которые Амир Тимур раздал своим приближенным. Многочисленные изображения «бригандин» с длинным небронированным подолом встречаются на тебризских и ширазских миниатюрах Тимуридского времени. Весьма вероятно, что именно эта разновидность пластинчато-клепаных доспехов XV в. была обнаружена в ходе раскопок городища Шахрухия (Ташкентский оазис). Если наша догадка верна, то разрозненные пластины, найденные отдельно от корпусной части «куяка», относятся не к набедреннику, как считалось ранее, а к панцирным рукавам.

Учитывая, что появление и распространение доспехов подобной конструкции в Мавераннахре, Фарсе и Хорасане совпало по времени с существованием империи Амира Тимура и его политических наследников, данную разновидность корпусного защитного вооружения можно, с некоторой долей условности, обозначить как пластинчато-клепаные доспехи («куяки», «бригандины») «тимуридского типа».

Их необычная конструкция и покрой были, вероятно, обусловлены распростра-

нением на мусульманском Востоке в конце XIV в. новой разновидности кольчато-пластинчатых набедренников («бутлук»), дополненных кованым наколенником («дызлык») и кольчатой или кольчато-пластинчатой лопастью для защиты верхней части голени. Появление «дызлык-бутлук» снизило актуальность больших бронированных панцирных подолов, унаследованных воинами региона от Чингизидской военно-культурной традиции XIII – середины XIV вв. В результате модернизации защитного покрытия подолы доспехов «тимуридского типа» лишились пластин панцирного подбоя, но сохранили органическую основу. В таком виде они продолжали активно применяться воинами региона вплоть до конца XV в. Длительность их бытования в тимуридской среде было, вероятно, обусловлено не только военной модой, но и утилитарными причинами — длинный матерчатый подол предохранял поверхность стальных набедренников от нагревания на солнце.

Вытеснение «куяков тимуридского типа» из широкого военного обихода являлось результатом развития оружейных технологий, а также сменой доминирующей в регионе военно-культурной традиции. Сокрушившие Тимуридские государства номады Мухаммеда Шейбани-хана и «кызылбаши» Сефевидов отдавали предпочтение кольчатой и кольчато-пластинчатой броне западноазиатского образца. Последняя и превратилась в доминирующую разновидность пластинчатого защитного покрытия панцирей мусульманского Востока XVI–XVII вв. В этих условиях роль пластинчато-клепаных доспехов в Мавераннахре и Хорасане существенно сократилась. Место «куяков тимуридского типа» заняли иные виды и типы корпусных панцирей.

Литература

- Артемьева, Прокопец 2012 — Артемьева Н. Г., Прокопец С. Д. Защитное вооружение чжурчжэньского воина // Российская археология. 2012. № 1. С. 129–142.
- Бобров 2003а — Бобров Л. А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) (начало) // Para-Bellum. 2003. № 17. С. 71–102.
- Бобров 2003б — Бобров Л. А. Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) (окончание) // Para-Bellum. 2003. № 18. С. 43–80.
- Бобров 2018 — Бобров Л. А. Военачальники чагатайской армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 23–62.
- Бобров 2023 — Бобров Л. А. Чагатайские и ти-

- муридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI в. и их дериваты // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 464–482.
- Бобров, Зозуля 2022 — *Бобров Л. А., Зозуля С. С.* Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21. № 5: Археология и этнография. С. 115–130. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Филиппович 2023 — *Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.* Пластинчатые нарукавья-харачи XIV – середины XV вв. из Шушенского района Красноярского края // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 99–120.
- Бобров, Худяков 2002 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // *Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: сб. ст. / под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева*. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106–168.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак-т филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Горелик 1983 — *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: мат-лы юбил. науч. конф. (г. Москва, 8–10 сентября 1980 г.) / редкол.: Б. А. Рыбаков (отв. ред.) и др. М.: МГУ, 1983. С. 244–269.*
- Горелик 1987 — *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // *Археология, этнография и антропология Монголии: сб. ст. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж*. Новосибирск: Наука, СО, 1987. С. 163–208.
- Двуреченский и др. 2021 — *Двуреченский О. В., Гладченков А. А., Арипджанов О. Ю., Двуреченская Н. Д.* Доспех из городища Шахрухия // *Краткие сообщения Института археологии*. 2021. Вып. 263. С. 253–262.
- Жизнь и деяния 1881 — *Жизнь и деяния великого Тамерлана. Сочинение Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук / под ред. И. И. Срезневского. Т. 28. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881. С. 1–455.*
- Клавихо 1990 — *Клавихо Р. Г.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М.: Наука, 1990. 211 с.
- Сунчугашев 1979 — *Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, СО, 1979. 192 с.
- Тюменское и Сибирское ханства 2018 — *Тюменское и Сибирское ханства*. Казань: Казан. ун-т, 2018. 560 с.
- Худяков 1980 — *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, СО, 1980. 176 с.
- Худяков 1997 — *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. 159 с.
- Clavijo 1582 — *Clavijo R. G.* Vida y hazañas del Gran Tamorlán, con la descripción de las tierras de su imperio y señorío. Sevilla: Encasa de Andrea Pescioni, 1582. 69 p.
- Clavijo 1928 — *Clavijo R. G.* Embassy to Tamerlane 1403–1406. Introduction and Comment / by G. Le Strange. London: G. Routledge, 1928. 375 p.
- Gorelik 1979 — *Gorelik M.* Oriental Armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in Works of Art // *Islamic Arms and Armour / ed. by R. Elgood*. London: Scholar Press, 1979. Pp. 30–63.

References

- Artemyeva N. G., Prokopets S. D. Armour of the Jurchen warrior. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2012. No. 1. Pp. 129–142. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Armor. In: Maslyuzhenko D. N., Sitdikov A. G., Khairutdinov R. R. (eds.) *Tyumen and Siberian Khanates*. Kazan: Kazan Federal University, 2018. Pp. 223–231. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Chagatai and Timurid plated armguards of the late 14th to early 16th centuries and their derivatives. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 464–482. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482
- Bobrov L. A. Commanders of the army of Amir Timur in the Battle of Condurchi (1391). *Turkological Studies*. 2018. Vol. 1. No. 3. Pp. 23–62. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Armour sets of warriors in Central Asia and adjacent territories, late 15th – 17th centuries AD. Part 1. *Pa-*

- ra-Bellum*. 2003. No. 17. Pp. 71–102. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Armour sets of warriors in Central Asia and adjacent territories, late 15th – 17th centuries AD. Part 2. *Para-Bellum*. 2003. No. 18. Pp. 43–80. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Filippovich Yu. A. Plate bracers *kaharabchi* of 14th – mid 15th centuries from the Shushensky district of Krasnoyarsk region. *Universum Humanitarium*. 2023. No. 1. Pp. 99–120. DOI: 10.25205/2499-9997-2023-1-99-120
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Central Asian armour in the Late Middle Ages. In: Khudyakov Yu. S., Skobelev S. G. (eds.) *Military Science of Northern and Central Asian Nomads. Collected papers*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2002. Pp. 106–168. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Zozulya S. S. Armor plates from the excavations of V. V. Radlov in the collection of the State Historical Museum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022. Vol. 21. No. 5. Pp. 115–130. (In Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130
- Clavijo R. G. Embassy to Amir Timur’s Court in Samarkand, 1403–1406: Travel Notes. Moscow: Nauka, 1990. 211 p. (In Russ.)
- Clavijo R. G. Embassy to Samarkand, 1403–1406: Life and Deeds of Tamerlane the Great. In: Sreznevsky I. I. (ed.) *Proceedings of the Russian Language and Linguistics department, Imperial Academy of Sciences*. Vol. 28. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1881. Pp. 1–455. (In Russ.)
- Clavijo R. G. Embassy to Tamerlane, 1403–1406. G. Le Strange (introd., comment.). London: G. Routledge, 1928, 375 p. (In Eng.)
- Clavijo R. G. Vida y hazañas del Gran Tamorlán, con la descripción de las tierras de su imperio y señorío. Seville: A. Pescioni, 1582. 69 p. (In Span.)
- Dvurechenskiy O. V., Gladchenkov A. A., Aripdzhanov O. Yu., Dvurechenskaya N. D. Plate armor from the Shakhrukhiya hillfort. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii – KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2021. Vol. 263. Pp. 253–262. (In Russ.)
- Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: Elgood R. (ed.) *Islamic Arms and Armour*. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63. (In Eng.)
- Gorelik M. V. Mongol (Tatar) armour: Mid-14th to early 15th century. In: Rybakov B. A. et al. (eds.) *The Battle of Kulikovo in Our National History and Culture. Conference proceedings (Moscow, 8–10 September 1980)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1983. Pp. 244–269. (In Russ.)
- Gorelik M. V. One early Mongolian armour set, 9th to mid-14th centuries: [A review]. In: Derevyanko A. P., Natsagdorj Sh. (eds.) *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia. Collected papers*. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 163–208. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Weaponry of South Siberian and Central Asian Nomads in the High Middle Ages. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 1997. 159 p. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Weaponry of the Yenisei Kyrgyz, Sixth–Seventh Centuries AD. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 p. (In Russ.)
- Sunchugashev Ya. I. Metallurgy in Iron Age Khakassia. Novosibirsk: Nauka, 1979. 192 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 1, Pp. 158–189, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.584.6

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-158-189

Сведения из тибетских источников о титуле Дайчин Аюки-хана

Бембя Леонидович Митруев¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник, аспирант

 0000-0002-1129-9656. E-mail: [bemitrouev\[at\]yahoo.com](mailto:bemitrouev[at]yahoo.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Митруев Б. Л., 2024

Аннотация. *Введение.* Сведения из тибетских источников о титуле Дайчин Аюки-хана еще не вводились в научный оборот и не были предметом анализа. Целью статьи является введение в научный оборот сведений о времени правления калмыцкого хана Аюки и о даровании ему Далай-ламой титула Дайчин Аюка-хан. *Материалом* для исследования послужили биографии Далай-ламы V Лобсанг Гьяцо, Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо и Панчен-ламы V Лобсанг Еше на тибетском языке. В *результате* исследования установлена дата получения Аюкой титула Дайчин Аюка-хан и выяснены даты посольств, доставивших ему печать с монограммой Калачакры и ханскую печать от Далай-ламы VI. *Выводы.* В статье рассмотрен материал из различных тибетских источников, таких как автобиография Далай-ламы V и его биография, написанная Деси Сангье Гьяцо, а также биографии Панчен-ламы V и т.д. Установлено, что правитель Калмыцкого ханства Аюка получил титул Дайчин Аюка-хан от Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо в 1697 г. Автор также выдвигает гипотезу о том, что печать с монограммой Калачакры была дана Аюке регентом Сангье Гьяцо в 1684 г. Кроме того, обнаружены сведения о пребывании в Тибете посольства Аюки-хана, возглавляемого Арабджуром, и данные о матери Арабджура Цоджал. Установлен факт отправки посольства к Аюке-хану от Далай-ламы для раскрытия секрета о смерти Далай-ламы V, что является важным историческим фактом, неизвестным прежде. **Ключевые слова:** Калмыцкое ханство, Далай-лама, Панчен-лама, Аюка-хан, Дайчин Аюка-хан

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Митруев Б. Л. Сведения из тибетских источников о титуле Дайчин Аюки-хана // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 1. С. 158–189. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-158-189

Ayuka's Title of *Daichin Khan*: Examining Tibetan-Language Sources

Bembya L. Mitruiev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev[at]yahoo.com

© KalmSC RAS, 2024

© Mitruiev B. L., 2024

Abstract. *Introduction.* Data from Tibetan-language sources on Ayuka's full title — Daichin Khan Ayuka — have never been introduced into scientific circulation, nor have those been subject to any essential analysis. *Goals.* So, the article introduces a variety of messages dealing with the ruling era of Khan Ayuka and narrating how the latter received the title of Daichin Khan from the then Dalai Lama. *Materials.* The paper investigates Tibetan-language biographies of the Fifth Dalai Lama Lobsang Gyatso, Sixth Dalai Lama Tsangyang Gyatso, and Fifth Panchen Lama Lobsang Yeshe. *Results.* The study figures out the date when the mentioned ruler did receive the title of Daichin Khan, and specifies the dates of embassies that delivered the Kalachakra seal and that of Khan from the Sixth Dalai Lama. *Conclusions.* The article examines materials contained in various Tibetan-language texts, such as the autobiography of the Great Fifth Dalai Lama and that composed by Desi Sangye Gyatso, biography of Fifth Panchen Lama, etc. The work ascertains the ruler of the Kalmyk Khanate received the title of Daichin Khan Ayuka from the Sixth Dalai Lama Tsangyang Gyatso in 1697. The paper also reveals some data on Khan Ayuka's embassy to Tibet led by Arabjur and on the latter's mother Tsojal. Another newly identified and important historical fact is that the Dalai Lama did send an embassy to Khan Ayuka to deliver a secret message about the Great Fifth's death.

Keywords: Kalmyk Khanate, Dalai Lama, Panchen Lama, Ayuka Khan, Daichin Ayuka Khan

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Mitruiev B. L. Ayuka's Title of Daichin Khan: Examining Tibetan-Language Sources. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 158–189. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-158-189

1. Введение

Исследователи приводят разные даты получения правителем Калмыцкого ханства Аюкой ханского титула и печати от Далай-ламы. Например, В. М. Бакунин пишет, что Аюка получил от Далай-ламы титул около 1690 г. [Бакунин 1995: 26], М. Г. Новолетов и Н. Н. Пальмов придерживаются мнения, что это произошло в 1690 г. [Новолетов 1884: 10; Пальмов 1926: 10]. Для разрешения данного вопроса важное значение имеют источники на тибетском языке, которые до настоящего времени не рассматривались в этом аспекте.

Множество тибетских исторических трудов, в число которых входят биографии тибетских Далай-лам и Панчен-лам, а также других иерархов тибетского буддизма, содержащие большой объем исторической

информации, до сих пор не переведены на западные языки. Так, из трех томов автобиографии Далай-ламы V на английский язык переведен только первый том [Nag-dban-blo-bzai-rgya-mtsho 2014], а из «Продолжения автобиографии Далай-ламы V», написанной Деси Сангье Гьяцо, также переведена только лишь первая часть [Sañs-rgyas-rgya-mtsho 1999]. Между тем эти и другие сочинения могли бы быть интересны не только для исследователей истории Тибета, но исследователей историчесамки связанных с Тибетом областей. Например, биография Далай-ламы VII, написанная Чангкья Ролпе Дордже, содержит уникальные сведения о посольстве в Тибет калмыцкого хана Дондук-Даши [Митруев 2022: 46]. Кроме того, данные об этом посольстве можно найти в биографии второго воплощения Джамьянг Шепы Кон-

чок Джигме Вангпо и Панчен-ламы VI Лобсанг Палден Еше [Митруев 2022: 53, 54].

Целью данной статьи является введение в научный оборот сведений о времени правления калмыцкого хана Аюки и о даровании ему Далай-ламой титула Дайчин Аюка-хан. К исследованию привлекаются следующие источники на тибетском языке:

1) Автобиография Далай-ламы V Лобсанг Гьяцо «Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии „Парча из дукулы“»¹ в трех томах [blo bzang rgya mtsho 2018a; blo bzang rgya mtsho 2018b; blo bzang rgya mtsho 2018c]. Первый том содержит автобиографический отчет примерно с 1617 г. по 1-й тибетский месяц 1665 г., второй том — с 5-го тибетского месяца 1665 г. по 1-й тибетский месяц 1675 г. и третий том — со 2-го тибетского месяца 1675 г. по 9-й тибетский месяц 1681 г. [Karmay 2014: 2–3].

2) «Продолжение „Внешней обычной биографии доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо «Парча из дукулы»» в трех томах [sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009a; sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009b; sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009в]. Данная биография была написана регентом Далай-ламы V Деси Сангье Гьяцо (тиб. sde srid sangs rgyas rgya mstho; 1653–1705), фактическим правителем Тибета с 1679 г. по 1705 г., и является продолжением автобиографии Далай-ламы V.

Первый том или по-другому «четвертый» том продолжения биографии, считая первые три тома автобиографии, написанной самим Далай-ламой V, повествует о событиях, имевших место в 1681–1683 гг. Главное событие «четвертого» тома — смерть Далай-ламы V 7 апреля 1682 г. (2-й месяц, 30-го дня года Воды-Собаки) [Ahmad 1999: XI]. «Пятый» том биографии рассматривает события 1683–1690 гг. и повествует том, как сохранялась тайна смерти Далай-ламы V, о ритуалах и добродетельных деяниях, совершенных ради усопшего Далай-ламы, таких как издание нового Кангьюра, а также ритуалах, подношениях монашеским общинам различных монастырей и прочих. «Шестой» том биографии начинается с событий 1691 г. и заканчивается 1695 г. В общей сложности

¹ Дукула (санскр. dukūlam) — тканый шелк, шелковая одежда, очень красивая одежда в общем [Apte 1890: 569].

современное издание трех томов продолжения биографии Далай-ламы V содержит 1 524 стр.

3) «Продолжение внешней обычной биографии Всеведущего Шестого [Далай-ламы] Цангьянг Гьяцо „Шелковая ткань дукула“, называющееся „Ясный золотой букет“» [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989]. Эта биография Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо (тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho; 1683–1706) также была написана Деси Сангье Гьяцо. Автор начинает свое изложение с рождения Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо в 1683 г., и продолжает до 1701 г., когда Далай-ламе исполнилось восемнадцать лет.

4) Автобиография Пятого Панчен-ламы «Ясное изложение деяний шакьяского монаха Лобсанг Еше „Ожерелье сияющих белым светом лун“» [blo bzang ye shes 2014a; blo bzang ye shes 2014b]. Автобиография Пятого Панчен-ламы Лобсанг Еше (тиб. blo bzang ye shes; 1663–1737) завершается на описании событий 1732 г. (Воды-Мыши), когда ему было 70 лет [blo bzang ye shes 2014a: 237].

Среди этих исторических источников биография Далай-ламы VI Цангьянг Гьяцо (тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho; 1683–1706) «Продолжение внешней обычной биографии Всеведущего Шестого [Далай-ламы] Цангьянг Гьяцо „Шелковая ткань дукула“, называющееся „Ясный золотой букет“» [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989], написанная Деси Сангье Гьяцо (тиб. sde srid sangs rgyas rgya mtsho; 1653–1705), является источником сведений о получении титула Дайчин Аюка-хан и ханской печати от Далай-ламы VI, которые не были опубликованы прежде.

Необходимо отметить, что биографии буддийских иерархов содержат довольно точные и подробные сведения о событиях их жизни, практически не имеют пропусков, так как события каждого дня отмечались в записях, и потому биографии можно характеризовать как летописи. В данных тибетских работах приводятся датированные сведения о всех важных встречах с посланниками правителей различных государств и уделов. Потому вышеперечисленные письменные памятники являются надежными источниками, предоставляющими ценную историческую информацию.

Далай-лама присвоил ханский титул, согласно отдельным сведениям, еще Шу-

кур-Дайчину, деду Аюки [Митруев 2021: 51; Ishihama 1992: 502]. Со времени же Аюки-хана инвеститура власти от Далай-ламы стала важной частью политической жизни Калмыцкого ханства. По мнению В. В. Трепавлова, тибетская инвеститура в виде ханского звания, тронного имени и печати играли важную роль в ханской легитимации, наряду с избранием съезда владельцев и российской инвеститурой. Дарование права на престол из двух источников вдвое увеличило авторитет Аюки-хана среди равновеликих ему тайшей [Трепавлов 2014: 15–16]. При наличии указа российских властей об утверждении ханом предпринимались действия для получения также грамоты от Далай-ламы на ханство (как это было позднее в случаях с ханами Церен-Дондуком, Дондук-Омбо, Дондук-Даши).

Почему калмыцкие правители так высоко ценили инвеституру власти от Далай-ламы? Титулы представляли собой способ распределения статусов в иерархии, сложившейся в обществе кочевников различных культур и верований. Это было особое социальное пространство, управляемое «законами дифференциации символической системой» [Бурдые 1993: 145].

Возможно, калмыцким правителям для легитимации требовалась некая третья сила, отличная от России, требовавшей подчинения русскому царю, и от цинского Китая, претендовавшего на гегемонию в Центральной Азии. В отличие от Китая и России инвеститура власти от Далай-ламы не требовала принятия подданства и подчинения. Такая легитимация давала получающему ее правителю не только авторитет, зиждившийся на непререкаемом религиозном авторитете Далай-ламы, но и позволяла обрести некоторую степень независимости от решений российской власти о назначении ханом или наместником. Возможно, стремление к получению ханского титула от Далай-ламы можно рассматривать как попытки сохранить видимость независимости самоопределения калмыцкого народа.

На примере Галдан Бошогту-хана, Даваци и Есельбейн Сайн-Ка [Митруев 2021: 49–50] мы видим важность легитимации власти, происходившей от Далай-ламы, для ойратов, оставшихся на старых местах кочевания калмыков. Точно так же это подтверждение власти было важно и для калмыцких

ханов. Традиционное мировоззрение не поддается быстрой трансформации, поэтому даже в изменившейся геополитической обстановке, где реальный ханский титул и жалование давались русским правительством, титул и печать от Далай-ламы сохраняли свою релевантность.

2. Посольства Аюки-хана

Согласно тибетским биографиям Далай-лам и Панчен-лам, Аюка-хан в общей сложности отправил в Тибет за период 1675–1716 гг. семь посольств: посольства 1675 г., 1680–1682 гг., 1683–1684 гг., 1696–1697 гг., 1700–1701 гг., 1707 г., 1715–1716 гг.

Важно отметить, что в биографии Далай-ламы V Аюка нигде не называется «ханом» (тиб. *khang*) или «царем» (тиб. *rgyal po*). Его чаще всего именуют по этнической принадлежности «торгут Аюка» или просто Аюка, и лишь в биографии Далай-ламы VI, написанной Деси Сангье Гьяцо, его начинают называть Дайчин Аюка-ханом.

Необходимо отметить, что в тибетских источниках калмыки, прибывшие с посольствами в Тибет, именуются торгутами, так как калмыцкие правители являлись представителями этой субэтнической группы — это следует учитывать, анализируя сведения из тибетских источников. Соответственно в данной статье при отсылках к источникам может использоваться этот термин.

Анализируя даты посольств в источниках, можно заметить некоторое расхождение в датах калмыцких посольств, данных в российских документах, с датами, представленными в биографиях Далай-лам и Панчен-лам. Однако, принимая во внимание сложность путешествия в Тибет, связанную с геополитической обстановкой и удаленностью Тибета от Калмыцкого ханства, невысокой скоростью передвижения караванов того времени, посещением Пекина, Жехола и других мест в Китае некоторыми посольствами, задержками на границе с цинским Китаем по пути в Тибет, допросами на русской стороне границы по прибытии из Тибета, такое путешествие могло занять много месяцев или даже несколько лет. Необходимо также помнить о различной длительности пребывания посольства в самом Тибете: так, пребывание посольства Арабджура в Тибете затянулось на несколько лет. Возможно, это является причиной расхождения в годах, данных в документах той

поры. Поэтому в нашем исследовании, опирающемся на тибетские источники, посольства датированы по времени их нахождения в Тибете (т. е. по нахождению в месте назначения). В биографии Далай-лам V и VI и прочих тибетских исторических источниках имя Аюка представлено в нескольких написаниях: *A yu She, a yo She, A yu Shi, a yo Shi, A yu Sha, a yo shi, a yo khi, a yo khe, a yuH Shi*. Из написания *a yo khi / a yo khe* можно сделать вывод, что его имя произносилось как Аюки / Аюка, а не Аюши / Аюша. Титул торгутского Аюки «Дайчин» также писался в исторических трудах по-разному: *da'i ching* и *d+has byin*. Из сведений биографий Далай-ламы и Панчен-лам становится очевидно, что из всех правителей Калмыцкого ханства Шукур-Дайчин был единственным, кто посетил Тибет лично. Мнение о том, что Аюка-хан также посетил Тибет в 1682 г. [Китинов 2021a: 266], основывается на неточном английском переводе тибетского отрывка из «Продолжения автобиографии Далай-ламы» в книге «Life of the Fifth Dalai Lama» [Sañs-rgyas rgya-mtsho 1999: 298], в котором тибетская фраза *thor khod a yo khi / bai ro tsa na / dur sbod tha'i ji / mung gu ching pa thur / stong 'khor zhabs drung dga' ldan da'i ching sogs kyi mi sna* «посланникам торгутского Аюки, Бэроцзаны, Дурбет-тайджи, Мунгу Чин-батурса и Дунхур Шаврона»¹ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009a: 280] была переведена: «торгут Айюки, Вайрочана; Тайджи (=вождь) дорбетов; Мунгу Чин-Батур; Тонкор Шабдун; посланники Галдана Дайчин и другие» [Sañs-rgyas-rgya-mtsho 1999: 298]. Однако непосредственно в предшествующем и последующем упоминании того же посольства 1681–1682 гг. в биографии Далай-ламы V, написанной Сангье Гьяцо, упоминаются лишь посланники Аюки, а не он сам, из чего можно сделать вывод, что он не посещал Тибет с этим посольством.

Из семи посольств в данной статье будут рассмотрены три посольства: 1683–1684 гг., 1696–1697 гг. и 1700–1701 гг., так как они имеют важное значение для установления даты получения Аюкой титула «Дайчин Аюка-хан».

¹ Здесь и далее, если не оговаривается специально, переводы с тибетского языка выполнены автором статьи Б. Л. Митруевым.

Нам известны в настоящее время четыре печати Аюки, самая ранняя из них была обнаружена позже [Аваков, Митруев 2023], чем была опубликована наша статья о трех основных печатях Аюки-хана [Митруев 2021]. Уже в 1684 г. Аюка сделал себе печать с легендой «Аюка-раджа», указывающую на то, что к этому времени он уже консолидировал власть над калмыцким народом в своих руках, тем не менее позднее он перестал пользоваться этой печатью [Аваков, Митруев 2023: 150].

Начиная с 1685 г. на посланиях Аюки-хана впервые появляется печать с монограммой Калачакры (названная в нашей работе 2021 г. «первой» [Митруев 2021: 52]), которую он использовал вплоть до 1698 г. В. М. Бакунин пишет, что в 1713 г. во время нахождения китайского посла Тулишэня в ставке хана Аюки, а также в присутствии калмыцкого Буканг-ламы и многих владельцев, буддийских священников и зайсангов, хан Аюка объявил своим наследником старшего сына Чагдорджаба и в знак этого отдал ему печать, присланную ему от Далай-ламы на ханское достоинство, а сам стал использовать другую печать [Бакунин 1995: 30]. Из писем, отложившихся в Российском государственном архиве древних актов и Национальном архиве Республики Калмыкия, видно, что с 1698 г. печать с монограммой Калачакры практически исключительно используется Чагдорджабом.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что из трех использовавшихся Аюкой печатей (если исключить из счета печать с легендой «Аюка-раджа», которая была использована им лишь на шерти 1684 г.), он передал Чагдорджабу печать с монограммой Калачакры. Это, учитывая сведения В. М. Бакунина [Бакунин 1995: 30], означает, что она была получена Аюкой от Далай-ламы. Как правило, Далай-лама даровал просящим не только печать, но и титул, из чего следует, что Далай-лама дал Аюке некий титул вместе с печатью. Однако в 1682 г. Далай-лама V умер (о его смерти официально сообщили только много лет спустя, в 1697 г.), и посольство Аюки, посетившее Тибет в 1683–1684 гг., не могло видаться с ним. Вероятно, печать с монограммой Калачакры и титул были даны этому посольству от имени Далай-ламы регентом Сангье Гьяцо, од-

нако этот титул не удовлетворил повелителя всего калмыцкого народа. Вероятно, причина заключается в том, что Аюка узнал о том, что во время посещения Тибета посольством 1683–1684 гг. Далай-лама V уже покинул этот мир. Подозрения о смерти Далай-ламы стали появляться еще до публичного раскрытия секрета о его смерти [Shakabpa 2010: 384, 386]. Необходимо сказать, что в данном исследовании рассматриваются лишь ханские посольства к Далай-ламе, однако, вероятно, были и другие калмыцкие посольства в Тибет, которые могли узнать о сокрытии смерти Далай-ламы V.

По вышеуказанной причине Аюка позднее обратился теперь уже к Далай-ламе VI с просьбой о даровании титула и печати. Мы считаем, что именно посольство к Далай-ламе VI привезло Аюке-хану печать, названную в другой нашей работе «второй печатью»¹ [Митруев 2021: 48], а с учетом самой ранней печати 1684 г. — являющейся третьей из печатей Аюки. Остается неизвестным, какой именно титул был дан регентом Сангье Гьяцо, однако в автобиографии Далай-ламы V и ее продолжении, написанном Сангье Гьяцо, Аюка нигде не называется титулом Дайчин Аюка-хан, а только как торгут Аюка, что свидетельствует в пользу более позднего появления указанного титула.

Таким образом, уже посольство 1683–1684 гг., отправившееся к Далай-ламе, получило от его имени печать для Аюки-хана. Приведем сведения из биографий Далай-ламы V, повествующие об этом посольстве.

2.1. Посольство 1683–1684 гг.

Это и последующие посольства вплоть до восхождения на трон Далай-ламы VI встречались не с самим Далай-ламой V, а с его двойниками, монахом из монастыря Пабонгкха Джамьянг Дракпой (тиб. 'jams dbyangs grags pa) и монахом из монастыря Намгьял Депа Трерапом (тиб. sde pa bkras rab), чье полное имя Депа Таши Рабпа (тиб. bkra shis rab pa) [Sperling 2014: 215]: *В день пятого числа (первого тибетского месяца) <...> года Воды-Свиньи (1683 г. — Б. М.), называемого «Извергающий кровь» (тиб. khrag skyug; санскр. rudhirōdgāri) [Да-*

*лай-ламе] было совершено подношение от держателя трона Джакхьюнг Чойдже² и подношение от торгутского Аюки³ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 20096: 2]. В следующий раз имя торгутского Аюки появляется в 1684 г.: *Девятого числа одиннадцатого лунного месяца <...> года Дерева-Мыши (1684 г. — Б. М.), называемого «Красноглазый» (тиб. mig dmar; санскр. raktākṣi) <...> во главе с халхаским Цэцэн-ханом, хунтайджи, Дума-Йердином, Номчи-тайджи и прочими удельными торгутскими и халхаскими правителями вместе с семьями простолюдинами совершили подношение. Десятого числа кормилица⁴ Аджи торгутского Аюки, Адар-хошучи⁵, Мерген-тайджи, Укар-тайджи и прочие, а также около трехсот простолюдинов совершили подношение⁶ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 20096: 102].**

2.2. Посольство 1696–1697 гг.

После смерти Далай-ламы V следующее посольство Аюки-хана во главе с двоюродным племянником Аюки-хана Дамба Арабджуром прибыло к Далай-ламе VI в 1696 г. Арабджур, сын Назар-Мамута, назван в

² По всей видимости, это Джакхьюнг Чойдже Рабджам Мава Доньо Гьялцен (тиб. bya khyung chos rje rab 'byams smra ba don yod rgyal mtshan), которому Далай-лама V адресовал свое послание «Ответ на послание Джакхьюнг Чойдже Рабджам Мава Доньо Гьялцена „Зерцало, являющее изображение пятисот“» (тиб. bya khyung chos rje rab 'byams smra ba don yod rgyal mtshan gyi 'phrin lan lnga brgya'i rang gzugs ston pa'i me long).

³ khrag skyug ces pa chu phag lo <...> tshes lnga la bya khyung chos rje khri pa'i 'bul ba dang / thor god a yu Shi'i 'bul ba bteg / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 20096: 2].

⁴ В данном случае в тексте биографии присутствует тибетское слово *та та*. Но, вероятно, это опечатка, вместо слова «кормилица» (тиб. та та) должно быть «посланник» (тиб. mi sna).

⁵ Возможно, это Алдыр-Кошуши [Посольские книги 2003: 64].

⁶ mig dmar zhes pa shing pho byi ba <...> zla ba bcu gcig pa'i <...> tshes dgu la khal kha che chen khang hung tha'i ji dang / du ma yer ding / nom chi tha'i ji sogs kyis gtsos pa'i thor god dang khal kha'i rgyal phran byings bcas bdun brgya skor gyis 'bul ba bstar / tshes bcu la thor god a yu Shi'i ma ma a ji dang a dar kho shor che/ mergan tha'i ji / u kar tha'i ji sogs byings sum brgya skor gyis 'bul ba bstar / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 20096: 102].

¹ Поскольку во время написания статьи [Митруев 2021] еще не было известно о более ранней печати, оттиск которой стоит на шерти 1684 г. [Аваков, Митруев 2023].

источнике «аравджамбой»¹. Как правило, эта ученая степень давалась монахам. Не ясно, почему он здесь назван так. Хотя в «Записках Тулишэня» и большинстве других источников утверждается, что поездка Арабджура состоялась в год желтого барса, т. е. в 1698 г. [Русско-китайские отношения 1978: 472], из биографии Далай-ламы мы видим, что он находился в Лхасе уже в год Огня-Мыши, т. е. в 1696 г. Известно, что в 1695 г. калмыцкий хан Аюка отправил на продажу в Москву 20 тысяч лошадей [Khodarkovsky 2002: 26]. Возможно, часть вырученных денег пошла на подготовку отправления данного посольства. Арабджур отправился в Тибет вместе с матерью, сестрой и 500 калмыками. Посетив Тибет, он отправился обратно через Пекин, где был задержан под предлогом невозможности проехать в калмыцкую степь через Джунгарию из-за неприязненных отношений между Аюкой-ханом и Цэван-Рабданом [Пальмов 1926: 13]. Цинский император Канси (1654–1722) пожаловал Арабджуру достоинство бэйсэ и отвел ему кочевья вдоль Великой китайской стены к западу от заставы Цзяюйгуань (кит. 嘉峪關; пиньинь jiāyùguān) [Hummel 1943: 785]. К. Этвуд пишет, что даты жизни Арабджура — 1704–1729 гг. [Atwood 2004: 7], в то время как Д. Борджигид утверждает, что Арабджур скончался по дороге в Пекин в 1716 г. [Борджигид 2009: 156]. Предположительно, на обратном пути из Тибета в 1698 г. у этого посольства башкиры отогнали 150 лошадей, о чем Аюка-хан жаловался Б. А. Голицыну через его посланника [Тепкеев 2018: 160]. С этим же калмыцким посольством мог быть отправлен Гоманг-рабджамба Даргье Гьяцо, посланники к Аюке-хану с вестью о кончине Далай-ламы V, о чем подробнее будет сказано ниже. Из этих фактов можно сделать вывод, что цинские власти задержали не все посольство, а какую-то его часть во главе с Дамба Арабджуром, другая же часть посольства с посланником Далай-ламы покинула Тибет в 1697 г. и в 1698 г. достигла калмыцкой степи. Арабджур провел в Тибете с матерью и сестрой 5 лет: с 1696 г. по 1701 г. Из биографий Далай-ламы VI и Панчен-ла-

¹ Аравджамба (тиб. rab 'byams pa) или на тибетском геше рабджампа (тиб. dge bshes rab 'byams pa) — одна из высших ученых степеней, получаемых в тибетских монастырях, приблизительно равна докторской степени.

мы Лобсанг Еше мы узнаем имя матери Арабджура — ею была торгутская владелица Цоджал. В биографии Далай-ламы VI ее имя написано 'tsho rgyal, а в биографии Панчен-ламы Лобсанг Еше — mtsho rgyal. Исследователь О. Чая также считает, что торгутская владелица Цоджал — мать Арабджура [Czaja 2018: 72–73], однако Н. Н. Пальмов называет ее Цаган Замса [Пальмов 1926: 13], а в статье Борджигида Дорги говорится, что ее имя было Ягу [Борджигид 2009: 154]. После ухода части посольства обратно Арабджур отходит на второй план, и его мать Цоджал начинает упоминаться как основное лицо во время встреч с Далай-ламой и Панчен-ламой. Вновь его имя встречается в биографии Далай-ламы V в 1715 г., о чем будет сказано ниже. На момент прибытия посольства Аюки-хана к Далай-ламе VI Цангьянг Гьяцо (1683–1706) было 14 лет. Но следует помнить о том, что Цангьянг Гьяцо впервые лично встретился с Деси Сангье Гьяцо лишь двадцать седьмого числа девятого тибетского месяца 1697 г. [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 347], а в Лхасу прибыл первого² двадцать пятого числа десятого тибетского месяца года Огня-Коровы, т. е. 1697 г. [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 370]. Таким образом, во время прибытия посольства Аюки-хана Далай-ламы VI еще не было в Лхасе, и, видимо, посольство принимал двойник Далай-ламы V: *Двадцать восьмого числа <...> одиннадцатого тибетского месяца <...> года Огня-Мыши (1696 г. — Б. М.) <...>, в этот день сюда [в Лхасу] прибыл посланник торгутского Аюки Дамба Арабджур, который вручил письмо вместе с подношением, хадак, а также великолепное подношение в виде парчовых тканей, ружей, соболиных шкурок и прочего. [Далай-лама] выглядел удовлетворенным прошением торгутских владельцев и простолудинов, сделанным ради блага учения Будды*³ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 285].

² В тибетском календаре встречаются двойные дни, вводимые, чтобы компенсировать разницу между солнечными и лунными сутками.

³ me pho byi ba <...> zla ba bcu gcig pa'i <...> nyer brgyad la <...> 'dir 'di nyin thor god a yo Shi'i mi sna bstan pa rab 'byor 'byor zhu yig rten kha btags / gos chen/ de mda' dang sbo har sogs 'bul spam mtho ba dang / bstan don du thor god dpon 'bangs kyi zhu ba yid bde bar snang / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 285].

Это посольство торгутского Аюки также посетило Панчен-ламу VI Лобсанг Еше в 1696 г.: Семнадцатого числа <...> одиннадцатого тибетского месяца <...> года Огня-Мыши (1696 г. — Б. М.), называемого «Хранитель» (тиб. 'dzin byed; санскр. dhātṛ), [Панчен-лама] лично встретился с главными посланниками торгутского Аюки и издали встретился с простолюдинами¹ [blo bzang ye shes 2014a: 252].

Кроме того, Панчен-лама написал для Цоджал «Садхану Бхагавати Ситатапатры „Чудесная корова, дарующая сиддхи“, которая находится в 4 томе его собрания сочинений. В колофоне садханы сказано: Эта Садхана Бхагавати Ситатапатры «Чудесная корова, дарующая сиддхи» была написана досточтимым проповедником дхармы Лобсанг Еше по просьбе торгутской владелицы Цоджал во дворце «Кадам»² [blo bzang ye shes: 614].

2.3. Дарование титула «Дайчин-Аюка-хан»

В самом начале 1697 г. Деси Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы VI с этим же посольством Аравджамбы Дамба Арабджур передал Аюке-хану грамоту с титулом «Дайчин-Аюка-хан» и печать: Четырнадцатого числа [первого тибетского месяца] <...> года Огня-Коровы (1697 г. — Б. М.), называемого «Владыка» (тиб. dbang phyug; санскр. īśvara) <...> прибыл торгутский посланник Аравджамба Дамба Арабджур, который [говорил] о необходимости всецело принести благо учению Будды и правительству, а также о достойных похвалы вере, благосостоянии и власти. Хотя и можно подумать, что это прекрасно, но так как произошло некое происшествие³, я сам (т. е. Деси Сангье Гьяцо. — Б. М.) специально подготовил полный комплект из [указа с]

¹ 'dzin byed ces pa me pho byi lo <...> zla ba bcu gcig pa'i <...> tshes bcu bdun la thor kho A yu She'i mi sna ngo mar ngos 'phrad dang byings la rgyang 'phrad btang [blo bzang ye shes 2014a: 252].

² bcom ldan 'das gdugs dkar mo'i sgrub thabs dngos grub 'dod 'jo zhes bya ba 'di thor khod dpon mo mtsho rgyal gyis dgos zhes bskul ba la brten nas chos smra ba'i btsun pa blo bzang ye shes gyis bka' gdams pho brang du bgyis pa'o [blo bzang ye shes: 614].

³ Возможно, под «происшествием» здесь подразумевается официальное раскрытие секрета о смерти Далай-ламы V в 1682 г., решение о котором было принято в 1697 г.

титулом «Дайчин Аюка-хан», печать и одения, а также я [подготовил] и отправил хадак благоприятной связи с буквами, колесо [дхармы], меч и прочее⁴ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 291].

Печать, переданная Деси Сангье Гьяцо вместе с титулом «Дайчин Аюка-хан», названа в в нашей статье [Митруев 2021: 49] «второй» печатью Аюки-хана (из трех печатей, не считая печать на шерти 1684 г.), впервые она встречается на письме хана Аюки в 1699 г.

От имени Аюки-хана это же посольство совершило подношение монахам во время Монлам-ченмо — «Великого молебного фестиваля в Лхасе»: Пятнадцатого числа [первого лунного месяца] <...> года Огня-Коровы (1697 г. — Б. М.), называемого «Владыка» (тиб. dbang phyug; санскр. īśvara), <...> во время молитвенного фестиваля [от имени] торгутского Аюки, два [посланника] Эрке Джунанга, [от имени] усопшего Данджин Батур-Хунтайджи, бывший лама колледжа Дульва [монастыря Дрепунг] и правительство [Тибета] поднесли каждому из более чем тринадцати тысяч монахов по одной жемчужине, стоимостью в один шо⁵ серебра⁶ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 292]. Как мы видим из биографии, это посольство находилось в Тибете до 1697 г. В том же году оно снова посетило Панчен-ламу VI Лобсанг Еше: Затем, в пятнадцатый день (третьего) месяца чайтра (тиб. nag pa zla ba; санскр. caitra) года Огня-Коровы (1697 г. — Б. М.),

⁴ dbang pyug ces pa me mo glang <...> tshe bcu bzhi thor god kyi mi sna rab 'byams pa bstan pa rab 'byor bstan gzhung gang cir phan slebs dgos tshul dang dad pa dang 'byor stobs gang cir bsngags par 'os pa chibs bsgyur grub nas legs 'dra bsam rung skabs su babs pa'i gnas tshul zhig byung ba bcas da'i ching a yo Shi hang gi cho lo tham ka na bza' cha 'grig nged rang nas rten 'byung kha btags yi ge ma sku 'khor phyag shan sogs cha 'grig mngags bzos dang bcas rdzong bda' byas / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 291].

⁵ Тибетская серебряная монета.

⁶ dbang phyug ces pa me mo glang <...> tshe bco lnga la <...> 'di lo smon lam du dge 'dun zhal grangs khri dang sum stong skor la da las d+has ching / thor god a yo Shi / er khe ju nang gi gnyis dang bstan 'dzin ba dur hung tha'i ji'i dgongs rdzogs / 'dul ba bla zur/ gzhung nas mi rer dngul zho re 'bab pa'i mu tig dang bcas bstar [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 292].

называемого «Владыка» (тиб. *dbang phyug*; санскр. *īśvara*), прибыли с визитом около 60 людей торгутского Аюки, посланники Ачиту Гомбу и люди, привезшие лучшие богатства из взятого Дзоригту-хунтайджи¹ Яркенда. Они поочередно совершили пышные подношения вещей. Согласно этому [Панчен-лама] встретился на расстоянии со множеством монахов и мирян² [blo bzang ye shes 2014a: 256–257]. <...> Второго дня четвертого тибетского месяца (1697 г. — Б. М.) [Панчен-лама] лично встретился с приблизительно двадцатью посланниками торгутского Аюки. Согласно [просьбе] посланников, отправленных Аюкой, [Панчен-лама] написал свое собственное восхваление вместе с молитвой о своем собственном долголетии и отдал его посланникам. [Дав] ответы на послания и подарки, [Панчен-лама] отправил посланников в обратный путь³ [blo bzang ye shes 2014a: 257].

2.4. Раскрытие тайны о смерти Далай-ламы V

Тайна смерти Далай-ламы V была раскрыта в двадцать девятый день восьмого месяца 1697 г. Секретари Деси Сангье Гьяцо —

¹ Дзоригту-хунтайджи — другое имя Цэван-Рабдана (1663–1727). В 1696 г. третий младший брат Абдул Рашида Мухаммад Мумин занял трон, но беки Кашгара отказались признать его и заключили союз с киргизами, чтобы напасть на Яркенд, взяв в плен Мухаммада Мумина. Затем в ответ на просьбу яркендских беков джунгарские войска двинулись на юг, чтобы изгнать кыргызов. После этого Яркенд был передан Мирзе Алим Шах беку, и правление чагатайской линии ханов окончательно завершилось [Ma Dazheng 2003: 192–193].

² *dbang phyug ces pa me mo glang lo* <...> *nag zla'i* <...> *tshes bco lnga'i nyin* <...> *de nas thong [=thor] kho A yu She'i 'tshams dri ba mi drug cu skor dang / a chi thu mgon po'i bang phyin / rje [rjo] rig thu hor [=hong] tha'i jis yang [=yar] hen thob pa'i nor phud skyel mi bcas 'byor pa so so nas rim gyis dngos 'bul dpangs mtho ba bteg byung ba rnams dang bstun ser skya du mar rgyang 'phrad btang zhing* / [blo bzang ye shes 2014a: 256–257].

³ *zla ba bzhi pa'i tshes gnyis kyi nyin thor kho A yu She'i mi sna ngo bo bcas nyi shu skor la ngos 'phrad dang / A yu Shes mi snar mngags 'dug pa bzhin bdag bstod ring 'tsho'i smon tshig dang bcas pa gsar rtsom bgyis nas mi snar gtad cing so so'i lan 'debs ster cha dang bcas mi sna rnams thon par byas* [blo bzang ye shes 2014a: 256–257].

Тендзин Вангпо и Кончок Раптен объявили о раскрытии тайны всем учителям, держателям тронов и отставным руководителям монастырей Сера и Дрепунг в старом зале собраний дворца Потала. Чакарва Пема Сонам раскрыл это монашествующим и светским правительственным чиновникам в зале собраний. Чакарва Пема Сонам и Дрананг Пема Церинг раскрыли тайну в монастыре Дрепунг, Лхакхангпа Дордже Норбу и Дрангье Шакпа Чагдор Пелбар — в монастыре Сера, Чушур Ужива — в монастыре Ганден, а Мипон Шангдронгпа Дордже и Шар Таши открыли тайну собранию всех жителей Лхасы под открытым небом посреди цветников [Shakabpa 2010: 387].

К торгутскому Аюке и другим правителям, имевшим тесные связи с Тибетом, были отправлены посланцы с известием о нахождении Далай-ламы VI: В (1697 г. — Б. М.) для раскрытия секрета о том, что Владыка Пятый [Далай]-лама отправился в чистую землю [Будды], а также чтобы передать сообщение о празднестве в честь встречи с [Далай-ламой] VI в следующем году (т. е. 1698 г.), как об этом повествуется в краткой и длинной версиях «Сжатого жизнеописания [Далай-ламы V] „Извлечение сущности для слуха, радующее умы“», написанного после празднования в этом году (т. е. 1697 г.), были одновременно отправлены в Китай: Тенпа Селдже, привезший из Китая изображение на ткани и несколько задержавшийся с возвращением обратно, а вместе с ним Ньитханг-шабдрунг, Кьорлунг-кхенпо и Табул-пончунг; к торгутскому Аюке — Гоманг-рабджамба Даргье Гьяцо; к Эрдени Дзорикту-хунтайджи левого крыла — Дархан-эмчи; к [Галдан] Бошогту-хану — Кьярца Нгаванг Гьяцо; к халхаскому Манджуши-хутугте — Кхампа Кхецун⁴

⁴ *rgya nag nas yol thang bskyel mi bstan pa gsal byed phyir slog 'gyang tsam ngos de dang mnyam du nyi thang zhabs drung / skyor lung mkhan po/ rta 'bul dpon chung gsum rgya nag / thor khod a yuH Shir sgo mang rab 'byams pa dar rgyas rgya mtsho/ g.yon ru er te na [=ni] ju rig thu hong tha'i jir dar rgan em chi/ bo shog thu rgyal por skyar tsha ngag dbang rgya mtsho/ khal kha 'jam dbyangs sprul pa'i skur khams pa mkhas btsun rnams rje bla ma lnga pa dag zhing du gshegs pa'i gsang brtol dang drug pa phyi lo zhal mjal gyi dga' ston bcas kyi gnas tshul 'di lo dbyar gsos nas rnam thar don bsdu rna ba'i bcud len yid kyi kun dga' rgyas bsdu bzos pa ltar skyel bar dus gcig tu rdzong bda' byas shing / [sde*

[sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009в: 463]. То, что посланники были отправлены к торгутскому правителю одновременно с посланниками к цинскому императору, Галдан Бошогту-хану и прочим, указывает на его высокий статус среди ойратских и монгольских правителей. Вероятно, посланник к Аюке-хану, Гоманг-рабджамба Даргье Гьяцо, отправился обратно с частью посольства Аюки-хана, которое возглавлял Дамба Арабджур. Эти же сведения излагаются в процитированном источнике в стихотворной форме в промежуточных стихах, разделяющих разделы биографии: *Посланник, вместе со свитой специально отправленный, чтобы доставить изображение джатаки на ткани, / Носящий имя Тенпа Седже, несколько задержался с возвращением обратно, / Поэтому [он], а вместе с ним Ньима Тханг-[шабдунг], / Кьорлунг-[кхенпо] и Табул Медранг [были отправлены] в Китай; / К владыке торгутской земли Аюке — Гоманг-рабджамба Даргье Гьяцо; / К левому крылу — Дархан-эмчи; к Бошогту-[хану] — / Кьярца Нгагьям; к владыке семи халхаских племен / Манджушири-хутугте и [его] братьям¹, Сайн-хану, — / [Человек], носящий имя Кхецун. [Таким образом], была отправлена группа посланников, / Чтобы раскрыть тайну ухода Пятого Покровителя и Защитника (т. е. Далай-ламы. — Б. М.) / В чистую землю Кечару² [sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009в: 465]. Посланники*

srid sangs rgyas rgya mstho 2009в: 463].

¹ По всей видимости, здесь имеется в виду Манджушири-хутугта из левого крыла Халхи Лубсан Дамби Джалцан (тиб. 'jam dbyangs sprul pa'i sku blo bzang bstan pa'i rgyal mtshan) и два его брата, побывавшие у Панчен-ламы VI Лобсанг Еше в 1681 г. [blo bzang ye shes 2014а: 119].

² skyes pa'i yol thang 'dzam gling khyad nor gang // spel bar ched mngags bstan pa gsal byed kyi // ming ldan gser yig 'khor bcas phyir log las // cung zad brgyangs te stabs cig nyi ma thang // skyor lung rta 'bul me grangs rgya nag dang // 'thor god sa la spyod pa'i a yuH Sher // sgo mang rab 'byams dar rgyas rgya mtsho dang // g.yon rur dar khan em chi bo shog thur // skyar tsha ngag rgyam tsho bdun khal kha'i rje // 'jam dbyangs sprul pa'i sku dang san khang mched // mkhas btsun ming ldan bya ma rta yi tshogs // skyabs mgon lnga pa dag pa mkha' spyod du // gshegs pa'i gsang ba'i sgo rgya 'grol ba dang // [sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009в: 465].

прибыли к Аюке в ноябре 1698 г. Об этом свидетельствует следующий факт: во время встречи Аюки с посланцем Б. А. Голицына дворянином Замановым³ находились хошутский Торба и буддийские священники, приехавшие буквально за день до этой встречи от Далай-ламы VI [Тепкеев 2018: 159]. Эта делегация от Далай-ламы VI отбыла той же осенью 1698 г. Из письменных сообщений Аюки-хана известно, что с 1699 г. в его посланиях начинает встречаться «вторая» печать. Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что это тибетское посольство Далай-ламы доставило печать и грамоту с титулом Аюке в 1698 г.

Когда процессия Далай-ламы VI путешествовала из Цона (тиб. mtsho sna) в Лхасу, недалеко от Лхасы в лагере Ньетанг Таши был поставлен большой шатер, необходимый для празднования, а также были подготовлены условия для большого лагеря [Shakabpa 2010: 388]. Так как в приведенном ниже отрывке посланником Аюки-хана назван Баян Дархан-зайсанг, можно предположить, что посланник Аравджамба Дамба Арабджур с частью посольства к этому времени отправился с вестью о появлении нового воплощения Далай-ламы на родину. Посольство Аюки-хана встретилось с новым воплощением Далай-ламы в лагере Ньетанг Таши: *Четырнадцатого числа <...> десятого лунного месяца (1697 г. — Б. М.) после завершения пиришества Ньитханг-тулку, Цецен-шаврон, Гьятон тулку, Пово кхенпо, Ньемо Сангри Шарпа, Чамда-лама, затворник Качен из монастыря Таши Лхунпо, посланник торгутского Аюки Баян Дархан-зайсанг, посланник сына [Аюки] Санджаба Зан-Ончин, Дунг-наг Экре Нойон Цанг, ханша Галдан Цеван вместе с сыном, Беге Ончин, посланники с дарами, поднесенными ради усопшего младшего брата Минджул-хутугту, посланник хошутского Цаган-Ке, посланник сына Турхан-тайджи, Ньяишур, Лхаса Лхокханг Сара, сын Нагцанг Трово, Суркхангпа, Тхонпе Шидзин, Кьярпова, Шангтонпа, Ладонгпа, Джамкханг Гьябпа, люди, участвующие в повторении мантры Мани⁴ и проведении ежемесячных молебнов десятого лунного числа из Ньянгдена и Дарбаг Пхуда, а также другие со-*

³ Инициалы в документе не указаны.

⁴ Мантра Авалокитешвары «Ом мани падме хум».

вершили подношения, соответствующие их богатству, такие как корзины с большим количеством жареного хвороста¹ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 360–361].

Двадцать второго числа десятого тибетского месяца 1697 г. в том же лагере некие торгутские посланники получили от Далай-ламы благословение дланью: *Двадцать второго числа <...> десятого тибетского месяца (1697 г. — Б. М.) <...> [Далай-лама] даровал благословение дланью торгутским посланникам*² [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 362].

Рано утром двадцать пятого дня десятого тибетского месяца 1697 г., в окружении представителей Китая, Тибета и монгольских народов, правительственных чиновников из монахов и мирян, процессии монахов, церемониальных певцов и танцоров и т. д. Далай-лама VI был возведен на золотой трон в великом дворце Потала. Панчен Ринпоче Лобсанг Еше, первое воплощение Чанкьи Нгаванг Чоден, который был представителем маньчжурского императора Канси, держатель трона Гандена, великие ламы и различные другие важные фигуры совершили церемониальные подношения по этому случаю [Shakabpa 2010: 388–389]. На этом праздновании возведения Далай-ламы VI на трон присутствовали и посланники торгутского Аюки, а также другие представители ойратов: *Двадцать*

пятого числа <...> десятого лунного месяца (1697 г. — Б. М.) <...> Эрдени Батуру, Лхавзану³ и прочим владельцам; посланнику торгутского Аюки-хана Баян Дархан-зайсангу Буде; Тосту, приведенной в супруги из земли Цеван Рабдана Намка Джалцаном; Ямпелю, отправленному Батур-тайджи в Шелкар, а также людям различных владельцев из Цокха⁴, собравшимся в старом и новом больших молельных залах, были даны фарфоровые чаши для пиришеств⁵ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 385].

Посланники Аюки-хана также приняли участие и в праздновании, которое имело место в последующие за возведением на трон дни: *Двадцать шестого числа <...> десятого тибетского месяца (1697 г. — Б. М.) <...> во все предыдущие и следующие дни двум посланникам китайского императора [Канси], паломникам, Эрдени Батуру и прочим различным монгольским ханам, торгутским посланникам и [посланникам] из Цокха⁶, зайсангам, благородным людям, Владыке дхармы из [монастыря] Чоне, Ончунгу и прочим, как и в предыдущие дни, были представлены танцы, музыка и прочее, [исполняемые] между рядами [празднующих], вместе с этим по пути были организованы представления игр для рядов [зрителей] из соседствующих областей*⁷

³ Лхавзан, будущий Лхавзан-хан (ум. в 1717 г.), сын хошутского Далай-хана (1668–1701), внук Гуши-хана (1582–1655). Придя к власти в 1703 г., стал последним ойратским ханом Тибета.

⁴ Цокха (тиб. mtsho kha) — местность в Амдо, где проживают ойратские этнические группы.

⁵ zla ba bcu pa'i <...> nyer lnga <...> er ti na pA thur / lha bzang sogs dpon khag thor god a yu She rgyal po'i mi sna ba yan dar gan ja'i sang bu rta [=d+ha] / tshe dbang rab brtan sa nas nam mkha' rgyal mtshan gyi[s] zlar 'khrid yongs ba'i tho sa thu / bA dur tha'i jis yar 'phel zhal dkar du mngags 'dug pa dang / mtsho kha dpon khag gi mi bcas tshoms chen gsar rnying gnyis ka phyur bur gtams pa'i bzhugs gral la dga' ston gyi dkar yol btang / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 385].

⁶ См. сноску 5.

⁷ nyer drug <...> nyin snga rting tshang mar rgya nag gong ma rgyal po'i mi sna gnyis / 'grul sdebs / er te na pA thur sogs sog po rgyal khag / thor god dang mtsho kha'i mi sna / ja'i sang / mi bzang / co ne chos rje/ dbon chung sogs la dga' ston gral

¹ zla ba bcu pa'i <...> bcu bzhi <...> gsol tshigs grol nas nyi thang sprul sku/ se chen zhabs drung / rgya ston sprul sku / spo bo mkhan po / snye mo zangs ri shar pa / leam mda' bla ma / bkras lhun ri khrod dka' chen / thor god a yu She' mi sna [sba] yan dar khan ja'i sang / sras sangs rgyas skyabs kyi mi sna dzang dpon chung / mdung nag er ke no yon tshang / dga' ldan tshe dbang gi dpon mo yum sras/ be ge dpon chung // ma nya+dzu yi la khu thog thu'i nu bo 'das pa'i bsngo zhus pa/ khong shong [=kho shod] cha gan khas kyi mi sna / thur khan tha'i ji'i sras kyi mi sna / nya shur / lha sa lho khang gsar pa/ nag tshang khro bo'i bu / zur khang pa / thon pa'i gzhis 'dzin / skyar po ba / zhang ston pa / la gdong pa / byams khang rgyab pa / nyang bran dang dar 'bag phu mda'i ma Ni tshes bcu ba sogs rang rang gi 'byor pa dang bstun pa'i tshan grangs bzhes spro'i za ma tog gi mtshon 'bul ba bstar / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 360–361].

² nyer gnis la <...> thor god kyi mi sna <...> phyag dbang tsal [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 362].

[sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 389].

Посольство Аюки-хана совершило подношение Далай-ламе в честь его возведения на трон. Необходимо отметить, что здесь, вероятно ошибочно, Баян Дархан-зайсанг назван Дархан Баян-зайсангом: *Двадцать седьмого числа <...> десятого тибетского месяца (1697 г. — Б. М.) <...> посланец врачавателя Тхара, посланник внука Кунделен Убаши Самдуб, посланник Эрдени-цордже, ньерва Джинг Самтен-це, торгутские посланники Дархан Баян-зайсанг и прочие, [всего] двадцать человек, ханша Дордже Рабдан¹, воплощение Ронгпо из Амдо и прочие совершили персональные разнообразные подношения, соответствующие их положению. Торгуты поднесли чай, ткани, шелка, ружья и прочие богатые подношения высокого качества² [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 390].*

Двадцать восьмого числа того же месяца личную аудиенцию у Далай-ламы VI получил некий посланник торгутского Нойон-гавджу. Остается неясным, принадлежал ли он к посольству Аюки-хана: *Двадцать восьмого числа <...> десятого тибетского месяца <...> среди прочих посланник торгутского Нойон-гавджу получил личную аудиенцию [у Далай-ламы]³ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 390]. В 1697 г. к Панчен-ламе VI Лобсанг Еше прибыли посланники Санджаба, сына Аюки-хана. Возможно, это посольство привезло Санджабу*

печать от Далай-ламы, а также стало одной из причин для ухода Санджаба в Джунгарию, откуда он планировал перебраться в Восточный Тибет. Вот что сказано о визите посланников Санджаба к Панчен-ламе: *Пятнадцатого числа <...> десятого месяца <...> года Огня-Коровы (1697 г. — Б. М.), называемого «Владыка» (тиб. dbang phyug; санскр. īśvara), прибыл владелец Уйзэн Самруб, совершающий добродетели ради Унзад Цордже, вместе с людьми; Адар-гецуль, посланник Санджаба⁴ Лузан Чомпель и прочие некоторые гости с севера. Они по-отдельности совершили пышные подношения русских золотых монет, серебра, парчи, больших плоских штук шерстяной материи, большого русского зеркала, мулов, кирпичей чая и прочего. В виде подношения для усопших Бошогту-чжунана и владелицы Сонам Балзан [Панчен-ламе] были поднесены одежды, шесть комплектов конской сбруи с седлами, ружья, тибетские мечи и прочее. [Панчен-лама] произнес совершенное посвящение заслуг и молитвы⁵ [blo bzang ye shes 2014a: 269].*

Присутствовавшим на праздновании торгутам и прочим было предложено пиршество: *Второго числа одиннадцатого тибетского месяца (1697 г. — Б. М.) администрация монастыря Пенде Легше-линг⁶ устроила пышное пиршество для всех чиновников, монахов и мирян тибетского правительства, а также, хотя Тендзин Далай-хан не смог присутствовать из-за*

‘phros gar rol la sogs nyin sngon ma ltar gyi ngos / yar phebs zhor yul gru nye skor rim bsgrigs kyi rtsed sna bar gzigs mo tsam gnang / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 389].

¹ Родная сестра Аюки-хана Доржи-Арабдан, бывшая в замужестве за хошутским Цэцэн-ханом. Она прибыла на Волгу к Аюке в 1670 г. [Бакунин 1995: 23].

² zla ba bcu pa’i <...> nyer bdun la <...> lha rje thar gyi mi sna / khun ‘du lu o pa shi’i tsha bo bsam grub kyi mi sna / er te na [=ni] chos rje’i mi sna / bying bsam gtan rtse’i gnyer pa / thor god kyi mi sna dar khan ba yan ja’i sang sogs nyi shu skor / rgyal mo rdo rje rab brtan / a mdo rong po sku skye sogs so sos tshan grangs go babs dang bstun pa dang / thor god rnams kyi ja gos dar me mda’ sogs spus gtsang la spams mtho ba bstar / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 390].

³ nyer brgyad la <...> thor god no yon dka’ bcu’i mi sna <...> sger mjal zhush [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 390].

⁴ Санджаб (тиб. sangs rgyas skyabs) — сын Аюки-хана.

⁵ dbang phyug ces pa me mo glang lo <...> zla ba bcu pa’i <...> tshes bco lnga’i nyin <...> ‘di skabs thor go [=god] dbu mdzad chos rje’i dge bsgrub pa us ching dpon po bsam grub can dang / a dar dge tshul / sangs rgyas bskyabs kyi bang phyin blo bzang chos ‘phel sogs byang ‘grul pa kha shas ‘byor pas / rgya ser gyi sa le sbram dong rtse / dngul / gos chen / mgo snam leb chen / rgya ser gyi shel sgo che ba / dre’u / zing ja sogs so so nas dngos po’i ster cha dpangs mtho ba dang / sbo shog thu ju nang dang / dpon mo bsod nams dpal bzang gnyis ma ‘tsho ba’i bsngo rten na bza’ skor / rta sga ‘khor drug / me mda’ / dpa’ dam sogs ‘byor bar bsngo smon gyi mtshams sbyor yang dag bgyis / [blo bzang ye shes 2014a: 269].

⁶ Пенде Легше-линг (тиб. phan bde legs bshad gling) — название личного монастыря Далай-ламы Намгьял (тиб. nam rgyal grwa tshang).

простуды, для Эрдени Батура и прочих представителей ханского рода, посланников китайского императора, Джамьянг Шабдрунга, торгутов и [ойратов] Цокха¹ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 391–393].

Участники церемонии возведения на трон в свою очередь сделали великое множество подарков Далай-ламе, после чего: Им в обычном порядке было предложено пышное пиришество, беседа и представление, состоящее из музыки и танцев² [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 391–393].

Семнадцатого числа двенадцатого месяца 1697 г. множество гостей были удостоены аудиенции у Далай-ламы VI и угощения перед отправлением в путь. Среди них присутствовали Агпа Цецен-шаврон, второе воплощение ойратского Зая-пандиты (1664–1698) и прибывшие к нему с приглашением посланники торгутского Аюки во главе с Дархан-зайсангом: Семнадцатого числа двенадцатого месяца (1697 г. — Б. М.) посланник китайского императора Чангкья-шабдрунгу, Дзасаг-лама, посланник Джамьянг Чойдже, Лодро Рабд-жамба, Та-лама вместе с паломниками и прочие простолюдины <...> посланники во главе с Дархан-зайсангом, прибывшим с приглашением [к Агпа Цецен-шаврону], Агпа Цецен-шаврон, отправляющийся, чтобы стать ламой торгутского Аюки, <...> были удостоены аудиенции перед отправлением и угощения. Кроме того, им были сделаны традиционные ответные подношения в виде защитных инуров, комплекта субстанций самайи³ [в виде освященных пилуль], драгоценных четок, шерстяной ткани и прочего⁴ [sde srid sangs rgyas rgya mstho

1989: 420–421].

Агпа Цецен-шаврон несколько раз упоминается в биографиях Далай-ламы V и VI. Так, в 1666 г. Далай-лама V Лобсанг Гьяцо провел для Агпа Цецен-шаврона (тиб. sngags pa se chen zhabs drung), который в биографии Зая-пандиты «Лунный свет» называется «Гакпаским Цецен-цорджи» (тиб. sngags pa se chen chos rje), родившимся в год дракона (1664 г.) [Раднабхадра 1999: 88], церемонию обрезания волос: Второго десятого числа <...> одиннадцатого тибетского месяца <...> года Огня-Коня (1666 г. — Б. М.) воплощение Агпа Цецен-шаврона, которое было подтверждено исследованием, что ясно изложено в тайном указании, было приведено бывшим гоманговским наставником Гарупой вместе с людьми. [Я] (т. е. Далай-лама. — Б. М.) совершил обрезание волос, а также ритуал защиты-благословения посредством Шестирукого [Махакалы]⁵ [blo bzang rgya mtsho 2009a: 33].

В 1673 г. Далай-лама V совершил посвящение заслуг для умершего в 1643 г. Инзан-хутугты (тиб. dben sa spral sku): Шестнадцатого числа <...> пятого тибетского месяца <...> года Воды-Быка (1673 г. — Б. М.) [Далай-лама] посвятил заслуги⁶, возникшие из пышного подношения ради усопшего управляющего предыдущего воплощения Инзан-хутугты Эрке-цорджи, для достижения уровня совершенного будды⁷ [blo bzang rgya mtsho 2009a: 248].

<...> rgya nag gong ma rgyal po'i mi sna lchang skya zhabs drung / dza sag bla ma / 'jam dbyangs chos rje'i mi sna / blo gros rab 'byams pa / 'grul sdebs tA bla ma sogs byings dang / <...> thor god a yu She'i bla mar 'gro mi sngags pa se chen zhabs drung / 'bod mi dar khan ja'i sang gis gtsos pa'i mi sna / ju nang gi sku tshab dpon g.yog / lo chen / li thang mkhan po sogs la thon mjal bzhugs gral thog phyag mdud / dam rdzas le tshan / rin po che'i 'phreng ba / snam phrug sogs 'char can 'bul lan rgyas pa / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 420–421].

⁶ me rta lo <...> zla ba bcu gcig pa'i <...> tshes bcu rting ma la <...> sngags pa se chen zhabs drung gi sku skye brtag pa dang mthun pa gsang mdar gsal ba byung 'dug pa bzhin sgo mangs slob dpon zur pa ga ru pa can gyis khrid 'ongs pa skra phud blangs shing phyag drug ba'i bka' bsgo byas / [blo bzang rgya mtsho 2009a: 33].

⁷ Буквально «наложил печать» (тиб. rgyas btab).

⁸ chu glang <...> hor zla lnga pa'i <...> tshes bcu drug gi nyin <...> dben sa sprul sku gong ma'i

¹ См. сноску 5 на с. 168.

² zla ba bcu gcig pa'i tshes gnyis la phan bde legs bshad gling spyi sos rtse shod / bstan 'dzin da la'i khang mgul 'cham gyi[s] phebs ma thub kyang / er te na [=ni] pA thur sogs rgyal rigs / rgya nag gong ma / 'jam dbyangs zhabs drung / thor god dang / mtsho kha bcas pa'i mi sna / <...> tshang mar ston mo rgyas pa'i thog <...> [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 391–393].

³ tshan grangs zhing dga' ston gzabs la 'bel gtam gar rol sogs dkyus bzhin byas / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 391–393].

⁴ Субстанции самайи (тиб. dam rdzas) — различные субстанции, благословленные мантрой.

⁵ zla ba bcu gnyis pa'i <...> tshe bcu bdun la

В 1675 г. Агпа Цецен и Эрке-цорджи, который в биографии Зая-пандиты «Лунный свет» назван управляющим шабинарами Зая-пандиты и который был инициатором поисков второго воплощения Зая-пандиты [Раднабхадра 1999: 88], совершили подношения Далай-ламе V: Семнадцатого числа (первого тибетского месяца) года Дерева-Зайца (1675 г. — Б. М.) воплощение Агпа Цецена и Эрке-цордже совершили пышные подношения, главным из которых были двадцать один ямб серебра, весом в 50 [лянов]¹ [blo bzang rgya mtsho 2009a: 322].

Неизвестно, отправился ли Агпа Цецен-шаврон к Аюке-хану, но он упоминается в биографии Далай-ламы VI в 1698 г.: Четвертого числа <...> первого тибетского месяца <...> года Земли-Тигра (1698 г. — Б. М.) [Далай-лама] сел на трон, поддерживаемый львами² в большом дворе своей резиденции, окруженной оградой, <...> Дэмо-[хутугту], Агпа Цецен <...> посланники великого [цинского] императора вместе с паломниками полностью наполнили пространство между сто восемью колоннами двора³ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 434]. Когда Далай-лама VI пребывал в львином троне в большом молебном зале монастыря Дрепунг, там присутствовали и посланники Санджаба: Двадцать пятого числа <...> четвертого тибетского месяца <...> года Земли-Тигра (1698 г. — Б. М.) <...> [во время пребывания Далай-ламы в большом молебном зале монастыря Дрепунг

gzims dpon er khe chos rje 'das pa'i dge rtso gong mi ched gnyer 'byor ba'i bsngo rten dpangs mtho ba byung ba dge ba rdzogs pa'i sangs rgyas kyi sar rgyas btab / [blo bzang rgya mtsho 2009a: 248].

¹ shing yos <...> tshes bcu bdun la sngags pa se chen pa'i sku skye dang er khe chos rjes dngul lnga bcu ma nyer gcig gis thog drangs pa'i bdog pa gya nom pa bstar / [blo bzang rgya mtsho 2009a: 322].

² Буквально «пятиликами» (тиб. gdong lnga; pañcāṇa). Льва называют так, потому что его когтистые лапы напоминают пасть и вместе с обычной пастью льва составляют пять ликом или пять пастей.

³ sa pho stag <...> zla ba dang po'i <...> tshe bzhi <...> rang gnas ra sa'i khyams ra chen po'i mi 'jigs gdong lnga'i khri la zhabs zung gi pad+ma bkod <...> de mo ba dang sngags pa se chen <...> gong ma'i mi sna 'grul sdebs dang bcas pa'i bzhugs gral khyams ra ka ba brgya dang brgyad kyi sa 'phyar bur gtams / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 434].

там присутствовали] Тендзин Далай-хан, принц Гуге, зайсанги малых княжеств, благородные люди, бывший лама Гоманга, Тая-Дондук, Пунцок Вангчук, Мерген-дайчин и посланники Санджаба. Таким образом, ряды присутствующих, которые полностью наполняли зал со 108 колоннами, они были подобны перенесенному [с небес] месту собрания богов Владыки Бессмертия⁴ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 457]. <...> В четвертом месяце <...> года Земли-Тигра (1698 г. — Б. М.) <...> отправляющимся обратно посланникам Батур-тайджи, посланникам бывшего ламы Гоманга, людям владельцев Дондук-Даши, Данджи-на, Дже Цендена, торгутского Санджаба, некоторым официальным служащим [тибетской администрации], таким как сын Дредонгпы и Ринчен Цена <...> [Далай-лама] даровал соответствующие прощальные подарки⁵ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 474–475].

2.5. Посольство 1700–1701 гг.

Следующее посольство Аюки посетило Тибет в 1700–1701 гг. После смерти Тендзин Далай-хана тринадцатого числа двенадцатого тибетского месяца года Железа-Дракона (т. е. 1700 г.) на следующий день, т. е. четырнадцатого числа, к Далай-ламе VI прибыло посольство Дайчин Аюки-хана, включающее в себя посланников от его сыновей и других представителей калмыцкой знати. Можно предположить, что это то посольство, для которого Аюка просил прибавить к жалованью золотых монет через своего представителя. Эти представители Аюки и Гунджаба — Эльмек и Лузан-Даши прибыли в Москву 16 декабря 1698 г. [Тенкеев

⁴ bstan 'dzin da la'i rgyal po / gu ge rgyal sras / rgyal phran dza'i sang / mi bzang / sgo mang bla zur dang / tha ya don grub / phun tshogs dbang phyug mer khan da'i ching / sangs rgyas skyabs bcas pa'i mi sna ste 'du khang ka ba brgya phrag gcig dang brgyad kyi yongs su gtams pa'i bzhugs gral 'chi med dbang ba'i 'dun sa 'phos pa dang mtshungs par [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 457].

⁵ sa pho stag <...> zla ba bzhi pa'i <...> ba dur tha'i ji'i mi sna / sgo mang bla zur gyi mi sna / dpon don grub bkra shis / bstan 'dzin / byes tshe brtan / thor god sangs rgyas skyabs kyi mi / 'bras ldongs pa'i bu / rin chen rtse pas mtshon drung 'khor kha shas rnam sgron par / <...> gang 'tsham gyi rdzong ba gnang [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 474–475].

2018: 160]: Четырнадцатого числа [двенадцатого тибетского месяца] <...> года Железа-Дракона (1700 г. — Б. М.), называемого «Сила» (тиб. *gnat gnop*; санскр. *vikranta*), <...> после завершения [предыдущей аудиенции Далай-ламы] пришли новоприбывший старший посланник торгутского Дайчин Аюки-хана Чагзод-гецүль¹, младший посланник Бахан Кашка, Самтан-Эрдени, а также посланники сына [Аюки-хана] Чагдора², Эрке-тайджиги³, Данджигина, Балбу⁴, Менко-Темира⁵, ханского сына Санджаба⁶, Радна-Гары⁷, ханского сына Гунджаба⁸, Цевана, Цой-Джамцо, Цеван-Ламу⁹, Тарба-Джидо¹⁰, Эрдени-цордже, сына Балбуя Золана¹¹, Залан Ахая¹², сына Ахая Лекбе Ендона¹³, Су-

зук-Батур-тайджи, племянник Цецен-шаврона и Эрдени-цордже¹⁴; Шараб-гелюн и четыре посланника, совершающий добродетели¹⁵ ради Пандиты-цордже¹⁶; около девяносто монахов; Гуру-Джалцан — посланник, совершающий добродетели ради ханского сына Габан-Рабдана¹⁷, Джалцан-гецүль, [посланник, совершающий добродетели ради] Мерген-цордже; Лузан, [посланник, совершающий добродетели ради] унзат-цордже; Содном-Ончик и три [посланника, совершающих добродетели ради] Сузук-Батур-тайджи. Во главе с посланием хана они представили индивидуальные послания, образы тела, речи и ума Будды и предметы подношения великолепного качества, а также полные и прекрасные подношения прибывших. Послание хана, его служение ради блага учения Будды, искренние просьбы владельцев о проведении гаданий и прочее. Кроме того, внешний вид и т. д. посланников, всецело указывающие на сохранение древних монгольских традиций, были благосклонно приняты [Далай-ламой]¹⁸

¹ Послушник, исполняющий обязанности казначея (тиб. *phyag mdzod dge tshul*).

² Это краткая форма имени старшего сына Аюки-хана Чагдорджаба [Калмыцкие 1969: 26]. В «Истории Хо-Өрлөка» он назван вторым сыном Аюки-хана [Письменные памятники 2016: 29].

³ Возможно, это сын нойона малодербетовского улуса Батур-Малая [Митиров 1998: 362].

⁴ Второй сын хошутского нойона Галдамы [Письменные памятники 2016: 113].

⁵ Старший сын владельца дербетского улуса Солом-Церена [Цюрюмов 2007: 118].

⁶ Третий сын Аюки-хана [Письменные памятники 2016: 102].

⁷ Старший сын торгутского владельца Урджана [Письменные памятники 2016: 112].

⁸ Третий сын Аюки-хана [Калмыцкие 1969: 139; Письменные памятники 2016: 29].

⁹ Вероятно, это 4-я жена Чагдорджаба Цаган-Лама, дочь хошутского Цэцэн-хана [Бакунин 1995: 33]. Из ее письма, полученного 16 ноября 1724 г., мы знаем, что вторая часть ее имени правильно пишется Лхамо (тиб. *lha mo*) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 116].

¹⁰ Вероятно, это 2-я жена Чагдорджаба Талбаджит, дочь хошутского владельца [Бакунин 1995: 33].

¹¹ Возможно, это сын упомянутого выше Балбу, однако в «Родословной торгутских ханов и князей» названы имена пять сыновей Балбу: Баясхуланту, Нарма, Цэрэнг Донроб, Дондут и Убаши, среди которых не упоминается Золан [Письменные памятники 2016: 113].

¹² Возможно, это старший сын Дорджи-Тайчжи Хай (Ахай) [Калмыцкие 1969: 22].

¹³ Сын Ахая (Хая) Лекбе [Калмыцкие 1969: 22]. Из его писем, сохранившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, нам извест-

но, что его полное имя было Лекбе или Лекбей Ендон (тиб. *legs pa'i yon tan*) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 168].

¹⁴ Это имя уже встречалось выше.

¹⁵ Тибетское *dge rtsa byed mi* обозначает посланников, совершающих добродетели от чье-то имени.

¹⁶ Вероятно, здесь имеется в виду ойратский Зая-пандита.

¹⁷ Четвертый сын Аюки-хана [Письменные памятники 2016: 102], его имя по-другому пишут Арабтан [Калмыцкие 1969: 74].

¹⁸ *nam gnon zhes pa lcags pho 'brug <...> zla ba bcu gnyis pa'i <...> tshe bcu bzhi <...> de grol rjes gsar 'byor thor god d+has byin a yu Shi rgyal po'i mi sna rgan pa phyag mdzod dgo [=dge] tshul/gzhon pa bA khan kha sha kha dang / bsam gtan er te ni / de bzhi du sras phyag rdor / er khe tha'i ji / bstan 'dzin / bal po / mong khu tho mur / rgyal sras sangs rgyas skyabs / ra t+na ka ra / rgyal sras mgon skyabs / tshe dbang / chos rgya mtsho / tshe dbang lha mo / thar pa skyid / er te ni chos rje / bal po'i sras zo lang / cha lang a khas / a khas sras / legs pa yon tan / su chug pA dur tha'i ji / che chen zhabs drung gi dbon po / er te na chos rje rnams kyi mi sna / dge rtsa byed mi paN+Di ta chos rje'i shes rab dge slong can bzhi dang / gra rigs dgu bcu skor / rgyal sras ngag dbang rab brtan gyi dge rtsa byed mi gu ru rgyal msthan / mer gan cho rje'i rgyal mtshan dge tshul / dbu mdzad chos rje'i blo bzang / su chug*

[sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 758]. Шестнадцатого числа двенадцатого тибетского месяца 1700 г. посольство Дайчин Аюки-хана снова получило аудиенцию и сделало подношения Далай-ламе VI: Шестнадцатого числа [двенадцатого тибетского месяца] (1700 г. — Б. М.) <...> в этот день торгутский Дайчин Аюка-хан сделал подношение для того, чтобы, опираясь на ритуал «Сияния бессмертия»¹, [монахи Намгьял] монастыря создали благоприятные условия для того, чтобы драгоценное тело [Далай-ламы], украшенное главными и восьмьюдесятью второстепенными признаками Будды, пребывало как нерушимая ваджра. Более того, были поднесены четыре больших хадака «нын-де-ма»², 57 хадаков «благополучия», 10 штук старой парчи «мянь-цзы»³, 25 штук ткани, 680 срангов⁴ серебра, две шкурки выдры и восемь красных шкур. Посланникам, большинство из которых прибыло [на аудиенцию], было дано угощение чаем и благословение дланью⁵

ba dur tha'i ji'i bsod nams dbang phyug can gsum rnams / 'byor ba'i rgyal pos gtsos so so'i zhu yig dang / rten chas dngos po spus gtsang / yong mi ngo bo rnams kyi 'bul ba bzang 'gran / rgyal po'i zhu ngag bstan pa'i don zhabz tog byed tshul zhal ngo rnams mtsher bcas kyi gsung brtag zhu ba sogs dang mi sna rnams cha lugs sogs gang ci nas gna' dus kyi sog lugs ma nyams pa'i bag shin tu dro ba snang / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 758].

¹ «Сияние бессмертия» (тиб. 'chi med 'od snang) — название текста практики продления жизни посредством Амитаюса.

² Хадак хорошего качества, несущий на себе известное четверостишие nyin mo bde legs mtshan bde legs // nyi ma'i gung yang bde legs shing // nyin mtshan ku tu bden legs pa // dkon mchog gsum gyi bde legs shog // 'Пусть день будет счастливым и благим, [пусть] ночь будет счастливой и благой. [Пусть] полдень будет счастливым и благим, [пусть] день и ночь всегда будут счастливыми и благими. Пусть будет благополучие трех Драгоценностей!' [rgya bod tshig mdzod 1984a: 954].

³ Мян-цзы (кит. 面子; пиньинь miànzi) — желтая шелковая ткань с флорическим узором [rgya bod tshig mdzod 1984b: 2164].

⁴ Сранг (тиб. srang) — тибетская мера веса, равная 37,5 г.

⁵ tshe bcu drug la <...> 'di nyin thor god da'i ching a yu She rgyal pos 'bul yon sbyar te gra tshang nas 'chi med 'od snang gi cho gar brten / mtshan bzang po dang dpe byad brgyad cus spras pa'i sku

[sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 760].

Это же посольство присутствовало на праздновании тибетского нового года в 1701 г.: Первого числа [первого лунного месяца] года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), называемого «Лучший бык» (тиб. khuu tshog; санскр. vr̥ṣaprajā), <...> [Далай-лама], как традиционно делал прежде, прибыл в храм в [Потале] «Нампар-гьялва Пхенде Легше-линг»⁶ для совершения подношения, известного как «великое торма», вместе с собранием монахов. Кроме того, для Нгаг-рина⁷ и прочих из ближнего окружения; Аблай Тендзина⁸, Инаг-Батура-тайджи⁹, Бойбо Батур-джунана, Эрдени Батур-нойона, Лобсана из левого крыла, хойтского Зоригту-тайджи, Ончига, Зундара¹⁰, Намка-Джалцана, Бам Сотара, Уйзэн-Дархан-нойона и других великих, средних и малых владельцев, а также главных посланников: старшего посланника торгутского Дайчин-Аюки Чагзод-гецуля, младшего посланника Баян-Каиши¹¹, [посланника] Батур-тайджи Еремпея, [посланника] Далай Дайчина-Зоригту-каа¹², по-

rin po che sra brtan rdo rje'i rang bzhin du bzhugs pa'i rten 'brel bsgrigs thog / kha btags nyin bde ma che ba bzhi / bkras btags nga bdun / sman yug bcu / gos yug nyi shu rtsa lnga / dngul srang drug brgya dang brgyad cu tham pa / sram lpags gsum / ko dmar bcu bdun / shod du nyin bde ma bzhi / bkras btags nyi shu rtsa bzhi dang / sman yug lnga / dngul srang sum brgya / gos yug bco lnga / sram lpags gnyis / ko dmar brgyad rnams bstar zhing / mi sna rnams kyang phal cher byung bar ja gral phyag dbang / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 760].

⁶ «Нампар-гьялва Пхенде Легше-линг» (тиб. nam par rgyal ba phan bde legs bshad gling), «Победоносная обитель прекрасных изложений и блага и счастья» — развернутое название монастыря «Намгьял» на территории Поталы.

⁷ Нгаг-рин или Нгаванг Ринчен (тиб. ngag dbang rin chen) был старшим сыном Сангье Гьяцо (тиб. sangs rgyas rgya mtsho, 1653–1705), который являлся регентом Тибета, или «деси» (тиб. sde srid), при Далай-ламе V (1617–1682) и в последние десятилетия XVII в.

⁸ Не является известным хошутским Аблай-тайшой. Аблай, сын Байбагаса, умер в Москве в 1674 г. [Русско-монгольские отношения 1996: 271].

⁹ Сын Кундулена Убаши [Дугаров 1983: 72].

¹⁰ Сын Тарбы [Дугаров 1983: 76].

¹¹ Выше он был назван Бахан-Кашка.

¹² Каа — телохранитель [КРС 1977: 282], адъютант [Krueger 1982: 762].

сланников Чин-хошочи, Цаган Ахая, Чагдоджаба, Эрке-тайджи, бывшего настоятеля Гьяла и прочих приблизительно тридцати семи посланников и более чем ста пятидесяти зайсангов было подготовлено ритуальное праздничное приношение¹ из жареного на масле хлеба² [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 785–786]. <...> Пятого числа [третьего месяца] <...> года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), в большом зале собраний «Великолепии бытия и умиротворения»³ <...> [Далай-лама] дал традиционную аудиенцию (во время которой вернул часть данных ему подношений), отбывающей владелице Алдар, младшим чиновникам, зайсангам, благородным людям, и приблизительно шестидесяти простолюдином; посланникам хойтского Зундара, Дайбун-тайджи, посланникам чиновника Уйзэна-нангсо из Чоне, Онпо Тенпа с двумя людьми; младшему посланнику торгутского Дайчин Аюки-хана Кашке, посланникам хошутского

Цаган Батур-тайджи⁴, [посланникам] ханских сыновей Чагдорджаба и Санджаба, дяди хана Данджина, Менко-Темира, Гунджаба, Цендена⁵ и прочим владельцам с владелицами, всего около тридцати, а также более двухсот простолюдином; отправляющимся отсюда в качестве посланников в торгутскую землю Пуканг-ламе⁶ Даргье Гьяцо и рабдзампе Нгаванг Даргье вместе с помощниками, а также соответствующие прощальные подарки в виде шерстяной ткани, благословленных пилюль, защитных инуров с узлами, ца-ца⁷ и т.д. [Далай-лама] даровал Кашке грамоту с [титлом] «Зоригту Кашка» и печать, а Зундару — [грамоту с титлом] «Цецен-тайджи» и печать. Также он дал посланникам письменные наставления и прочее, после чего они отправились в путь⁸ [sde srid sangs

¹ Тиб. tshogs. Подношение цог представляет собой церемонию подношения пищи Буддам и божествам с последующим вкушением разделенной между участниками пищи.

² khyu mchog ces pa lcags mo sbrul lo <...> tshes gcig gtor chen du grags pa'i rten 'bul la mchod khang rtser nam par rgyal ba phan bde legs bshad gling 'dus pa'i tshogs dang lhan cig sngar rgyun ltar phebs thog / ngag rin sogs zhabs phyi nang skor / a pa las bstan 'dzin / i nag bA dur tha'i ji / spos po bA dur ju nang / er te na bA dur no yon / g.yon ru blo bzang / khod ju rig thu'i tha'i ji / dbang phyug / gzung dar / nam mkha' rgyal mtshan / bam so thar / us ching dar gan no yon sogs dpon che 'bring chung gsum <...> mi sna che kha thor god da'i ching a yu She'i mi sna rgan pa phyag mdzod dge tshul / gzhon pa sba yan kha sha kha / ba dur tha'i ji'i yar 'phel / da las d+ha'i ching gi ju rig thu kha / ching kho shor che / cha gan a khas / phyag rdor skyabs / er khe tha'i ji / rgyal mkhan zur la sogs pa'i mi sna sum cu so bdun skor / ja'i sang phyed nyis brgya lhag bcas rnam la dkar dro tshogs 'khor bshams / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 785–786].

³ «Великолепии бытия и умиротворения» (тиб. srid zhi'i phun tshogs) название, которое было дано главному залу собраний Красного дворца в Потале, строительство которого было завершено в 1694 г. и который также называется западным большим залом (тиб. tshoms chen nub), чтобы отличить его от восточного большого зала (тиб. tshoms chen shar) Белого дворца, построенного в 1648 г. [Lin 2017: 121].

⁴ Хотя в биографии он назван хошутским владельцем, вероятно, это зюнгарский нойон Цаган-Батур [Максимов 2016: 46].

⁵ Дербетский владетель Ценден-Дорджи сын Солом-Дорджи [Батур Убаши Тюмень 2003: 125].

⁶ Пуканг-лама (тиб. phug khang bla ma; ум. 1722 г.), возможно, это неверное написание имени Поканг-ламы (тиб. spos khang bla ma), известного в русскоязычной литературе как Бюконгин-лама, Буканг-лама.

⁷ Ца-ца (тиб. phyag tsha, уважительное от tsha tsha) — небольшие глиняные штампованные фигурки будд, бодхисаттв, ступ и прочего.

⁸ zla ba gsum pa'i <...> tshes lnga la tshoms chen srid zhi'i phun tshogs su de mo sprul sku / ser byes stod kyi bla ma / shar pa chos rje / sde pa bya pa bstang zhal / bying pa rnam nas phyag mjal tshan grangs bstar zhing / thon phyag pa dpon mo al dar / dpon chung / ja'i sang / mi bzang / byings drug cu skor / khod gzung dar / da'i bong tha'i ji'i mi sna / co ne'i us byin nang so'i mi sna / dbon po bstan pa can gnyis / thor god da'i ching a yu She rgyal po'i mi sna gzhon pa kha shas [=kha sha kha] / kho shod cha gan bA dur tha'i ji rgyal sras phyag rdor skyabs / sangs rgyas skyabs / rgyal po'i a khu bstan 'dzin / mung khe thu mur mgon skyabs / tshe brtan sogs dpon dpon mo bcas pa'i mi sna sum cu skor / byings nyis brgya lhag bcas / 'di ga nas thor god du mi snar 'gro mi phug khang bla ma dar rgyas rgya mstho dang / rab 'byams pa ngag dbang dar rgyas gnyis rogs bcas rnam la mjal slog 'char can dang / 'jam phrug / byin rten / phyag mdud / phyag tsha sogs gang la gang 'tsham gyi rdzong pa / kha sha khar jo rig thu kha sha kha dang / gzung dar la che chen tha'i ji'i cho lo tham ga / mi sna rnam la

rgyas rgya mstho 1989: 804]. Девятнадцатого числа третьего тибетского месяца 1701 г. посланники Аюки-хана прибыли к Далай-ламе с подарками за дарованный Аюке титул «Дайчин Аюка-хан» и подношением ради усопшей владелицы Эренцен, одной из жен Аюки: *Девятнадцатого числа [третьего тибетского месяца] <...> года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), называемого «Лучший бык»* (тиб. *khyu tshog*; санскр. *vṛṣarajā*), посланник Дайчин Аюки Джам-цог-гелюнг совершил подношение монахам Легше-линга, тем самым создав благоприятные причины для молебна о долгой жизни [Далай-ламы]. Вместе с этим он поднес 12 больших хадаков «деченма»¹, 108 хадаков с изображением восьми знаков благополучия, 6 штук старой парчи «мянь-цзы», 60 штук средней ткани «мянь-цзы», 20 штук красного шелка, 10 штук парчи «чоден»², 3 штуки ткани с китайским иероглифами, 2 штуки красной парчи с разнообразными рисунками, [и прочие ткани] во главе с 4 саженьями персидской³ ткани с серебряными нитями, всего 150 штук тканей. Также он поднес одни четки с 108 жемчужными бусинами, [четки] с 800 жемчужинами, пару четок из 108 бусин из мелкого коралла, 4 сранга золота, серебряную маслбоекку, сделанную из 1000 срангов серебра, 100 кирпичей чая «пу-джа»⁴, 10 прекрасных

¹ Вид хадака хорошего качества.

² Вид шелковой ткани с рисунком в виде лотов.

³ «Казал-бакши» (тиб. *kha dzal bag shi*) — ойратско-калмыцкое название персов. В словаре Дж. Р. Крюгера *hazalbaş* [Krueger 1978b: 253]. Происходит от турецкого *кызылбаши* ‘красная голова’. В источниках XVI–XVII вв. это слово обозначало всех подданных Кызылбашского государства независимо от их этнической принадлежности, т. е. азербайджанцев, персов, татов, армян и т. д. В турецком языке термин *кызылбаши* принял более узкое значение: так турки называли только персов [Волкова 1980: 209]. В книге А. Г. Митирова «Ойраты — калмыки: века и поколения» персидский шах назван Кезыл-башским Шахом [Митиров 1998: 83] (А. Г. Митиров цитирует работу Н. Я. Бичурина (Иакинфа), см.: [Иакинф 1834: 162]).

⁴ Тибетское *sru ja*, приведенное в тексте, вероятно, соответствует китайскому сорту зеленого чая «маоцзянь» (кит. 毛尖; пиньинь

кусков парчи с золотыми нитями, 5 шагреновых кож, 8 ковров, 5 шкурок выдры, один хвост выдры, 52 черные соболиные шкурки, 8 красных [соболиных шкурок], 4 больших и малых крашенных кожи и хадак со знаками благополучия. [Посланники] Чагдорджаба, Санджаба, Гунделека⁵; монахи Пандиты-цордже Дамба-гелюнг и Габан-Рагна; посланник, совершающий добродетели ради Арабдана Гуру-Джалцан; посланники Мерген-цордже, Цаган-Ламы⁶, хошутского Санджи-Арши⁷ и прочие, всего около двадцати человек, отправляющиеся позже; посланник Аюки-хана Дампил лично представил письмо-прошение вместе с подношением и хадаком, а также [поднес] прекрасные [подарки]: золотые монеты, два украшенных драгоценностями венца в виде шлемов, персидские серьги⁸, а также шкурки выдры. Впервые прибыли посланники Мали, ханского внука Цевана⁹, ханского сына Гунделека, владелицы Раши-Цо, Гелек-Намджала, Окунам¹⁰-хошучи, Гунджаба, Эйету-каа и Цендена. В виде подарка за дарование грамоты [с титулом] «Аюка Дайчин-хан» и печати [они поднесли] большой хадак, красно-желтый шелк, пять штук пестрого «атласа из сокровищницы»¹¹ и прочего. Ради усопшей владелицы Эренцен¹² было совершено под-

⁵ В тибетском тексте биографии, вероятно, ошибка. Имя Гунделека записано Унду-делек (тиб. *un du bde legs*).

⁶ Цаган-Лама — четвертая жена Чагдорджаба. Ее имя, Цаган-Лама, является искажением тибетского имени Цеванг Лхамо (тиб. *tshe dbang lha mo*).

⁷ Возможно, это внук Батур-тайджи, сын Санджи-Джаба (тиб. *sangs rgyas skyabs*). Батур-тайджи — один из братьев Цаган-Батура [Максимов 2016: 49].

⁸ «Хацам-баши» (тиб. *ha tsam pa shi*), по всей видимости, является искаженным «казал-бакши», упомянутым выше.

⁹ Возможно, это сын Дасанга Чидан (тиб. *tshe brtan*).

¹⁰ В лхасском издании биографии Далай-ламы VI, опубликованном в Сиккиме, это имя Окунал (тиб. *O khun al*) [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1980: 335].

¹¹ «Атлас из сокровищницы» (кит. 库缎; пиньинь *kù duàn*) — желтый атлас с изображениями драконов [rgya bod tshig mdzod 1984c: 2340].

¹² Первая жена Аюки-хана Эрэнцэн, мать Чагдорджаба [Письменные памятники 2016: 44].

ношение хадака, пяти штук «атласа из сокровищницы», пары прекрасных серег из коралла и жемчуга, золотого ожерелья, инкрустированного драгоценными камнями, ожерелья из семян гог-ланг-це с украшениями; ожерелья из ста жемчужин, от крупных, размером с семя конского боба, до мелких, величиной с горошину; нитки прекрасных кораллов, от крупных, размером с птичье яйцо, до мелких, величиной с сушеный абрикос; 6 крупных жемчужин, размером с китайский орех, 7 малых [жемчужин], 2 [жемчужины] без отверстий, золотого реликвария «гау», инкрустированного драгоценными камнями; 100 золотых монет; одного ямба серебра, весом в 50 лянов; двух шуб из черной лисицы; 4 сажень красной русской сукна прекрасного качества; 5 сажень бордовой сукна; сандалового седла и трех наборов полной сбруи, состоящей из узды, подхвостника и нагрудника, убранных чистым золотом, чепрака и прочего. <...> Всем прибывшим на прощальную аудиенцию были дарованы соответствующие подарки¹

В примечании к «Истории калмыцких ханов» Ю. С. Лыткин называет первой женой Аюки-хана и матерью Чагдорджаба Ахалу [Лыткин 1969: 74].

¹ khyu mchog ces pa lcags mo sbrul lo <...> tshes bcu dgu la da'i ching a yu Shi'i mi sna rgya mtsho dge slong gis gra tshang legs bshad gling par yon sbyar te zhabs brtan gyi rten 'byung bsgrigs thog / 'bul ba kha btags bde chen ma che ba bcu gnyis / bkras btags brgya dang brgyad / sman rnying yug drug / sman bar yug drug cu / dar dmar yug nyi shu / gos cod ldan yug bcu / rgya yig ma yug gsum / jus dmar yug gnyis / kha dzal bag shi'i gos dngul can 'dom bzhis gtsos khyon gos yug brgya dang lnga bcu / mu tig brgya dang brgyad yod kyi 'phreng ba gcig dang / brgyad brgya yod pa gcig / byur chung gi 'phreng ba rdog brgya dang brgyad yod pa gnyis / gser srang bzhi / dngul mdong gcig the ba'i dngul srang stong phrag gcig / spu ja sbag brgya / rgya ser gyi snam bu legs pa bubs bcu / sag ri lnga / sa stan brgyad / sram lpags lnga / rnga sram gcig / sbo har nag po lnga bcu nga gnyis dang / dmar po brgyad / pags bse che chung bzhi / bkra shis kha btags / phyag rdor skyabs / sangs rgyas skyabs / un du [=gun] bde legs / paN+Di ta chos rje'i gra pa bstan pa dge slong dang ngag dbang grags pa rab brtan gyi dge rtsa byed mi gu ru rgyal mtshan / mar gan chos rje / tshe dbang lha mo / kho shod sangs rgyas bkra shis sogs kyi mi sna rjes thon nyi shu skor dang / a yu Shi rgyal po'i mi sna bstan 'phel gyi gdong du zhu yig rten kha btags / gser TaM / rmog

[sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 805–807].

Факт отправления Аюкой подарков в благодарность Далай-ламе VI, вероятно, обозначает, что его титул, хотя и данный первоначально Деси Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы VI, позднее лично или в переписке был подтвержден Далай-ламой VI Цангьянг Гьяцо.

Японская исследовательница Юмио Ишихама также, цитируя «Ежемесячные отчеты» (кит. 月摺檔; пиньинь Yuè zhé dǎng) на маньчжурском языке, хранящиеся в Первом историческом архиве (кит. 第一歷史檔案館; пиньинь Dì yī lìshǐ dǎng'ān guǎn), пишет: «...когда Саянг Джамсу (Далай-лама VI, тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho) был Далай-ламой, он даровал титул „Дайчинг Айоши-хан“ Айоши-хану» [Ishihama 1992: 502].

Таким образом, можно уверенно утверждать, что ханский титул «Дайчин Аюка-хан» и печать Аюке-хану были даны Далай-ламой VI или с его согласия через Деси Сангье Гьяцо, который постоянно находился с ним на связи еще до прибытия Далай-ламы VI в Лхасу.

Как уже говорилось выше, Арабджур с матерью Цоджал все еще находился в это gi mgo rgyan rin po che'i phra rgyan yod pa cha / ha tsam pa shi'i sil snyan / sram lpags bcas bzang ba / ma li / sku tsha tshe dbang / sras un du [=gun] bde legs / dpon mo bkra shis mtsho / dge legs rnam rgyal / o khun al kho shor chi / mgon skyabs / e ye thu khA / tshe brtan rnams kyi mi sna gsar 'byor / a yu Shi da'i ching rgyal po'i cho lo dang tham ga gnang ba'i legs skyes su // kha btags che ba / dar dmar skyer / mdzod gos tshon khra sogs gos yug lnga / dpon mo rin chen gyi bsngo rten du kha btags / mdzod gos yug lnga / byu ru mu tig gi sna rgyan legs pa cha / gser gyi ske rgyan rin po che'i phra yod / sgog lang tse'i phreng ba rgyan ldan / mu tig che ba rgya sran nas chung ba sran ma tsam gyi bar brgya 'phreng / byu ru che legs bya sgong tsam nas kham skam tsam gyi bar yod pa'i shal pa / mu tig che ba rgya star tsam drug / chung ba bdun / bug med gnyis / gser gyi ga'u rin po che'i phra ldan / gser gyi TaM ga brgya / dngul lnga bcu ma gcig / wa nag gi pags pa chu pa gnyis kyi nang / o ru su'i snam dmar dpus legs 'dom bzhi / rgya tshos 'dom lnga / tsan dan gyi sga / gser ljang brdungs kyi srag rmad gong gsum / yab gdan sogs cha 'grig gis gtsos sga 'khor gsum / <...> thon mjal ba rnams la gang 'tsham gyi rdzong ba stsal / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 805–807].

время в Тибете. Цоджал часто выступала в роли благодетельницы, совершая пышные подношения Далай-ламе. Также подношения были сделаны двадцать девятого числа третьего тибетского месяца владелицей Цоджал: Двадцать девятого числа [третьего тибетского месяца] (1701 г. — Б. М.) <...> в продолжение [к сделанным выше подношениям], владелица Цоджал вместе с сыном [Арабджуром] поднесли [Далай-ламе] по большому хадаку, два зеркала, жемчужные четки, по сто хадаков «нын-де-ма» и хадаков с восемью знаками благополучия, 20 штук старой парчи «мян-цзы», 350 штук материи, 400 кирпичей чая, 12 сажень широкой ткани темно-желтого цвета, серебряное блюдо (ойр. *tabaq*), одну чашу, один ямб серебра, весом в 50 [лянов], а регенту — сто хадаков, 10 штук старой парчи «мян-цзы», по сто штук материи и кирпичей чая, две сажени широкой ткани темно-желтого цвета и серебряное блюдо (ойр. *tabaq*). [Прочие] также совершили подношения, соответствующие их положению¹ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 807–808].

Четвертого числа четвертого тибетского месяца 1701 г. мать Арабджура, торгутская владелица Цоджал, пригласила Далай-ламу VI в великий молитвенный зал монастыря Сера: Четвертого числа <...> четвертого тибетского месяца <...> года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), <...> в продолжение [предыдущей церемонии] торгутская владелица Цоджал доложила о необходимости проставать в великий молитвенный зал [монастыря Сера], как об этом было доложено прежде. [Далай-лама] пребывал там в течение [времени, необходимого для] одного чаепития. [Владелица Цоджал] поднесла [Далай-ламе] три больших и малых хадака, чашу, изготовленную из десяти срангов се-

ребра, красный шелк, парчу, красные кожи² и прочее, составляющее пять наборов из девяти видов подношений. Регенту было поднесено три набора [из девяти видов подношений]³ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 811–812].

Когда Далай-лама находился в молельном зале монастыря Сера Дже, посланник Аюки-хана Дамба Дампил снова совершил Далай-ламе VI подношения: Четвертого числа <...> четвертого тибетского месяца <...> года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), <...> внешние и внутренние мирские чиновники правительства, торгутская владелица Цоджал, посланник Аюки Дампил, Он Чодже из Сера, собрание монахов своего монастырей и монастыря [Сера] Дже собрались вместе. Наставники [монастырей] совершили подношение большого количества молока и простокваши, Далай-ламе было совершено подношение пяти наборов из девяти объектов, регенту — подношение трех наборов из девяти объектов, от землячества Хардонг Далай-ламе было совершено подношение пяти наборов из девяти объектов, регенту — подношение трех [наборов из девяти объектов], множество жареного хлеба «сетора», малые чиновники из горного затворничества сделали Далай-ламе подношение наборов из девяти объектов, регенту — подношение набора из семи объектов, собрание монахов поднесли длинные развернутые хадаки и прочее⁴

² В 1714 г. Аюка-хан просил у М. И. Чирикова прислать в качестве одного из подарков цинским послам во главе с Тулишэнем четыреста штук «красных кож» [Пальмов 1926: 23, 44].

³ khyu mchog ces pa lcags mo sbrul lo <...> zla ba bzhi pa'i <...> tshes bzhi <...> de mus thor god dpon mo 'tsho rgyal gyis tshogs chen du phebs dgos pa'i snyan gsan snga nas phul ba'i don bzhi sol ja gcig gi ring bzhugs / 'bul ba rtser kha btags che chung gsum / dngul srang bcu yod kyi phor pa / dar sman / gos chen / ko dmar sogs kyi dgu tshan lnga dang shod du gsum rnams bstar / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 811–812].

⁴ zla ba bzhi pa'i <...> tshes bzhi <...> drung 'khor phyi nang / thor god dpon mo 'tsho rgyal dang / a yu Shi'i mi sna bstan 'phel / se ra'i dbon chos mdzad / byes rang gi gra dmangs bcas bsgrigs thog / slob dpon pas dkar dro dgongs bur gyi spom 'bul dang / rtser dgu tshan lnga / shod du dgu tshan gsum / ha sdong khams tshan nas rtser dgu tshan lnga dang / shod du gsum / bzhes spro bse To ra mang ba / mi chung ri pas rtser dgu tshan dang / shod du

¹ nyer dgu la <...> mu 'thud dpon mo 'tsho rgyal yum sras kyi [=kyis] kha btags che ba / shel sgo gnyis / mu tig gi 'phreng ba / kha btags nyin bde ma dang bkras btags brgya re / sman yug nyi shu / gos yug phyed bzhi brgya / ja sbag bzhi brgya / mgo snam 'dom bcu gnyis / dngul gyi tha sbag gcig / phor pa gcig / dngul lnga bcu ma gcig / shod du kha btags brgya / sman yug bcu / gos yug dang ja sbag brgya re / mgo snam 'dom do / dngul gyi tha sbag <...> rnams kyi kyang rang rang gi babs dang bstun pa'i 'bul ba phul / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 807–808].

[sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 812]. Когда Далай-лама оставил отпечатки своих стоп на камне перед молитвенным залом монастыря Сера Дже, посланник Аюки-хана Дамба Дампил задал вопрос относительно того, как с ними поступить: Четвертого числа <...> четвертого тибетского месяца <...> года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), <...> после завершения [аудиенции в монастыре Сера Дже], когда пришло время идти в опочивальню, так как наставники и ученики [Сера] Дже восприняли слова [Далай-ламы] о том, что после полудни он пойдет совершать обход [двора для дебатов Сера Дже], как [намерение] отправиться туда непосредственно из [молитвенного зала Сера Дже], согласно этому сопровождающий с благовонными палочками [ожидая Далай-ламу]. [Далай-лама] в некоторой спешке отправился обходить двор для дебатов Сера Дже. Так как он шагал¹ довольно быстро, у основания длинной каменной платформы мы от него отстали. Когда он ступил на пол из каменных плит перед молитвенным залом [монастыря Сера] Дже, хотя он будто бы позвал меня (т. е. Деси Сангье Гьяцо), так как он испытывал неудобство в сапоге, он велел его снять. С момента, когда он снял левый [сапог], он стал оставлять на твердой поверхности камня отпечатки как разутой обнаженной стопы, так и стопы, обутый в сапог. Это увидели лишь некоторые монахи [Сера] Дже, я же и прислужники не заметили их, а [Далай-лама] проишествовал в свою резиденцию. <...> Когда Карнаг-лоцава [высказал] свои мысли относительно этого [проишествия], [приведя] опасения [относительно его схожести] с биографией Победоносно-го [Четвертого Далай-ламы] Йонтен Гьяцо² и прочих, из-за представлений и мнений

bdun tshan / gra dmangs kyis mjal dar sogs ring por brkyangs / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 812].

¹ Буквально, «довольно быстро перемещал колеса на обеих стопах» (тиб. zhabs zung gi 'khor lo mgyogs tsam bskyod). По всей видимости, имеются в виду знаки чакры на стопах, которые являются одним из признаков будды и чакравартина.

² В биографии Всеведущего Далай-ламы IV Йонтен Гьяцо (1589–1617), умершего в возрасте 28 лет, составленной Карнаг-лоцавой (тиб. mkhar nag lo tswa ba dpal 'byor rgya mtsho), ска-

соответствующих наставников и учеников [монастыря] Дрепунг и прочих, а также в самом [монастыре] Сера, возникли различные пересуды о благих и дурных [знаках]. Некоторые доносили о том, что будут препятствия и т. д. для жизни [Далай-ламы], другие — о том, что такие удивительные знаки [в виде отпечатков стоп в камне] должны быть перенесены в великий дворец Поталу, и не должно им оставаться в Сера и т. д. Хотя было много разговоров, так как [отпечатки] были оставлены на пороге [монастыря] Сера Дже, они были увидены монахами самого [монастыря Сера] Дже, хотя я спросил [Далай-ламу]: «Как вы [желаете] поступить, и как я могу исполнить Ваши желания и прочее?» — [Далай-лама] не дал ясного ответа. Торгутский посланник [Дамба] Дампил задал вопрос, на который [Далай-лама] дал письменный ответ. Суть [ответа заключалась] в подробном [изложении] разрешения вырезать [отпечатки], данном администратору [монастыря] Дрепунг. Вообще, объясняется, что великие святые личности согласно разнообразным наклонностям, способностям и помыслам тех, кого необходимо обуздать, являют необходимые деяния и действия³

зано, что, когда Далай-ламу пригласил в Китай в 1616 г. император Ваньли (1563–1620), занимавший трон во дворце «Десяти Тысяч Врат Благополучия» (тиб. bkra shis khri sgo) в Чанъане, чтобы освятить храм в Нанкине, Далай-лама отказался отправиться в Китай, но совершил освящение из резиденции Гаден Подранг в Тибете. Ячменные зерна, которые Далай-лама бросил в Тибете, упали в Китае, а также появилось много реликвий Будды. Как признак того, что Далай-лама собирается сменить чистую землю и собирается уйти в нирвану, он оставил отпечатки ступней в камне возле горячего источника Сангйиб (тиб. gsang yib). Далай-лама обещал, что, хотя он не отправится в Китай в этой жизни, он поедет туда в следующей [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 835].

³ zla ba bzhi pa'i <...> tshes bzhi <...> de grol nas gzims khang du phebs rgyur phyi dro gling skor gyi bka' gleng byung ba byes dpon slob de ga nas shar phebs su go ba'i [=bas] spos sna ltar byes kyi chos grar zhabs skor gyi phebs pa thugs nyams cung zad 'ur ba'i rnam pas zhabs zung gi 'khor lo mgyogs tsam bskyod gshis rdo stegs ring mo'i rtsa ba nas kho bo cag gis phebs rjes ma zin par rjes lus la byes kyi 'du khang gi mdun rdo gcal du phebs thog / nged dgugs pa gnang ba'ang 'dra mo la zhabs phyags

[sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 815]. Когда Далай-лама VI находился в молитвенном зале монастыря Сера Мэ «Обитель сокровищ слушания и размышления», торгутская владелица Цоджал вместе с сыном Арабджуром совершила ему подношения:

Седьмого числа <...> четвертого тибетского месяца (1701 г. — Б. М.) [Далай-лама] даровал аудиенцию и угощение чаем владелице Цоджал вместе с ханским сыном [Арабджуром], малым владельцам, зайсангам, Аблай Намджиу, хойтскому Бойбо Батур-чжунану, Инаг Батур-тайджи, Эрдени Батур-нойону, нескольким малым владельцам и старшему сыну дома Рабджамбы Лобсанг Норбу. <...> Затем [Далай-лама] снова разбросал ячменные зерна, [благословляя] храмы [монастыря Сера] Мэ, а также поднес хадаки [изображениям божеств]. Говорят, что после этого Менгъял¹ забрал эти ячменные зерна. По дороге [Далай-лама] посетил двор для дебатов. Занимавший места в рядах присутствующих внешним и внутренним мирским чиновникам правительства, управляющим округов Такце, Лхаджа и прочих, владелице Цоджал вместе с сыном [Арабджуром] и

nang du ma bde ba 'dug pas thon gsungs g.yon pa 'bud pa gnang ba de mtshams nas sra mkhregs rdo ba'i ngos la zhabs phyags bsil ba'i rjen pa dang ma bsil ba gnyis ka'i zhabs rjes gsal por gnang ba byes kyi gra pa 'gas mthong ba las nged zhabs phyi rnams la snang med kyiis gzims khang du phebs / slar 'di skor la mkhar nag lo tsA bas rgyal ba yon tan rgya mtsho'i nram thar sogs kyi dogs pa dang bcas bsam phyogs ji rigs pa'i 'bras spungs dpon slob sogs dang / se ra rang du'ang rang mthong snang bsam phyogs la brten legs nyes kyi 'phros gleng sna tshogs dang / kha cig sku tshe la bar du gcod pa 'byung sogs kyi snyan 'bul dang la la de lta bu'i ngo mtshar kyi rtags pho brang chen por spyang drangs bzhugs pa las se rar bzhugs pa mi 'gab sogs gleng mang yang se ra byes kyi 'du khang 'gag tu stsal ba dang / byes rang gi gra pas mthong zhing bdag mdzad pa dang dgos pa sogs kyang nged tshog ci zhus rung gsal ba ma phebs te thor god mi sna bstan 'phel gyis dri ba zhus par phyag bris ma stsal 'dug pa ngo bo 'bras spungs spyi par bzhog pa gnang song bar zhib stsal yod 'dug pa ltar spyir 'phags chen dam pa rnams gdul bya'i khams dang dbang po dang bsam pa sna tshogs dang mthun par gang la gang 'dul gyis mdzad pa dang 'phrin las ston par bshad pa dang / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 814–815].

¹ Возможно, это Нангсо Менгъял Цеванг (тиб. nang so sman rgyal tshe dbang).

прочим, а также монголам был оказан радостный прием с молоком и простоквашей и [даровано] большое количество различных вещей² [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 839]. <...> Десятого числа <...> четвертого тибетского месяца <...> года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), называемого «Лучший бык» (тиб. khyu tchog; санскр. vṛṣaprajā), владелица Цоджал вместе с сыном [Арабджуром], Аблай Данджин, Инаг Батур-тайджи и некоторые прочие большие, средние и малые владельцы, посланники Дайчин Аюки, ханского сына Чагдорджаба и некоторые прочие совершили традиционное подношение [Далай-ламе] хадаков с возвращением их части обратно, а затем отправились в путь³ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 840]. Шестнадцатого числа <...> четвертого тибетского месяца (1701 г. — Б. М.) торгутская владелица Цоджал сделала подношение монахам монастыря «Пенде Легше-линг» для проведения молебна о долгой жизни [Далай-ламы] в его резиденции. [Она] сделала пышные подношения Далай-ламе в виде одежды и набора всего необходимого, ритуального барабана дамару из скорлупы кокоса, украшенного инкрустацией из жемчуга, 108 золотых монет, 16 ямбов⁴ серебра, весом в

² zla ba bzhi pa'i <...> tshes bdun gyi zhogs pa <...> dpon mo 'tsho rgyal sras / dpon chung / ji [=ja'i] sang / a pa las rnam rgyal / khod sbos po bA dur ju nor [=nang] / i nag bA dur tha'i ji / er te na bA dur no yon / dpon chung kha shas / rab 'byams pa blo bzang nor bu'i skya rtsa bcas par mjal kha ja gral <...> de nas smad kyi mchod khang rnams la phyag nas bskyar ma snyan shal stsal ba rjes su sman rgyal gyis phyag nas bzung zer / yar lam chos grar phebs / drung 'khor phyi nang / stag rtse / lha bya sogs sde dpon / dpon mo 'tsho rgyal yum sras sogs mong gol dang bcas pa'i bzhugs gral la dkar dro'i gzhis len dang / tshan grangs bstabs / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 839].

³ khyu mchog ces pa lcags mo sbrul lo <...> zla ba bzhi pa'i <...> tshes bcu la <...> dpon mo 'tsho rgyal yum sras / a pa las bstan 'dzin / i nag bA dur tha'i ji sogs dpon che 'bring chung gsum kha shas / da'i ching a yu Shi dang rgyal sras phyag rdor gyi mi sna sogs kha shas la mjal dar slog 'char chen [=can] dang bcas thon / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 840].

⁴ Ямб (кит. 元寶; пиньинь yuánbǎo) — серебряный или золотой слиток, чаще всего в 50 ляннов. Один лян по весу был равен приблизительно 37,5 г и соответствовал одному тибетскому срангу.

50 [лян], большого балдахина синего шелка с четырьмя украшениями, подушки для спины, подушки для сидения и прочего¹ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 843]. <...> Двадцать второго числа <...> шестого тибетского месяца (1701 г. — Б. М.) [Далай-лама] даровал благословение дланью вернувшейся из Цанга торгутской владелице Цоджал вместе с сыном Арабджуром, малым владельцам Бар-тайджи, Кичик-тайджи, Эренцен-тайджи и прочим, [всего] одиннадцати [человекам], и около сорока простолюдинам; возвращающимся на родину малому владельцу Эрдени-тайджи, Раши-тайджи, Нойон Омбо, двум гелюнгам, семи зайсангам, двадцати простолюдинам; новоприбывшим двум зайсангам владелицы Мата, нескольким простолюдинам, сопровождающим зайсанга Батура-тайджи Дурал-киа, посланнику Эрке-дайчина владельцу Зоригту, халхаскому Намри Самбу, двум [его] зайсангам; владелице Кундулен Убаши Ролме, его дочери, матери Сонам Ванджала Атай Дулме, ханской сестре Дулме, [владелице] Чулум-тайджи и прочим нескольким владельцам; посланнику Бошогту-чжунана Гуян-Кашаке, посланнику владелицы Бум, наставникам [монастыря] Гьюто, вернувшемуся из Китая помощнику сокровищницы тибетского правительства, Рабджембе из монастыря Таши Лхунпо и прочим. Отъезжающим [Далай-лама] даровал прощальные подарки в виде реликвий, шерстяной саржи и прочего. Также были поднесены несколько подарков владелицы Атай для аудиенции в виде тканей и кирпичей чая² [sde

¹ zla ba'i bzhi pa'i <...> tshes bcu drug la thor god dpon mo 'tsho rgyal gyis phan bde legs bshad gling par yon sbyar nas gzims brtan phul zhing / 'bul ba rtser na bza' dang nyer dpyad [=spyad] cha tshang / be da'i [=ta'i] phyag Dam mu tig gi phra ldan / gser gyi TaM ga brgya dang brgyad / dngul lnga bcu ma bcu drug / gos sngon rgyan bzhi'i bla bres che ba / skya snyes / bzhugs stan sogs spams mtho ba bstar [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 843].

² zla ba drug pa'i <...> nyi shu gnyis la thor god dpon mo 'tsho rgyal sras rab 'byor bcas gtsang nas 'khor ba dang / dpon chung sbar tha'i ji / khi chig tha'i ji / rin chen tha'i ji sogs bcu gcig / byings bzhi bcu skor / phyir log 'gro mi dpon chung er te na tha'i ji / bkra shis tha'i ji / no yon dbon po / dge slong gnyis / ja'i sang bdun / byings nyi shu rtsa lnga / gsar 'byor thor god dpon [mo] ma tha'i ja'i sang gnyis /

srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 851–852].

Когда Далай-лама пребывал в великом зале собраний в саду в монастыре Дрепунг, торгутская владелица Цоджал и прочие получили аудиенцию: Двадцать восьмого числа <...> шестого тибетского месяца (1701 г. — Б. М.) <...> во время посещения [Далай-ламой] монастыря Палден Дрепунг, обители, победоносной во всех направлениях, <...> торгутская владелица Цоджал, ее сын [Арабджур], малые владельцы, различные местные чиновники вместе с ханскими зайсангами сопровождали его кортеж³ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 852].

Далее снова несколько раз упоминаются торгутская владелица Цоджал и ее сын: Шестнадцатого числа <...> седьмого тибетского месяца <...> (1701 г. — Б. М.) [Далай-лама] сделал традиционные подарки и дал соответствующую аудиенцию, (во время которой вернул часть данных ему подношений) и прочие <...> просившим аудиенции торгутской владелице Цоджал, ее сыну Арабджуру, Рабдану, Галсану, шести малым владельцам, гелюнг-зайсангу и приблизительно тридцати простолюдинам, <...> просившим прощальной аудиенции посланнику Эрке-дайчина Зоригту Омбо, посланнику Манибадры и приемному отцу Засагту Дамба-гелюнгу. <...> Двадцать третьего числа (того же месяца) <...> попутно [Далай-лама] даровал благословение дланью владелице Цоджал вместе с

byings kha shas / skyel mi ba dur tha'i ja'i [=ji'i] ja'i sang du ral khi ya / er khe da'i ching gi mi sna jo rig thu dpon po / khal kha gnam ri bzang po dang / ja'i sang gnyis / khun 'du lu o pa shi'i dpon mo sgrol ma / sras mo / bsod nams dbang rgyal gyi yum a tha'i sgrol ma / rgyal po'i lcam sring sgrol ma / chu lum tha'i ji sogs dpon mo kha shas / bo shog thu ju nang gi mi sna gu yang kha sha kha / dpon mo 'bum gyi mi sna / rgyud stod slob dpon pa / rgya nag nas 'khor ba spyi gnyer dang bkras lhun rab 'byams pa sogs mang ba phyag dbang dang / thon mi tshor byin rten 'jam phrug sogs kyi rdzong ba stsal zhing / dpon mo ma tha'i mjal rten gos dang ja sbag bcas kha shas 'dug [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 851–852].

³ nyer brgyad <...> dpal ldan 'bras spungs phyogs thams cad las rnam par rgyal ba'i gling du chibs bsgyur zhor <...> thor god dpon mo 'tsho rgyal / sras / dbon [=dpon] chung / gnyug mar gnas pa'i dpon khag / rgyal po'i ji'i [=ja'i] sang dang bcas pa'i chibs skyel [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 852].

владельцами и прислужниками, Номин-хану, посланнику Мангра Эрдени-хамбо, приблизительно семидесяти монахам монастыря Дрепунг, пребывающим в ретрите сезона дождей. Посланнику Даши Батур-тайджи¹ Амчод-гелюну [Далай-лама] милостиво даровал традиционные прощальные подарки, после чего они отправились в обратный путь² [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 859–860]. <...> Двадцать восьмого числа <...> седьмого тибетского месяца <...> [Далай-лама] дал угощение чаем и прочее просившим аудиенции торгутской владелице Цоджал вместе с сыном [Арабджуром] и свитой, Неньинг-чагдо, отцу и сыну министра царя Кумы и посланнику Цаган Номин-хана, тем самым удовлетворив их пожелания^{3, 4} [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 862]. <...> Второго числа восьмого тибетского месяца (1701 г. — Б. М.) Великий проявленный хранитель дхармы Нечунг сделал подношение и поднес ритуальное пиришество монахам монастыря Пенде Легше-линг для того, чтобы, опираясь на ритуал «Сияния бессмертия», поднести обширный молебен долгой жизни [Далай-ламе], в рядах присутствующих были собраны Нгаг-рин и прочие внешние и внутренние мирские чиновники правительства, ламы и

¹ Возможно, джунгарский владлец Даши Батур Тайджи [Бакунин 1995: 64]

² zla ba bdun pa'i <...> tshes bcu drug la <...> mjal kha ba thor god dpon mo 'tsho rgyal / sras rab 'byor / rab brtan / bskal bzang / dpon chung drug / dge slong ja'i sang / byings sum cu skor / <...> thon phyag zhu mi / er khe da'i ching gi mi sna jo rig thu dbon po / ma Ni bha dra'i mi sna / ja sag thu gsos pa'i pha bstan pa dge slong <...> rnams la 'char gngang dang mjal slog sogs gang 'tsham stsal / <...> nyer gsum la <...> de zhor mjal kha ba dbon [=dpon] mo 'tsho rgyal dpon g.yog / no mon khang dang / mang ra er te na mkhan po'i mi sna / 'bras spungs dbyar gnas pa dge slong bdun cu skor la phyag dbang dang / bkra shis ba dur tha'i ji'i mi sna a mchod dge slong la 'char can gyi rdzong ba bka' drin bskyangs te thon / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 859–860].

³ Буквально «наполнив сосуды их умов» (тиб. blo'i yol go gang bar mdzad).

⁴ zla ba bdun pa'i <...> nyer brgyad la <...> mjal kha ba dpon mo 'tsho rgyal sras 'khor / gnas snying phyag mdzod / ku ma rgyal po'i blon po pha bu / cha gan no mon khang gi mi sna rnams la ja gral sogs blo'i yol go gang bar mdzad / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 862].

наставники монастыря Дрепунг во главе с Демо-тулку, смотрители, следящие за обеспечением монастыря, и хранители дисциплины, монастырские чиновники, ламы из монастыря Дуджом-линг⁵, ламы, ведущие молебнов и хранители дисциплины из монастырей Лходрак Кьюнцанг и Доньи-линг⁶, торгутская владелица Цоджал, ее дети, шесть малых владельцев, зайсанги, приблизительно двадцать простолудинов, посланники Гьялсанга, министр царя Кумы с сыном, Неньинг-чагдо, Дардо Чагла Мамад, просители прощальной аудиенции торгутская владелица Мамадай, два зайсанга, около десяти простолудинов, Ака Цомо Мечаг-ла⁷ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 863].

Когда Далай-лама VI находился в большом молитвенном зале монастыря Дрепунг, там же присутствовала торгутская владелица Цоджал и прочие: Семнадцатого числа <...> восьмого тибетского месяца (1701 г. — Б. М.) <...> в рядах множества присутствующих, во главе с владелицей Цоджал находились различные монгольские великие, средние и малые владельцы, посланники Лхавзана и Бошогту-чжунана и прочих, Тасарха-зайсанг хана и прочие⁸ [sde

⁵ Вероятно, это монастырь под названием Ганден Дуджом-линг (тиб. dga' ldan bdud 'joms gling) в Лходраг Карчу (тиб. lho brag mkhar chu) [Ehrhard 1999: 240].

⁶ Ганден Доньи-линг (dga' ldan don gnyis gling) также расположен в Лходраге и основан Далай-ламой V в 1649 г. [Ehrhard 1999: 240].

⁷ zla ba brgyad pa'i tshes gnyis la gra tshang phan bde legs bshad gling par gnas chung sprul pa'i chos skyong chen pos 'bul yon tshogs 'khor sbyar te 'chi med 'od snang gi sgo nas zhabs brtan rgyas pa phul ba'i bzhugs gral la ngag rin sogs drung 'khor phyi nang / de mo sprul skus gtsos 'bras spungs kyi bla slob dpon/ spyi gnyer dge bskos / las sne ba/ bdud 'dzoms gling bla ma / lho brag khyung tshang dang don gnyis gling gi bla ma dbu chos / thor god dpon mo 'tsho rgyal / sras mched / dpon chung drug / ji [=ja'i] sang / byings nyi shu skor / rgyal bzang gi mi sna / ku ma rgyal po'i blon pha bu / gnas snying phyag mdzod / dar mdo lcags la ma mad / thon phyag zhu mi thor god dpon mo ma ma das / ja'i sang gnyis / byings bcu skor / mad lcags la'i a ka mtsho mo rnams bsgrigs thog / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 863].

⁸ zla ba brgyad pa'i <...> tshes bcu bdun la <...> dpon mo 'tsho rgyal gyis gtsos sog po dpon khag che 'bring chung gsum / lha bzang dang bo shog

srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 866].

Из биографии Далай-ламы VI мы узнаем, что торгутская владелица Цоджал вместе с сыном Арабджуром покинула Лхасу в 1701 г.: *Двадцать шестого числа <...> восьмого тибетского месяца (1701 г. — Б. М.) <...> [Далай-лама] даровал аудиенцию (во время которой вернул часть данных ему подношений) и сделал прекрасные прощальные подарки торгутской владелице Цоджал вместе с сыном [Арабджуром] в виде набора субстанций самайи, белой и красной шерстяной саржи, сундука, обтянутого шкурой носорога, сундука, обтянутого тигровой шкурой и прочего, после чего они отправились в путь*¹ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 869].

Биография Далай-ламы VI обрывается на 1705 г., так как в этом году ее автор Деси Сангье Гьяцо был убит Лхавзан-ханом.

В биографиях Далай-лам и Панчен-лам после передачи печати Аюке, который до этого момента упоминается как «торгутский Аюка», начинают называть Аюкой-ханом или Дайчин Аюкой-ханом. Так, посольство, посетившее Панчен-ламу VI Лобсанг Еше в 1701 г., называют «посольством Аюки-хана»: *Во (втором) месяце (тиб. *dbo zla ba*; санскр. *phālguna*) года Железа-Змеи (1701 г. — Б. М.), называемого «Лучший бык» (тиб. *khyu tchog*; санскр. *vṛṣaprajā*), прибыли посланники многих главных владельцев торгутского Аюки-хана вместе со множеством паломников. Они передали приветственные письма вместе с подношениями от каждого из владельцев, а также каждый из посланников и паломников поднес великолепные вещи, [кроме того], были переданы прекрасные подарки от крупных владельцев. [Панчен-лама] лично встретился с ними и даровал им угощение чаем. [Панчен-лама] даровал им разрешение*² объ-

thu ju nang sogs kyi mi sna / rgyal po'i ja'i sang tha sor kha sogs mang ba'i bzhugs gral / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 866].

¹ *zla ba brgyad pa'i* [862] <...> nyer drug la <...> thor god dpon mo 'tsho rgyal sras bcas la dam rdzas le tshan / 'jam phrug dkar dmar / bse sgam / stag sgam sogs mjal slog rdzong ba gzabs te thon / [sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989: 869].

² Разрешение (тиб. *rjes gnang*; санскр. *anujñā*) в буддийской тантрической практике представляет собой особый вид посвящения, во время которого не выполняются все шаги полного посвя-

единенных Амитаюса и Хаягривы, устную передачу на [молитву Ламы Цонкапы] «Мигцема», ответы на приветственные письма каждого из владельцев, а посланникам вместе с паломниками — ответные подарки [в виде] благословенных опор и вещей в подарок³ [blo bzang ye shes 2014a: 334].

3. Заключение

В результате рассмотрения вышеперечисленных тибетских источников, которые отличаются четкой фиксацией всех событий из жизни Далай-лам, установлено, что Аюка-хан получил титул Дайчин Аюка-хан в 1697 г. от имени Далай-ламы VI Цангьян Гьяцо. Следовательно, мнение о том, что это событие произошло в 1690 г. [Бакунин 1995: 26; Новолетов 1884: 10; Пальмов 1926: 10], встречающееся в литературе, ошибочно, оно основывается на факте вручения вместе с титулом печати с монограммой Калачакры в 1684 г.

Проведенный анализ источников проливает свет на пребывание в Тибете Арабджура и его матери Цоджал, а также опровергает сроки посещения Тибета возглавляемого Арабджуром посольства, приводимые в китайских источниках. Арабджур и его мать прибыли в Тибет в 1696 г., а покинули его пять лет спустя в 1701 г.

Тибетские источники свидетельствуют об отправлении к Аюке-хану специального посланника для раскрытия тайны о смерти Далай-ламы V наряду с посланниками к китайскому и монгольскому правителям, что указывает на его высокий статус среди монгольских и ойратских правителей того времени. Согласно тибетскому летописному тексту, называемому биографией Далай-ла-

щения божества, но делается достаточно, чтобы ученик мог выполнять практику определенного божества.

³ *khyu mchog ces pa lcags mo sbrul lo <...> dbo zla ba'i nang du thor kho A yu She khang gi dbus dpon khag mang po'i mi sna 'grul sdebs pa phon che ba bcas 'byor pas dpon khag so so nas 'tshams 'dri'i gsung bris rten sbrags dang / mi sna 'grul sdebs dang bcas pa so so nas kyang dngos po spus gtsang zhing dpon che ba'i skyes bzang po bteg byung bar ngos 'phrad ja gral dang bcas pa btang zhing / khong rnams la tshe rta gnyis kyi rjes gnang dang / dmigs brtse ma'i lung / dpon khag so so'i 'tshams 'dri'i lan / mi sna 'grul sdebs dang bcas par byin rten / dngos po'i ster cha bcas pas thon chas bstabs / [blo bzang ye shes 2014a: 334].*

мы, в благодарность за дарование титула Аюка-хан отправил Далай-ламе VI пышное подношение, что еще раз подтверждает, что дарование титула и ханской печати Аюке Далай-ламой VI Цангъянг Гьяцо было санкционировано самим Далай-ламой.

Источники

- blo bzang rgya mtsho 2009a — blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtsed rtogs brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam dang po (= Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии «Парча из дукулы». Том 1) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2009. 390 p. (На тиб.)
- blo bzang rgya mtsho 2009b — blo bzang rgya mtsho. gsol 'debs smon lam (= Молитва-обращение) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2009. Pp. 261–262. (На тиб.)
- blo bzang rgya mtsho 2009c — blo bzang rgya mtsho. zab mo lta ba'i rgyud 'debs smon lam (= Молитва-обращение к линии преемственности глубокого воззрения) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2009. Pp. 283–284. (На тиб.)
- blo bzang ye shes 2014a — blo bzang ye shes. shA kya'i dge slong blo bzang ye shes kyi spyod tshul gsal bar byed pa 'od dkar can gyi phreng ba. stod cha (= Ясное изложение деяний шакьянского монаха Лобсанг Еше «Ожерелье сияющих белым светом лун». Том 1) // sku phreng lnga pa blo bzang ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam (= Биография Лобсанг Еше, пятого воплощения (перерождения), последовательность деяний перерождений Панчен-лам). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2014. 417 p. (На тиб.)
- blo bzang ye shes 2014b — blo bzang ye shes. shA kya'i dge slong blo bzang ye shes kyi spyod tshul gsal bar byed pa 'od dkar can gyi phreng ba. smad cha (= Ясное изложение деяний шакьянского монаха Лобсанг Еше «Ожерелье сияющих белым светом лун». Том 2) // sku phreng lnga pa blo bzang ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam (= Биография Лобсанг Еше, пятого воплощения (перерождения), последовательность деяний перерождений Панчен-лам). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2014. Pp. 1–237. (На тиб.)
- blo bzang rgya mtsho 2018a — blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtsed rtogs brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam dang po (= Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии «Парча из дукулы» Том 1) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2018. 585 p. (На тиб.)
- blo bzang rgya mtsho 2018b — blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtsed rtogs brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam gnyis pa (= Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии «Парча из дукулы». Том 2) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-

- во изучения Тибета (тибетологии)), 2018. 430 p. (На тиб.)
- blo bzang rgya mtsho 2018c — blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtsed rtogs brjod kyī tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam gsum pa (= Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии «Парча из дукулы». Том 3) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2018. 373 p. (На тиб.)
- blo bzang ye shes (дата публ. неизвестна) — blo bzang ye shes. bcom ldan 'das gdugs dkar mo'i sgrub thabs dngos grub 'dod 'jo (= Садхана Бхагавати Ситатапатры «Чудесная королева, дарующая сиддхи») // chos smra ba'i btsun pa blo bzang ye shes kyī ngag thor bu rnam chabs gcig tu bsgrigs pa (= Сборник отдельных наставлений Лобсанг Еше, монаха, дарующего Учение). In 4 vols. Vol. 4. [Bkra shis lhun po]: [Bkras lhun chos sde tshogs pa], s.d. Pp. 611–614. (дата публ. неизвестна). (На тиб.)
- Ņag-dbañ-blo-bzañ-rgya-mtsho 2014 — Ņag-dbañ-blo-bzañ-rgya-mtsho (= The illusive play: the autobiography of the Fifth Dalai Lama) / Translated by Samten G. Karmay. Chicago: Serindia Publications, 2014. 589 p.
- rgya bod tshig mdzod 1984a — rgya bod tshig mdzod chen mo (= Большой китайско-тибетский словарь). Vol. 1. Beijing (= Пекин): Mi rigs dpe skrun khang (= Народное изд-во), 1984. 1020 p. (На тиб. и кит.)
- rgya bod tshig mdzod 1984b — rgya bod tshig mdzod chen mo (= Большой китайско-тибетский словарь). Vol. 2. Beijing (= Пекин): Mi rigs dpe skrun khang (= Народное изд-во), 1984. 1021–2330 p. (На тиб. и кит.)
- rgya bod tshig mdzod 1984c — rgya bod tshig mdzod chen mo (= Большой китайско-тибетский словарь). Vol. 3. Beijing (= Пекин): Mi rigs dpe skrun khang (= Народное изд-во), 1984. 2331–3146 p. (На тиб. и кит.)
- Saṅs-rgyas-rgya-mtsho 1999 — Saṅs-rgyas-rgya-mtsho. Life of the fifth Dalai Lama. Volume IV, Part I. (Śata-piṭaka series) / transl. by Zahiruddhin Ahmad. New Delhi: International Academy of Indian Culture and Aditya Prakashan, 1999. 478 p.
- sde srid sangs rgyas rgya mstho 1980 — sde srid sangs rgyas rgya mstho. thams cad mkhyen pa drug pa blo bzañ rin chen tshañs dbyans rgya mtsho'i thun mon phy'i rnam par thar pa du kU la'i 'phro 'thud rab gsal gser gyi snye ma (= Продолжение внешней обычной биографии Всеведущего Шестого [Далай-ламы] Цангъян Гьяцо «Шёлковая ткань дукулы», называющееся «Ясный золотой букет»). Sikkim: Chhentse Labrang, Palace Monastery, 1980. 422 p. (На тиб.)
- sde srid sangs rgyas rgya mstho 1989 — sde srid sangs rgyas rgya mstho. thams cad mkhyen pa drug pa blo bzang rin chen tshangs dbyangs rgya mtsho'i thun mon phy'i rnam par thar pa du kU la'i 'phro 'thud rab gsal gser gyi snye ma (= Продолжение внешней обычной биографии Всеведущего Шестого [Далай-ламы] Цангъян Гьяцо «Шёлковая ткань дукулы», называющееся «Ясный золотой букет»). Lhasa: Xizang ren min chu ban she, 1989. 882 p. (На тиб.)
- sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009a — sde srid sangs rgyas rgya mstho. drin can rtsa ba'i bla ma ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i thun mong phyi'i rnam thar du kU la'i gos bzang glegs bam gsum pa'i 'phros bzhi pa (= Четвертый том продолжение третьего тома «Внешней обычной биографии Доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо „Парча из дукулы“»). Том 4) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2009. 559 p. (На тиб.)
- sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009b — sde srid sangs rgyas rgya mstho. drin can rtsa ba'i bla ma ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i thun mong phyi'i rnam thar du kU la'i gos bzang glegs bam bzhi pa'i 'phros lnga pa (= Пятый том — продолжение четвертого тома «Внешней обычной биографии Доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо „Парча из дукулы“») // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2009. 447 p. (На тиб.)
- sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009в — sde srid sangs rgyas rgya mstho. drin can rtsa ba'i bla ma ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i thun mong phyi'i rnam thar du kU la'i gos bzang glegs bam lnga pa'i 'phros drug pa (= Шестой том — продолжение пятого тома «Внешней

обычной биографии Доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо „Парча из дукулы“») // *rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum* (= Собрание сочинений Пятого Владыки Победоносных

Нгаванг Лобсанг Гьяцо). Beijing (= Пекин): *krung go'i bod rig pa dpe skrun khang* (= Китайское изд-во изучения Тибета (тибетологии)), 2009. 518 p. (На тиб.)

Sources

- Lobsang Yeshe (Fifth Panchen Lama). A Clear Account of Deeds of the Shakya Monk Lobsang Yeshe [Entitled] 'The Necklace of Moons Shining White'. Vol. 1 (The Biography of Lobsang Yeshe, Fifth Manifestation in the Chain of Activities of Panchen Lamas). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2014. 417 p. (In Tib.)
- Lobsang Yeshe (Fifth Panchen Lama). A Clear Account of Deeds of the Shakya Monk Lobsang Yeshe [Entitled] 'The Necklace of Moons Shining White'. Vol. 2 (The Biography of Lobsang Yeshe, Fifth Manifestation in the Chain of Activities of Panchen Lamas). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2014. Pp. 1–237. (In Tib.)
- Lobsang Yeshe (Fifth Panchen Lama). Sadhana of Bhagavati Sitatapatra [Entitled] 'The Wonderful Cow That Bestows Siddhi'. In: Collected Messages of Lobsang Yeshe, a Monk Who Explains the Teaching. Vol. 4 (Collected Works of Lobsang Yeshe). Pp. 611–614. (In Tib.)
- Ngawang Lobsang Gyatso (Fifth Dalai Lama). Prayer address. In: Ngawang Lobsang Gyatso. Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious. Vol. 18. Beijing: China Tibetology Publishing House, 2009. Pp. 261–262. (In Tib.)
- Ngawang Lobsang Gyatso (Fifth Dalai Lama). Prayer appeal to the succession line of the deep view. In: Ngawang Lobsang Gyatso. Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious. Beijing: China Tibetology Publishing House, 2009. Pp. 283–284. (In Tib.)
- Ngawang Lobsang Gyatso (Fifth Dalai Lama). The Game of Deceptive Manifestations of This Life by the Monk from Sahor Ngawang Lobsang Gyatso Set out in the Form of a Biography [Entitled] 'The Brocade of Dukula'. Vol. 2 (Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious 6). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2009. 390 p. (In Tib.)
- Ngawang Lobsang Gyatso (Fifth Dalai Lama). The Game of Deceptive Manifestations of This Life by the Monk from Sahor Ngawang Lobsang Gyatso Set out in the Form of a Biography [Entitled] 'The Brocade of Dukula'. Vol. 1 (Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious 5). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2018. 585 p. (In Tib.)
- Ngawang Lobsang Gyatso (Fifth Dalai Lama). The Game of Deceptive Manifestations of This Life by the Monk from Sahor Ngawang Lobsang Gyatso Set out in the Form of a Biography [Entitled] 'The Brocade of Dukula'. Vol. 2 (Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious 6). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2018. 430 p. (In Tib.)
- Ngawang Lobsang Gyatso (Fifth Dalai Lama). The Game of Deceptive Manifestations of This Life by the Monk from Sahor Ngawang Lobsang Gyatso Set out in the Form of a Biography [Entitled] 'The Brocade of Dukula'. Vol. 3 (Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious 7). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2018. 373 p. (In Tib.)
- Ngawang Lobsang Gyatso (Fifth Dalai Lama). The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama. S. G. Karmay (transl.). Chicago: Serindia Publications, 2014. 589 p. (In Eng.)
- Sangye Gyatso (Desi). A Continuation of the External Ordinary Biography of the Omniscient Sixth [Dalai Lama] Tsangyang Gyatso [Entitled] 'Silk Cloth of Dukula' Referred to as 'The Clear Golden Bouquet'. Lhasa: Tibet People's Publishing House, 1989. 882 p. (In Tib.)
- Sangye Gyatso (Desi). A Continuation of the External Ordinary Biography of the Omniscient Sixth [Dalai Lama] Tsangyang Gyatso [Entitled] 'Silk Cloth of Dukula' Referred to as 'The Clear Golden Bouquet'. Vol. 2. Sikkim: Chhentse Labrang, Palace Monastery, 1980. 422 p. (In Tib.)
- Sangye Gyatso (Desi). A Continuation of the Usual Biography of the Good Indigenous Teacher Ngawang Lobsang Gyatso [Entitled] 'The Brocade of Dukula'. Vol. 4 (Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious 8). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2009. 559 p. (In Tib.)
- Sangye Gyatso (Desi). A Continuation of the Usual Biography of the Good Indigenous Teacher Ngawang Lobsang Gyatso [Entitled] 'The Brocade of Dukula'. Vol. 5 (Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious 9). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2009. 447 p. (In Tib.)
- Sangye Gyatso (Desi). A Continuation of the Usual Biography of the Good Indigenous Teacher

- Ngawang Lobsang Gyatso [Entitled] 'The Brocade of Dukula. Vol. 6 (Collected Works of the Fifth Lord of the Victorious 10). Beijing: China Tibetology Publishing House, 2009. 518 p. (In Tib.)
- Sangye Gyatso (Desi). Life of the Fifth Dalai Lama. Vol. 4. Pt. 1 (Śata-piṭaka Series). A. Zahiruddin (transl.). New Delhi: International Academy of Indian Culture and Aditya Prakashan, 1999. 478 p. (In Eng.)
- The Great Tibetan-Chinese Dictionary. Vol. 1. Beijing: Publishing House of Minority Nationalities, 1984. 1020 p. (In Tib. and Chin.)
- The Great Tibetan-Chinese Dictionary. Vol. 2. Beijing: Publishing House of Minority Nationalities, 1984. 1021–2330 p. (In Tib. and Chin.)
- The Great Tibetan-Chinese Dictionary. Vol. 3. Beijing: Publishing House of Minority Nationalities, 1984. 2331–3146 p. (In Tib. and Chin.)

Литература

- Аваков, Митруев 2023 — *Аваков П. А., Митруев Б. Л.* Первая печать тайши Аюки (1684 г.) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.: илл.
- Батур Убаши Тюмень 2003 — *Батур Убаши Тюмень.* Сказание о дербен ойратах // *Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе* / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 125–155.
- Борджигид 2009 — *Борджигид Дорги.* О местопребывании и деятельности тайджи Арабджура после принятия им подданства цинской династии // *Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее»*, посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х ч. Ч. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 154–158.
- Бурдые 1993 — *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // *Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Т. 1. Вып. 2. М.: Начала-пресс, 1993. С. 137–150.
- Волкова 1980 — *Волкова Н. Г.* О названиях азербайджанцев на Кавказе // *Ономастика Востока*. М.: Наука, 1980. С. 208–210.
- Дугаров 1983 — *Дугаров Р. Н.* Дэбтэр-чжамцо — источник по истории монголов Куку-нора / отв. ред. Ш. Б. Чимитдоржиев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 94 с.
- Иакинф 1834 — *Иакинф (Бичурин Н. Я.).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. департамента Министерства вну-
- тренних дел, 1854. 264 с.
- Калмыцкие 1969 — *Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе.* Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. 203 с.
- Китинов 2021a — *Китинов Б. У.* Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. 280 с.
- Китинов 2021b — *Китинов Б. У.* Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. 240 с.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь* / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лыткин 1969 — *Лыткин Ю.* История калмыцких ханов (перевод) // *Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе.* Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 50–79.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 584 с. (ил.).
- Международные отношения 1989 — *Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы.* Кн. 1–2. М.: Наука. 1989. 373 с.
- Митилов 1998 — *Митилов А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 382 с.
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Митруев 2022 — *Митруев Б. Л.* Печать Дондук-Даши // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2022. № 2. С. 39–69. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69
- Новолетов 1884 — *Новолетов М.* Калмыки: исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. 77 с.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков XVII и

- XVIII века. Ч. 1. Астрахань: Тип. Калмиздата, 1926. 264 с.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., пер. монгол., транслит и коммент. Санчирова В. П. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 269 с.
- Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста: Джангар, 2003. 316 с.
- Раднабхадра 1999 — Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабдхам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслитерация текста, предисловие, примечания и указатели А. Г. Сазыкина. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 176 с.
- Русско-китайские отношения 1978 — Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы. Т. 1 / сост. Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников. М.: Наука, 1978. 702 с.
- Русско-монгольские отношения 1996 — Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. док-тов / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.: ил.
- Тепкеев 2018 — Тепкеев В. Т. Аюка-хан и его время / отв. ред. А. Н. Команджаев. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 359 с.; 8 илл.
- Трепавлов 2014 — Трепавлов В. В. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (Из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 4. С. 8–19.
- Цюрюмов 2007 — Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Ahmad 1999 — Ahmad Zahiruddin. Translator's preface // Sañs-rGyas rGya-mTsho: Life of the Fifth Dalai Lama Volume IV, Part I. The Fourth Volume, continuing the Third Volume, of the ordinary, outer Life, entitled "The Fine Silken Dress", of my own gracious Lama, Ñag-dBañ Blo-bZañ rGya-mTsho. Page 1a–Page 203a. New Delhi: International Academy of Indian Culture and Aditya Prakashan, 1999. Pp. XI–XIII.
- Apte 1890 — Apte V. S. Practical Sanskrit-English Dictionary, containing appendices on Sanskrit prosody and important literary & geographical names in the ancient history of India, for the use of schools and colleges. Poona: Shiralkar & Co. Book-sellers & c, 1890. 1196 p.
- Atwood 2004 — Atwood C. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol empire. New York: Facts On File, 2004. 678 p.
- Czaja 2018 — Czaja O. The Maitreya prayer festival at bkra shis lhun po: A historical and art historical study // Journal of the International Association of Buddhist Studies. 2018. Vol. 41. Pp. 55–116.
- Ehrhard 1999 — Ehrhard F.-K. Political and Ritual Aspects of the Search for Himalayan Sacred Lands // Sacred Spaces and Powerful Places in Tibetan Culture. A Collection of Essays. Edited by Toni Huber. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1999. Pp. 240–257.
- Ishihama 1992 — Ishihama Y. A Study of the Seals and Titles Conferred by the Dalai Lamas // Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Naritasanshinshoji, 1992. Vol. 2. Pp. 501–514.
- Hummel 1943 — Hummel A. W. Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912). Washington: Government Printing Office. 1943. 1103 p.
- Karmay 2014 — Karmay Samten G. Introduction // Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama. Chicago: Serindia Publications, 2014. Pp. 1–15.
- Khodarkovsky 2002 — Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 290 p.
- Krueger 1982 — Krueger J. R. Materials for an Oirat Mongolian to English citation dictionary. Part 3. Bloomington: The Mongolia Society. 1978. Pp. 465–816.
- Lin 2017 — Lin N. G. Recounting the Fifth Dalai Lama's Rebirth Lineage // Revue d'Etudes Tibétaines. 2017. No. 38. Février. Pp. 119–156.
- Ma Dazheng 2003 — Ma Dazheng. The Tarim basin // History of Civilizations of Central Asia. Vol. 5. Development in contrast: from the sixteenth to the mid-nineteenth century. Paris: UNESCO, 2003. Pp. 182–209.
- Shakabpa 2010 — Shakabpa W. D. One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet. Vol. 1 / by Tsepon Wangchuk Deden Shakabpa; translated and annotated by Derek F. Maher. (Tibetan studies library. Vol. 23). Leiden, Boston: Brill, 2010. 574 p.
- Sperling 2014 — Sperling E. Concerning the Lingering Question of Sde-srid Sangs-rgyas rgya-mtsho's Paternity // Rocznik Orientalistyczny. 2014. Vol. 67. No. 1. Pp. 202–221.

References

- Apte V. S. Practical Sanskrit-English Dictionary. Poona: Shiralkar & Co., 1890. 1196 p. (In Sans. and Eng.)
- Atwood C. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts On File, 2004. 678 p. (In Eng.)
- Avakov P. A., Mitruiev B. L. The first seal of Tai-shi Ayuka (1684). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 144–152. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152
- Badmaev A. V. (comp., ed.) Kalmyk Historical and Literary Writings: Russian Translations. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1969. 203 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords: A Writing of 1761. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth). A Historical Review of the Oirats or Kalmyks: From the Fifteenth Century to the Present. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1854. 264 p. (In Russ.)
- Borjigid D. On whereabouts and activities of Tayiji Arabjur after his submission to the Qing Dynasty. In: United Kalmykia in United Russia — through Centuries into the Future. Jubilee conference proceedings (Elista, 13–18 September 2009). In 2 vols. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 154–158. (In Russ.)
- Bourdieu P. Social space and symbolic power. In: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems. Moscow: Nachala-Press. Vol. 1. Pt. 2. 1993 (spring). Pp. 137–150. (In Russ.)
- Czaja O. The Maitreya prayer festival at bkra shis lhun po: A historical and art historical study. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 2018. Vol. 41. Pp. 55–116. (In Eng.)
- Demidova N. F., Myasnikov V. S. (comps.) Eighteenth-Century Russia-China Relations: Materials and Documents. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1978. 702 p. (In Russ.)
- Dugarov R. N. Debter Jamtso as a Source in the History of Köke Nuur Mongols. Sh. Chimitdorzhiev (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1983. 94 p. (In Russ.)
- Ehrhard F.-K. Political and ritual aspects of the search for Himalayan sacred lands. In: Huber T. (ed.) Sacred Spaces and Powerful Places in Tibetan Culture: A Collection of Essays. Dharmasala: Library of Tibetan Works and Archives. 1999. Pp. 240–257. (In Eng.)
- Gurevich B. P., Moiseev V. A. (comps.) International Relations in Central Asia, Seventeenth – Eighteenth Centuries: Documents and Materials. Vol. 1–2. Moscow: Nauka. 1989. 373 p. (In Russ.)
- Hummel A. W. Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912). Washington: Government Printing Office, 1943. 1103 p. (In Eng.)
- Ishihama Y. A study of the seals and titles conferred by the Dalai Lamas. In: Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Narita, 1989. Naritasan Shinshoji, 1992. Vol. 2. Pp. 501–514. (In Eng.)
- Karmay S. G. Introduction. In: Ngawang Lobsang Gyatso (Fifth Dalai Lama). The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama. Chicago: Serindia Publications, 2014. Pp. 1–15. (In Eng.)
- Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 290 p. (In Eng.)
- Kitinov B. U. Buddhism and Tibetan Clerical Leaders in the History of the Four Oirats. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2021. 280 p. (In Russ.)
- Kitinov B. U. Buddhism and Tibetan Clerical Leaders in the History of the Four Oirats. Vol. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2021. 240 p. (In Russ.)
- Krueger J. R. Materials for an Oirat Mongolian to English Citation Dictionary. Pt. 3. Bloomington: The Mongolia Society. 1978. Pp. 465–816. (In Eng.)
- Lin N. G. Recounting the Fifth Dalai Lama's rebirth lineage. *Revue d'Etudes Tibétaines*. 2017. No. 38 (February). Pp. 119–156. (In Russ.)
- Lytkin Yu. A History of Kalmyk Khans. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) Kalmyk Historical and Literary Writings: Russian Translations. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1969. Pp. 50–79. (In Russ.)
- Ma D. The Tarim Basin. In: History of Civilizations of Central Asia. Vol. 5: Development in Contrast: From the Sixteenth to the Mid-Nineteenth Century. Paris: UNESCO, 2003. Pp. 182–209. (In Eng.)
- Maksimov K. N. Don Kalmyk Cossacks: Seventeenth to Mid-Twentieth Centuries. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2016. 584 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: centuries and generations. Elista: Kalm. Publishing House, 1998. 382 p.
- Mitruiev B. L. One seal of Donduk-Dashi reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the*

- RAS. 2022. No. 2. Pp. 39–69. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69
- Mitruiev B. L. Three seals of Khan Ayuka. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 44–61. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Muniey B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Novoletov M. *Kalmyks: A Historical Essay*. St. Petersburg: V. Demakov, 1884. 77 p. (In Russ.)
- Radnabhadra. *Moonlight. The history of rabjam Zai-pandits / facsimile of the manuscript; translation from Oirat language by G.N.Rumyantsev and A.G.Sazykin; transliteration of the text, preface, commentary, indexes and notes by A.G.Sazykin*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 1999. 176 p.
- Palmov N. N. *Volga Kalmyks, Seventeenth – Eighteenth Centuries: Historical Essays. Pt. 1. Astrakhan: Kalmizdat, 1926. 264 p. (In Russ.)*
- Rogozhin N. M., Batmaev M. M. (comps.) *Russia — Kalmyk Khanate, 1672–1675: Ambassadorial Books*. Elista: Dzhangar, 2003. 316 p. (In Russ.)
- Russian-Mongolian Relations. 1654–1685. Coll. documents*. G. I. Slesarchuk (comp.); N. F. Demidova (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 560 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. (comp.) *Oirat Historical Writings, Seventeenth – Eighteenth Centuries*. V. Sanchirov (transl., comment., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 269 p. (In Oir. and Russ.)
- Shakabpa W. D. *One Hundred Thousand Moons: An Advanced Political History of Tibet. Vol. 1 (Tibetan Studies Library 23)*. D. F. Maher (transl., annot.). Leiden, Boston: Brill, 2010. 574 p. (In Eng.)
- Sperling E. Concerning the lingering question of Sde-srid Sangs-rgyas rgya-mtsho's paternity. *Rocznik Orientalistyczny*. 2014. Vol. 67. No. 1. Pp. 41–45. (In Eng.)
- Tepkeev V. T. *Khan Ayuka and His Era*. A. Koman-dzhaev (ed.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 359 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. Russian allegiance of Kalmyks in rituals and symbols (From the history of ethnic policy in 17th-19th centuries). *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 4. Pp. 8–19. (In Russ.)
- Tsyuryumov A.V. *The Kalmyk Khanate as part of Russia: problems of political relations*. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p.
- Tyumen B. U. *The Story of the Dorben Oyirad (Four Oirats)*. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) *The Moonlight: Russian Translations of Kalmyk Historical and Literary Writings*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 125–155. (In Russ.)
- Volkova N. G. On names of Azerbaijanis across the Caucasus. In: *Onomastics of the Orient*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 208–210. (In Russ.)
- Zahiruddin A. Translator's preface. In: Sangye Gyatso (Desi). *Life of the Fifth Dalai Lama. Vol. 4. Pt. 1*. New Delhi: International Academy of Indian Culture and Aditya Prakashan, 1999. Pp. XI–XIII. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 190–212, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(571.56)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-190-212

«Печально зимой в Булуе»: А. В. Боголепов о повседневности заполярной Якутии в 1913–1916 гг.

Лилия Иннокентьевна Винокурова¹, Александр Альбертович Сулейманов²,
Святослав Игоревич Федоров³

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin@mail.ru

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8746-258X. E-mail: alexas1306@gmail.com

³ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-8610-3689. E-mail: fedorov.si@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Винокурова Л. В., Сулейманов А. А., Федоров С. И., 2024

Аннотация. *Целью* статьи является презентация научному сообществу неизвестной рукописи политического ссыльного А. В. Боголепова «Селение Булун Верхоянского округа Якутской области», подготовленной им во время отбывания наказания в отдаленном арктическом населенном пункте. Рукопись, составленная до революционных событий 1917 г., интересна своей идеологической неангажированностью, сдержанной нейтральностью наблюдений за повседневной реальностью малого северного поселения Якутии. Текст А. В. Боголепова привлекателен широтой освещаемых вопросов, созвучностью тем социальным и культурным проблемам, которые существовали в актуальном дискурсе передовой общественности того периода. В связи с этим представляется обоснованной публикация выявленного документа с дальнейшим обсуждением в междисциплинарном поле. *Материалы и методы.* Рукопись выявлена в Государственном архиве Иркутской области в 2023 г. Содержание текста придало авторскому коллективу импульс на поиски информации об авторе рукописи, который привел к ряду находок в Государственном архиве Алтайского края (г. Барнаул), Государственном архиве Красноярского края (г. Красноярск), Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (г. Якутск) и Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Методологической основой разработки темы стало применение принципов, заложенных в разрабатываемом авторами направлении научного поиска — антропологии холода. *Результаты.* Обнаруженные материалы открывают ранее неизвестную страницу в якутском досоветском североведении. Рукопись А. В. Боголепова бо-

гата широким кругом сведений о природных условиях, экономической и культурной жизни в отдаленном маленьком поселении, представляющем своеобразный заполярный мир. Автор освещает взаимопроникновение русской и якутской культур, специфические локальные социокультурные явления, диктуемые географическим расположением и климатическими особенностями. Длительный холодный период, отмечаемый А. В. Боголеповым, формирует весь жизненный цикл поселения: от него зависит функционирование транспортной сети, распорядок хозяйственных работ и торговых мероприятий, быт и досуг местных жителей. Подчеркивается замкнутость и скудость общественной активности, темпоральная и событийная «замороженность» повседневности северного социума. Рукопись является важным источником для исследований по антропологии холода, а также содержит ценную информацию по социально-экономической и культурной истории Якутии первых десятилетий XX столетия.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, антропология холода, зимняя повседневность, северное село, политическая ссылка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» (№ 19-78-10088, <https://rscf.ru/project/19-78-10088/>). Авторы выражают благодарность В. Ю. Голомарева за техническую помощь при подготовке статьи.

Для цитирования: Винокурова Л. И., Сулейманов А. А., Федоров С. И. «Печально зимой в Булунае»: А. В. Боголепов о повседневности заполярной Якутии в 1913–1916 гг. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 190–212. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-190-212

‘*Bulun in Winter Is So Sad*’: A. Bogolepov about Everyday Life in Polar Yakutia, 1913–1916

Lilia I. Vinokurova¹, Alexander A. Suleymanov², Svyatoslav I. Fedorov³

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin[at]mail.ru

² Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8746-258X. E-mail: alexas1306[at]gmail.com

³ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-8610-3689. E-mail: fedorov.si[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Vinokurova L. I., Suleymanov A. A., Fedorov S. I., 2024

Abstract. Goals. The article introduces an unknown manuscript by A. Bogolepov titled ‘Bulun Village of Verkhoyansk District (Yakutsk Oblast)’ and compiled during an exile to the isolated Arctic locality of Yakutia. The narrative was written before the revolutionary events of 1917 and is of certain interest since it lacks any political bias, being characterized by restrained neutrality and sufficient depth of observations over everyday realities of the small northern settlement. A. Bogolepov’s text is attractive for the breadth of issues covered, its consonance with the social and cultural problems faced by the era and discussed by the advanced public. So, it seems reasonable enough to publish the identified document for further discussion in an interdisciplinary perspective. *Materials and methods.* The manuscript was discovered at the State Archive of Irkutsk Oblast (Coll. 293 ‘East Siberian Department of the Russian Geographical Society’). Furthermore, in search of additional data on the for-

mer's author we investigated the State Archive of Altai Krai (Barnaul), State Archive of Krasnoyarsk Krai (Krasnoyarsk), National Archive of Sakha-Yakutia (Yakutsk), Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow) and its St. Petersburg Branch, and the efforts have yielded a variety of precious finds. The methodological basis rests on the principles characteristic of the field the researchers are actually engaged in — cryoanthropology. *Results.* The discovered materials open a previously unknown page in the Yakut pre-Soviet Northern studies. A. Bogolepov's manuscript is rich in data on natural conditions, economic and cultural activities in the small remote settlement somewhat representing the polar world in miniature. The author highlights the interpenetration of Russian and Yakut cultures, mentions some specific local sociocultural phenomena resulting from the geographical location and climatic features. The long cold period — as is stressed by A. Bogolepov — shapes the entire life cycle of the settlement: it completely determines the functioning of the transport network, household and trade agendas, everyday life and leisure pursuits of locals. The isolation and scarcity of social activity, temporal and event-based 'frozen' everyday life of the northern society are emphasized. The manuscript is an important source for the research of cryoanthropology, and also contains valuable information on Yakutia's socioeconomic and cultural history throughout the early decades of the twentieth century.

Keywords: Arctic, Yakutia, cryoanthropology, winter everyday life, northern village, political exile

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-78-10088 'Cryoanthropology: natural low temperatures in the life support system of rural communities of Yakutia (traditional practices, modern challenges and adaptation strategies)'. Available at: <https://rscf.ru/project/19-78-10088/>. The authors extend their gratitude to V. Golomareva for valuable technical assistance.

For citation: Vinokurova L. I., Suleymanov A. A., Fedorov S. I. 'Bulun in Winter Is So Sad': A. Bogolepov about Everyday Life in Polar Yakutia, 1913-1916. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 190-212. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-190-212

1. Введение

Рукопись А. В. Боголепова «Селение Булун Верхоянского округа Якутской области» хранится в фонде 293 Государственного архива Иркутской области, в котором отложились материалы Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, и впервые была бегло просмотрена одним из авторов данной статьи в 2018 г. Спустя 4 года в ходе повторного и более глубокого ознакомления с текстом содержание работы вызвало интерес своей информативностью и вдохновило на дальнейшие поиски по персоналии автора (рукопись подписана просто как «Боголепов», сопровождающие или поясняющие записи отсутствуют). В результате обнаружили единичные документы, проливающие свет на личность и драматичную судьбу А. В. Боголепова. Обнаруженные материалы открывают ранее неизвестную персональную страницу в досоветском якутском североведении, достаточно насыщенном трудами исследователей этнографии и культуры коренных народов края.

Среди этих работ были и исследования, в которых в том числе рассматривались раз-

личные социально-экономические аспекты развития Булуна. К примеру, интересное описание села представил А. А. Бунге, участник Ленской полярной экспедиции 1882–1884 гг., основной задачей которой являлась организация в рамках Первого Международного полярного года станции на острове Сагастыр в дельте Лены и наблюдения на ней. По пути к этому острову из Якутска участники экспедиции посещали расположенные по берегам р. Лены населенные пункты, включая Булун, который был отнесен исследователем к «одному из значительных селений по Лене» [Бунге 1895: 13]. А. А. Бунге отметил роль этого села как важного транспортно-логистического хаба, в том числе в обеспечении снабжения экспедиции, а также его торговое значение, кратко описал встреченные строения; он упомянул о разразившейся в Булуна в период работы исследователей на Сагастыре эпидемии оспы [Бунге 1895: 13–96].

Еще одну характеристику Булуну дал посетивший его летом 1897 г. журналист А. А. Бычков, который освещал рыболовный промысел в низовьях р. Лены. Значитель-

ное внимание он уделил анализу развития торговли в интересующем нас селе [Бычков 1899: 74]. Преимущественно торговому делу была посвящена и работа сосланного в 1910 г. на 5 лет в Якутию эсера В. М. Зензинова, прошедшего некоторое время в Булуне [Зензинов 1916: 4–5].

Однако все эти труды фактически являлись точкой зрения стороннего наблюдателя. А. В. Боголепов же прожил в Булуне почти 4 года. В результате в представленной далее рукописи содержатся, с одной стороны, рефлексии человека, который ранее находился в совершенно иной среде (речь идет не только и не столько о свободе / не-свободе) и смотрел на окружающую его действительность «незамыленным» взглядом, с другой — за годы жизни в данном селе он достаточно глубоко погрузился в его этнокультурную специфику и проникся ею, сумел «нащупать» те особенности из жизни булуңцев, которые, вероятно, ускользали от глаз исследователей, работавших в Булуне сравнительно непродолжительное время.

В силу всего указанного текст А. В. Боголепова представляет ценность в качестве персонального документа глубокого социального звучания, остающегося актуальным в научном дискурсе. С учетом узости круга письменных источников по истории и культуре заполярных окраин России периода начала XX в. публикация выявленного документа должна вызвать интерес у специалистов целого ряда дисциплин.

2. Материалы и методы

В ходе реализации поддержанного Российским научным фондом проекта № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» была проведена достаточно серьезная работа по выявлению материалов, освещающих многомерное воздействие фактора холода на жизнедеятельность сельских сообществ Якутии. В ее рамках, помимо Государственного архива Иркутской области, в архивохранилищах Алтайского и Красноярского краев, Республики Саха (Якутия), а также г. Санкт-Петербурга авторы статьи обнаружили документы, характеризующие жизненный путь А. В. Боголепова, включая тот его этап,

который связан с отбыванием им ссылки в Якутии. Для создания более широкой панорамы жизни в Булуне, интеграции в нее политических ссыльных авторы задействовали также материалы, выявленные в ходе работы с фондами Архива РАН (г. Москва).

Методологической основой разработки темы стало применение принципов, заложенных в разрабатываемом авторами направлении научного поиска — антропологии холода. Работы в рамках антропологии холода являются попыткой осмыслить роль холода в формировании традиционной культуры коренных народов Российской Арктики и его позиций в современном пространстве жизнедеятельности. Наряду с этим при анализе текста рукописи был задействован комплекс специальных методов исторического познания: историко-генетический и историко-сравнительный, методы историографического и источниковедческого анализа.

3. Северное поселение Якутии первых десятилетий XX в. глазами политического ссыльного А. В. Боголепова

3.1. Анатолий Васильевич Боголепов: трагедия человеческой судьбы или путь в науку «благодаря» ссылке, который не состоялся

В известном «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына при описании судьбы будущего доктора филологических наук, крупнейшего советского специалиста по языку юкагиров и нивхов Е. А. Крейновича, отбывавшего в 1930–1940-е гг. заключение в лагере на территории современной Магаданской области, приведена любопытная ремарка: «...если раньше народовольцы становились знаменитыми языковедами благодаря вольной ссылке, то Е. А. Крейнович сохранился им, несмотря на сталинский лагерь: даже на Колыме он пытался заниматься юкагирским языком» [Солженицын 2006: 416].

Возможно, если бы А. В. Боголепов, рукописи которого посвящена данная статья, мог быть сослан в Якутскую область¹ несколько раньше, чем это произошло, то и он стал бы достаточно заметным исследователем-североведом. Однако практически все

¹ В Российской империи в рассматриваемый в статье период Якутия имела статус области в составе Иркутского генерал-губернаторства.

последнее поколение политических ссыльных в Якутию в имперский период истории России, в той своей части, которая не относилась к партии большевиков и оставалась жить после 1917 г. в стране, по понятным причинам не получило широкого признания ни на научном поприще, ни в других областях деятельности. В этой связи показательно, что имя А. В. Боголепова даже не упоминается в известных нам работах, посвященных истории политической ссылки в Якутии.

Свет на важнейшие страницы биографии А. В. Боголепова проливают его «расстрельное дело», сохранившееся в Государственном архиве Алтайского края, а также отдельные документы из фондов Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Красноярского края и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Из них следует, что будущий исследователь повседневности арктического села Булун родился 17 августа 1889 г.¹ сравнительно (во всяком случае, по отношению к подавляющему большинству других политических ссыльных в Якутию) недалеко от этих мест — в «северной тайге в Енисейской губернии». Позднее А. В. Боголепов окончил 4-классное городское училище в Енисейске, и это было его единственное образование на момент ссылки в Якутию [ГА АК. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 12350. Л. 5об.].

Во время революционных событий 1905 г. он, по собственным воспоминаниям, участвовал в работе нелегального кружка в Енисейске, который занимался «самообразованием, изучением политической экономики, историей революционного движения..., а также „текущего момента“» под руководством политссыльного, известного по псевдониму «Мишель». Принимал участие в демонстрации рабочих и ученической молодежи [ГА КК. П-64. Оп. 5. Д. 35. Л. 1–2].

Уже в августе 1907 г., т. е. в возрасте полных 17 лет, А. В. Боголепов был осужден к 1 году и 4 месяцам тюремного заключения за то, что «вступил в преступное сообщество, именуемое себя „партией социалистов-революционеров“», хранил в своем доме в г. Красноярске агитационные мате-

риалы эсеров и распространял их [ГА КК. Ф. 42. Оп. 3. Д. 91. Л. 74–75]. После отбывания наказания и недолгой службы в армии (45 дней, после чего «убыл в годичный отпуск по болезни» [ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1819. Л. 25–25об.]) А. В. Боголепов не прекратил связей с эсерами, а также с представителями красноярской организации Российской социал-демократической рабочей партии, и скрывался от полиции, в том числе проживая по паспорту, выданному на другое имя [ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1333. Л. 1–35; ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1819. Л. 1–2]. В результате в 1912 г. его вновь осудили, и на этот раз приговорили к 5 годам лишения свободы с высылкой в Якутскую область под гласный надзор полиции [ГА КК. Ф. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1333. Л. 2].

К этому времени А. В. Боголепов уже считался в органах охраны правопорядка «опытным революционером» [ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1333. Л. 26об.]. В частности в одном из донесений 1912 г. отмечалось, что: «Боголепов — ярый С. Р. (социал-революционер. — Л. В., А. С., С. Ф.), неутомимый революционный деятель, стоящий во главе неблагонадежного элемента г. Красноярска, пользуется громадным влиянием среди местного неблагонадежного, как политически, так и нравственно, населения; принимает деятельное участие во всех революционных проявлениях всех организаций, что и давало повод с 1907 г. по настоящий год к неоднократным ежегодным обыскам...» [ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1333. Л. 26об.–27].

К месту ссылки в с. Булун А. В. Боголепов добрался на пароходе из Якутска летом 1913 г., попутно подготовив для газеты «Сибирская жизнь» заметку «По Лене», в которой богатым литературным языком охарактеризовал некоторые природно-географические особенности приполярных районов Якутии в летнее время, легенду о возвышающемся над рекой острове Аграфена и связанные с ней традиции местного населения [Боголепов 1913: 2]. Следует отметить, что подобный случай авторства текста, принадлежащего А. В. Боголепову, и без учета предлагаемой к ознакомлению далее рукописи, не единичный. Им же, например, написана статья «Пятый год в Енисейске», посвященная участию местной молодежи в революционных событиях 1905 г. [ГА КК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 35. Л. 1–2].

¹ В отличие от текста представленной далее рукописи А. В. Боголепова, данные даты взяты из «расстрельного дела» и, очевидно, приведены по новому стилю.

Из отложившихся в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) документов следует, что А. В. Боголепов, как и отбывавший одновременно с ним ссылку в Булуна еще один эсер, журналист В. Т. Гончарук, ежемесячно получал из казны 15 руб. [НА РС(Я). Ф. И25. Оп. 1. Д. 3782. Л. 11; НА РС(Я). Ф. И25. Оп. 1. Д. 3889. Л. 2, 8]. Кроме того, существовали и иные выплаты. Например, на приобретение зимней одежды в феврале 1916 г. А. В. Боголепову было выделено 22 руб. 50 коп. [НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 14. Д. 57. Л. 7].

Одним из его занятий, помимо наблюдений за жизнью булунцев и фиксации ее различных оригинальных черт, с которыми можно будет ознакомиться далее, стал сбор ботанической коллекции. В этой связи в фондах Государственного архива Иркутской области сохранился ботанический дневник А. В. Боголепова за лето 1916 г., в который заносились описания ежедневных пополнений (с перерывами в случае непогоды) найденных им в окрестностях Булуна образцов местной флоры [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 727. Л. 1–4].

Собранную на 71 листе коллекцию он в конце августа 1916 г. отправил в Императорскую академию наук, где она получила высокую оценку, а сам собиратель — вознаграждение в 25 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 70. Оп. 2. Д. 51. Л. 1–3]. Помимо этого, А. В. Боголепов составил «Список населенных мест Жиганского улуса Верхоянского округа» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 721. Л. 1–6].

В данном отношении, вновь обращаясь к упомянутой фразе А. И. Солженицына, отметим, что любопытным представляется следующее обстоятельство: В. Т. Гончарук «под влиянием окружающей его полярной обстановки» решил «особенное внимание обратить на занятие астрономией» и запрашивал из Булуна у будущего почетного члена Академии наук СССР, химика и астронома Н. А. Морозова «книги, начиная с популярно-изложенных, по астрономии», а также «наиболее необходимейшие инструменты, из заваливавшихся по кладовым и чуланам» [АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 457. Л. 1–1об.].

Из «булунского плена» А. В. Боголепов, по всей видимости, был освобожден после февральских событий 1917 г. и последовавших после них решений в отношении

всех политических ссыльных. В июне того же года он вернулся в г. Красноярск, работал журналистом в одной из местных газет [ГА КК. Р-1480. Оп. 1. Д. 152. Л. 13]. На момент октябрьских событий 1917 г. входил в состав Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в г. Красноярске от партии эсеров. На одном из заседаний выступил в соответствии с позицией его партии против захвата власти большевиками, а вскоре вышел из состава этого органа [ГА КК. П-64. Оп. 5. Д. 63. Л. 7–12]. В 1919 г. А. В. Боголепов, исходя из сведений в «расстрельном деле», являлся делегатом «Губернской партийной эсеровской конференции в г. Красноярске», а также писарем в штабе 31-го Сибирского стрелкового полка белых (в другом месте дела сообщается уже о службе сотрудником по особым поручениям в штабе этого же полка) [ГА АК. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 12350. Л. 5–6]. С 1920 г. до конца 1924 г., очевидно, вынужденно сменил в Красноярске несколько мест работы: контролера в Губернском продовольственном комитете и Енисейской водной страховой кассе, заведующего отделением в Губернском отделе социального обеспечения, инструктора профсоюза «Совработников». После смерти первой жены в 1921 г. имел на иждивении дочь Келарию [ГА КК. Р-1480. Оп. 1. Д. 152. Л. 13–14].

В 1921 г. А. В. Боголепов был арестован «за эсеровскую деятельность», однако осужден не был. В 1922 г. его арестовали «за то же» и вновь не осудили. Спустя еще два года А. В. Боголепов был осужден по ст. 176 («Хулиганство...») «за оскорбление» и приговорен к 6 месяцам лишения свободы. Примерно тогда же в г. Красноярске он окончил бухгалтерские курсы [ГА АК. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 12350. Л. 5об.].

Следующие выявленные сведения относятся уже к злополучному 1937 г. На момент ареста 20 июля этого года А. В. Боголепов с женой, тещей и двумя сыновьями школьного возраста проживал в г. Барнауле по адресу: ул. Гоголевская, д. 78, работая бухгалтером в Глазной больнице. Кроме того, еще один ребенок — упомянутая дочь Келария (21 год) жила и работала в г. Красноярске.

Решением Тройки управления НКВД Западно-Сибирского края от 7 сентября 1937 г. А. В. Боголепов был приговорен к расстрелу по ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР как «участник

эсеровско-монархической повстанческой контрреволюционной организации, ставящей своей задачей подготовку вооруженного свержения Советской власти». Приговор приведен в исполнение 16 сентября 1937 г. [ГА АК. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 12350. Л. 37–42]. 30 сентября 1965 г. А. В. Боголепов был реабилитирован Алтайским крайсудом за отсутствием события преступления.

3.2. Место ссылки: арктическое село Булун

В издававшемся на рубеже XIX–XX столетий популярном «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона с. Булун описывался следующим образом: «одна из наиболее населенных местностей пустынного Верхоянского округа Якутской области; лежит на левом берегу р. Лены, при впадении речки Булуни, в 180 вер.¹ от устья Лены, под 70°45' с. ш.² и 127°47' в. д.³ (от Гринвича) и 43 м над поверхностью океана. У селения р. Лены течет одним рукавом, шириною до 3 вер.⁴, при глубине от 7 до 8 саж.⁵; поднимающиеся по обеим сторонам реки горы возвышаются до 1 000 ф.⁶ и имеют форму пирамидальных гольцев, лишенных растительности, в ущельях которых снег, не тая, лежит в течение всего лета» [Булун 1891].

Если характеризовать место расположения села относительно ныне действующих населенных пунктов, то оно находилось напротив с. Кюсюр и в 120 км к юго-западу от административного центра современного Булунского улуса (района) Республики Саха (Якутия) — п. Тикси. Известен год ликвидации села — 1957 г., когда на севере Якутии продолжалась реализация политики поселкования (сосредоточение населения в относительно крупных поселках). Однако точное время появления с. Булун, к сожалению, остается не установленным. Есть данные, что населенный пункт был основан жителями Жиганска, бежавшими из него в 1805 г. предположительно из-за начавшейся эпидемии оспы [Дьяченко 2014: 48]. При этом известно, что уже в 1818 г. власти сочли

возможным организовать в Булуне рыбный запасный магазин, обеспечивающий продовольствием голодающих близлежащих территорий [Гурвич 1966: 164].

Упомянувшийся А. А. Бычков среди прочего отметил, что географическое положение Булуна в центре лучших рыболовных песков на р. Лене и на пересечении транспортных артерий (пароходная связь летом с Якутском, а также выходы на Оленек, Анабар и Хатангу на западе, на Яну и Индигирку — на востоке) обеспечило ему сравнительно быстрый рост. В промежутке с 1860-х по 1890-е гг., по данным этого автора, численность населения Булуна увеличилась почти вдвое [Бычков 1899: 22]. К 1897 г. в Булуне было более 30 домов и около 80 чел. постоянного населения. С теми же, кто летом перебирался на рыболовные пески или всю зиму находился в разъездах по делам торговли, население Булуна превышало 150 чел.

В 1895 г. в Булуне была построена новая деревянная церковь Св. Спаса и при ней церковно-приходская школа. С осени следующего года в поселке постоянно проживал участковый полицейский заседатель, там же находилась Жиганская инородная управа. В Булуне вели торговую деятельность, кроме 12 местных купцов, доверенные лица двух самых крупных фирм в Якутске: Громовой и Кушнарева. Наконец, в Булуне имелся казенный хлебный запасный магазин, склад казенной соли и запас рыбы на случай голодовки. Купцы в Булуне являлись самым многочисленным классом и занимали господствующее положение [Бычков 1899: 22].

К 1914 г., т. е. ко времени пребывания в селе А. В. Боголепова, Булун представлял из себя населенный пункт в 30–40 домов с населением в зимнее время от 170 до 200 душ. В нем имелось около десятка торговых предприятий с оборотом от 20 до 60 тыс. руб. в год каждое. Вместе с мелкими купцами торговый оборот Булуна составлял около 400–500 тыс. руб. в год [Зензинов 1916: 4–5].

3.3. Зимняя повседневность заполярной Якутии в наблюдениях А. В. Боголепова: анализ рукописи

Презентуемая рукопись интересна уже тем, что принадлежит, как отмечалось, практически неизвестному автору. Рукопись

¹ Верстах.

² Восточной долготы.

³ Северной широты.

⁴ Верст.

⁵ Сажень.

⁶ Футов.

начинается с описания объекта явного увлечения молодого человека: с ботанических заметок, которые были, как отмечалось, судя по найденным архивным документам, позже оформлены в добротное коллекционное описание местной флоры, отправленное в Императорскую академию наук. Главным же впечатлением для 23-летнего Анатолия Боголепова в Булуне становится, что неудивительно, период естественных низких температур. Он подчеркивает продолжительность холодного сезона — 8 месяцев, указывая, что заморозки, снег могут случиться и ранее: «Обычно в августе месяце выпадает снег. В 1914 г., например, первый снег выпал 16 августа...» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 27]. Психологическое воздействие длительного преобладания низких температур в течение года отражено в его словах: «Печально зимой в Булуне. Частые пурги и жестокие морозы гонят все живое в юрты, меха», — пишет он, приводя показатель термометра в зиму 1914/1915 г.: -63°C [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 27].

При этом нужно заметить, что, хотя современный арктический Булунский район с территорией более 223 тыс. км² и не относится к самым холодным местам Якутии, однако даже в прибрежном Тикси (административный центр Булунского улуса (района)) температура воздуха может опускаться ниже -50°C . Поселение Булун же, где проживал А. В. Боголепов, находится выше по течению р. Лены, и климат здесь в температурном отношении еще более суровый, чем в Тикси.

Известно, что при длительных стабильных низких температурах усиливается воздействие холода на живые организмы. Об этом писал, например, отбывавший в 1881–1884 гг. ссылку в Центральной Якутии В. Г. Короленко. Он оставил цикл заметок и рассказов о типичных зимних днях в краю ссылки: «Потом на одной из станций (ямщицких. — Л. В., А. С., С. Ф.) мы уже видели замерзшую в термометре ртуть, и нам сказали, что так она стоит несколько дней. Птицы замедляли полет, судорожно взмахивали крыльями и падали на землю...» [Короленко 1971: 397]. Учитывая, что температура кристаллизации (отвердевания) ртути — -39°C , можно предположить, что стояла погода с устойчивым холодом -40°C и ниже. По наблюдениям сельских жите-

лей Якутии, небольшие птицы замедляют полет или падают уже ближе к -48 – -50°C [ПМА 2019: Инф. 2; ПМА 2023: Инф. 4].

В рукописи А. В. Боголепова весьма эмоционально описываются снежные метели, после которых приходится откапываться, и отдельно упоминается полярная ночь, когда в Булуне солнце уходит с горизонта 8 ноября до 8 января, и становится «еще то склинее». Картина, когда жилье от обычного сугроба отличает только «снежный туннель от двери и дым от трубы» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 26], а световой, скорее сумеречный, день длится от часа до двух — и сегодня остается повседневной зимней реальностью Булунского района Якутии [ПМА 2014: Инф. 1; ПМА 2019: Инф. 3]. Однако во время проживания политического ссыльного А. В. Боголепова его единственным развлечением в зимнее время было наблюдение за северным сиянием в небе. Можно представить, как подобная обстановка влияла на самочувствие людей, не обладавших молодостью и душевной стойкостью автора рукописи.

По медицинским аспектам воздействия на организм длительных низких температур, недостатка инсоляции в сочетании с дефицитом витаминов и скудостью рациона питания существует богатая специальная литература. Бесспорно, полярная ночь, сменяющаяся ярким свечением обширных снежно-ледовых площадей, вызывающим так называемую «снежную слепоту», затяжные сильные ветры и геомагнитные бури высоких широт и ряд других природно-климатических факторов Севера и Арктики были и остаются причинами, провоцирующими развитие патологий у любого человека. Для людей, вынужденных пребывать под контролем в принудительном порядке в непривычной географической и культурной среде, ссылка в Якутию представляла действительно «сплошную цепь физических и моральных страданий» [100 лет 1934: 124].

В историографии российской политической ссылки, в контексте которой здесь рассматривается судьба А. В. Боголепова, немало свидетельств, когда высылка в заполярные отдаленные районы — в Якутию, в Туруханский край — резко негативно отражалась на физическом и душевном здоровье сосланных, как правило, уроженцев центральных или юго-западных областей

Российской империи. Так, у отбывавшего ссылку в Верхоянске талантливого ученого И. А. Худякова тяжелые условия жизни и издевательское отношение администрации спровоцировали психические отклонения [100 лет 1934: 130–131]. В целом пограничные состояния, нервные и психические патологии, депрессии и склонности к суициду были в среде якутских политических ссыльных явлением нередким [100 лет 1934: 137–139, 184–185].

В этом свете важным моментом видится фиксация А. В. Боголеповым влияния локальных, в том числе климатических, условий на самочувствие людей, прежде всего на психику и нервную систему. Когда он пишет, что «особенным физическим здоровьем булунец не отличается. Среди коренного русского населения сильно развита, особенная нервность...», он приоткрывает тему специфической нервной болезни, распространенной именно на Севере. Болезнь «омурах», о которой он пишет, под названиями «эмурэх», «эмиряченье», «мэнэрик» освещена многими исследователями быта и культуры народов Якутии: ее симптомы и проявления описаны в известных трудах В. П. Трощанского и Н. А. Виташевского [Трощанский 1904; Виташевский 1911].

В своей специальной работе врач, политический ссыльный С. И. Мицкевич отнес данное заболевание к формам истерии [Мицкевич 1929: 10–26]. Подавляющее большинство исследователей напрямую связывают невротический характер болезни с условиями жизни, в которой превалирует длительность холодного и темного сезона в сочетании с вынужденным проживанием в замкнутом пространстве. Необходимо подчеркнуть, что А. В. Боголепов отмечает распространение болезни именно среди русских местных жителей селения Булун, что расширяет представление о ее распространенности только у представителей коренных народов.

На описываемые зимние дни поселения Булун проецируются обнаруженные нами ранее паттерны «зимнего поведения» в Якутии: экономия сил и средств жизнеобеспечения, стремление минимизировать пребывание человека на открытом воздухе при самых низких температурах без острой необходимости. Подобная ориентация определяла и характер времяпрепровождения:

преимущественно в отапливаемом помещении, что в условиях ограниченных жилых площадей приводило к избеганию развлечений с физической активностью. Данные факторы способствовали распространению пагубных для здоровья пристрастий к настольным азартным играм и употреблению алкоголя.

Картежничество было практически единственной формой досуга у сезонных работников на рыбных промыслах в низовьях Лены, включая окрестности Булуна. Постоянное присутствие промыслового и торгового люда в поселении способствовало распространению азартной игры среди местных жителей. А. В. Боголепов подмечает, что «играют все: мужчины, женщины, дети, русские и якуты. Карточный проигрыш или выигрыш играет немаловажную роль в бюджете булунца. Я знаю один случай, когда купец проигрался в Булуне до чиста и только за дорогу от Булуна до Якутска отыгрался...» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 38]. Указывая на увлечение булунских жителей также игрой в лото, он подчеркивает на социальную опасность массового картежничества, сфера которого в любые времена пронизана криминальными элементами.

В Булун специально приезжали, по его признанию, «гастролеры» по карточной игре, прошедшие подготовку в Якутской и других тюрьмах. А. В. Боголепов пишет, что знает случай, «когда один купец вошел в сделку с заведомым шулером. Они вдвоем прогастролировали по якутам. Такой объезд очень дорого обошелся якутам, болезненная страсть которых к карточной игре общеизвестна» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 38]. В данной оценке он прав, карточная игра была разрушительным развлечением практически всей Якутии. О распространении азартных игр, наносящих большой ущерб благосостоянию якутских хозяйств, писали не раз еще в досоветское время [Маак 1994: 258–259; Серошевский 1993: 256, 412; Кулаковский 2002: 95–96, 121].

Палитра затронутых в рукописи аспектов обширна: от заметок о погоде и повседневных бытовых привычках до наблюдений за грабительскими отношениями купцов с представителями аборигенных этнических сообществ и религиозными предпочтениями местного населения. При этом фоном

для рефлексий, конструирующим всю повседневность селения Булун, стержнем выступает специфика климата — наличие снежного или ледового покрова для хозяйственных поездок, возможность хранить на уличном холоде приготовленную на Пасху(!) выпечку. Даже праздничная повседневность булунчан предстает из-под пера А. В. Боголепова в специфическом «холодовом» варианте: в замедленном минорном исполнении, лишённом ярких красок и громких звуков, — описание свадеб выполнено им весьма художественно [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 39–40].

В этой связи записи многих исследователей и писателей, отбывавших ссылку в Якутии в разное время, подтверждают воздействие холода, ограничивающее человеческую активность, эмоциональную открытость. Как выше уже отмечено, воздействие зимней монотонности с ее темнотой, вынужденной изолированностью в ограниченном пространстве формировало длительный стресс, пагубный для человеческого сознания. Необходимо отметить не только наблюдательность, «включенность» автора в местные реалии, но и хорошее знание существовавшей тогда литературы по Северу и Якутии, в частности, он ссылается на монографию В. Л. Серошевского [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 28]. В совокупности все это позволяет рукописи А. В. Боголепова обогатить новыми красками и деталями реконструкцию повседневности в высоких широтах северо-востока России.

3.4. Селение Булун Верхоянского округа Якутской области

(Текст рукописи А. В. Боголепова приводится в соответствии с архивным документом: [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 26–46])¹.

I

Селение Булун находится на крайнем севере Якутской области на р. Лене в 200 верстах от Северного Ледовитого океана. Точное географическое положение Булуна — 70 градусов 45'² северной широты и 127 градусов 43'³ восточной долготы от Гринвича.

Местность, окружающая Булун, гористая с массой горных ручьев и рек, бур-

ных во время весеннего разлива и таяния снега на горах и пересыхающих во время лета. По горам и в ущельях растет лес, достигающий 3–4 саж. в высоту, но только очень тонкий. Единственным деревом, служащим топливом, а также для постройки небольших юрт, служит лиственница (*Larix sibirica*).

Из других лесных пород здесь встречаются: ольха (*Alnus viridis*), поросль ивы (*Salix Tourn*) и кустарниковая поросль полярной березы (*Betula nana*).

Из ягод в окрестностях Булуна встречаются следующие: красная смородина (*Ribes rubrum*), голубика (*Vaccinium uliginosum*), брусника (*Vaccinium vitis-idaea*), морошка (*Rubus chamaemorus*) и малина (*Rubus idaeus*). Последний сорт ягоды я не ожидал встретить в Булуна и, к своему удивлению, в первый же год (1913) по прибытию в Булун нашел несколько ягод малины; но какие это были жалкие, чахлые ягоды. Вообще надо сказать, что растительный мир в окрестностях Булуна богатый. Мной, например, найдено больше ста видов цветущих растений. Я не ожидал так далеко на севере встретить такое количество растений.

Зима здесь тянется долгих 8 месяцев. Печально зимой в Булуна. Частые пурги и жестокие морозы гонят все живое в юрты, меха. Во время пурги весь Булун заносится большими сугробами снега, и бывает трудно пробраться от одной юрты до другой, а после пурги долго приходится работать, расчищая снег; пришла пурга — вновь замело. В зиму 1914–1915 гг. мою, например, юрту совершенно занесло снегом, и только снежный туннель от двери и дым от трубы отличал ее от сугроба снега. Морозы в Булуна достигают 63 градуса по Ц. (зима 1914–1915).

8 ноября солнце скрывается за горизонтами и вновь показывается 8 января. С 20 чисел ноября до 20-х декабря самое темное, тоскливое время. Сумеречный день продолжается 1–2 часа. Иная ночь бывает гораздо светлее дня, когда на небе играет всеми цветами радуги северное сияние. Мне часто приходилось наблюдать очень яркие, красочные северные сияния. В ноябре–декабре солнце заменяет луна. Круглые сутки луна не сходит с горизонта, и тогда северное сияние более бледное, не яркое. Но в периоды, когда луна скрывается на круглые

¹ Сноски (*) даны А. В. Боголеповым.

² Точнее: 44. — Л. В., А. С., С. Ф.

³ Точнее: 24. — Л. В., А. С., С. Ф.

сутки за горизонтом, сумрачный день становится еще тоскливее, и только северное сияние разнообразит унылый ландшафт.

Зато летом солнце совсем не скрывается за горизонтом почти два месяца и круглые сутки светит. 14-го мая в 12 часов ночи, стоя на горизонте, можно было видеть на севере край солнца, скрываться же оно начинает с 12 июля.

Лето в Булуне короткое: вскрывается Лена в 20-х числах мая и очищается от льда к 1-му июня, а в 20-х числах сентября показывается береговое сало, и в последних числах сентября, начале октября река покрывается неподвижным льдом.

Редкое лето проходит без ранних заморозков и снега. Обычно в августе месяце выпадает снег. В 1914 г., например, первый снег выпал 16 августа и покрыл землю на 2 вершка (на другой день весь снег сошел). В 1916 г. первый снег выпал (падал весь день) 18 июля. Частые дожди и северные ветра, которые дуют неделями, заставляя одевать теплое, даже меховое пальто, мало дают возможности воспользоваться коротким летом. В такие редкие дни, когда нет ни дождя, ни ветра существование отравляется «гнусом»-комарами, которые вьются тучами, прокусывают сквозь одежду. С середины июля комары исчезают.

II

По прибытию в Булун [Булун является административным центром. Здесь живет полицейская власть в лице земского заседателя. Раз или два в году земский заседатель объезжает свой участок. Устьянск (на р. Яне), Русское Устье (на р. Индигирке в 2 000 вер. от Булуна) входят в административную деятельность земского заседателя. В Булуне имеется фельдшерский пункт и школа. Булун давно служит для политических местом ссылки] (1913 г.) я на другой день сделал «обозрение» своего нового невольного местожительства; побывал и на старом теперь заброшенном кладбище. Осматривая разрушившиеся надгробные каменные плиты, на половину вросшие в землю, я обратил внимание на полуистершуюся дату на одной плите: «Иноходец Жиг... умер 1806...». Я тут же задался вопросом, когда основан Булун.

В своем движении на восток «против

солнца» смелые русские землепроходцы в поисках новой «землицы», а главным образом, ясака, в первой четверти XVII ст. дошли до р. Енисея и в 1620 г. получают первые сведения «о великой реке Лене». В 1632 г. Петром Бекетовым «строителем Сибирских городов», основывается Ленский острог, теперешний гор. Якутск. В 1636 г. десятник Елисей Буза, взяв с собой 10 человек казаков и 40 промышленных охотников, спустился по р. Лене к «Студеному морю», выплыв западной протокой дельты р. Лены и плывя на запад морским берегом, достиг устья р. Оленек, поднялся немного по р. Оленеку и остался зимовать. В это же время устанавливается и сухопутное сообщение с р. Лены на Оленек. Таким образом было основано «Устьоленское зимовье», теперешнее селение Устьоленск¹. На р. Оленек русские землепроходцы явились раньше якутов. Там промышленные люди до того удачно охотились, что «в Якутске за потребное признали послать туда кого-нибудь для сбора десятого соболя» (Фишер «Сибир. История» стр. 376; цитирую по Сорошевскому «Якуты» стр. 235)².

Елисей Буза, спускаясь по р. Лене в Ледовитый океан, не обратил внимания на место, занимаемое теперь Булуном. Русским, установившим сухопутное движение на р. Оленек, базой для движения в сторону от р. Лены, служило основанное ими селение Сиктях в 180 вер. выше теперешнего Булуна.

Ни в «Исторических актах XVII ст.», ни в других работах по истории Сибири я не встречал, чтобы русские основывали Булун. В Жиганской Инородной Управе хранится старинный архив Устьоленского Крестьянского Общества. В нем имеются «указы» Императрицы Анны Иоанновны и некоторые бумаги, помеченные даже 1718 г. Я два раза разбирал архив. Большую массу бумаг я не в состоянии был разобрать — писано полууставом. Архив находится в плачевном состоянии. Часть бумаг сгнила, покрылась плесенью, изъедена мышами. Архив хранится в сыром месте, на него часто протекает дождь. Пройдет несколько лет, и от архива останется одно воспоминание. В архиве имеются очень ценные бумаги: старинные XVIII ст. окладные сборы «Устьоленской

¹ Сейчас — с. Усть-Оленек Булунского улуса (района) Республики Саха (Якутия).

² Речь идет о книге [Сорошевский 1993].

Земской избы» и много других ценных актов, интересных для истории.

Следовало бы какому-нибудь научному обществу обратить внимание на архив и приобрести его. С некоторых бумаг царствования Екатерины II, Александра I-го, Николая I-го и некоторых бумаг половины XVIII ст. мной сняты копии.

Сравнивая названия селений, основанных русскими, мы видим только русские названия: Устьоленск, Усть-Янск, Русское Устье или Жило и т. д., тогда как Булун чисто якутское название (по-якутски «Булун» значит — находить, найти себя).

Таким образом вопроса: когда основан Булун, мы разрешить не смогли, но одно для нас стало ясно, что основание теперешнему Булуну положено не русскими, а аборигенами-инородцами.

III

Если глядеть на Булун с гор, окружающих его с трех сторон, то поражаешься разбросанности его строений. Изба от избы стоит на почтительном расстоянии друг от друга. Ни улиц, ни переулков по нашим понятиям нет. Если бы кто-нибудь задумал пройти из конца в конец в любом направлении по прямой линии, то обязательно какое-нибудь строение преградило бы ему дорогу. На площади, занимаемой в настоящее время Булуном, при известной планировке можно было бы выстроить вдвое больше строений.

Население Булуна в зимнее время достигает большой сравнительно для севера Якутской области цифры в 200–220 чел. Состав населения — якуты и русские, последних не более 20 процентов.

Местное коренное население состоит из двух известных мне фамилий и числится якутскими мещанами, остальные русские, хотя и глубоко пустившие корни здесь, поселились сравнительно не так давно — несколько десятков лет тому назад.

Относительно одной из местной коренной многочисленной фамилии Санниковых, живущей в Устьянске и Булуна. Существует предание, что их род, спасаясь от тяжелой ратной службы, вышел из Великого Устюга. Когда же и в Якутске стало тяжело жить от притеснений, Абрам Санников с благословения родителей спустился на кочах по Лене, выехал в Ледовитый океан и, продвигаясь по восточному морскому берегу, вы-

плыл на р. Яну, где и остался на жительство в Устьянске. Случилось это в первой четверти 1700-х годов. Теперешние Санниковы ведут род от смелого промышленника Абрама Санникова.

От Абрама Санникова до теперешних его предков «дистанция огромного размера». Абрам Санников смело бороздил воды Северного Ледовитого океана на своих унылых суденышках. Он первым добрался до Котельного острова, принадлежащего к группе Ново-Сибирских островов. Его же нужно считать основателем существующего и до сих пор промысла-добычи мамонтовых бивней (кости) на Ново-Сибирских островах.

Русское население Булуна и вообще дальнего севера Якутской области, за исключением разве только мещан Верхоянского общества, живущих в Русском Устье, слилось с окружающей их средой инородцев. Как пример особенно сильного поглощения низшей культурой высшей я могу указать на коренных крестьян Устьоленского общества, на потомков знаменитого Елисея Бузы. Крестьяне Устьоленска настолько утратили свои национальные черты, что совершенно не отличаются от окружающих их инородцев — якутов ни образом жизни, ни верованием, ни лицом, но что характернее всего, совершенно утратили дар русской речи. Из всех коренных крестьян Устьоленского общества я не встретил ни одного, умеющего хотя бы одну фразу сказать по-русски. Исключение представляют те бывшие уголовные ссыльные, которые недавно, 20–30 лет тому назад, приписались в крестьяне Устьоленского общества, но и то уже поддались влиянию окружающей среды и при разговоре с русскими употребляют якутские слова и предпочитают более говорить по-якутски.

Население Булуна, хотя и не в такой мере, как крестьяне Устьоленского общества, но тоже сильно поддавалось влиянию окружающей его среды инородцев. Ввиду того, что булунчане больше вращаются среди русских, а некоторые из них ежегодно весной выезжают в г. Якутск по своим торговым делам — окончательно русского языка они не утратили. Говорить булунцам по-русски страшно трудно, и при каждом удобном случае они стараются перейти на якутский. Первоначально я удивился, почему это, когда соберутся два-три русских, то

никогда не говорят между собой иначе, как только по-якутски, и только достаточно ознакомившись с булунцами, увидал, что поговорить им на родном языке трудно, масса слов забыта, фразы строятся неправильно. Получается такое впечатление, что вы говорите не с русским, а с плохо знающим русский язык татаринном.

Приходит ко мне жена казака и говорит: «Моя старик просила у тебя газету на оклейку». «Моя», «твоя» и т. д. — так пестрит у булунца на русском языке. Вскоре по прибытию в Булун мне пришлось гулять на свадьбе. Выходила замуж соседка, сестра местного коренного русского купца. Молодая на свадьбе сказала мне: «Ты теперь не будешь моя соседка». Не зная тогда особенностей русского языка булуна, я был очень поражен.

До сих пор я не могу привыкнуть к разговору одного купца из коренных булунов. При разговоре с ним мне приходилось напирать всю волю, чтобы понять, что говорится. Кроме обычной особенности булунского русского языка этот господин утратил способность не только выговаривать правильно целый ряд букв, но и совершенно часть букв не выговаривает. Получается впечатление какого-то детского лепета.

Однажды у меня с этим булуном произошел следующий случай, о котором я, кажется, никогда не забуду. На мой вопрос, куда он идет, я получил в ответ: — Бейгъ —. Лишь в долге после его ухода я догадался, что он сказал: «на берег». Предлог «на» он проглотил, а сказать «берег» иначе, как только «беигъ», он не мог.

При встрече булунец редко скажет «здравствуйте», в большинстве случаев приветствует или якутским «капсе», или «сказывайте», что является точным переводом якутского «капсе» («капсе» по-русски значит — «говори, сказывай»). Хороший тон требует ответа: «Нечего. Вы сказывайте», и лишь после такого приветствия начинается настоящий разговор, что всецело заимствовано от якутов. Вот первоначальный разговор при встрече якутов:

- Капсе.
- Суох. Ан капсе.
- Туох да суох.
- Сказывай.
- Нечего. Ты сказывай!
- Совсем нечего.

Прощаясь, булунец всегда добавит: «К нам гуляйте!», или «К нам погуливайте». «Ваши гости», нужно ответить.

Особенным физическим здоровьем булунец не отличается. Среди коренного русского населения сильно развита особенная нервность, заключающаяся в том, что больной во время испуга теряет волевое действие, которое вполне сознается больным, противиться же больной против ослабления воли не может, хотя очень хочет. Таких больных здесь называют омураками. В моменте испуга, который может наступить по всякому незначительному поводу, такой выкрикивает: «о мать», «абас» (название женского полового органа на якутском языке), иногда вульгарное название того же органа на русском языке и т. д.

Вот несколько записей, сделанных мною в первый год пребывания в Булуно. К сожалению, впоследствии я перестал записывать каждый отдельный случай.

Я с товарищем находился в дамском обществе. Докурив папиросу, я неожиданно для присутствующих выбил окурочек из мундштука. Результат для нас получился неожиданный.

— Абас, — воскликнули дамы. Я извинился, но попросил перевести сказанное ими слово, предполагая, что это якутское слово означает испуг, удивление или что-либо другое.

— Э, так себе, — получил в ответ. В тот же день я узнал, что означает это слово.

Другой случай: придя по делу к одному местному купцу, я не застал его дома. Я изложил свое дело его супруге. Беседа со мной, она оперлась рукой о стену, шпалера лопнула, и дама мгновенно произнесла — абас — с добавлением еще двух вульгарных слов на русском языке. Через момент она продолжала со мной говорить, как будто ничего не произошло.

Я завел себе щенка. Однажды он у меня потерялся. Выйдя из юрты, я стал звать щенка по имени. Неожиданно для меня соседка, находясь около своего дома, также стала звать моего щенка, подражая моей интонации. Я удивился и перестал звать щенка, сейчас же перестала и она. Я возобновил зов, сейчас же возобновила и она. Все еще не предполагая, что я имею дело с омураком, а думая, что эта солидная мать многочисленного семейства просто из-за мальчишества

занимается передразниванием меня, я подошел к ней и вступил в разговор, ни словом не упоминая о передразнивании. Через минуту-другую простившись и отойдя, я стал свистать щенка и за своей спиной услышал попытки передразнить свой свист. Тут только я догадался, что моя соседка омурах, но, желая себя проверить, я стал звать щенка по имени то повышая, то понижая голос, она в точности повторяла меня. Тогда стал кричать всякий набор слов, и она почти в точности повторяла мою чушь. Не желая более нервировать себя, я ушел в юрту.

Однажды хозяин дома, где я находился в гостях, желая привести одного из присутствующих мужчин в состояние омурах, ударил его неожиданно по плечу, и тот мгновенно прервал разговор со мной и воскликнул: «О мать...» с добавлением еще нескольких вульгарных слов, а через секунду-другую продолжал без всякого смущения прерванный разговор, хотя здесь присутствовала и хозяйка.

Тут же вскоре произошел и с хозяйкой дома случай, когда она стала омурахом. Разливая чай, она опрокинула пустой стакан и сейчас же произнесла: «абас».

Как-то присутствуя по делу в Жиганской инородной управе, мне пришлось наблюдать такую картинку: два якута стали шутя возиться, и неожиданно в одного из них вцепилась присутствовавшая здесь же якутка и стала бить его по спине. Ее оттащили, прекратили возню, и якутка успокоилась. Через 1/4 часа я заметил ту же якутку с чужим ребенком на руках, которого она баюкала. На мое замечание, как можно доверять таким больным детей, мне объяснили, что страдающие даже в сильной степени данной болезнью никогда не бросят ребенка и вообще ничего ему не сделают.

Больше у меня нет записей по данному явлению, но на память я их мог бы привести много, но это только удлинило бы, не прибавив ничего нового к сказанному. Во всех приведенных мною случаях, а также и в дальнейших, мною не записанных, когда при мне кто-либо приходил в состояние омурах и произносил те или иные вульгарные слова, я старался заметить, какое действие произвело на сказавшего это, и ни разу не заметил при всем моем желании и тени смущения. Я заметил, что и окружающие также не обращают внимание на вы-

крики омурах. Для булунцев это явление, как видно, вполне нормального порядка. Во всех тех случаях, какие мне пришлось наблюдать лично, а наблюдал я за три с лишним года много, я ни разу не слышал, чтобы омурах, как мужчина, так и женщина, во время нервного возбуждения выкрикивали название мужского детородного органа.

Омурахов среди мужского населения я встречал меньше, чем среди женского. Не объясняется ли это тем, что мужскому населению с. Булун по роду своей деятельности приходится большую часть года проводить вне дома на вольном воздухе, разъезжая по округу и тем разнообразя впечатление, тогда как женщины круглый год безвыездно живут на одном месте, а значит не видят новых впечатлений. А также большей нервной восприимчивостью женского организма. Не играет ли также для данного явления первоначальную роль подражательность, передразнивание омурахов и лишь впоследствии незаметно для себя самому становиться омурахом.

В Булуне мне пришлось наблюдать такой случай. В 1914 г. сюда прибыло семейство Б-ских, состоящее из мужа, жены и приемыша 10 лет. Г-жа Б-ская хорошо знает якутский язык, муж не знает. Прожили они здесь только год и в 1915 г. уехали в Якутск. В Булуне за неимением отдельных квартир Б-ские сняли комнату в семействе К., состоящем из мужа и жены. Оба К. в сильной степени омурах и по самому незначительному поводу К. вскрикивают (всегда по-якутски) что-либо вульгарное. Б-ская первоначально подсмеивалась над выкриками К., стала их передразнивать, часто нарочно вводила К. в состояние омурахов, чтобы посмеяться и передразнить. К концу пребывания в Булуне Б-ская незаметно для себя сама стала омурахом, правда в слабой степени. Тогда как ни ее муж, ни приемыш ничего подобного не испытали на себе. В 1915 г., как я сказал выше, Б-ские покинули Булун. В 1916 г. Б-ские снова прибыли на жительство в Булун. В разговоре со мной Б-ская созналась, что ей много труда стоило отстать от привычки выкрикивать. Б-ские жили около Якутска в деревне, где не было омурахов.

Таким образом, простое первоначально передразнивание омурахов послужило толчком для самой Б-ской стать им же, и только скорый отъезд из Булуна, отсутствие среди

окружающих ее на новом месте омурахов и сильная борьба со своей привычкой излечило Б-скую. Этим я и закончу об омурах.

Питаются булунцы хорошо. Хорошо и плотно поесть — высшее наслаждение. Едят много, до отрыжки. Я всегда удивлялся обилию поедаемой булунцем за один раз пищи. Чай с булкой не считают едой. Любимым блюдом является строганина¹. Делают строганину из нельмы, муксуна, но лучшая строганина считается из озерного чира, но это бывает редко и не у всякого, так как чирьи привозятся якутами издалека и только в «подарок». Строганина — любимое обыденное блюдо булунца, подается даже к чаю. Ни званный вечер, ни семейное торжество не обходятся без строганины. Другими любимыми блюдами служат оленье языки и пупки (у пойманной рыбы, преимущественно омуля, вырезается брюшко и солится). Эти блюда ставятся на стол только по большим праздникам и другим торжественным дням. Также одним из любимых обыденных блюд служит юкола. Юкола обычно готовится из омуля, но делается и из муксуна и даже из «кондевки» (род сельдей, есть кондевки до 1 ф. вес.). Распластанную и очищенную от костей рыбу часто надрезают поперек и вешают сушить на солнце. Через несколько дней, в зависимости от погоды, рыбу вешают над костром, где она и коптится в дыму, и юкола готова.

Летом на обед идет почти исключительно рыба в вареном и жареном виде. Зимой же — оленье мясо, в редком случае коровье, так как оно доставляется якутами из окрестностей гор. Верхоянска, где население занимается скотоводством, только зимой. Употребляют булунцы еще «варку» или «парку». Приготавливают ее так: прокопченную рыбу, костяные оставы² с мясом, оставши-

еся от приготовления юколы, мелко толкут и проваривают в рыбьем жиру и хранят в сумках, приготовленных из кожи тайменя или налима.

Все имеют русские печи и пекут «печенье» (так здесь называют всякую стряпню). Ржаной хлеб в большинстве булунцы не любят. Задолго до наступления праздника (перед пасхой — с первой недели поста) булунские хозяйки начинают готовиться к празднику. Начинают стряпать печенье, готовить всякие деликатесы — все приготовленное выносят на мороз, а летом в погреба. Еда служит бесконечным разговором для булунских хозяек. Они хорошо помнят, у кого «сей год» был хуже, или лучше «стол» на тот или иной праздник. Уважающая себя хозяйка будет очень огорчена, если ее печенье окажется хуже, чем у других. Не состряпать «слоеное» значит уронить свой престиж хозяйки в глазах других. Кухня — это ось, на которой в большинстве случаев вертится жизнь булунских хозяек.

IV

Селенье Булун является узловым пунктом для движения купеческой, а также и казенной клади для всего Верхоянского округа. Местное население, как русское, так и приезжающие из Якутска якуты, занимаются торговлей среди инородцев Верхоянского округа в разъезде. Верхоянский округ разделяется на четыре инородческих улуса: Жиганский, Верхоянский, Устьянский и Эльгетский. Самый громадный из них — Жиганский — и составляет сферу торговой деятельности булунских купцов. Булун находится на земле Жиганского улуса. Жиганский улус граничит с Туруханским краем (граница р. Анабар). Булунские купцы отчасти выезжают для торговли с инородцами и в Туруханский край.

Осенью с последним пароходным рейсом местное купечество приезжает в Булун со своей кладью, и Булун оживает. Купцы начинают готовиться к торговле в разъезде. Распаковывают товары, сортируют, снова упаковывают, хозяйки всецело поглощены стряпней «печенья» (сдобная булка), которое очень ходко идет среди инородцев. Каждый купец везет с собой такого «печенья» не менее 80–100 пудов. В 10-х числах октября клад начинают отправлять с якутами подрядчиками, нанятыми вперед за год. В это

¹ Строганина — наструганная тонкими «стружками» замороженная рыба, как правило, благородных сиговых пород. Сохраняет свою популярность в Якутии и является одним из брендов национальной кухни аборигенных этнических сообществ региона. Как и ряд других «северных» блюд в классическом понимании, употребляется сырой, хотя и подвергается температурному воздействию, только не термическому, а криогенному.

² Слово *оставы* в рассматриваемый период использовалось с примерным значением 'остатки'. — Л. В., А. С., С. Ф.

время в Булуне почти около каждого дома стоят стада оленей в ожидании отправки кладки. С 15-го октября вслед за отправленной кладью начинают выезжать и купцы, некоторые выезжают в торговый разъезд со всем своим семейством, в особо устроенных повозках, в которых помещаются небольшие, не более 2-х четвертей, железные печи.

С выездом купцов для торговых целей Булун пустеет почти наполовину. Свой отъезд купцы обставляют таинственностью. Если спросишь, когда выезжают, то выезжающий никогда не укажет день своего отъезда. Однажды я обратился с просьбой к одному купцу указать мне день своего отъезда и разрешить снять отъезд. Он мне указал определенный день, а сам в тот же день, когда я спрашивал, вечером выехал.

В первых числах января часть купцов приезжает в Булун, а в конце марта, начале апреля снова уезжают в селение Устьоленск на р. Оленек, на ярмарку. В начале мая все купцы собираются в Булуне, и торговый сезон окончен.

Торговля среди инородцев на севере носит по большей части меновой характер. Меновой единицей является шкурка песца. Купцы очень редко и неохотно покупают песца от промышленника за наличные деньги. Главными товарами при торговле с инородцами служат: мануфактура, галантерейный и бакалейный и в меньшей степени мука. Большой статьей дохода является выпекаемый домашним способом белый хлеб («печенье»). Не менее ходким товаром, даже двигателем при торговле с инородцем, является спирт. Ввоз спирта, как известно, в Верхоянский округ запрещен, но это только повышает доходы спиртовозов. И теперь, когда продажа спиртных напитков повсеместно запрещена, в Булуне имеется достаточный запас не только суррогатов спирта («самогонка», «ханжа» и т. д.), но и чистого спирта. Запасы ежегодно пополняются. По откровенному заявлению одного из купцов торговля без спирта среди инородцев немислима.

Осенью, незадолго до своего разъезда, купцы собираются и устанавливают, в зависимости от положения пушного рынка, цену на песцов при покупке от инородцев. В торговый сезон 1915–1916 гг. цена была установлена на купеческом собрании в 10 руб.

Цена эта продержалась до первых чисел декабря. В декабре из Якутска прибыли скупщики песка, и цена резко поднялась сначала до 18 руб. за шкурку песца, а на ярмарке в Устьоленске поднялась до 25 руб. Весной же в Булуне крупные фирмы принимали песцы от мелких купцов от 33 руб. до 35 руб.

Таким образом немалая разница была положена купцами в карман. Так как песец выменивается на товар, на который купцы накладывают к себестоимости от 100 до 1 000 процентов, то приобретенный купцом песец в действительности обходится ему на 100 и более процентов дешевле, чем он его купил.

Таким образом, процент наживы северного купечества нужно считать громадным. С первым пароходом местное купечество с собранной пушшиной и мамонтовыми бивнями («кость») выезжает в г. Якутск.

V

С приездом купцов осенью из Якутска начинают ежедневно устраивать карточные вечера. Играют все: мужчины, женщины, дети, русские и якуты. Карточный проигрыш или выигрыш играет немаловажную роль в бюджете булунца. Я знаю один случай, когда купец проигрался в Булуне дочиستا и только за дорогу от Булуна до Якутска отыгрался.

По словам одного купца, он ежегодно выигрывает только в «преферанс» от 800 до 1 000 руб. Я знаю купца, который, по его собственным словам, благодаря картам стал купцом. Играют в «21», «штосс», «преферанс», «подход», «парус», «буру», «стуколку». Сильно развита игра в лото. Играют крупно и азартно. В Булун специально приезжают «гастролеры» по карточной игре, прошедшие полный курс наук в Якутской и других тюрьмах.

Я знаю случай, когда один купец вошел в сделку с заведомым шулером. Они вдвоем прогастролировали по якутам. Такой объезд очень дорого обошелся якутам, болезненная страсть которых к карточной игре общеизвестна.

Устройство карточных вечеров с лото — очень выгодная вещь. За разбитую колоду карт хозяева получают три рубля, при игре в лото хозяин пользуется двумя картами бесплатно, что при счастье дает немало. Мне известны случаи, когда хозяева получа-

ли чистого дохода от карточного вечера до 200 руб.

В Булуне нет ни одного местного жителя, который бы не устраивал у себя несколько раз за зиму карточного вечера. В течение всей зимы нет ни одного дня, чтобы кто-нибудь не устроил карточного вечера. Родители на игру в карты детей смотрят благосклонно. Я знал 12-летнего мальчуганя-якута, который в карточном булунском мире считается хорошим игроком. Проиграть он много не может, так как ничего не имеет, но я знаю случаи, когда он выигрывал по 200 руб. и более.

На дню устраивают по несколько игр, переходя из юрты в очередную юрту. С 10–11 часов утра по игрокам уже бегают мальчишки, приглашая играть в лото к кому-нибудь.

По откровенному замечанию одного купца, без карт и лото он «пропал бы — читать не могу, не привык, а больше что делать? Как это Вы можете целыми днями сидеть за книгами? И не скучно», — часто говорили мне булунцы. На мое замечание, как это они могут проводить целый день за лото или картами, мне серьезно отвечали: «За лото веселье. За книгой спать хочется».

Лото и карты заполняют весь интерес местного населения. Вся общественность местного населения заключается только в этом. Все разговоры, как около оси, вертятся возле лото и карт, проигрыша и выигрыша. Все хорошо помнят, кто сколько и когда и у кого на вечерах проиграл или выиграл.

В первый год моего пребывания в Булуне мне посчастливилось гулять на трех свадьбах. Дом под свадьбу во всех трех случаях брался большой, так как здесь принято приглашать на свадьбу всех, даже малознакомых (незнакомых нет, в Булуне все знакомы).

На первых двух свадьбах у меня получилось впечатление, что я нахожусь в доме больного.

В переднем углу, под образами сидели молодые, по обе стороны от молодых сидели родные, а дальше вдоль по всем четырем сторонам сидели гости, мирно, вполголоса беседуя. Каждому вновь прибывшему гостю сейчас же подается стакан чаю. Грянет музыка (скрипка, балалайка и гитара), и начинаются танцы. Танцуют здесь «кадриль», «краковяк», устарелую польку, русскую и

лезгинку, высшей степени что-то курьезное.

Когда музыка заиграла лезгинку, я с интересом ждал танца и был очень удивлен, увидав только намек на танец лезгинку. Старались веселиться, но не чувствовалось веселья. Танцуют с таким серьезным выражением, как будто священнодействуют, а не веселятся. Только на третьей свадьбе было действительно непринужденно весело. На свадьбе были и песни, и игры. Пели: «Коробушку» («Ой, полным-полна коробушка»), «В хороводе были мы» и несколько других народных песен. Играли в фанты и дрему. Посредине комнаты ставится стул, и на него садится кто-нибудь. Остальные, взявшись за руки, начинают ходить кругом и петь:

«Сидит дрема, сидит дрема,
Сама дремлет, сама спит»...

Песню, к сожалению, я не могу записать, так как никто не соглашался продиктовать ее мне. Игра кончается тем, что сидящему предлагают в песне, кого хочет поцеловать, «сколько хош». На стул снова садится тот, кого поцелует «дрема». С первых двух свадеб я сбежал, не дождавшись конца. На третьей свадьбе я просидел до конца. Кажется, в 1 или 2 части был подан ужин. Ужин был обилён, со многими блюдами. Наконец был кончен ужин, и все гости, как один человек, устремились к молодым, поблагодарили их за руку за ужин и стали одеваться и уходить.

У меня получилось такое впечатление, что все только и ждали, чтобы поесть и идти домой спать. Я так растерялся, что не знал, что мне делать. Выручил меня молодой, вступив со мной в разговор. Пока мы разговаривали, из гостей никого не осталось. Впоследствии мне пришлось то же самое наблюдать и на вечерах, и на именинах. Как поужинали, сейчас же начинают прощаться и уходить. «Так здесь принято, такой обычай».

На святках маскируются. За неимением масок лицо закрывают редкими платками, темной густой вуалью и т. д. Так как у булунцев сильно развита память на предметы и на голос, то маски никогда не разговаривают. Стоит маске произнести хоть одно слово, и она будет узнана. Явившись, маски молча здороваются, молча, если есть музыка, станцуют один-два танца и, ни слова не

промолвивши, уходят¹.

Хозяева стараются узнать маску по фигуре, по походке, по вещам, по тому, как танцует маска и т. д., и редко ошибаются. При этом хозяева вслух разбирают маску, указывая, чьи вещи надеты на маске, вплоть до мелочей, в виде пояса или галош. В один вечер одна и та же маска переодевается в несколько костюмов и бывает очень рада, если ее хоть раз за вечер не узнают. В этом, как видно, и заключается весь интерес для маскирующихся. Угощать принято масок конфетами и папиросами. Папиросы берут все, даже некурящие, а хозяева зорко следят за тем, кто как курит, и некурящего сразу узнают.

Других каких-либо развлечений в Булуне нет.

За три года учитель местной школы ни разу не хотел устроить для детей елки, хотя я ему каждый год говорил, что готов принять часть расходов по елке на себя.

Не умеют, да и не хотят булунцы веселиться. Карты, лото да пушнина — вот заколдованный круг, в котором бьется темная душа булунца, не думая и не желая из него выбиться.

Даже настоящая историческая волна, всколыхнувшая весь мир сверху до низу, — тихим плеском докатилась до Булуна. Даже с каждым днем растущая дороговизна мало трогает булунцев. Большинство булунцев — торговцы и как таковые рассуждают так: «Ведь нашему потребителю-инородцу чай, сахар, табак и т. д. надо, а раз мы сами купим дороже, то и продадим дороже».

В начале войны, когда ко мне кто-нибудь из булунцев обращался с вопросом — «как война идет?» — я старался подробно ознакомить спрашивающего о положении, но мои подробные объяснения совершенно не интересовали спрашивающего, и он старался перейти к другой, более для него интересной, теме. Задавался же мне вопрос о войне просто потому, что булунец не знает, о чем со мной начать разговор. Они знают, что ни

карты, ни лото, ни их мелкие соседские делишки, в большинстве случаев сплетни, для меня не интересны, а то, что для меня было бы интересно из их деятельности, они тщательно скрывают по определенной причине: «в газете пропечатать», а для булунца попасть в газету хуже смертного греха.

Впоследствии я стал отвечать: в старом положении «хорошо», «плохо» и т. д., и это вполне удовлетворяло булунца. Я иногда сознательно отвечал «плохо» в такой надежде, а не спросит ли булунец, чем плохо, но ни разу не дождался.

Большинство булунцев выписывало из Якутска прекратившуюся теперь газету «Ленский край», но телеграммы почти никогда не читались, но с большим интересом просматривались только «хроника», да корреспонденция, в тайной надежде найти кого-нибудь из знакомых «пропечатанным». Если газета доставляла им искомое, то это долго служило темой для разговора, чем наступление или отступление на фронте.

«Пропечатанный» в газете обличен для булунцев в плоть и кровь, много говорящий их уму и сердцу, а то, где гибнут миллионы, слишком далеко, не говорящее ни уму, ни сердцу.

Не всколыхнула и война булунца.

VI

Религия булунца — смесь христианства и всяческих предрассудков вплоть до веры в шамана и его силу.

В Булуне имеется новая, не особенно давно выстроенная, церковь «Во имя Спаса», взамен пришедшей в ветхость часовни. Здесь живет причт.

Местное население ежегодно говеет, причащается и т. д. Все праздники строго исполняются, обязательно ходят к обедне. Работать в праздник грех (устроить карточные вечера можно). Часто служат молебны. В большие праздники (пасха, рождество, новый год и т. д.) священник ходит по домам с молитвой. Такого обилия икон, как в Булуне, я нигде не встречал. Есть дома, где иконы занимают целый ряд по всей стене. Перед каждой иконой прилеплено по восковой свече, перед главной иконой висит и лампада. Накануне и в самый праздник перед образами обязательно зажигают свечи. Но все это наружная сторона принятого христианства. Внутренне же булунец далек

¹ Булунская «маскировка» — калька северо-русской традиции первой недели святков: «святых вечеров», когда было принято одеваться именно красиво, закрываясь платками и вуалью, в отличие от второй недели «страшных вечеров» с демонстрацией пугающих масок, вывороченных тулупов и т. п. (см., например: [Петрова, Рычкова 2022: 175–182]).

от христианства.

Вера в нечистую силу, в абахи (злой дух), в блуждание души умершего около своего дома, в силу шамана, в приметы и т. д. сильно развита среди населения Булуна.

В 1913 г. у вдовы местного священника от ангины острой формы умер сын (7–8 лет). Вскоре после смерти ребенка захворала дифтеритом дочь (10–11 лет). После антидифтерийной прививки девочка стала поправляться и вскоре совсем выздоровела. Во время болезни дочери мать обратилась с просьбой к ссыльным Б-нову и З. поменяться квартирами. В основу своего предложения положила, якобы, заявление фельдшерицы, что нужно съехать с квартиры, а то захворают и остальные дети. По наведенной справке у фельдшерицы — ничего подобного та не говорила. Ссыльные Б-нов и З. отказали. Но вдова священника все-таки съехала на другую квартиру.

У якутов существует вера, что умерший обращается в уора, который, находясь поблизости от места своего жития и погребения, приносит вред оставшимся в живых и находящимся в районе блуждания уора родственникам. В настоящее время якуты держатся того мнения, что души некоторых покойников, не желая удаляться от своих прежних жилищ, блуждают около них (Трощанский. «Эволюция черной веры у якутов», стр. 82)¹.

Якуты после смерти родственника всегда стараются покинуть то место, где жил покойник.

Вдова священника в веровании недалеко ушла от якутов. Истинная, как видно, причина (отчасти это подтвердила ее теща) просьбы поменяться квартирами, боязнь нажить в умершем сыне уора, который принесет или даже уже начал (болезнь дочери) приносить оставшимся вред.

Некоторыми действиями можно накликать беду. Нельзя, например, свистеть, когда плывешь в лодке на реке — поднимается буря. «Она, матушка (р. Лена), не любит свиста», — серьезно сказал мне булунец, когда я посмеялся. Я знаю такой случай.

Товарищ Г. весной 1915 г. жил в селении Кисюр (наискось Булуна на другой стороне р. Лены). В один из хороших, тихих дней он в обществе нескольких булуновцев и якутов собрался плыть в Булун. Пока они собира-

лись, начал дуть легкий северный ветер, постепенно усиливаясь. «Мы поплыли», — рассказывает товарищ, — «я начал насвистывать. Не отплыли мы и 200 с.², как ветер усилился еще. Якуты с булуновцами что-то оживленно заговорили по-якутски, указывая на меня. Неожиданно лодку повернули обратно. Не зная, в чем дело, я стал доказывать, что мы вполне благополучно переплывем, что буря не настолько сильна, чтобы нельзя было плыть, но ничего не помогло, мы пристали обратно к Кисюру. Только на берегу мне объяснил один булунец, когда я снова стал говорить, что плыть можно, не поплыли они потому, что я своим свистом вызвал бурю». Нельзя во время неводы говорить «Ух, как много рыбы». Если «ухнешь», то не будет рыба ловиться. Нельзя также «ухать» и кричать, когда плывешь или едешь, идешь под горой; «дух» горы сердится и может сбросить камень на «ухающего».

Запрещается после смерти мужа и вообще родственника сорок дней шить, чтобы «глаза не зашить».

Все это заимствовано от окружающих якутов.

Один булунец с горечью жаловался мне, что в старину больше было «обычаев» и строже они исполнялись.

У одного местного купца заболела сильным нервным расстройством, «с ума сошла», дочь. Была приглашена фельдшерица, но параллельно с лечением фельдшерицы обратились и к шаману. И над больной, которой требовался покой и только покой, шаман с бубном в руках вел борьбу со злым духом, выгонял его из больной.

Зайдя как-то к одному булуновцу, я увидел большую, более аршина, деревянную стрелу, покрытую всю золотой бумагой. Я спросил, для какой цели служит такая стрела. Мне объяснили, что новобрачным устраивают над кроватью полог, который и перекладывается через стрелу. «Такой обычай, от стариков заведен». Что же должна символизировать стрела, не объяснили, и видно было, что мои расспросы неприятны.

Мне часто приходилось видеть у булуновских детей привязанные на шею старинные серебряные монеты, ладанки, корень, какого-то растения и т. д. Это все амулеты «для счастья».

Недавно один местный житель, с кото-

¹ Речь идет о книге [Трощанский 1902].

² Сажень (?). — Л. В., А. С., С. Ф.

рым я беседовал о местных обычаях, рассказал мне следующую легенду.

«Видели ли Вы около Жиганска гору, называется она «Аграфена»¹. Так вот: говорят, в старину было три проклятых Богом сестры, вот они и поселились на горах в разных местах, чтобы делать зло людям. Одна поселилась где-то вверху на «Сумасшедшем Быке» или на «Пьяном Быке» — не знаю хорошо. Другая на «Аграфене», а третья — внизу на «Столбе». Так вот, давно это было, еще пароходы на Булун не ходили. Рыбаки и купцы спускались из Якутска сюда на паузках и обратно поднимались гужем на паузках же. Когда паузок подходит к «Аграфене», то хозяин устраивает для рабочих «пир». Варят хороший обед, подносят водки и т. д. Делают затем из бересты небольшую, вот как ребятишки играют, лодочку, сажают в нее куклу, снабжают всякой провизией и спускают на воду в подарок «Аграфене», чтобы она благополучно пропустила мимо себя. И это обязательно делалось всеми мимо проходящими в оба пути паузками, какюками и т. д. Когда первый пароход проходил мимо «Аграфены», то никакого подарка не послал. Вдруг с горы стал кто-то кричать человеческим голосом. Крик слышался явно, но никого не было видно. Это не к добру. Не иначе, как с кем-нибудь случилось несчастье», — закончил свой рассказ булунец.

— Да, может, там был человек.

— Нет. Смотрели в «трубу», в бинокли, но никого не видели. Да никто на эту гору и не пойдет, боятся. Якуты близко боятся проезжать. Может, все это и врут, кто его знает, правда это или нет. Не знаю, закончил он, но видно было, что сам-то он верит.

Легенду о горе «Аграфена» я слышал, когда ехал на пароходе в 1913 г. в Булун, но в другом варианте.

В лесу и поле обитает «чудечко», которое «пугает» одиноких. Я никогда не видал, чтобы булунец отправился, например, за морошкой один. Ходят всегда большими компаниями.

На масленицу в 1914 г. организовали катание на оленях в Кисюре. Поезд был большой. На обратном пути из Кисюра в Булун один купец-якут дорогой пересел на другую

¹ Жиганск — заштатный город Якутской области выше Булуна в 700 в. «Аграфена» в 50 в. выше Жиганска.

нарту, а оленей отправил с работником. Не успел работник отъехать ста сажень с места пересадки, как олень-вожак чего-то испугался, кинулся в сторону, налетел на льдину и разбился. В тот день на вечере булуницы говорили мне, что смерть шла к хозяину, но так как тот перешел на другую нарту, то олень и принял на себя смерть^{**}.

Булунец, приняв христианство, в душе остался язычником, как и его далекие предки. Агабиль^{***} (священник) — уважаемое лицо, но и шаман пользуется почетом. Душа булунца бродит в потемках. Предубеждения, суеверия, обычаи обуяли ее.

И трудно ждать в ближайшем времени просветления ее.

с. Булун

1916 г. Июль

А. В. Боголепов

4. Заключение

Историко-культурной особенностью Якутии рассматриваемого в статье периода начала XX в. было наличие среди сосланных по политическим статьям достаточно образованных людей, ориентированных на изучение окружающей их среды. Представители данной прослойки продолжили сложившиеся традиции научного, в том числе этнографического, обследования края, художественного и публицистического освещения нравов и повседневной жизни коренного населения. Впоследствии, за известными всей читающей публике «якутскими материалами», свет увидели воспоминания и записи других политических ссыльных, прежде всего представлявших социал-демократическое и позже большевистское крыло политических движений. Рукопись расстрелянного в 1937 г. бывшего эсера А. В. Боголепова до настоящего времени не входила в круг востребованных и опубликованных.

Между тем записки человека, бесспорно обладавшего способностями к академическим системным наблюдениям, о чем свидетельствует лестный отзыв из Императорской академии наук на его коллекцию флоры Булуна, заслуживают внимания и доверия как прямой источник для реконструкции зимней повседневности и социально-экономической истории. Всеобъемлющее

^{**} См. в газ. «Сибирская жизнь» за 1913 г. № 267 мою заметку: «По Ленге».

^{***} В слове «Агабиль» «г» надо читать как латинское или как в слове «Господи».

воздействие на человека холода в сочетании с сокращением светового дня наиболее заметно на примерах заполярных районов Якутии. Особое впечатление зимняя повседневность арктических и северных поселений производила на лиц, вынужденно оказавшихся на поселениях в отдаленных малых сообществах, где территориальная изолированность и замкнутость местных сообществ сильно ограничивала возможности коммуникаций и досуга.

Как видно из рукописи, специфика заполярной зимы воздействовала на психоэмоциональное здоровье человека, поражая его нервную систему, формируя локальные нервные заболевания. Известно негативное влияние длительной темной холодной зимы в целом на самочувствие и мировосприятие. Так, для литературоведов, вероятно, будет интересным сравнить стиль и тональность якутских записей А. В. Боголепова: в начале своего длительного путешествия на Север он публикует в газете крохотные путевые заметки. Они наполнены живым интересом, ярким художественным восприятием экзотических обычаев коренного населения края. Через три года записи тяготеют к более сдержанному, педантичному описанию быта окружающих людей.

Думается, что внимания специалистов заслуживают все подмеченные сюжеты повседневной жизни селения Булун. Они дают богатую пищу для размышлений и изысканий по многим гуманитарным направлениям: специфические черты населения, живущего на этнокультурном фронтире с его религиозным синкретизмом и окраинным прагматизмом; уникальная сохранность этнической архаики, присущая географическим изолятам; локальные вариации русских крестьянских традиций в переплетении с угнетающей убогостью времяпровождения в условиях заполярных зим. Архив документов XVIII столетия, хранящийся в ужасающей небрежности в Жиганской инородной управе, с которых А. В. Боголепов

сделал ряд копий; упоминания о сборе мамонтовых бивней на Севере Якутии, свидетельства о нелегальной торговле алкоголем среди аборигенного населения и механизмах грабительского бартера — текст привлекателен широтой освещаемых вопросов, созвучностью тем социальным и культурным проблемам, которые существовали в тот период и были обсуждаемы передовой общественностью.

Имена ее представителей, соприкоснувшихся с условиями жизни людей в якутской «тюрьме без решеток» — в краю всеобъемлющего холода, широко известны: это правозащитник и писатель В. Г. Короленко, врач-подвижник С. А. Мицкевич, в чьих публикациях обнаруживаются параллели с тематикой представляемой рукописи. Благодаря подобной созвучности и «перекличке» ее текст обогащает, углубляет научное знание о зимней повседневности в заполярных поселениях, подтверждает сложившиеся в рамках нашего проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» гипотезы о регулирующем повседневность характере естественных низких температур, о доминирующей роли холода в конструировании зимней (а в какой-то степени и летней) повседневности на Севере.

В целом наблюдения А. В. Боголепова за повседневной обыденностью обывателей поселения Булун интересны, помимо всего, как документ персонального восприятия холодовых реалий длительной зимы в высоких широтах. Созвучность текста достоверным свидетельствам из других источников, бесспорно, повышает ее репрезентативную ценность. Несомненно, как комплексное описание северного социума, рукопись А. В. Боголепова вдохновляет на дальнейшее глубокое междисциплинарное и историко-сравнительное исследование.

Полевые материалы авторов

- ПМА 2014: Инф. 1 — жен., эвенкийка, 1949 г. р. Экспедиция в Булунский улус (район) Республики Саха (Якутия), 2014 г.
ПМА 2019: Инф. 2 — жен., якутка (саха), 1954 г. р. Экспедиция в Усть-Алданский улус (район) Республики Саха (Якутия), 2019 г.

- ПМА 2019: Инф. 3 — муж., якут (саха), 1943 г. р. Экспедиция в Булунский улус (район) Республики Саха (Якутия), 2019 г.
ПМА 2023: Инф. 4 — муж., якут (саха), 1940 г. р. Экспедиция в Амгинский улус (район) Республики Саха (Якутия), 2023 г.

Authors' Field Data

- Informant 1: Ethnic Evenk (Ewenki), female, b. 1949. Expedition to Bulunsky District (Republic of Sakha (Yakutia), Russia), 2014. (In Russ.)
 Informant 2: Ethnic Yakut (Sakha), female, b. 1954. Expedition to Ust-Aldansky District (Republic of Sakha (Yakutia), Russia), 2019. (In Russ.)

Источники

- АРАН — Архив Российской академии наук.
 ГА АК — Государственный архив Алтайского края.
 ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.
 ГА КК — Государственный архив Красноярского края.
 НА РС (Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия).
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Литература

- 100 лет 1934 — 100 лет якутской ссылки: сборник якутского землячества. Б. м.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 394 с.
 Боголепов 1913 — *Боголепов А.* По Лене // Сибирская жизнь. 1913. № 267. С. 2.
 Булун 1891 — Булун. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 тт. Т. IVа: Бось-Бунчук. СПб.: Семеновская типо-лит. И. Ефрона, 1891. 486 с. [электронный ресурс] // Словари на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/17305/Булун (дата обращения: 25 октября 2023 г.).
 Бунге 1895 — *Бунге А. А.* Описание путешествия к устью р. Лены 1881–1884 гг. доктора А. Бунге // Труды Русской полярной станции на устье Лены. Ч. 1: Астрономические и магнитные наблюдения за 1882–1884 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. 361 с.
 Бычков 1899 — *Бычков А.* Очерки Якутской области с устья реки Лены: путевые заметки. Томск: Паровая Типо-лит. П. И. Макушина, 1899. 74 с.
 Виташевский 1911 — *Виташевский Н. А.* Из области первобытного психоневроза // Этнографическое обозрение. 1911. № 1–2. С. 180–228.
 Гурвич 1966 — *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.
 Дьяченко 2014 — *Дьяченко В. И.* Академические экспедиции на арктическое побережье Якутии в конце XIX – первой трети XX века и долганские коллекции в собраниях Кун-

- Informant 3: Ethnic Yakut (Sakha), male, b. 1943. Expedition to Bulunsky District (Republic of Sakha (Yakutia), Russia), 2019. (In Russ.)
 Informant 4: Ethnic Yakut (Sakha), male, b. 1940. Expedition to Amginsky District (Republic of Sakha (Yakutia), Russia), 2023. (In Russ.)

Sources

- Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow).
 Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.
 National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia).
 State Archive of Altai Krai.
 State Archive of Irkutsk Oblast.
 State Archive of Krasnoyarsk Krai.

- сткамеры // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 59. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 33–56.
 Зензинов 1916 — *Зензинов В. М.* Очерки торговли на севере Якутской области: С 20 рис. в тексте и геогр. картой. М.: Наука, 1916. 97 с.
 Короленко 1971 — *Короленко В. Г.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 1: Рассказы и очерки. М.: Правда, 1971. 508 с.
 Кулаковский 2002 — *Кулаковский А. Е.* Якутской интеллигенции. М.: Арт-Флекс, 2002. 328 с.
 Маак 1994 — *Маак Р. К.* Вилуйский округ. М.: Яна, 1994. 592 с.
 Мицкевич 1929 — *Мицкевич С. И.* Мэнэрик и эмирячение: Формы истерии в Колымском крае. Л.: АН СССР, 1929. [5], IV, 53 с.
 Петрова, Рычкова 2022 — *Петрова Н., Рычкова Н.* Страшный, таинственный, разный Новый год. От Чукотки до Карелии: старинные легенды, магические обряды, праздничные обычаи народов России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 256 с.
 Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: [б. и.], 1993. 713 с.
 Солженицын 2006 — *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования. Т. 3. Ч. V–VII. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 630 с.
 Трошанский 1902 — *Трошанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-лит. Казанского Имп. ун-та, 1902. 228 с.
 Худяков 1969 — *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа / под ред. В. Г. Базанова. Л.: Наука, 1969. 437 с.

References

- Bogolepov A. Down the Lena. *Sibirskaya zhizn'*. 1913. No. 267. P. 2. (In Russ.)
- Bulun. In: Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. In 86 vols. Vol. IVa: Босъ-Бунчукъ. St. Petersburg: I. Efron, 1891. 486 p. On: Academic (dictionaries and encyclopedias). Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/17305/Bulun (accessed: 25 October 2023). (In Russ.)
- Bunge A. A. Dr. A. Bunge's travel of 1881–1884 to the Lower Lena. In: Proceedings of the Russian Polar Station in the Lena Delta. Pt. 1: Astronomical and Magnetic Observations, 1882–1884. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1895. 361 p. (In Russ.)
- Bychkov A. Essays on Yakutsk Oblast from the Lower Lena: Travel Notes. Tomsk: P. Makushin, 1899. 74 p. (In Russ.)
- Dyachenko V. I. Academic expeditions to the Arctic seashore of Yakutia (1880s–1930s), and Dolgan Collections of the Kunstkamera. In: Prishchepova V. A. (ed.) Illustrative Collections of the Kunstkamera (Collected Works of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography 59). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2014. Pp. 33–56. (In Russ.)
- Gurvich I. S. Ethnic History of Northeastern Siberia. Moscow: Nauka, 1966. 269 p. (In Russ.)
- Khudyakov I. A. Verkhoyansky District: A Brief Description. V. Bazanov (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. 437 p. (In Russ.)
- Korolenko V. G. Collected Writings. In 6 vols. Vol. 1: Short Stories and Essays. Moscow: Pravda, 1971. 508 p. (In Russ.)
- Kulakovskiy A. E. To the Yakut Intelligentsia. Moscow: Art-Flex, 2002. 328 p. (In Russ.)
- Maack R. K. Vilyuysky District. Moscow: Yana, 1994. 592 p. (In Russ.)
- Mitskevich S. I. *Menerik and Emiryachenie*: Forms of Hysteria in Kolyma Krai. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1929. [5], IV, 53 p. (In Russ.)
- Petrova N., Rychkova N. The Weird, Mysterious, Various New Year. From Chukotka to Karelia: Olden Legends, Magic Rites, Feast Customs of Russia's Peoples. Moscow: MIF, 2022. 256 p. (In Russ.)
- Seroshevskiy V. L. Yakuts: An Ethnographic Study. Second edition. Moscow, 1993. 713 p. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago, 1918–1956: A Literary Study. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. Vol. 3. Pts. V–VII. 630 p. (In Russ.)
- The Centenary of the Yakut Exile. Collected papers. Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, 1934. 394 p. (In Russ.)
- Troshchanskij V. F. The Evolution of Black Faith (Shamanism) among Yakuts. Kazan: Imperial Kazan University, 1902. 228 p. (In Russ.)
- Vitashevskiy N. A. An example of primitive psychoneurosis. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1911. No. 1–2. Pp. 180–228. (In Russ.)
- Zenzinov V. M. Trade in the Northern Parts of Yakutsk Oblast: Essays. Moscow: Nauka, 1916. 97 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 213–223, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-213-223

Астрология как сакральное экологическое знание в тибетской буддийской традиции

Юлия Юрьевна Эрендженова¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5387-9731. E-mail: [yulia.er16\[at\]gmail.com](mailto:yulia.er16[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Эрендженова Ю. Ю., 2024

Аннотация. *Введение.* Выявление специфики ответа религиозных традиций на глобальные вызовы современности обуславливает актуальность осмысления астрологии как традиционного понимания устройства мира и влияния природных сил на человека в тибетском буддизме. *Целью* настоящей работы является оценка астрологии как формы сакрального знания в тибетской буддийской традиции в контексте понимания принципов экологии. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели применяется системный подход культурной антропологии, в соответствии с которым сакральные астрологические знания рассматриваются как неотъемлемый элемент тибетской буддийской традиции. Основными материалами исследования являются тибетский текст «Ясное изложение астрологической системы под названием „Белый берилл“» Дэси Сангье Гьяцо, а также труды современных тибетских астрологов. *Результаты.* Тибетская астрология возникла в ходе интеграции индийских, китайских и древнетибетских представлений о влиянии природных стихий на человеческую жизнь и является необходимым подспорьем в тибетской медицине. В основе этих представлений лежат эзотерические идеи буддийской тантры Калачакры, в которой показана взаимосвязь внешних природных циклов и внутренних энергетических циклов человека, а также объясняются методы восстановления их баланса. В пределах сферы влияния тибетской буддийской традиции сакральные астрологические знания пользуются широкой популярностью в культовых практиках и внерелигиозной деятельности. Астрологи составляют гороскопы и натальные карты, вычисляют благоприятные периоды для совершения ритуалов, лечебных практик, сбора урожая, проведения свадеб, похорон и т. д. Исходя из трех мотивов (обретение счастья в нынешней жизни, освобождение от сансарических страданий, просветление ради всеобщего благополучия) по системе ламрим, интенции буддистов по применению сакральных астрологических знаний могут быть связаны с решением проблемных ситуаций, самоидентификацией, пониманием других, восстановлением баланса внешних и внутренних циклов. Определено, что с учетом ориентации последователей тибетского буддизма на альтруизм и рационализм астрологию можно рассматривать как форму сакрального знания, обладающего ценностью для изучения принципов экологии. Восстановление баланса при взаимодействии природы и человека с помощью рационального применения астрологических знаний для достижения всеобщего блага обуславливает сакральное экологическое знание в тибетской буддийской традиции.

Ключевые слова: тибетская буддийская традиция, тибетская астрология, сакральное знание, экологическое знание, взаимодействие природы и человека

Благодарность: Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2023-121/2 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Для цитирования: Эрендженова Ю. Ю. Астрология как сакральное экологическое знание в тибетской буддийской традиции // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 213–223. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-213-223

Astrology as Sacred Ecological Knowledge in the Tibetan Buddhist Tradition

Yulia Yu. Erendzhenova¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

 0000-0001-5387-9731. E-mail: yulia.er16[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Erendzhenova Yu. Yu., 2024

Abstract. Introduction. The identification of specific responses generated by religious traditions to present-day global challenges actualizes the rethinking of astrology as a traditional understanding of the world structure and influence of natural forces on man in Tibetan Buddhism. **Goals.** The study attempts an evaluation of astrology as a form of sacred knowledge in the Tibetan Buddhist tradition from the perspective of understanding its principles of ecology. **Materials and methods.** To facilitate this, the work employs a systematic approach of cultural anthropology according to which sacred astrological knowledge is viewed as an integral element to the specified religious tradition. The paper focuses on *The White Beryl: A Treatise on [Tibetan] Astrology* by Desi Sangye Gyatso, as well as works by modern Tibetan astrologers. **Results.** Tibetan astrology arose from integrated Indian, Chinese and ancient Tibetan ideas about the influence of natural elements on human life, and is a required tool in Tibetan medicine. Those ideas are based on some esoteric premises of the Buddhist Kalachakra Tantra which articulates the relationship between external natural cycles and internal human energy ones, as well as suggests methods of restoring the latter's balance. In the Tibetan Buddhist tradition, sacred astrological knowledge is widely popular both in cult practices and non-religious activities. Astrologers draw prediction and natal charts, calculate favorable periods for rituals, healing practices, harvesting, weddings, funerals, etc. The three *Lamrim*-derived motives — to improve this lifetime, gain liberation from samsaric suffering, achieve enlightenment for the sake of universal well-being — may accordingly direct the intentions of Buddhists toward the use of sacred astrological knowledge to solve problematic situations, identify oneself, understand others, restore the balance of external and internal cycles. With due account of that followers of Tibetan Buddhism are basically oriented to altruism and rationalism, the paper presumes astrology can be considered a form of sacred knowledge instrumental in understanding (and implementing) principles of ecology. Restoration of balance in man-nature interaction through the rational use of astrological knowledge for the common good predetermines the sacredness of ecological knowledge in the Tibetan Buddhist tradition.

Keywords: Tibetan Buddhist tradition, Tibetan astrology, sacred knowledge, ecological knowledge, man-nature interaction

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. 075-03-2022-119/1 'Buddhism and Global Challenges of the Modern World'.

For citation: Erendzhenova Yu. Yu. Astrology as Sacred Ecological Knowledge in the Tibetan Buddhist Tradition. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 213–223. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-213-223

1. Введение

Глобальные вызовы современности явились причиной создания Организацией объединенных наций концепции устойчивого развития и долгосрочной программы по ее реализации [Повестка дня 2015]. Один из ведущих специалистов по глобалистике А. Н. Чумаков подчеркивает, что устойчивое развитие возможно только при условии соблюдения человеком границ предельно допустимой нагрузки на биосферу, что актуализирует необходимость изучения принципов экологии [Чумаков 2008: 11]. Поскольку религия, оставаясь неотъемлемой частью современного мира, влияет на мировоззрение многих людей, важным видится анализ особенностей экологических взглядов религиозных традиций, их представлений об устройстве мира и влиянии природных сил на человека.

В отношении тибетской буддийской традиции ее духовный лидер, Его Святейшество Далай-лама XIV объясняет, что буддийский взгляд на мир, включая принципы взаимодействия природы и человека излагается, с одной стороны, посредством идей пустоты и взаимозависимости, а с другой стороны, посредством астрологических знаний [His Holiness 2005: 46–93]. Если идеи пустоты и взаимозависимости всех объектов мира могут быть поняты в ходе логических рассуждений, то астрологию можно трактовать скорее как сакральное знание, требующее всестороннего изучения.

Астрология входит в перечень «пяти малых наук», традиционно изучаемых в тибетских буддийских монастырях наряду с философией, тантрой, медициной, метрикой, лексикографией и другими отраслями знания [Харькова 2009: 97]. С 1916 г. функционирует «Институт тибетской медицины и астрологии», играющий важную роль в тибетском обществе [Мен-Ци-Кханг]. Известно, что тибетская астрология получила широкое распространение как внутри буддийского мира, так и за его пределами.

Вследствие длительных историко-культурных связей российские буддисты заимствовали тибетскую астрологию в меньшей

степени, чем само буддийское учение и религиозные практики тибетцев. Полевые исследования показали содержание буддийских астрологических знаний у калмыков и их взаимосвязь с тибетской астрологией [Омакаева 1995: 38–120]. Переводы буддийских письменных памятников подтверждают влияние тибетской астрологической традиции на становление калмыцкой астрологии [Митруев 2019: 517; Мирзаева, Тувшинтугс 2020: 273]. Сборник калмыцкого зурхачи (калм. ‘астролог’), где имеются тибетские фрагменты, можно рассматривать как доказательство важной роли тибетской астрологии в культуре калмыков в советский период и в современности [Музраева 2020: 155–156].

Тибетская астрология остается актуальной также для бурят и тувинцев. Во времена советской антирелигиозной пропаганды бурятские священнослужители хранили тибетские тексты, которые регулярно использовали для астрологических расчетов [Базаров и др. 2017: 35–36].

В настоящее время буряты используют тибетский астрологический текст для проведения похоронных обрядов [Лощенков 2018]. Буддийские астрологические расчеты в соответствии с тибетской традицией используются и в погребальной обрядности тувинцев [Донгак 2019].

Тибетская астрология достаточно популярна и среди буддистов-неофитов. В России действует «Институт тибетской астрологии и медицины», созданный при поддержке тибетского иерарха Его Святейшества Менри Тризина Ринпоче, под руководством А. Хосмо. Данный институт осуществляет астрологические вычисления и параллельно реализует образовательные курсы по астрологии¹. Наряду с этим российское издательство «Ганга» опубликовало перевод книги тибетского астролога Лобсанга Доржи, в которой он делится секретами своей астрологической практики [Доржи 2017].

¹ Образовательный портал [электронный ресурс] // Институт тибетской астрологии и медицины (ИТАМ) // URL: <https://hosmo.ru/> (дата обращения: 03.08.2023).

Другой тибетский астролог Чжампа Келсанг способствовал повышению интереса к тибетской астрологии на Западе. В течение нескольких десятилетий он производит астрологические расчеты и читает лекции в американских академических учреждениях¹. О широкой заинтересованности тибетскими астрологическими знаниями на Западе свидетельствуют специализированные интернет-ресурсы с информацией по тибетской астрологии² и обучающими астрологическими курсами³.

Такая значимость тибетской астрологии обусловила интерес ученых к ее специфике и содержанию. Л. Г. Скородумова выявила принципы астрологических расчетов в буддийской тибето-монгольской традиции [Скородумова 1994]. Ф. Корну структурно изложил основы тибетской астрологии [Cornu 2002], А. Берзин выделил ее философский контекст [Berzin 1990].

В статье Н. В. Пупышевой дается характеристика системы «пяти великих элементов» — земли, воды, огня, воздуха, пространства, которые обосновывают тибетское летоисчисление и астрологические расчеты [Пупышева 2008]. Работа В. Л. Огудина, посвященная тибетской геомантии, содержит весьма интересные данные об особенностях астрологических вычислений в отношении природных объектов, значимых в культовой практике [Огудин 2020].

Имеющиеся благодаря этим исследованиям сведения дают возможность восполнить лакуны в осмыслении традиционного понимания устройства мира и влияния природных сил на человека в тибетском буддизме. С учетом обозначенной проблематики целью настоящей работы является оценка астрологии как формы сакрального знания в тибетской буддийской традиции.

¹ About Jhampa Kalsang [электронный ресурс] // Tibet Gift House // URL: <http://tibetanastroscience.com/index.php/about/> (дата обращения: 03.08.2023).

² Tibetan Astrology [электронный ресурс] // URL: <https://www.tibastro.be/> (дата обращения: 03.08.2023). *9-

³ Tibetan Astrology Immersion [электронный ресурс] // Sowa Rigpa. Online Education Platform for the Sowa Rigpa Institute. URL: <https://www.sowarigpaonline.org/courses/tibetan-astrology> (дата обращения: 03.08.2023).

2. Тибетская астрология в дискурсе культурной антропологии

Системный подход к исследованию традиционной культуры требует скрупулезного изучения всех ее элементов — обрядов, идей, образов, предметов материальной и явлений духовной жизни — в их тесной взаимосвязи с учетом самооценки представителей этой культуры [Жуковская 2002: 218]. Данная методология позволяет обратить внимание на такой элемент тибетской буддийской традиции как астрология, а также проанализировать ее значимость для тех, кто соизмеряет с ней свои представления об окружающем мире.

Целесообразность изучения астрологии как сакрального знания о взаимодействии человека и природы видится в связи с исследованием «Сокровенные знания Древней Руси» [Герасимова и др. 2015].

Для осмысления сущности сакральных тибетских астрологических знаний следует проанализировать источники, которые традиционно используются в качестве теоретического основания астрологических расчетов. Одним из таких базовых текстов является «Ясное изложение астрологической системы под названием „Белый берилл“», составленное Дэси Сангье Гьяцо (1653–1705) [De srid 1996; De srid 1997]. Вместе с тем важно принять во внимание взгляды тибетских астрологов, которые применяют астрологические знания на практике.

Обращение к познавательной ценности астрологических знаний может вызвать сомнения в научном сообществе, ведь общепринятым является позиционирование астрологии как лженауки. Один из основателей Комиссии по борьбе с лженаукой Российской академии наук, лауреат Нобелевской премии по физике, академик В. Л. Гинзбург высказал опасения по поводу увлечения астрологией, поскольку она противоречит научным знаниям и тем самым способна нанести существенный урон тем, кто верит в нее [Гинзбург 2008]. Не пытаясь оправдать астрологию и доказать ее эпистемологический статус, настоящее исследование направлено на ее осмысление как сакрального, т. е. вненаучного, знания и, соответственно, выявление оснований ее познавательной ценности, которыми руководствуются сами буддисты.

Для этого важно соотнести интенции последователей тибетского буддизма при использовании сакральных астрологических знаний с их сакральными идеалами. В этом ключе приемлемо опираться на популярную среди последователей тибетского буддизма разработку по типологизации личностей, изложенную в трактате Чжово Атиши (982–1054) «Светоч на пути к Пробуждению» и послужившую основой для системы ламрим (с тиб. ‘поэтапный путь’). Согласно тексту, люди условно разделяются на три типа: личности первого типа заинтересованы лишь в обретении счастья в нынешней жизни, личности второго типа руководствуются индивидуальным спасением от всех видов страданий, личности третьего типа из альтруистических побуждений стремятся достичь состояния Будды [Атиша 2007: 1410–1411].

Необходимо подчеркнуть, что применение данной типологии направлено на установление не истинного уровня духовности последователей тибетского буддизма, но лишь их вероятных интенций по отношению к феномену астрологии, исходя из их мотивов.

3. Сущность сакральных астрологических знаний в тибетской буддийской традиции

Астрология является важным элементом тибетской буддийской традиции, в основе которой лежат идеи и принципы махаяны, а медитативные техники взяты из тантрического буддизма (санскр. ваджраяна, мантраяна) [Философия буддизма 2011: 935–936]. Дэси Сангье Гьяцо объясняет, что тибетская астрология сформировалась в ходе синтеза индийской, китайской и древнетибетской астрологии. Смысловое содержание все же связано с индийской буддийской тантрой Калачакры. В данной тантре буддийская космология приводится как подтверждение взаимозависимости и взаимовлияния всех элементов бытия. Это означает, что внешние факторы в форме природных первоэлементов, сформировавшиеся вследствие кармы бесчисленного количества существ, в свою очередь, оказывают влияние на этих существ, их физическую форму и условия жизни [De srid 1996: 14–21].

Калачакра-тантра является эзотерическим учением о взаимосвязи внешних

природных циклов и внутренних энергетических циклов человека. Посредством тантрических медитативных практик адепты тибетского буддизма приобретают способность контролировать оба цикла и тем самым раскрыть свой внутренний потенциал, чтобы затем использовать его для спасения всех живых существ от страданий [Berzin 1990]. Такой настрой называется бодхичиттой, т. е. сознательным решением достичь состояния просветления ради всеобщего блага [Философия буддизма 2011: 166–167].

Во время обучения и работы тибетские астрологи стараются придерживаться предписанной альтруистической направленности. В интервью американскому журналу тибетский астролог Чжампа Келсанг признался, что считает астрологию методом избавления людей от страданий, физических и ментальных, и потому делится своими знаниями в американских университетах и институтах [Mason 2001: 360–361]. Астролог Церинг Такчо Друнгцо уверен, что тибетская астрология является превентивным средством от заболеваний и мировых катаклизмов [Drungtso 2002: IX]. Астролог Лобсанг Доржи рассказывает о том, что ежедневная астрологическая практика начинается с обещания использовать знания для помощи людям, а не для причинения вреда или личного обогащения [Доржи 2017: 63–65].

Основная задача тибетских астрологов заключается в подготовке матриц с информацией о положении небесных тел в течение дня, месяца или года для составления ежегодных календарей и индивидуальных гороскопов. В первую очередь эти вычисления требуются при определении благоприятных периодов для совершения ритуалов, в том числе возведения мандалы¹, очистительных практик и т. д. [Cornu 2002: 153–215].

Особым ответвлением астрологических знаний является тибетская геомантия, которая предполагает, что неживая природа способна оказывать серьезное воздействие на человека. Причина кроется в том, что камни, деревья или водные источники мо-

¹ Мандала — изображение, символическое значение которого многоуровнево. Согласно эзотерической трактовке, мандала — это изображение обители божества, культовый предмет используется преимущественно во время тантрических инициаций.

гут быть пристанищем божественных или демонических существ, и для мирного сосуществования с ними необходимо прибегать к астрологическим расчетам [De srid 1997: 144–173].

Предоставление о возможности астрологов с помощью вычислений характеризовать воздействие небесных сил на человека предопределило роль астрологии в качестве необходимого подспорья в тибетской медицине, также опирающейся на тантру Калачакры. Владея знаниями о соотношении пяти великих элементов и двенадцати зодиакальных домов в организме человека, врачи получают информацию для выбора лечебной тактики [Wallace 2008: 218–219].

Традиционно верующие обращаются к астрологам, чтобы получить информацию и в области нерелигиозной деятельности. К примеру, астрологические расчеты востребованы перед сбором урожая, переездом, свадьбой, похоронами. Астрологи также занимаются подбором подходящих имен для наречения новорожденных, составлением натальных карт с указанием личностных характеристик человека, его «совместимости» либо «несовместимости» с другими людьми, об удачных периодах для совершения определенных действий либо, наоборот, воздержания от них [Drungtso 2002: 101–138].

Интересно, что при изучении тибетских натальных гороскопов трех членов одной семьи Дж. Чайлдз и М. Уолтер нашли некоторые совпадения с реальными фактами из биографии этих людей [Childs, Walter 2000: 57–58]. Принимая во внимание вероятную случайность, следует признать, что такие совпадения могут быть одной из причин популярности астрологии среди последователей тибетского буддизма.

Таким образом, сущность тибетских астрологических знаний заключается в их непосредственной связи с эзотерическим учением Калачакра-тантры, что и позволяет считать их сакральными. В теоретическом плане тибетская астрология обосновывает взаимосвязь природных циклов и человеческих энергетических циклов, что формирует понимание природы и человеческого бытия как единого целого. На практике посредством астрологических расчетов буддисты получают сведения о времени и месте для совершения ритуалов, информацию о физиоло-

гических особенностях пациентов и проведении соответствующих лечебных процедур, характеристику личностных качеств, предсказания будущего, рекомендации по устранению нежелательных исходов событий.

Эти факты наводят на мысль о том, что при принятии ответственных решений приверженцы тибетской астрологии склонны больше полагаться на положение небесных тел, нежели на собственные желания и планы. Тогда следует заключить, что экологические представления буддистов ограничиваются необоснованной верой в могущество природных сил и необходимость подстраиваться под них.

В этом случае справедлив вывод Дж. Котика. Заметив противоречивость веры буддистов в детерминистические предпосылки астрологии и не найдя достаточно четкого ответа в китайских источниках, исследователь высказал идею о том, что буддийские монахи когда-то таким образом нашли себе профессию и потому оправдывали изучение астрологии [Kotyк 2018: 162]. Допустимо ли утверждать подобное по отношению к последователям тибетской астрологии? Какие существуют основания для того, чтобы тибетские сакральные астрологические знания обнаруживали свою познавательную ценность?

4. Основания ценности сакральных астрологических знаний для познания принципов экологии

В поисках ответов на поставленные вопросы необходимо обратить внимание на значение сакральных астрологических знаний для буддистов посредством типологии личностей по системе ламрим.

Первый тип личностей Чжово Атиша называется низшим, поскольку к нему относятся люди, которые заботятся только о собственном благополучии в сансаре [Атиша 2007: 1410]. Если человек с такой эгоистической мотивацией обращается к тибетской астрологии, то его интенции, скорее всего, связаны с поиском средств для решения вопросов на разных стадиях жизненного пути (наречение новорожденного, расчет подходящих дней для переезда, свадьбы, похорон, сбора урожая, выбора профессии и места работы и т. д.).

При этом натальные гороскопы и расчеты для ритуалов могут рассматриваться

им как инструменты для осмысления своей жизни, выбора наиболее комфортных условий жизни и работы, установления межличностных отношений в перспективе одной, нынешней, жизни. Вероятно, что сакральные астрологические знания как способ объяснения и решения экологических проблем останутся за пределами внимания такого человека.

В соответствии с системой ламрим личности второго, среднего, типа характеризуются как те, кто отказывается от сансарного счастья и воздерживается от недобродетели только ради собственного освобождения от страданий [Атиша 2007: 1411]. Данная мотивация склоняет человека к изучению и устранению причин сансарного существования, которое в буддизме детерминировано неведением. Из этого следует, что внимание личностей среднего типа, наверняка, направлено на собственное сознание и механизмы познания.

Можно предположить, что в этом случае астрология является одним из источников самоидентификации для обнаружения личностных качеств, которые способствуют либо препятствуют освобождению от сансары. Через астрологические расчеты люди со средним типом мотивации, возможно, решают жизненные проблемы, чтобы создать благоприятные условия для религиозной практики. Думается, что вопросы применения астрологических знаний для познания принципов экологии имеют для них сугубо прагматический характер для индивидуального освобождения от страданий.

Согласно Чжово Атише, к третьему, высшему, типу личностей следует отнести тех, кто намерен стать буддой, чтобы избавить от страданий других [Атиша 2007: 1410]. Подобных личностей в буддизме называют бодхисаттвами, т. е. теми, в чьем потоке сознания имеется бодхичитта. Следовательно, личность высшего типа должна подходить к применению сакральных астрологических знаний с позиции альтруизма. На основании расчетов и прогнозов, возможно, обеспечиваются благоприятные условия, способствующие интенсивной духовной практике и ускорению процесса просветления.

Как было сказано выше, в тибетской буддийской традиции бодхичитта имеет важнейшее значение, а потому поощряется именно мотивация высшей личности. Бла-

городная цель бодхисаттвы и способы ее достижения детально отражены в тибетском буддийском каноне. Один из канонических текстов «Святая махаянская сутра, называемая „Глава о секрете всех будд, искусных средствах, по просьбе бодхисаттвы Джняноттары“», посвящен обоснованию идеи упая-каушалы (санскр. ‘искусные средства’). Эта идея подразумевает отсутствие каких бы то ни было ограничений при выборе методов для распространения буддийского учения ради всеобщего блага [Thabs la mkhas pa 1980: 150].

Исходя из этого, допустимо рассматривать астрологию как своеобразное средство помощи с сотериологической коннотацией. Посредством понимания особенностей характера других людей личность высшего типа получает возможность выбрать подходящие «искусные средства» для их спасения. Предположим, что Далай-лама XIII (1876–1933) руководствовался такими соображениями, когда распорядился использовать астрологические вычисления в здравоохранении и воспитании подрастающего поколения [Van Vleet 2012: 366–371].

Из этого следует, что интенции личностей высшего типа по отношению к самим сакральным астрологическим знаниям в большей степени связаны с экологической составляющей. Альтруистическая мотивация и опора на тантру Калачакры побуждают к восстановлению баланса внешних природных циклов и внутренних энергетических циклов человека.

Важно отметить, что в тантрическом контексте бодхичитта понимается как скрытое «совершенство», присущее каждому существу [Философия буддизма 2011: 166–167]. Следовательно, любой человек имеет потенциал для просветления, а это подразумевает отрицание неизбежности преград для духовного развития, включая те, что могут иметь место в предписаниях астрологических гороскопов и прогнозов. Получается, придерживаясь тантрических воззрений и вменяя человеку полную ответственность за его существование, приверженцы тибетской буддийской традиции не должны принимать астрологические расчеты в качестве постулатов, им надлежит разумно объяснять и применять астрологию.

Это подтверждается тезисом И. С. Урбановой о том, что, в отличие от китайцев, ти-

бетцы выбрали стратегию преемственности «материнского» буддизма, т. е. восприняли рационалистическую традицию индийского монастыря Наланды [Урбанаева 2022: 28–29]. Имея в виду, что далеко не все последователи тибетского буддизма расположены к логической аргументации своей веры, необходимо все же признать, что рационализм в качестве познавательного идеала усиливает эпистемологическую ценность сакральных астрологических знаний.

5. Выводы

Тибетскую астрологию следует рассматривать как сакральное знание, в основе которого лежат эзотерические идеи буддий-

ской тантры Калачакры. С учетом ориентированности последователей тибетского буддизма на альтруизм и рационализм сакральные астрологические знания приобретают ценность для познания принципов экологии. Восстановление баланса внешних природных циклов и внутренних энергетических циклов человека с помощью рационального применения астрологических знаний для достижения всеобщего блага обуславливают сакральное экологическое знание в тибетском буддизме. Полученные результаты могут быть приняты во внимание при системном анализе тибетской буддийской традиции и ее ответа на глобальные вызовы современности.

Литература

- Атиша 2007 — *Атиша Чжово*. Светоч на пути к Пробуждению // Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути Пробуждения / пер. с тиб. А. Кугявичуса. 2-е изд. Т. 2. СПб.: Изд-е А. Терентьева (Нартанг), 2007. С. 1409–1420.
- Базаров и др. 2017 — *Базаров А. А., Доржиева Д. Л., Найданова С. М.* «Запазушные библиотеки» буддистов Забайкалья и культура малоформатных изданий: медицинские и астрологические трактаты // Библиосфера. 2017. № 2. С. 33–36. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-2-33-36
- Герасимова и др. 2015 — *Герасимова И. А., Мильков В. В., Симонов Р. А.* Сокровенные знания Древней Руси. М.: Кнорус, 2015. 680 с.
- Гинзбург 2008 — *Гинзбург В.* Астрология и лженаука [электронный ресурс] // Наука и жизнь. 2008. № 1. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/12665/> (дата обращения: 05.08.2023).
- Донгак 2019 — *Донгак С. Ч.* Буддийские аспекты погребального обряда у тувинцев // Ученые записки. Вып. XXV / отв. ред. Б. А. Донгак. Кызыл: Тип. МБОУ КЦО «Аныяк», 2019. С. 254–268.
- Доржи 2017 — *Доржи Л.* Основы тибетской астрологии: Секреты практики / пер. с англ. Т. Ульяновой. М.: Ганга, 2017. 336 с.
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Лощенков 2018 — *Лощенков А. В.* Бурятский астрологический источник по проведению похоронных обрядов // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2018. № 11–2. С. 170–186. DOI: 10.30792/2304-1838-2018-2-170-186
- Мен-Ци-Кханг — *Мен-Ци-Кханг*. Тибетская медицина и астрофизика [электронный ресурс] // Men-Tsee-Khang. Институт тибетской медицины и астрофизики. URL: <https://mentseekhang.org/> (дата обращения: 03.08.2023).
- Мирзаева, Тувшинтугс 2020 — *Мирзаева С. В., Тувшинтугс Б.* Модель буддийской космологии в «Сутре о восьми светоносных неба и земли» // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 2. С. 271–287. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-271-287
- Митруев 2019 — *Митруев Б. Л.* Об ойратской рукописи «Зерцало менге» из Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва // Монголоведение. 2019. Т. 18. № 3. С. 508–518. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-508-518
- Музраева 2020 — *Музраева Д. Н.* О текстах из астрологического сборника калмыцкого зурхачи (предварительные замечания) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 150–163. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-150-163
- Огудин 2020 — *Огудин В. Л.* Золотая черепаха. Мир тибетской геомантии (саче). М.: Ганга, 2020. 704 с.
- Омакаева 1995 — *Омакаева Э. У.* Хальмг зурха, мөргүл. Калмыцкая астрология. Молитвы. Элиста: АПП «Джангар», 1995. 176 с.
- Повестка дня 2015 — Повестка дня в области устойчивого развития [электронный ресурс] // Цели в области устойчивого развития. 2015. ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 01.08.2023).
- Пупышева 2008 — *Пупышева Н. В.* «Великие элементы» как знаковая система буддий-

- ской культуры // Религиоведение. 2008. № 4. С. 73–78.
- Скородумова 1994 — *Скородумова Л. Г.* Дзурхай: Буддийская астрология. Владивосток: Рубеж, 1994. 38 с.
- Урбанаева 2022 — *Урбанаева И. С.* Роль китайских и тибетских герменевтических стратегий в формировании дивергентных миров махаянского буддизма. Религиоведение. 2022. № 1. С. 25–34. DOI: 10.22250/20728662_2022_1_25
- Философия буддизма 2011 — Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011. 1045 с.
- Харькова 2009 — *Харькова Е. Ю.* Десять классических наук в тибетобуддийской культуре // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. № 3. С. 97–108.
- Чумаков 2008 — *Чумаков А. Н.* Глобализация и устойчивое развитие в системе экологического образования // Вестник экологического образования в России. 2008. № 3(49). С. 9–12.
- Berzin 1990 — *Berzin A.* Details of Tibetan astrology 1: philosophical context and horoscopes [электронный ресурс] // Study Buddhism by Berzin Archives. Based on lectures delivered at the Library of Medicine of the Ministry of Health of the U.S.S.R. (March 1990). URL: <https://studybuddhism.com/en/advanced-studies/history-culture/tibetan-astrology/details-of-tibetan-astrology-1-philosophical-context-and-horoscopes> (дата обращения: 12.08.2023).
- Childs, Walter 2000 — *Childs G., Walter M.* Tibetan natal horoscopes // Tibet Journal. 2000. Vol. 25(1). Pp. 51–62.
- Cornu 2002 — *Cornu Ph.* Tibetan Astrology. Boston & London: Shambala, 2002. 294 p.
- Drungtso 2002 — *Drungtso Ts. D.* Tibetan elemental astrology. Dharamsala: Drungtso Publ., 2002. 233 p.
- His Holiness 2005 — *His Holiness the Dalai Lama.* The universe in a single atom. The convergence of science and spirituality. New York: Morgan Road Books, 2005. 216 p.
- Kotyk 2018 — *Kotyk J.* Astrological determinism in Indian Buddhism // Journal of the International Association of Buddhist Studies. 2018. Vol. 41. Pp. 145–167. DOI: 10.2143/JIABS.41.0.3285741
- Mason 2001 — *Mason R.* Bringing Tibetan Medical Astrology to the West: An Interview with Jhampa Kalsang // Alternative and Complementary Therapies. 2001. Vol. 7(6). Pp. 360–365. DOI: 10.1089/10762800152709714
- Van Vleet 2012 — *Van Vleet S.* Children's Healthcare and Astrology in the Nurturing of a Central Tibetan Nation-State, 1916–24 // Asian Medicine. 2012. Vol. 6(2). Pp. 348–386. DOI: 10.1163/15734218-12341238
- Wallace 2008 — *Wallace V. A.* A Convergence of Medical and Astro-Sciences in Indian Tantric Buddhism: a Case of the Kālacakratantra // Astro-Medicine: astrology and medicine, East and West / ed. by A. Akasoy, Ch. Burnett, R. Yoeli-Tlalim. Florence: Sismel, 2008. Pp. 209–222.
- De srid 1996 — *De srid sangs rgyas rgya mtsho* (= Дэси Сангье Гьяцо). Phug lugs rtsis kyi legs bshad bai dūrya dkar po bzhugs so. Stod cha (= Ясное изложение астрологической системы под названием «Белый берилл». Том 1). Pe cin: Krung go'i bod kyi shes rig dpe bskrun khang (= Пекин: Китайское тибетологическое издательство), 1996. 472 p. [электронный ресурс] // Library (Buddhist Digital Archives, BUDA). Buddhist Digital Resource Center (BDRC). URL: <https://library.bdrc.io/show/bdr:W2CZ8040> (дата обращения: 07.08.2023).
- De srid 1997 — *De srid sangs rgyas rgya mtsho* (= Дэси Сангье Гьяцо). Phug lugs rtsis kyi legs bshad bai dūrya dkar po bzhugs so. Smad cha (= Ясное изложение астрологической системы под названием «Белый берилл». Том 2). Pe cin: Krung go'i bod kyi shes rig dpe bskrun khang (= Пекин: Китайское тибетологическое издательство), 1997. 545 p. [электронный ресурс] // Library (Buddhist Digital Archives, BUDA), Buddhist Digital Resource Center (BDRC). URL: <https://library.bdrc.io/show/bdr:W2CZ8040> (дата обращения: 07.08.2023).
- Thabs la mkhas pa 1980 — 'Phags pa sangs rgyas thams cad kyi gsang chen thabs la mkhas pa byang chub sems dpa' ye shes dam pas zhus pa'i le'u zhes bya ba theg pa chen po'i mdo (= Святая махаянская сутра, называемая «Глава о секрете всех будд, искусных средствах, по просьбе бодхисаттвы Джняноттары»). bKa' 'gyur (stog pho brang bris ma) (= Кагьюр (манускрипты из дворца Тог). Leh: Smanrtsis Shesrig Dpemzod (= Лех: Библиотека Менци Щериг), 1980. 148–265 p. [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: https://library.bdrc.io/show/bdr:MW22083_0011_38 (дата обращения: 07.08.2023).

References

- Atisha Jowo. Lamp for the Path to Enlightenment. In: Tsongkhapa Je. The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment. A. Kugyavichus (transl.). Second edition. Vol. 2. St. Petersburg: A. Terentyev (Narthang), 2007. Pp. 1409–1420. (In Russ.)
- Bazarov A. A., Dorzhieva D. L., Naidanova S. M. «Pocket libraries» of Transbaikalian Buddhists and culture of small-format publications: Medical and astrological treatises. *Bibliosphere*. 2017. No. 2. Pp. 33–36. (In Russ.) DOI: 10.20913/1815-3186-2017-2-33-36
- Berzin A. Details of Tibetan astrology 1: Philosophical context and horoscopes. On: Study Buddhism by Berzin Archives. Based on lectures delivered at the Library of Medicine of the Ministry of Health of the U.S.S.R. (March 1990). Available at: <https://studybuddhism.com/en/advanced-studies/history-culture/tibetan-astrology/details-of-tibetan-astrology-1-philosophical-context-and-horoscopes> (accessed: 12 August 2023). (In Eng.)
- Childs G., Walter M. Tibetan natal horoscopes. *Tibet Journal*. 2000. Vol. 25. No. 1. Pp. 51–62. (In Eng.)
- Chumakov A. N. Globalization and sustainable development of the ecological education system. *Vestnik ekologicheskogo obrazovaniya v Rossii*. 2008. No. 3(49). Pp. 9–12. (In Russ.)
- Cornu Ph. Tibetan Astrology. Boston, London: Shambhala, 2002. 294 p. (In Eng.)
- Dongak S. Ch. Buddhist aspects of the Tuvan burial rite. In: Dongak B. A. (ed.) Scholarly Notes. Vol. XXV. Kyzyl: Anyiak, 2019. Pp. 254–268. (In Russ.)
- Dorje L. Fundamentals of Tibetan Astrology: Secrets of Practice. T. Ulyanova (transl.). Moscow: Ganga, 2017. 336 p. (In Russ.)
- Drungtso Ts. D. Tibetan Elemental Astrology. Dharamsala: Drungtso Publ., 2002. 233 p. (In Eng.)
- Gerasimova I. A., Milkov V. V., Simonov R. A. The Secret Knowledge of Old Rus'. Moscow: Knorus, 2015. 680 p. (In Russ.)
- Ginzburg V. Astrology and pseudoscience. *Nauka i zhizn'*. 2008. No. 1. Available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/12665/> (accessed: 5 August 2023). (In Russ.)
- Kharkova E. Yu. Ten classical fields of knowledge in Tibetan Buddhist culture. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2009. Vol. 10. No. 3. Pp. 97–108. (In Russ.)
- Kotyk J. Astrological determinism in Indian Buddhism. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 2018. Vol. 41. Pp. 145–167. (In Eng.) DOI: 10.2143/JIABS.41.0.3285741
- Loshchenkov A. V. Buryat astrological text for conduction funeral rites. *Culture of Central Asia: Written Sources*. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 170–186. (In Russ.) DOI: 10.30792/2304-1838-2018-2-170-186
- Mason R. Bringing Tibetan medical astrology to the West: An interview with Jhampa Kalsang. *Alternative and Complementary Therapies*. 2001. Vol. 7. No. 6. Pp. 360–365. (In Eng.) DOI: 10.1089/10762800152709714
- Men-Tsee-Khang. Tibetan medicine and astrophysics. On: Men-Tsee-Khang. Tibetan Medical and Astrological Institute (website). Available at: <https://mentseekhang.org/> (accessed: 3 August 2023). (In Eng.)
- Mirzaeva S. V., Tuvshintugs B. The Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth: A Buddhist cosmological model revisited. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 271–287. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-271-287
- Mitruiev B. L. 'The Mirror of Menge': One Oirat manuscript from the Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic revisited. *Mongolian Studies*. 2019. Vol. 11. No. 3. Pp. 508–518. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-508-518
- Muzraeva D. N. Texts from one Kalmyk astrological collection revisited: Preliminary notes. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 150–163. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-150-163
- Ogudin V. L. The Golden Turtle: Tibetan Geomancy (Sache / sa dpyad). Moscow: Ganga, 2020. 704 p. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Kalmyk Astrological Tables. Prayer Texts. Elista: Dzhanger, 1995. 176 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pupysheva N. V. «Great elements» as the sign system of the Buddhist culture. *Religious Studies*. 2008. No. 4. Pp. 73–78. (In Russ.)
- Sangye Gyatso (Desi). The White Beryl: A Treatise on [Tibetan] Astrology. Vol. 1. Beijing: China Tibetology Publishing House, 1996. 472 p. On: Buddhist Digital Resource Center (BDRC). Library (Buddhist Digital Archives, BUDA). Available at: <https://library.bdrc.io/show/bdr:W2CZ8040> (accessed: 7 August 2023). (In Tib.)
- Sangye Gyatso (Desi). The White Beryl: A Treatise on [Tibetan] Astrology. Vol. 2. Beijing: China Tibetology Publishing House, 1996, 1997. 545 p. On: Buddhist Digital Resource Center (BDRC). Library (Buddhist Digital Archives, BUDA). Available at: <https://library.bdrc.io/show/bdr:W2CZ8040> (accessed: 7 August 2023). (In Tib.)

- Skorodumova L. G. Dzurkhai: Buddhist Astrology. Vladivostok: Rubezh, 1994. 38 p. (In Russ.)
- Stepanyants M. T. (ed.) The Philosophy of Buddhism: An Encyclopedia. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 1045 p. (In Russ.)
- Tenzin Gyatso (Fourteenth Dalai Lama). The Universe in a Single Atom: The Convergence of Science and Spirituality. New York: Morgan Road Books, 2005. 216 p. (In Eng.)
- The Noble Mahayana Sutra Entitled 'The Chapter of the Great Secret of All Buddhas, Skillful Means, on Request of Bodhisattva Jnanottara'. In: The Kangyur (Manuscripts from Tog Palace) Leh: Smanrtsis Shesrig Dpemdod, 1980. Pp. 148–265. On: Buddhist Digital Resource Center (BDRC). Available at: https://library.bdrc.io/show/bdr:MW22083_0011_38 (accessed: 7 August 2023). (In Tib.)
- The Sustainable Development Agenda. On: United Nations (website). Sustainable Development Goals. 2015. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (accessed: 1 August 2023). (In Russ.)
- Urbanaeva I. S. The role of Chinese and Tibetan hermeneutic strategies in the “constructing” of the divergent worlds of Mahayana Buddhism. *Religious Studies*. 2022. No. 1. Pp. 25–34. (In Russ.) DOI: 10.22250/20728662_2022_1_25
- Vleet van S. Children’s healthcare and astrology in the nurturing of a Central Tibetan nation-state, 1916–24. *Asian Medicine*. 2012. Vol. 6. No. 2. Pp. 348–386. (In Eng.) DOI: 10.1163/15734218-12341238
- Wallace V. A. A convergence of medical and astro-sciences in Indian Tantric Buddhism: A case of the Kālacakratantra. In: Akasoy A., Burnett Ch., Yoeli-Tlalim R. (eds.) *Astro-Medicine: Astrology and Medicine, East and West*. Florence: Sismel, 2008. Pp. 209–222. (In Eng.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 1, Pp. 224–235, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.33

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-224-235

Монгольская лексика сферы просвещения, образования и науки

Анна Владимировна Мазарчук¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков пер., 199004 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Мазарчук А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье описана семантика и этимология некоторых базовых терминов культурной лексики монгольского языка, относящихся к сфере образования, науки и просвещения. *Цели и задачи* исследования: на примере некоторых слов показать особенности механизма сложения описываемого пласта лексики. *Материалы и методы.* Материал был извлечен из монгольско-русских и монгольских толковых словарей методом сплошной выборки. Далее происходила сверка извлеченной лексики со словарными статьями этимологических словарей монгольских и тюркских языков, а также двусторонних словарей санскрита, китайского и тибетского языков. *Результаты.* Следующие слова были заимствованы в монгольский из уйгурского языка: *шавь* ‘ученик, последователь’ пришло в уйгурский язык из санскрита через китайский, *багш* ‘учитель’ и *бичиг* ‘письмо, сочинение’ — в уйгурский из китайского, *ном* ‘книга’ — в уйгурский из греческого через согдийский. Корни *письм.-монг. bol-* ‘становиться, происходить’ в *боловсрол* ‘образование’ и *письм.-монг. ица-* ‘понимать, осознавать, постигать’ / *тюрк. иц-* ‘ид.’ в *ухаан* ‘разум’ — общие для тюркских и монгольских языков. Соответствия корню *письм.-монг. еге-* ‘мужчина’ (из *erdemten* ‘ученый’) встречаются не только в тюркских, но и в тунгусо-маньчжурских языках, что позволяет говорить о его общеалтайской природе, однако само слово *erdemten*, по-видимому, появилось как калька др.-тюрк. *erdämlic* ‘добродетельный’. Похожим образом общеалтайский корень *o:j- ~ *oj- ‘разум’ присутствует в монг. *оюутан*, хотя само слово стало обретать семантику, похожую на «студент», когда стало употребляться в качестве кальки кит. 秀才 *xiùcai* (офиц. 生員 *shēngyuán*) ‘обладатель первой из трех ученых степеней’. Корень *письм.-монг. суг-* ‘учиться’, слова монг. *зүй* ‘теория, учение’ и *судлал* ‘изучение, научная дисциплина’ — общемонгольские. *Выводы.* Большинство рассмотренных базовых понятий семантической группы «Просвещение, образование, наука» попали в монгольский язык из уйгурского языка изначально как религиозная лексика, причем изначальный источник слова мог быть в китайском языке, санскрите или даже греческом. Часть лексики появилась в результате калькирования уйгурских или китайских слов. Исконно монгольскими оказались термины, произошедшие от монгольского корня *суг-*, термины монг. *зүй* и *судлал* ‘учение’ в составе названий наук.

Ключевые слова: культурная лексика, лексика образования, науки и просвещения, монгольский язык, тюркские языки, китайский язык, санскрит, тибетский язык, этимология, семантика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках проекта «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные про-

цессы в диахронии и синхронии» (№ 23-18-00659, <https://rscf.ru/project/23-18-00659/>).

Для цитирования: Мазарчук А. В. Монгольская лексика сферы просвещения, образования и науки // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 224–235. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-224-235

Mongolian Education and Science Vocabulary

Anna V. Mazarchuk¹

¹ Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Lane, St. Petersburg 199053, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Mazarchuk A. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The article deals with semantics and etymology of several basic terms of Mongolian culture vocabulary relating to education and science. *Goals.* The study shall primarily describe how the lexical layer in question was formed, and trace the sources of such borrowings. *Materials and methods.* The materials were collected from Mongolian-Russian and Mongolian explanatory dictionaries via continuous sampling. The identified lexemes were checked against corresponding entries to Mongolic / Turkic etymological dictionaries and bilingual dictionaries of Sanskrit, Chinese, and Tibetan. *Results.* Some of the analyzed words happen to have been borrowed into Mongolian from Uighur, but Uighur was not the ultimate source of the lexemes: Mong. *шавь* ‘disciple, pupil’ < Uig. *šabi* had come to Uighur from Sanskrit via Chinese; Mong. *багш* ‘teacher’ < Uig. *baqši* and Mong. *бичиг* ‘writings’ < Uig. *bitig* are originally Chinese; Mong. *ном* ‘book’ < Uig. *nom* had come to Uighur from Greek via Sogdian. Some other words, such as Mong. *боловсрол* ‘education’, *эрдэмтэн* ‘scientist’, *ухаан* ‘intelligence’ (in *шинжлэх ухаан* ‘science’), *оюутан* ‘student’ — have common Turko-Mongolic (*bol-* ‘become’, *уqa-* ‘comprehend’) or even common Altaic (*ere-* ‘male’, *оуи-* ‘mind’) stems, but their new semantics referring to various phenomena of education and science appeared comparatively recently, to a large extent, as a result of attempts to find new words for the notions introduced by Chinese culture and Uighur Buddhism. The words *зүй* and *судлал*, as well as derivatives from the stem *sur-* belong to common Mongolic lexis. *Conclusions.* Most of the analyzed words were borrowed into Mongolian from Uighur as part of religious vocabulary. Some of these terms originally derive from Chinese, Sanskrit or even Greek. Indigenous Mongolic lexemes are derivatives from *sur-* ‘to study’, and the terms *зүй* ‘theory’ and *судлал* ‘study’ that are used as parts of science names.

Keywords: culture vocabulary, education and science vocabulary, Mongolian, Turkic languages, Chinese, Sanskrit, Tibetan, etymology, semantics

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00659 ‘Turco-Mongolic world of Inner Asia: linguistic, historical, ethno-cultural processes in diachrony and synchrony’. Available at: <https://rscf.ru/en/project/23-18-00659/> (Institute for Linguistic Studies RAS).

For citation: Mazarchuk A. V. Mongolian Education and Science Vocabulary. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 224–235. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-224-235

1. Введение

Этимологический анализ различных пластов лексики языка — необходимая стадия работы при исследовании языковых и культурных контактов народа. В случае с

монгольским языком это также один из тех шагов, без которых не удастся приблизиться к аргументированному вердикту по поводу так называемого «алтайского вопроса».

Культурная лексика в целом и та, что

используется в сфере образования, науки и просвещения, в частности, служит ключом к пониманию основ духовной жизни носителей языка.

Своей задачей мы видим этимологический анализ некоторых ключевых понятий, связанных с просвещением, наукой и образованием, для того, чтобы понять, являются ли они исконными для монгольского языка и культуры или были заимствованы, и если будут иметь место заимствования, то влияние какого языка и / или какой культуры можно проследить в каждом конкретном случае.

2. Материалы и методы

Материал исследования — слова современного монгольского языка по теме «Просвещение, образование, наука» — был извлечен из монгольско-русских [БАМРС, 1 2001; БАМРС, 2 2001; БАМРС, 3 2001; БАМРС, 4 2002; Ковалевский 1844; Ковалевский 1846; Голстунский 1894; Голстунский 1895] и монгольского толкового словаря [МХТТ 2011] методом сплошной выборки. Далее происходила сверка извлеченной лексики со словарными статьями этимологических словарей монгольских [ЭСМЯ 2015; ЭСМЯ 2018] и тюркских языков [ЭСТЯ 1974; ЭСТЯ 1978; ЭСТЯ 2003], а также двусторонних словарей санскрита [LS 2005], китайского [БКРС], древнетюркского [ДТС 1969], тибетского [ТТТ 2019] и, по необходимости, других языков.

3. Этимологический анализ базовых лексем исследуемой семантической группы

3.1. Обзор литературы

Термины, обозначающие предметы материальной культуры монгольских народов, попадают в фокус внимания представителей науки гораздо более часто, чем слова, связанные с духовной культурой монголов и родственных им этносов. Одним из последних трудов, обобщающих сведения о лексике материальной культуры монголов, бурят и калмыков, стала монография «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков): сравнительно-исторический аспект» [Рассадин и др. 2019]. В этой книге можно найти ссылки и на множество других работ по данной теме.

Анализу различных терминов духовной культуры монгольских народов посвящено не так много литературы. Стоит назвать статью В. И. Рассадина и др. «Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках» [Рассадин и др. 2018], где коллектив авторов анализирует этимологию различных цветообозначений, названий музыкальных инструментов, титулов шаманов и некоторых буддийских терминов. Довольно весомый вклад в изучение данной темы также внесла Д. Д. Дондокова, издав монографию «Лексика духовной культуры бурят» [Дондокова 2003], посвященную описанию бурятских терминов, которые используются в следующих сферах: метрология, астрономия, народный календарь, орнаментика, музыка, обозначение фольклорных жанров, шаманизм, буддизм.

Научная терминология, относящаяся к астрономии, описана в статье «Астрономическая терминология монгольских языков: материалы к этимологическому словарю» [Куканова и др. 2020], а также в статье «Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика» [Дыбо и др. 2022].

3.2. Багш

Не будет преувеличением сказать, что одним из фундаментальных концептов монгольской духовной культуры стала фигура учителя: письм.-монг. *baγši*, халх., калм. *багш*, бур. *багша*. Монголы всегда очень высоко почитали своих наставников — как светских, так и религиозных. В современном монгольском языке слово *багш* может обозначать и школьного учителя (*дунд сургуулийн багш* ‘учитель средней школы’), и университетского лектора (*их сургуулийн багш*), и ламу-наставника, имеющего учеников (*лам багш*), и Далай-ламу (*Далай багш*, *Далай лам багш*), и даже Будду (*Бурхан багш*). Согласно этимологии, приведенной Х. Нугтереном, это слово восходит к кит. 博士 (чтение в позднесреднекитайском — *pak shṛ*, в современном китайском — *bó shì*) ‘учитель, ученый’ и не имеет связи с санскр. *bhikṣu* ‘нищенствующий монах, просящий подаяние’¹ [Nugteren 2020: 142].

Противоположной точки зрения придерживались некоторые исследователи XX в., например [Баскаков 1979: 31]. Наряду с главным аргументом против того, что

¹ Транслитерация и перевод по: [Андросов 2011: 168].

кит. 博士 связано с санскр. *bhikṣu*, а именно: отсутствием регулярных фонетических соответствий, свойственных для такого рода заимствований, косвенным подтверждением отсутствия связи между письм.-монг. *baγši* и кит. 博士, с одной стороны, и санскр. *bhikṣu*, — с другой, может послужить тот факт, что в китайском языке также есть отдельное слово 比丘 *bīqīū* ‘бхикшу, бонза, буддийский монах, принявший полные монашеские обеты’ [БКРС], используемое непосредственно для обозначения монашеской степени (соответствует тиб. *dge slong* [Андросов 2011: 168]). Из позднесреднекитайского языка слово 博士 *pak shī* перешло в уйгурский язык в виде *baqši* [ДТС 1969: 82], а оттуда — в другие тюркские языки и в монгольский язык [БСЭ 1969; Nugteren 2020: 142; Ölmez 2018: 4].

В письменномонгольском языке *baγši* стало обозначать человека, умеющего писать уйгурским письмом, поэтому в эпоху Чингис-хана и до XV в. так назывались канцелярские писцы [БСЭ 1969].

В древнетюркском языке слово *baqši* имело значение ‘учитель, наставник’, а также входило в парное слово *otači* *baqši* ‘лекарь’ [ДТС 1969: 82].

В современных тюркских языках слова, восходящие к кит. 博士, обрели следующие значения: уйг. син. *boshi*¹ ‘доктор наук’ [Рахимов 1970: 49], кирг. *бакишы* ‘шаман, знахарь, лечащий болезни якобы изгнанием духов’ [КРС 1985: 101], каз. *бақсы* ‘гадалка, знахарь, шаман’ [Бектаев 1995: 85], уйг. *бахши* ‘шаман, знахарь; самодур’ [УРС 1961: 30], узб. *бахши* ‘сказитель, народный певец; лекарь-заклинатель; в Бухарском ханстве: чиновник, ведущий учет средств, выделенных на строительство’ [ТСУЯ 2006: 180], туркм. *багшы* ‘певец, сказитель’ [ТРС 1968: 64], каракалп. *бақсы* ‘народный певец (исполнитель дастанов под аккомпанемент дутара)’ [КарПС 1958: 80].

3.3. Шавь, сурагч, оюутан

В монгольском языке сосуществуют частичные синонимы, обозначающие тех, кто получает знания разного рода от их хранителей: письм.-монг. *šabi* ‘ученик, последователь, послушник’, *surayči* ‘учащийся’ и *oyutan* ‘студент’. Письм.-монг. *šabi* ‘ученик, последователь, послушник’, в отличие от

¹ Транслитерация арабской графики и перевод по: [Рахимов 1970: 49].

письм.-монг. *baγši*, действительно, имеет санскритское происхождение; слово восходит к санскр. *śrāmaṇa* ‘послушник’. Санскритское слово попало в китайский язык, обрело фонетический облик 沙彌 *shāmí*, далее перешло в уйгурский в форме *šabi*, а затем — в монгольский язык — письм.-монг. *šabi* [Nugteren 2020: 141]. С XVI в. это слово (чаще в форме множественного числа — письм.-монг. *šabi nar* > рус. *шабинары*) стало обозначать слой монгольских аратов, обслуживавших высших лам [Кузьмин 2018: 25–26; Скрынникова 1981: 153–157].

В современном монгольском языке слово *шавь* может употребляться как в религиозном значении «послушник, ученик ламы», так и в светском смысле: «ученик, последователь» [БАМРС 2002: 330]. Считается хорошим тоном, говоря о себе как об ученике какого-то школьного или университетского преподавателя или культурного деятеля, называть себя словом *шавь*, а не *сурагч* ‘учащийся, школьник’ или *оюутан* ‘студент’.

Термин письм.-монг. *surayči*, монг. *сурагч* ‘учащийся’ (а также аналогичный по значению термин *суралцагч*, отличающийся от *сурагч* наличием аффикса совместного залога в основе, из-за чего в его значении появляется идея совместного обучения с другими учащимися) образован от общемонгольского корня *sur-* ‘учиться’, который имеется и в других монгольских терминах семантической группы «Образование, наука, просвещение». Часть из них образована от каузативной основы *surγa-* ‘обучать’:

— письм.-монг. *surγayulī* ‘учение, наставление, преподавание наук; школа, училище, учебное заведение’ (> монг. *сургууль* ‘1) школа, училище, учебное заведение; 2) учеба, занятие, обучение’ – монг. *бага сургууль* ‘начальная школа’, *дунд сургууль* ‘средняя школа’, *их сургууль* ‘университет’, *дээд сургууль* ‘институт (учебное заведение — в отличие от *хүрээлэн* ‘научный институт’)) [БАМРС, 3 2001: 133; БАМРС, 4 2002: 193–194];

— письм.-монг. *surγal* ‘учение, преподавание, наставление’ > монг. *сургаал* ‘1) учение; доктрина; система; заповедь; 2) поучение, наставление, назидание’ [БАМРС, 3 2001: 132]. В монгольской культуре важное место занимают так называемые «поучения Чингис-хана» (например, *Boγda Činggis qayan-u degüü-ner köbegüd-tür surγal orusiba* или *Suutu boγda Činggis-qayan-u altan surγal*

orosibai) — изречения Чингис-хана, написанные, как считают исследователи, в разное время и различными авторами [Герасимович 2006: 50]. В период социализма получили распространение наставления идеологов коммунизма — монг. *Лениний сургаал* ‘учение Ленина, ленинизм’ [МХТТ 2011: 658], *Марксын сургаал* ‘учение Маркса, марксизм’ [БАМРС, 3 2001: 132]. В современной монгольской научной терминологии элемент *сургаал* участвует в образовании терминов, обозначающих направления научной мысли: *авиалбарын тухай сургаал* ‘учение о фонеме’ [БАМРС, 1 2001: 26], *атом молекулын сургаал* ‘атомно-молекулярное учение’ [БАМРС, 1 2001: 174], *ганц анхдагчийн сургаал* ‘монизм’ (букв. ‘учение о едином начале’. — А. М.) [БАМРС, 1 2001: 379], *ганцагчны сургаал* ‘монадология’ (букв. ‘учение о монадах’. — А. М.) [БАМРС, 1 2001: 385], *гоозуйн сургаал* ‘эстетизм’ [БАМРС, 1 2001: 436], *ертөнцийн үүслийн сургаал* ‘космогония’ (букв. ‘учение о происхождении Вселенной’. — А. М.) [БАМРС, 3 2001: 132]. Элемент *сургаал* также присутствует в названиях религиозных учений: *шашины сургаал* ‘вероучение’, *шашины эсрэг сургаал* ‘антирелигиозное учение’ [БАМРС, 3 2001: 347], *бурхны сургаал* ‘буддийское учение’ [БАМРС, 3 2001: 326], *библейн сургаал* ‘библейская заповедь’. Последователи различных учений обозначаются термином *сургаалтан* (*сургаал* + аффикс обладателя -*тан*) [БАМРС, 3 2001: 132];

— монг. *сургалт* ‘обучение’: *ганцаарчилсан сургалт* ‘индивидуальное обучение’, *хэлний сургалт* ‘обучение иностранному языку’, *үйлдвэрлэлийн сургалт* ‘производственное обучение’, *сургалтын төв* ‘центр обучения, образовательный центр’ [БАМРС, 3 2001: 132];

— монг. *сургамж* ‘поучение, наставление, назидание, урок’: *гацуун сургамж* ‘горький урок’ > *сургамжлал* ‘наставление’ (имя действия); *сургамжтай* ‘поучительный’ [БАМРС, 3 2001: 133].

Непосредственно от корня письм.-монг. *sur-* ‘учиться’ образованы существительные *сурлага* ‘учеба’, *суртал* ‘идеология’, *сури* ‘успеваемость’ [БАМРС, 3 2001: 134]. Причастие настоящего-будущего времени *сурах* вместе со словом *бичиг* ‘письмо’ (< уйг. *bitig* ‘письмо’ < уйг. *biti-* ‘писать’ < кит. 筆 *pīr* < *pjet* ‘кисть для письма’ [ДТС 1969: 103;

Nugteren 2011: 282]) образуют существительное *сурах бичиг* ‘учебник’ [БАМРС, 3 2001: 131].

Понятие более широкое, чем «учебник», — книга (письм.-монг. *ном*) — пришло в монгольский язык из греческого. В отличие от других грецизмов, попавших в монгольский через русский и другие европейские языки за последние 200 лет, слово письм.-монг. *ном* — очень раннее заимствование. Греческое слово νόμος ‘обычай, нрав, порядок, закон’ попало в лексикон тюркских и монгольских народов от уйгуров-буддистов, которые заимствовали это слово из согдийских буддийских текстов (согд. *nwm*) [ДТС 1969: 360; Дугаров 2017: 84].

Слово письм.-монг. *ном* имело много значений: ‘книга (религиозная)’, ‘учение (религиозное)’, ‘религия’, ‘долг, обязанность’, ‘предмет видимый и невидимый’, ‘свойство’, ‘добродетель’, ‘закон (религиозный, нравственный)’ (дхарма. — А. М.), ‘сокровенность’, ‘отвлечение’ [Ковалевский 1846: 685]. В современном языке добавились значения ‘учеба, грамота’ и многие другие контекстуальные синонимы.

Слово письм.-монг. *оуутан* (монг. *оюутан* ‘студент’) появилось задолго до основания первого монгольского университета¹. Считается, что основа письм.-монг. *оуи(н)* — монгольская, имеет тождественную параллель в тюркских, и, возможно, производные в тунгусо-маньчжурских языках. Основываясь на общности корня *ой-*, исследователи-алтаисты строят схему генетической связи этих языков [ЭСТЯ 1974: 429]. Монгольское слово в написании *оуи:тан* и *оуу:тан* зафиксировано в уйгурографичных памятниках XIII–XVI вв. «12 деяний Будды», «Восхваление Тары», «Субхаширатнанидхи» и «[Как] правильно славить великое имя Святого Манджушри»² [Tumurtogoo 2006: 502]. В этих религиозных сочинениях и переводах *оуу:тан* — это обладатели разума (*оуу:* ‘разум’ + аффикс обладателя -*тан*), причем их разум может обладать различными характеристиками, в том числе и быть «плохим»: *мауи:и оуи:тан* ‘неразумные’ (букв. ‘обладатели плохого разума’) [Tumurtogoo 2006: 117]. Значение, прибли-

¹ Монгольский государственный университет («МУИС») — старейший университет Монголии — открылся в 1942 г.

² «Qutuγtu Manjusri-yi:n Yeke Nere Üneker Ögülekü».

жающееся к понятию «студент», у письм.-монг. *oyutan*, по-видимому, стало появляться в тот момент, когда монголы столкнулись с китайской бюрократией и ее системой государственных экзаменов для потенциальных чиновников. В словарях XIX в. (К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского) указаны китайские эквиваленты монгольского *oyutan* — шэн-юань [Голстунский 1895: 193] и сю-цай [Ковалевский 1844: 423]. Фактически, 秀才 *xìucai* — это разговорный вариант названия 生員 *shēngyuán*, которое обозначает обладателей первой из трех ученых степеней в китайской системе государственных экзаменов, «бакалавров» — если очень сильно огрубить смысл ради поиска понятной аналогии [БКРС]. В современном монгольском языке слово *оюутан* имеет только одно значение — ‘студент’, в том числе в бинеме монг. *оюутан сэхээтэн* ‘интеллигенция’. Вторая часть бинема — *сэхээтэн* ‘интеллигент’ — примерно до середины XX в. служила эквивалентом кит. 童生 *tóngshēng*. Так называли тех, кто готовился к конкурсным вступительным экзаменам в уездное, окружное или областное училище на первую ученую степень 生員 *shēngyuán*, или же вовсе провалил этот экзамен три раза [БКРС; Голстунский 1894: 329; Ковалевский 1846: 1361]. Таким образом, изначально, интеллигенция в понимании монголов начала 1920-х гг. — это, буквально, разного рода студенты. Образовано слово письм.-монг. *sekegeten* (монг. *сэхээтэн*) по той же модели, что и *oyutan*: *sekege* ‘рассудок, интеллект; сознание’ + аффикс обладателя -tAn.

В целом стоит сказать, что такая модель словообразования довольно широко распространена в семантической группе «Наука, образование, просвещение» (как и в других семантических группах лексики, куда включены обозначения различных общностей людей). В числе других примеров терминов, сконструированных по данной словообразовательной модели, могут быть названы письм.-монг. *erdemten*, монг. *эрдэмтэн* ‘ученый; мудрец, философ; лучшие люди по своим поступкам высоко стоящие в умственном и нравственном отношении’ [Голстунский 1895: 113; Ковалевский 1844: 261], монг. *эрдэм шинжилгээний ажилтан* ‘научный работник’ [БАМРС 2002: 425], *авъяастан* ‘гений, талантливый человек’ [БАМРС, 1 2001: 35], *гавьяатан* ‘заслуженный деятель’

[БАМРС, 1 2001: 329], *шагналтан* ‘лауреат (какой-либо премии)’ [БАМРС, 4 2002: 331], *хэл бичгийн мэргэжилтэн* ‘филолог, лингвист’ [БАМРС, 4 2002: 207], *билигтэн* ‘таланты (люди); мудрецы’ [БАМРС, 1 2001: 245], *бичигтэн* ‘грамотные, образованные, ученые’ [БАМРС, 1 2001: 249], *дадлагатан* ‘квалифицированный, опытный специалист, практик’ [МХТТ 2011: 338]. В естественно-научной терминологии словообразовательный суффикс -tAn часто встречается в наименованиях классов, отрядов, типов и т. п. животных и растений: *амьтан* ‘живое существо; животное’ [БАМРС, 1 2001: 104], *араатан* ‘хищники’ [БАМРС, 1 2001: 119], *арьстан* ‘-кожие’ (*өргөст арьстан* ‘иглокожие’) [БАМРС, 1 2001: 162], *гавалтан* ‘черепные, позвоночные’ [БАМРС, 1 2001: 326], *хатуу далавчтан* ‘жесткокрылые’ [БАМРС, 4 2002: 70], *залмагайтан* ‘жаберные’ [МХТТ 2011: 536], *үетэн* ‘злаковые’ [БАМРС, 3 2001: 393], *хонхон цэцэгтэн* ‘колокольчиковые’ [БАМРС, 4 2002: 106] и др.

Интересно проанализировать внутреннюю форму слов письм.-монг. *oyutan* ‘студент’ и письм.-монг. *erdemten* ‘ученый’. Если переводить буквально, то монгольские студенты — это обладатели разума, а ученые — обладатели знания, мудрости и многих других добродетелей. В словаре О. М. Ковалевского, письм.-монг. *erdem* — ‘способность к чему-либо, дарование, дар, искусство, преимущество, достоинство, качество, заслуга, добродетель, знание, умение, познание, мудрость’ [Ковалевский 1844: 260]. Находим мы это слово и в Древнетюркском словаре, но там *erdäm* — ‘мужество, благородство, талант’ [ДТС 1969: 651]; ‘достоинство, доблесть, добродетель’ [ДТС 1969: 176] — качества, ассоциирующиеся с образом мужчины в сознании древних тюрков: *er* ‘мужчина’ + суффикс -däm, образующий прилагательные и абстрактные существительные [ДТС 1969: 651]. Корни тюрк. *э:р/ä:г*, письм.-монг. *ere*, эвенк. *ур* с базовым значением ‘мужчина’ параллельно существуют в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [ЭСТЯ 1974: 321]. Письм.-монг. *erdemten* стало использоваться как калька др.-тюрк. *erdämlig* ‘обладающий достоинствами, добродетелью, доблестный’ (-lig — тюркский суффикс комитатива), по-видимому, когда

монгольские ламы начали переводить на родной язык уйгурские буддийские тексты.

3.4. Названия наук

Светские науки в современном монгольском языке объединены термином монг. *шинжлэх ухаан* ‘наука’, который фиксируется в словарях, начиная с XX в. [Бурдуков 1935: 156]. Компонент монг. *ухаан* ‘ум, разум, рассудок; сознание’ присутствует в названиях наук *анагаах ухаан* ‘медицина’ [БАМРС, 1 2001: 107], *гүн ухаан* ‘философия’ [БАМРС, 1 2001: 474], *сурган хүмүүжүүлэх ухаан* ‘педагогика’ [БАМРС, 3 2001: 133], *байгалийн ухаан* ‘естествознание’, *нийгмийн ухаан* ‘обществознание’, *компьютерийн ухаан* ‘информатика’ [МУИС] и др. Кроме него, в названиях наук также встречаются и другие элементы, такие как *зүй* ‘приличие, закон; теория, учение’ (*авиазүй* ‘фонетика’ [БАМРС, 1 2001: 25], *хэлзүй* ‘грамматика’ [БАМРС, 4 2002: 210], *аргазүй* ‘методология’ [БАМРС, 1 2001: 134], *газарзүй* ‘география’ [БАМРС, 1 2001: 352], *эрхзүй* ‘правоведение’ [МХТТ 2011: 1847]), *судлал* ‘изучение, исследование, наука, научная дисциплина’ [БАМРС, 3 2001: 126] (эм *судлал* ‘фармакология’ [БАМРС, 4 2002: 409], *орон судлал* ‘страноведение’ [МУИС], *утга зохиол судлал* ‘литературоведение’ [МУИС], *сэтгэл судлал* ‘психология’ [БАМРС, 3 2001: 163]), *шинжлэл* ‘наблюдение, исследование, изучение, рассмотрение’ [БАМРС, 4 2002: 359] (*хэл шинжлэл* ‘языкознание’ [БАМРС, 4 2002: 359], *байгалийн шинжлэл* ‘естествознание’ [БАМРС, 1 2001: 215]).

До революционных 1920-х гг. в стенах буддийских монастырей изучали десять «буддийских» наук — пять больших (письм.-монг. *tabun yeke uqayan-u ogon* ‘пять больших областей науки’): *dayun-u uqayan* ‘филология’ (букв. ‘наука о звуке, голосе’ (т. е. речи. — А. М.)), *uṣir šiltayan uqayan* ‘философия, логика’ (букв. ‘наука о причинах и следствиях’), *urlaqu uqayan* ‘искусство’, *tejiḡeküi uqayan* ‘медицина’ (букв. ‘наука о питании’), *dotuḡatu uqayan* ‘внутренняя (т. е. буддийская) наука’ (в отличие от *ḡadaḡatu uqayan* ‘внешняя (т. е. небуддийская) наука’) [Ковалевский 1844: 357, 358], — и пять малых (письм.-монг. *tabun baḡa uqayan-u ogon*): монг. *зохист аялгуу* ‘художественное слово, поэзия’, *илт өгүүлэх нэр* ‘риторика’, *эвсүүлэн найруулахуй* ‘стилистика’, *одон зурхай* ‘астрология’, *дуурайн бүжиг* ‘танец’

[МХТТ 2011: 1062]. Как видно, за словом письм.-монг. *uqayan* ‘ум, разум, знание, познание, ученость, мудрость’ закрепилась семантика «система знаний, наука» еще со времени знакомства монголов с тибетской концепцией десяти наук [Харькова 2009: 97–108].

Корень письм.-монг. *uqa-* ‘понимать, осознавать, постигать’ сопоставляется с тюрк. *uq-* ‘понимать, разуме́ть’. Исследователи расходятся во мнениях по поводу того, было ли письм.-монг. *uqa-* заимствовано тюрками, или же тюрк. *uq-* было заимствовано монголами [ЭСТЯ 1974: 584–585; Щербак 1974: 341–348].

Что касается других элементов, входящих в название наук, то монг. *зүй* (письм.-монг. *jüi*) и монг. *судлал* (< письм.-монг. *sudul-* ‘упражняться, изучать, совершенствоваться’), по-видимому, не имеют параллелей в других языках, в то время как корень слова монг. *шинжлэл* — письм.-монг. *šinji* ‘примета, признак, отличительная черта’ — восходит к тюрк. *šina-* ‘испытывать’ [ЭСТЯ 2003: 431].

3.4. Боловсрол

В заключение хотелось бы обратить внимание на важное понятие, принадлежащее исследуемой семантической группе: монг. *боловсрол* ‘образование, просвещение’. Письм.-монг. *bolbasural* ‘созревание, совершенствование, образование, созидание, творение’ является однокоренным с письм.-монг. *bolbasun* ‘спелый, зрелый’, которое в свою очередь восходит к общей тюрко-монгольской основе *bol-* ‘становиться, происходить’ [ЭСТЯ 1978: 188]. Изначально употребляемое в религиозном смысле, как перевод тиб. *smḡn pa* ‘зреть’ и *byang* ‘очищаться, совершенствоваться’, значение письм.-монг. *bolbasural* постепенно обрело светский смысл и в XX в. стало употребляться в словосочетаниях монг. *Боловсрол, шинжлэх ухааны яам*¹ ‘Министерство образования и науки’, *боловсролын их сургууль*² ‘педагогический университет’

¹ Боловсрол, шинжлэх ухааны яам (= Министерство образования и науки) [электронный ресурс] // URL: <https://www.meds.gov.mn/home> (дата обращения: 15.11.2023).

² Бидний тухай (= О нас) [электронный ресурс] // Монгол Улсын Боловсролын Их Сургууль (= Монгольский государственный университет образования) // URL: <https://msue.edu>.

(букв. ‘университет образования’), *анхан шатны боловсрол* ‘начальное образование’ [БАМРС, 1 2001: 114], *дунд боловсрол* ‘среднее образование’, *дээд боловсрол* ‘высшее образование’, *боловсрол олгох* ‘дать образование’, *боловсрол олох* ‘получить образование’ [БАМРС, 1 2001: 258] и пр.

4. Заключение

Обобщая сказанное о базовых терминах семантической группы «Наука, образование, просвещение», следует отметить, что в основном семантика рассмотренных терминов эволюционировала от религиозной к светской. Часть терминов была заимствована из уйгуроязычных буддийских текстов. Другая часть появилась как калька китайских и тибетских понятий, относящихся к религии и бюрократии. В древности — через согдийский и уйгурский, в современный период — через русский и другие европей-

ские языки, в монгольский проникают грецизмы, обозначающие названия наук. Из рассмотренных в статье терминов исконно монгольские — понятия, образованные от основ письм.-монг. *sur-* ‘учиться’ и *sudul-* ‘исследовать’, а также термин *зүй* ‘теория, учение’.

В статье рассмотрена только малая доля огромного лексического пласта, одно перечисление единиц которого может занять десятки страниц. Поэтому исследование не претендует на полноту. Автор на примере чуть более десятка слов попытался показать, какие языки, культуры, какие существующие сферы жизни могут стать источником лексики науки, образования и просвещения, с одной стороны, сферы такой же старой, как человечество, а с другой — каждую секунду прирастающей огромным количеством новых знаний, для которых требуются все новые и новые слова.

mn/p/t/5600 (дата обращения: 16.11.2023).

Сокращения

букв. — буквальный перевод
бур. — бурятский язык
др.-тюрк. — древнетюркский язык
каз. — казахский язык
калм. — калмыцкий язык
каракалп. — каракалпакский язык
кирг. — киргизский язык
кит. — китайский язык
монг. — монгольский язык
письм.-монг. — письменный монгольский язык

санскр. — санскрит
согд. — согдийский язык
тиб. — тибетский язык
туркм. — туркменский язык
тюрк. — общетюркские корни
узб. — узбекский язык
уйг. — уйгурский язык
уйг. син. — язык уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР
эвенк. — эвенкийский язык

Литература

- Андронов 2011 — Андронов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- БАМРС, 1 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.
- БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.
- БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 3. Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с.
- БАМРС, 4 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Баскаков 1979 — Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 203 с.
- Бектаев 1995 — Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы: Алтын Казына, 1995. 703 с.
- БКРС — Большой китайско-русский словарь [электронный ресурс] // Китай — язык, жизнь, образование, работа, бизнес. БКРС (открытый редактируемый словарь) // URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 23.11.2023).
- БСЭ 1969 — Бахши [электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия: в 30 тт. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1986 // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/102/005.htm> (дата обращения: 18.11.2023).
- Бурдуков 1935 — Бурдуков А. В. Русско-монгольский словарь разговорного языка. С

- предисловием и грамматическим очерком Н. Н. Поппе. Л.: Ленингр. Восточный ин-т, 1935. 320 с.
- Герасимович 2006 — *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII – начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 362 с.
- Голстунский 1894 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том второй. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1894. 423 с.
- Голстунский 1895 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том первый. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1895. 268 с.
- Дондокова 2003 — *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 136 с.
- ДТС 1969 — *Древнетюркский словарь* / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО, 1969. 677 с.
- Дугаров 2017 — *Дугаров Б. С.* Феномен книги в тюрко-монгольском эпосе: буддийское влияние и алтайско-бурятские параллели // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 1(11). С. 82–88.
- Дыбо и др. 2022 — *Дыбо А. В., Куканова В. В., Мирзаева С. В., Бембеев Е. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.* Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика // *Oriental Studies*. 2022. № 6. С. 1345–1363. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1345-1363
- КарРС 1958 — *Каракалпакско-русский словарь* / под ред. проф. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 892 с.
- Ковалевский 1844 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. I: А–Ü. Казань: Унив. тип., 1844. XIII, 594 с.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. II: NA–SÜ. Казань: Унив. тип., 1846. 595–1545 с.
- КРС 1985 — *Киргизско-русский словарь*. Кн. 1: А–К / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Гл. редакция Киргизской Советской энциклопедии. 503 с.
- Кузьмин 2018 — *Кузьмин С. Л.* К вопросу о «крепостных церковных феодалов» в дореволюционной Монголии // *Восток*. 2018. № 1. С. 23–30. DOI: 10.7868/S086919081801003X
- Куканова и др. 2020 — *Куканова В. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.* Астрономическая терминология монгольских языков: материалы к этимологическому словарю // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1652–1666. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1652-1666
- МУИС — Хөтөлбөрийн систем (= Система образовательных программ) [электронный ресурс] // Монгол Улсын Их Сургууль (= Монгольский государственный университет). URL: https://hutulbur.num.edu.mn/publ/php/program_list.php (дата обращения: 16.11.2023).
- МХТТ 2011 — *Монгол хэлний тайлбар толь* (= Толковый словарь монгольского языка) / ред. Х. Б. Баярсайхан, сост. О. А. Янжиндолгор. Улаанбаатар: Монсудар, 2011. 1890 с.
- Рассадин и др. 2018 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Болд Л.* Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках // *Сибирский филологический журнал*. 2018. № 3. С. 222–231. DOI: 10.17223/18137083/64/20
- Рассадин и др. 2019 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Бальжинимаева Б. Д., Мазарчук А. В., Даваасүрэн Б., Чулуунбаатар Л., Мухаринов В. М.* Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков): сравнительно-исторический аспект. Элиста: КГУ им. Б. Б. Городовикова, 2019. 168 с.
- Рахимов 1970 — *Рахимов Т. Р.* Китайские элементы в современном уйгурском языке. Словарь. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. 352 с.
- Скрынникова 1981 — *Скрынникова Т. Д.* Повинности шабинаров в Монголии // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь 1979. Ч. 1(1) / пред. редкол. Ю. А. Петросян. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 153–157.
- ТРС 1968 — *Туркменско-русский словарь* / ред.: Н. А. Баскаков, Б. А. Гарриев, М. Я. Хамзаев. М.: Сов. энцикл., 1968. 832 с.
- ТСУЯ 2006 — *Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5-жилд / таҳрир ҳайъати: Э. Бегматов, А. Мадвалиев, Н. Маҳкамов, Т. Мирзаев (раҳбар), Н. Тўхлиев, Э. Умаров, Д. Худойберганова, А. Ҳожиёв; А. Мадвалиев таҳрири остида. Биринчи жилд А–Д* [Толковый словарь узбекского языка, 5-томный / редкол.: Е. Бегматов, А. Мадвалиев, Н. Махкамов, Т. Мирзаев (рук.), Н. Тохлиев, Э. Умаров, Д. Худойберганова, А. Хожиёв; под ред. А. Мадвалиева. Том первый: А–Д]. Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006. 680 б.

- УРС 1961 — Уйгурско-русский словарь (с приложением краткого грамматического очерка уйгурского языка, составленного А. Кайдаровым) / под ред. Ш. Кибирова, Ю. Цунвазо; ред. В. П. Юдин. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 328 с.
- Харькова 2009 — *Харькова Е. Ю.* Десять классических наук в тибетобуддийской культуре // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. № 10(3). С. 97–108.
- Щербак 1974 — *Щербак А. М.* О причинах структурно-фонетических расхождений в тюрко-монгольских лексических параллелях // Исследования по восточной филологии. М.: ГРВЛ, 1974. С. 340–350.
- ЭСМЯ 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков в 3 томах / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. I: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков в 3 томах / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III: Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: в 7 тт. Т. 1: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: в 7 тт. Т. 2: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. 349 с.
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: в 7 тт. Т. 7: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / авт. сл. статей: Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М.: Вост. лит., 2003. 446 с.
- LS — Sanskrit-English / English-Sanskrit Dictionary [электронный ресурс] // Learn Sanskrit CC // URL: <https://www.learnsanskrit.cc/> (дата обращения: 18.11.2023).
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT (Netherlands National Graduate School of Linguistics), 2011. 563 p.
- Nugteren 2020 — *Nugteren H.* Linguistic aspects of the term shaman in northern Eurasia // Advanced studies on the archaeology and history of hunting. Vol. 2.1–2.2. Advanced studies in ancient iconography II. Kiel; Hamburg: Wachholtz, 2020. Pp. 135–145.
- Ölmez 2018 — *Ölmez M.* Uyghurism in 'Phags-pa Documents (According to Tumurtogoo) // The Journal of Northern Cultures Studies. 2018. Vol. 9. Pp. 1–18.
- TTT 2019 — Tibetan Translation Tool. Version 3.3.0 (15.11.2019) [электронный ресурс] // Tibetan and Himalayan Library (THL). URL: <https://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php> (дата обращения: 19.11.2023).
- Tumurtogoo 2006 — Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI centuries): Introduction, Transcription and Bibliography. Ed. by D. Tumurtogoo. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 722 p.

References

- Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Bakhshi (Бахши). On: Vologda Oblast Universal Scientific Library. Great Soviet Encyclopedia. Available at: <https://www.booksite.ru/full-text/1/001/008/102/005.htm> (accessed: 18 November 2023). (In Russ.)
- Baskakov N. A. (ed.) Karakalpak-Russian Dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and Soviet Languages, 1958. 892 p. (In Kar. and Russ.)
- Baskakov N. A. Russian Family Names of Turkic Origin. Moscow: Nauka, 1979. 203 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A., Garryev B. A., Khamzaev M. Ya. (eds.) Turkmen-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 832 p. (In Turkmen. and Russ.)
- Bektayev K. Unabridged Kazakh-Russian / Russian-Kazakh Dictionary. Almaty: Altyn Kazy-na, 1995. 703 p. (In Kaz. and Russ.)
- Burdukov A. V. Russian-Mongolian Phrase Book. N. Poppe (foreword, grammar). Leningrad: Leningrad Institute of Eastern Languages, 1935. 320 p. (In Russ. and Mong.)
- Dondokova D. D. Buryat Spiritual Vocabulary. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 136 p. (In Bur. and Russ.)
- Dugarov B. S. A book phenomenon in Turk-Mongolian epos: Buddhism' influence and Altaian-Buryatian parallels. *Proceedings of Altai State Academy of Culture and Arts*. 2017. No. 1(11). Pp. 82–88. (In Russ.)
- Dybo A. V., Kukanova V. V., Mirzaeva S. V., Bembeyev E. V., Mushaev V. N., Khonin V. N. Words Denoting the Sky in Mongolic Languages: Etymology and Semantics. *Oriental Studies*.

2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1333–1351. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351
- Gerasimovich L. K. *Mongolian Literature, Thirteenth to Early Twentieth Centuries: Lecture Materials*. Elista: Dzhangar, 2006. 362 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. *Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 1. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1895. 268 p. (In Mong. and Russ.)
- Golstunsky K. F. *Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 2. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1894. 423 p. (In Mong. and Russ.)
- Kharkova E. Yu. Ten classical sciences in Tibetan Buddhist culture. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2009. Vol. 10. No. 3. Pp. 97–108. (In Russ.)
- Kowalewski O. *Mongolian-Russian-French Dictionary*. Vol. 1: A–Ü. Kazan: Imperial Kazan University, 1844. XIII, 594 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. *Mongolian-Russian-French Dictionary*. Vol. 2: NA–SÜ. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kukanova V. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N. Astronomical terms in Mongolic languages: Materials for an etymological dictionary reviewed. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 1652–1666. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1652-1666
- Kuzmin S. L. On the problem of the “serfs of clerical lords” in pre-revolutionary Mongolia. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 1. Pp. 23–30. (In Russ.) DOI: 10.7868/S086919081801003X
- Levitskaya L. S. et al. *Etymological Dictionary of Turkic Languages*. In 7 vols. Vol. 7: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with the Letters ‘L’, ‘M’, ‘N’, ‘P’, ‘S’. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2003. 446 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Madvaliev A. et al. (eds.) *Explanatory Dictionary of the Uzbek Language*. In 5 vols. Vol. 1: A–Д. Tashkent: Encyclopedia of Uzbekistan, 2006. 680 p. (In Uzb.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) *Dictionary of Old Turkic*. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Nugteren H. Linguistic aspects of the term shaman in northern Eurasia. In: *Advanced Studies on the Archaeology and History of Hunting*. Vol. 2.1–2.2: *Advanced Studies in Ancient Iconography II*. Kiel, Hamburg: Wachholtz, 2020. Pp. 135–145. (In Eng.)
- Nugteren H. *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht: LOT (Netherlands National Graduate School of Linguistics), 2011. 563 p. (In Eng.)
- Ölmez M. Uyghurism in ‘Phags-pa documents (According to Tumurtogoo). *The Journal of Northern Cultures Studies*. 2018. Vol. 9. Pp. 1–18. (In Eng.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. Vol. 3: Ò–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. Vol. 4: X–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Rakhimov T. R. *Chinese Elements in Modern Uyghur: A Dictionary*. Moscow: Nauka — GRVL, 1970. 352 p. (In Chin., Uyg. and Russ.)
- Rassadin V. I., Trofimova S. M., Balzhinimaeva B. D., Mazarchuk A. V., Davaasuren B., Chuluunbaatar L., Mukharinov V. M. *Traditional Household Vocabulary of Mongolic Languages from a Comparative Historical Perspective: The Case of Khalkha Mongolia, Buryat and Kalmyk*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2019. 168 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I., Trofimova S. M., Bold L. Turkic-Mongolian parallels among the terms of spiritual culture in Mongolian languages. *Siberian Journal of Philology*. 2018. No. 3. Pp. 222–231. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/64/20
- Sanskrit-English / English-Sanskrit Dictionary*. On: Learn Sanskrit CC. Available at: <https://www.learnsanskrit.cc/> (accessed: 18 November 2023). (In Sans. and Eng.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etymological Dictionary of Mongolic Languages*. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. 1: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong., Russ., etc.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etymological Dictionary of Mongolic Languages*. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Vol. 3: Q–Z. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong., Russ., etc.)
- Servortyan E. V. *Etymological Dictionary of Turkic*

- Languages. In 7 vols. Vol. 1: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with Vowels. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages. In 7 vols. Vol. 2: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with the Letter 'B'. N. Gadzhieva (ed.). Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Turk., Russ., etc.)
- Shcherbak A. M. More on causes of structural phonetic differences in Turko-Mongolian lexical parallels. In: *Studies in Oriental Linguistics*. Moscow: GRVL, 1974. Pp. 340–350. (In Russ.)
- Skrynnikova T. D. Duties of shabinars in Mongolia. In: Petrosyan Yu. A. (ed.) *Peoples of the East: Written Monuments and Issues of Cultural History. Scientific session proceedings (Leningrad, December 1979). Pt. 1 (1)*. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 153–157. (In Russ.)
- System of Educational Programs. On: National University of Mongolia (website). Available at: https://hutulbur.num.edu.mn/publ/php/program_list.php (accessed: 16 November 2023). (In Mong.)
- Tibetan Translation Tool. Version 3.3.0 (15 November 2019). On: Tibetan and Himalayan Library (THL). Available at: <https://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php> (accessed: 19 November 2023). (In Tib. and Eng.)
- Tumurtogoo D. (ed.) *Mongolian Monuments in Uyghur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries): Introduction, Transcription and Bibliography*. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 722 p. (In Mong. and Eng.)
- Unabridged Chinese-Russian Dictionary. On: China — Language, Life, Education, Work, Business (open-access editable dictionary). Available at: <https://bkrs.info/> (accessed: 23 November 2023). (In Chin and Russ.)
- Yanjindolgor O. A. (comp.) *Explanatory Dictionary of the Mongolian Language*. Kh. Bayarsaikhan (ed.). Ulaanbaatar: Monsudar, 2011. 1890 p. (In Mong.)
- Yudakhin K. K. (comp.) *Kyrgyz-Russian Dictionary*. Vol. 1: A–K. Frunze: Kyrgyz Soviet Encyclopedia, 503 p. (In Kyrg. and Russ.)
- Yudin V. P. et al. (eds.) *Uyghur-Russian Dictionary*. A. Kaidarov (grammar note). Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1961. 328 p. (In Uyg. and Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2024. Т. 17. № 1

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 15.05.2024.

Формат бумаги 60x84 $\frac{1}{8}$. Усл. печ. л. 27,44.

Тираж 100 экз. Заказ 03-2024.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8